

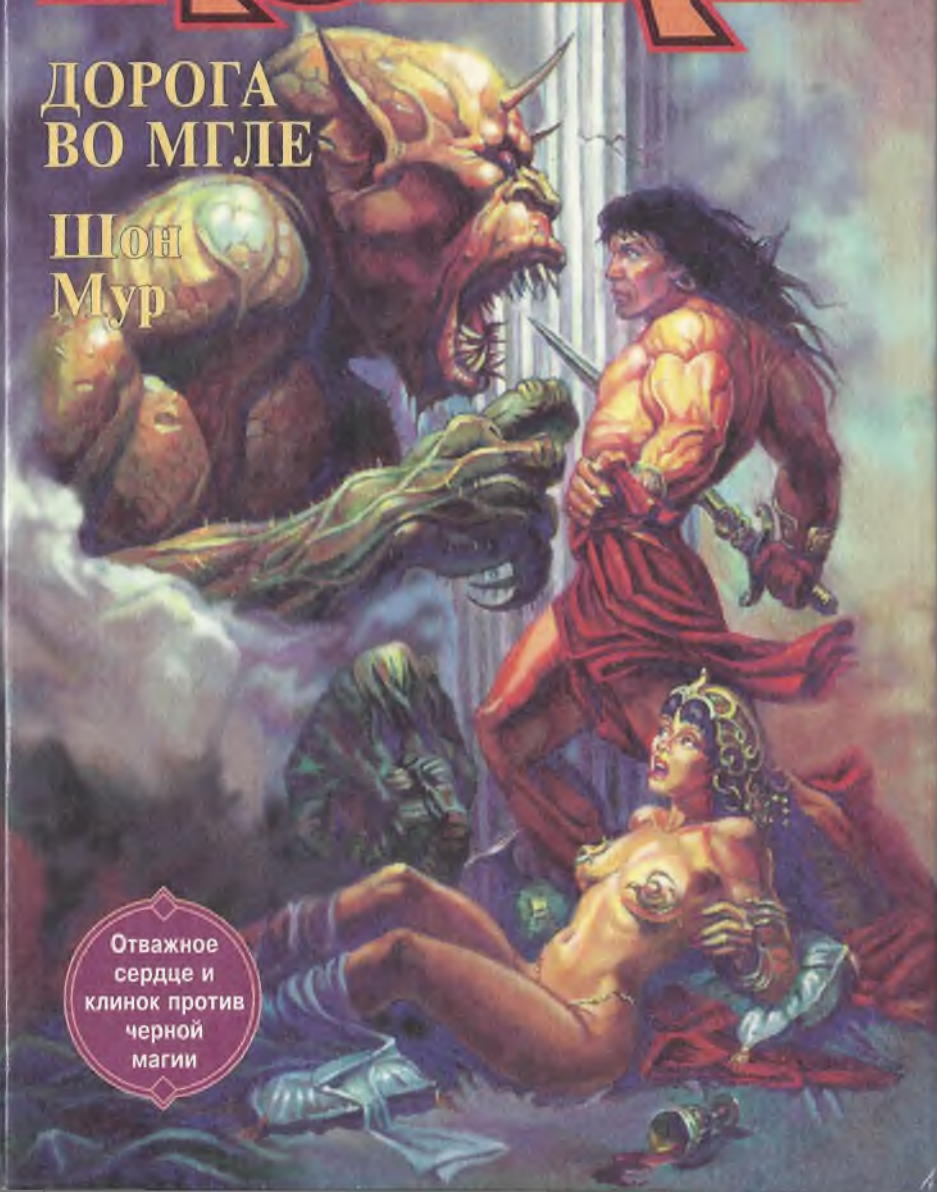
САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ДОРОГА
ВО МГЛЕ

ШОН
Мур

Отважное
сердце и
клинок против
черной
магии

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ДОРОГА ВО МГЛЕ

Шон Мур

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК84.7 США
М 91

Seen A. Moore

Conan the hunter.

Copyright © 1994 by Conan Properties, Inc.

Conan and the Shaman's curse.

Copyright © 1996 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Мур III.

М 91 Дорога во мгле: Романы / Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 480 с.

ISBN 5-7684-0144-X

Во главе отряда наемников Конан хочет присоединиться к армии короля Аршака. Но волею судьбы киммериец оказывается вовлеченным в череду удивительных приключений. Он становится жертвой заклятия умирающего шамана. Киммерийцу понадобится вся его воля, острый клинок и не менее острый ум, чтобы разорвать магические оковы страшного проклятия.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0144-X

Проклятие Шамана

РОМАН

Глава первая КРАСНЫЙ ТУМАН

Стая стервятников жадно кружила над каменистым побережьем, крича от нетерпения. Запах крови наполнял сырой воздух заририйской степи, привлекая все новых и новых хищников. Тысячи человеческих тел устилали берег, словно чудовищный ковер, вышитый красной и черной нитью. Многие из павших все еще сжимали свои мечи застывшими пальцами, другие, со спутанными волосами, лежали в обнимку под трупами своих врагов. Повсюду валялись помятые доспехи, затупившиеся клинки и надломанные копья. Жуткая картина безмолвно писала еще одну страницу истории племенной вражды.

Но не всем суждено было пасть в этой беспощадной бойне: вот почему хищные птицы до сих пор не решались закатить свой кровавый пир. Четырнадцать измученных мужчин в желтых, перепачканных кровью робах — четырнадцать лучших воинов какланийского племени — сумели выжить. Позади них, опираясь на короткую деревянную трость, тяжело хромя, плелся белобородый старик.

Тяжело дыша, спотыкаясь о трупы своих товарищей, группа медленно продвигалась вперед, к небольшой возвышенности, где стоял один-единственный человек. Этот человек стоял во весь свой могучий рост, широко расставив ноги, и со спокойствием льва наблюдал приближение людей, жаждущих его смерти. Длинные черные волосы падали на плечи из-под помятого и сидевшего немного набекрень шлема. Могучую грудь прикрывала тяжелая кольчуга на кожаной подкладке. На руках вздувались узловатые стальные мышцы. Пальцы правой руки крепко сжимали рукоять тяжелого длинного меча. На гранях

клинки играли отблески клонящегося к закату солнца. Глаза его сверкали подобно голубым льдам горных вершин. Злобный оскал выставлял напоказ ровный ряд белых зубов.

Звали воина Конан. Его родиной была Киммерия — страна снегов и неприступных скал, расположенная так далеко на севере, что здесь, на южном побережье Хайбории, мало кто даже слышал о ней. Жители Киммерии, закаленные постоянными лишениями и испытаниями, были столь же суровы, что и их родина. В сражениях киммерийцы никогда не продавали себя дешево, и здесь Конан не был исключением. У его ног сейчас возвышалась гора мертвых дикарей, которым не посчастливилось познакомиться с его беспощадным мечом. Но еще глубже, под телами своих врагов, покоились заририйцы — друзья Телана, что недавно еще сражались с ним плечом к плечу.

Именно заририйцы-то и втянули Конана и его людей в эту заваруху. Кровавая сеча развернулась сначала у подножья Золотых Гор, но к вечеру она переместилась аж до самого побережья. И здесь, на берегу, последний заририец пал вместе с последним бойцом из наемной армии.

Еще с восходом солнца Конан обнажил меч, и с тех пор у него не было ни минуты передышки. А сейчас диск светила медленно погружался в океан на далеком западном горизонте. Но киммериец не выказывал ни малейшего признака усталости. Он вытянул свой меч вперед, зная, что будет драться до последнего.

Тем временем четырнадцать дикарей окружили его со всех сторон. Чувствуя, что победа уже не за горами, с лицами, искаженными злорадной гримасой, они с каждым шагом подбирались все ближе. Четырнадцать кривых сабель, как стальные клыки, тянулись к жертве, готовые сомкнуться в любую минуту.

— Заририйский шакал! — Один из дикарей был уже совсем близко, он остановился и нагло плюнул Конану под ноги. — Считай себя мертвым! Сейчас я вырежу твою печень.

С этими словами какланиец сделал стремительный выпад, метя острым клинком в широкую грудь своего

противника. Но Конан был быстрее, он молниеносно парировал атаку, с плеча ударив по руке наглеца. Обрубок кисти упал на землю, так и не успев выпустить своего оружия. В то же мгновение Конан с криком всадил свой меч орущему дикарю меж ребер. Тот пал ниц и стих.

Не теряя ни минуты, киммериец обрушился на первого попавшегося противника и одним ударом расколол его череп от макушки до челюсти. Дикарь превратился в фонтан из крови, приводя в жуткое оцепенение своих соплеменников. Конан воспользовался коротким замешательством, чтобы прорвать кольцо. Теперь путь был открыт, но Конан отогнал от себя мысль о бегстве. Он помнил, что поклялся отомстить за товарищей. С кличем, сотрясающим воздух, киммериец бросился навстречу двенадцати обнаженным клинкам.

С каждым взмахом меча визжащие от боли дикари падали на землю. Конечно, и Конану приходилось не сладко: десятки ударов сыпались на его плечи и грудь, но стальная кольчуга надежно защищала от острых клинков и кривых сабель. Звон железа и запах крови возбудили варвара до предела, наполняя голову огнем и пуская сердце в бешеный скач. Он дрался с беспощадной яростью до тех пор, пока последний какланиец не упал на колени, держась за распоротый живот и с ужасом глядя на собственные внутренности. С отворачиванием Конан наблюдал за последними судорогами своего врага.

И вдруг наступила тишина. Солнце почти скрылось за горизонтом, и в сумерках картина отшумевшей битвы казалась еще более зловещей. Конан огляделся вокруг. Только один-единственный какланиец оставался в живых — тщедушный седобородый старец. Задышавшись от кашля, старик силился встать, тяжело опираясь на деревянный посох, украшенный затейливой резьбой. Наконец это ему удалось, и он, покачиваясь, медленно двинулся на Конана. Кровь сочилась из его рваного бока, а изрубленная нога бесчувственно волочилась под неестественным углом. Тотчас тело представляло собой одну сплошную мозаику из разноцветных татуировок. Таким же фантастическим узором, видимо для придания облику

художественной завершенности, был покрыт сморщенный лысый череп старца. Застывшая кровь образовала корку и закрывала одну половину морщинистого лица. Конан, которому доводилось слышать об иранистанских племенах, сразу смекнул, что имеет дело с какланийским шаманом.

Вообще-то киммериец побаивался таких людей. Лучше уж встретиться с десятком врагов в открытом бою, чем сражаться с чарами колдуна. Но он так устал махать мечом, да и не в его правилах было убивать безоружного старика, который, кстати, и так вот-вот должен был отдать концы. Как бы то ни было, варвар опустил меч и беззлобно сказал:

— Ступай с миром, старец. Я не причиню тебе вреда.

Шаман перенес вес на здоровую ногу и поднял свой посох, будто хотел швырнуть его в ненавистного врага. Киммериец чуть отступил назад, и старик, потеряв равновесие, рухнул на одно колено. С ненавистью глядя на Конана, колдун двумя руками ухватился за концы своей палки и начал ее гнуть, стараясь сломать посередине. Непонятные хриплые заклинания, вырвавшиеся из уст колдуна, словно придали сил старцу, и... к изумлению Конана, посох действительно раскололся на две половины, выпуская облако красного дыма. Это облако окутало киммерийца, будто густой туман, мешая дышать и видеть. Хриплое бормотание шамана перешло на пронзительный визг: старик торопился, будто предчувствовал близкий конец. Потом он неожиданно смолк и тут же упал за-мертво.

Конан размахивал руками с таким усердием, как если бы отгонял тучу диких пчел, но красное облако вокруг него сгущалось все плотнее, нестерпимо жгло глаза и наполняло голову такой болью, что Конану казалось, будто тысяча стальных игл пронзила его череп. Он жадно ловил ртом воздух, но вдыхал лишь один сладковатый туман. Задышавшись, он судорожно схватился за горло, проклиная тяжелую кольчугу, сдавившую грудь. И тут вдруг перед глазами все поплыло, непослушные мысли кувыр-кались и путались, уносимые неведомым течением. Это было последним, что он успел запомнить, прежде чем погрузиться в крошечную мглу.

Глава вторая УТРО ПОСЛЕ БОЯ

Конан продирался сквозь чащу знойных джунглей, задыхаясь от долгой погони. Он не помнил, за кем гнался, однако жертва его была быстра и неуловима. Киммериец был гол и безоружен, но этот факт почему-то его нисколько не смущал. Выскочив на поляну, он задрал голову вверх и увидел луну, заполнившую ночное небо. Бледное светило смотрело на землю, словно жуткий горящий глаз, от взгляда которого рассудок варвара окончательно помутился, и он снова ринулся в джунгли, ощущая прилив странной энергии.

Запах жертвы наполнил его ноздри. Брызгая слюной, Конан жадно бросился к четвероногой твари, чувствуя ее страх. Красный туман плыл перед глазами, заставляя кровь в венах вскипеть. Прорвавшись сквозь стену густой растительности, Конан снова выбрался на просвет и оглядел себя с ног до головы. Увиденное заставило его содрогнуться: грубая белая шерсть на глазах прорастала из его рук, а из уродливых пальцев прорезались острые черные когти.

Прыгнув вперед, он вцепился этими когтями в горло скулящему животному и начал рвать его плоть.

Конан проснулся от собственного крика. Он вскочил на ноги, стряхивая с лица обильные капли пота и жмурясь на яркий иранистанский восход. Киммериец инстинктивно выхватил меч, прежде чем успел понять, что видел кошмарный сон. Выдернув левую ступню из-под окоченевшего трупа, он с отвращением отпрянул назад, чуть не запнувшись об оторванную ногу. Куда ни ступи, повсюду вокруг него валялись мертвые изуродованные тела. Наконец ему удалось найти клочок голой земли, где он мог спокойно постоять, позволяя глазам привыкнуть к дневному свету, а сердцу обрести обычный ритм. На море начался прилив, и прибой печально омывал тела, разбросанные вдоль берега.

Наутро после сражения большинство мужчин едва передвигало ноги — чего нельзя было сказать о Конане.

Его выносливость была выносливостью волка, а сила — силой льва. Киммерийцу доводилось участвовать в таких походах, где сражения велись от зари до заката, неделями без передышки при скудных запасах воды и пищи. Эта же битва длилась только один кровавый день.

Конан осторожно потрогал здоровенную шишку на голове и попытался стряхнуть остатки странного сна. Никакой ночной кошмар не мог сравниться с адской картиной, что раскинулась сейчас перед ним. Тошнотворное зрелище вывернуло бы наизнанку желудки многих бывалых вояк. Однако киммериец давно научился переносить вид и запах смерти. Ему было около тридцати лет от роду, но уже к своему восемнадцатилетию он успел пройти через столько войн, сколько другие мужчины не видели за всю свою жизнь.

И сейчас глаза и нос варвара отмечали характерные детали племенной розни. Конан считал недостойным мужчины совершать надругательства над телом мертвеца. Дикари же, казалось, наоборот, испытывали огромное удовольствие, разбрасывая по ветру останки изрубленного на куски врага. Эти останки, пригретые первыми лучами солнца, начинали теперь омерзительно смердеть.

Восходящее солнце приятно ласкало тело, но не в состоянии было растопить ледяную тоску, что поселилась в сердце. Жестоко проклиная обстоятельства, вовлекшие его в эту бессмысленную бойню, Конан снова и снова предавался горьким воспоминаниям. Еще неделю назад он был исполнен решимости добраться до Туранских степей и вместе со своими вольнонаемниками присоединиться к армии Аршака, нового короля Иранистана.

Его люди были гирканийцами, прирожденными воинами, жадными до золота и славы. Путь их лежал через зариийские земли, правил которыми шейх Джерал. Джерал был слишком хорошо наслышан о подвигах киммерийца, чтобы упустить возможность познакомиться с ним лично. В один из вечеров он пригласил Конана в свой шатер, где за чашей крепкого вина поведал варвару о вопиющей дерзости близлежащих какланийских племен. Примеры возмутительного поведения соседей были столь красочны, что даже далеко не сентиментальный киммериец мог только охать да разводить руками. Джерал же,

искусно играя на рыцарских чувствах негодующего киммерийца, умолял его выступить вместе с ним и положить конец беспределу кочевников.

Сначала Конан упорно отмахивался от предложений шейха, верный своему намерению поступить на службу к иранистанскому королю. Но в течение долгого ужина Джерал вновь и вновь наполнял кубок гостя вином, а уши лестью, не скупясь на обещания высоких наград. Скромно одетые, но достаточно темпераментные девушки весь вечер носили изысканные блюда и напитки. Наконец Джерал позволил Конану выбрать одну из его лучших танцовщиц. И когда могучие руки киммерийца сомкнулись на стройной девичьей талии, шейх сделал свое заключительное предложение: половина трофеев в случае победы переходила к Конану и его армии. Кроме того, он пообещал еще лично вознаградить варвара.

И Конан принял роковое решение, в чем теперь глубоко раскаивался. Численностью какланийцы в два раза превосходили своего атакующего противника и сразу же заставили его отступать. Конан вынужден был драться или умереть. В какой-то момент он даже помышлял о бегстве, но верные ему люди гибли теперь по его вине, и он не мог их оставить. Они дрались как львы и, отправляясь в преисподнюю, не забывали прихватить с собой нескольких дикарей. До последнего человека они стояли рядом с Конаном. До последнего человека они сложили здесь свои головы.

Выругавшись, Конан прогнал навязчивые воспоминания. Прямо напротив него нахальная птица методично перебиралась от трупа к трупу, выклеывая только самые деликатные места. Тихий шелест прибоя неестественно гармонировал с хлопаньем крыльев и щелканьем клювов.

Ничего не скажешь, обстановка вряд ли могла поднять и без того мерзкое настроение.

Конан бросил унылый взгляд на море, взвешивая свои немногочисленные возможности. Редкие клочья облаков неподвижно повисли в безветренном небе. Вдали виднелось темное пятнышко, имевшее форму расплывчатого креста, что на самом деле могло оказаться кораблем. Киммериец напряг свое острое зрение. Да, несомненно, это был корабль. Попад в утренний штиль, он со спущенными

парусами беспомощно покачивался на сверкающей водной глади. Конану почудилось, что он слышит манящий зов океана, чувствует его могучее дыхание. Ему вдруг нестерпимо захотелось вновь оказаться среди бескрайних морских просторов. Но холодный рассудок безжалостно рушил фантазии. Что ни говори, а на твердой земле у него было больше шансов выжить.

Кроме того, его ждала еще нелегкая работенка. Конан лениво зевнул, скользя взглядом по побережью. Он не чувствовал себя отдохнувшим, хотя и проспал всю ночь. Он почесал зудящий затылок, тщетно пытаясь вспомнить того наглеца, что посадил ему шишку. Обычно схватка настолько увлекала азартного киммерийца, что он не замечал даже крупных ран, не говоря уж о синяках и царапинах, пока наутро они не заявляли о себе все разом. Наверняка ночной кошмар был следствием полученного сотрясения.

Конан глубоко вздохнул: задача, которую он перед собой поставил, не вызвала энтузиазма.

Он начал кропотливо отыскивать трупы своих людей, складывая их вместе с оружием поверх кучи сухих веток, которая вскоре должна была превратиться в гигантский погребальный костер: именно так хоронили гирканийцев на их далекой родине. Своей преданностью и храбростью они заслужили могилу более достойную, чем животы степнятников.

Вот уже несколько часов Конан продолжал откапывать своих мертвецов. Он наконец перестал терзаться чувством вины: его люди пошли в бой по своей воле и пали с честью, он за них отомстил. Но легче от таких мыслей не становилось. Киммериец как раз вытаскивал из воды последнего воина, когда заметил, что губы того шевелятся. Это был Ари, его первый помощник.

Глаза Ари были закрыты. Конан склонился над ним и принялся тормошить, пытаясь привести в чувство, и вдруг... с отвращением отпрянул. Движение губ покойника исходило от небольшого краба, уютно обосновавшегося во рту. Тварь, по всей видимости, забралась туда в поисках самого нежного мяса. Конан брезгливо смахнул маленького падальщика острием меча, заметив сырой розовый лоскутик, зажатый в клешне.

...Это все, что осталось от Арино языка.

Тело гирканийца он закинул на самый верх кучи, насчитывавшей теперь более двухсот человек. Плечи варвара немилосердно стонали, а сам он едва переводил дыхание. Дневная жара окончательно сразила разбитое тело. Зевнув, он немного помедлил, оценивая проделанную работу. Затем побрел в сторону лагеря, что лежал в миле отсюда. Там он надеялся утолить жажду доброй чашей вина, выбрать быстрого коня и насобирать хвоста для растопки.

А главное — отыскать то, что Джерал так тщательно прятал в ночь перед походом. Варвар видел, как пройдоха шейх оседлал среди ночи коня и поскакал к близлежащим холмам. Любопытства ради Конан устремился следом и стал свидетелем занимательной сцены: шейх, по-воровски озираясь, проворно стащил со спины жеребца громоздкий сундук и закопал под засохшим деревом. Запомнив ориентир, варвар незамеченным возвратился в лагерь.

Через час Конан уже был в седле, несясь галопом к знакомым холмам. Он без труда отыскал приметное дерево и выкопал деревянный сундук внушительного размера. Предчувствие не обмануло: сундук был доверху набит золотом. Предусмотрительный шейх решил припрятать заначку на случай, если кочевники одержат верх. Еще бы, удирать с груженым сундуком на плече было бы не очень-то удобно.

Закрепив сокровище на спине жеребца, Конан задержался еще ненадолго, чтобы собрать хворосту, затем отправился обратно на побережье.

Сейчас, размышлял варвар, он запалит костер и вскоре будет далеко-далеко от этого мрачного места. Он уже решил, куда поедет. Ближайшим портовым городом был Денижкенар. С золотом Джерала он мог прожить много месяцев, ни в чем не нуждаясь. А сладкое вино и жаркие красавицы помогли бы забыть о потерянной армии. Удовольствия городской жизни! Он так долго их лишился. Ну неужели он не заслужил короткого отдыха?

Вернувшись к погребальному костру, Конан запалил растопку и подождал, пока толстые сучья займутся огнем. Едкий дым клубясь взвился к небу. «Ну вот и все», —

подумал варвар, запрыгивая на коня. Он направил скакуна вдоль берега и... чуть не вывалился из седла от изумления: сотня всадников неслась во весь опор прямо на него.

— Кром! — выругался киммериец, разворачивая жеребца и глубоко зарывая шпоры в бока животного.

На головах преследователей развевались пестрые отличительные повязки, что свидетельствовало об их принадлежности к племени башкар, восточного союзника какланийцев. Подмога пришла поздно, но Конан знал, что дикари будут искать мести. Через минуту они уже поравнялись с костром, который к этому времени превратился в гигантский пожар; языки пламени жадно рвались к небу, не уступая по яркости самому солнцу.

Конан оглянулся через плечо. Похоже, кочевники были решительно настроены. Они выхватили свои ятаганы и зловеще размахивали ими, словно в ритуальном танце. Расстояние, отделявшее их от жертвы, неумолимо сокращалось.

Конан скакал в сторону Золотых Гор, надеясь спрятаться в одной из многочисленных расщелин. Кроме того, узкие горные тропинки стали бы серьезной помехой для такого скопления всадников. Желтая косынка варвара развевалась на ветру, выдавая в нем союзника заририйцев. Однако Конан не спешил расстаться с предательским головным убором, сомневаясь, что это заметно облегчит его участь.

Как назло, лошадь замедлила ход, перегруженная двойным весом всадника и сундука. Стук копыт позади раздавался все громче.

— Кром! — Проезжая меж скал, Конан неожиданно заметил группу лучников, притаившихся в засаде. Их дрожащие от напряжения стрелы готовы были сорваться в любую минуту.

Варвар резко натянул поводья и развернул коня на юг, за мгновение до того, как лучники выпустили свой смертоносный шторм. Туча стрел, гудящая, как стая саранчи, на какой-то миг затмила небесный свет. Две-три из них отскочили от стальной кольчуги, еще несколько впились в бок жеребца. Обезумев от боли, конь взвился на дыбы, едва не сбросив седока наземь.

Итак, путь в ущелье был отрезан. Не дожидаясь нового залпа, Конан устремился вниз по склону горы, который плавно переходил в берег. То есть в тупик!

Сотня всадников распределилась полукругом, не оставляя никаких шансов на спасение.

Конан попытался оценить свое незавидное положение. Поистине судьба предлагала ему небогатый выбор: остановить лошадь и ждать, пока дикари набросятся на него всем скопом, повернуть назад и попытаться прорвать кольцо или... плыть к спасению! Из своего пиратского прошлого он знал, что вендийские купцы совершают частые рейсы вдоль южного побережья, ведя бойкую торговлю с местными племенами и населением Жемчужных островов.

Окидывая взглядом горизонт, он заметил нечто, напоминавшее по форме галеру. Она была достаточно далеко, но тихое море предоставляло шанс выжить, которого не было бы вовсе, останься он на берегу.

Конан на скаку спрыгнул с коня, срывая с себя кольчугу. Желтую заририйскую косынку он ловко превратил в котомку и, доверху набив ее золотом, привязал к поясу. После короткого размышления он вонзил меч в ножны и также закрепил на боку. Затем, набрав в легкие побольше воздуха, киммериец нырнул в теплую голубую воду.

Крики башкар пронзили его слух, когда он вынырнул на поверхность, лихорадочно сражаясь с прибором. Усилиями воли Конан поборол соблазн отделаться от тяжелой ноши: мешочек с золотом мог весьма пригодиться при посадке на корабль... если, конечно, ему суждено было доплыть до далекого судна!

Между тем дикари вовсе не собирались так просто отпускать свою добычу. Безбожно ругаясь, обманутые преследователи сбрасывали с себя одежду и прыгали в воду с кинжалами в зубах. Через минуту к ним подоспели лучники, выпуская град стрел. Киммериец искренне благодарил судьбу за то, что башкары были худшими лучниками во всем Иранистане, не то плавать бы ему сейчас сверху брюхом, как загарпуненному карасю.

— Свинья заририйская! — кричали они с берега. — Чтоб твои кости обглодали рыбы!

Конан с удовольствием посмеялся бы над беспомощными недотепами, но должен был беречь дыхание. Он заплыл достаточно далеко, чтобы не бояться стрел, однако дюжина дикарей по-прежнему его преследовала. Отягощенный своей ношей, он чувствовал, что теряет скорость, башкары же плыли в пределах броска кинжала и с каждым взмахом волосатых рук становились все ближе.

Глава третья

НА БОРТУ «МИСТРИСС»

Конан прибавил темп, задействовав последний резерв иссияжающих сил. Груз, что болтался у него на поясе, давно бы отправил на дно человека менее выносливого. Однако, загребая могучими руками, северянин умудрялся передвигаться со скоростью, которой могли позавидовать многие морские твари.

Ритмично дыша, варвар проворно чередовал движения рук и ног, используя даже самую крохотную мышцу своего тела для достижения максимальной скорости. Когда то, к чему он стремился, обрело очертания корабля, Конан смахнул с лица мокрые волосы и оглянулся назад.

Большинство преследователей, более привычных к седлам, чем к морю, отказались от погони. Некоторые из них едва шлепали руками, слишком обессиленные, чтобы плыть обратно. Их соплеменники, оставшиеся на берегу, казались теперь мелкими жуками.

— Собаки! — крикнул им киммериец.

В это обращение варвар вложил столько чувств, что даже сбился с дыхания. Конан позволил себе минутную передышку, прежде чем вновь отправиться в путь.

Вскоре он оказался настолько близок к судну, что мог изучить его в деталях. Это была широкая галера с высокой кормой и оформленная в стиле, обычном для вендийских кораблей.

Судно размещало двадцать гребцов, по десять на каждом борту, но его хозяин, по-видимому, не очень-то любил тратиться на батраков, и поэтому за работой Конан видел только десятерых. Никаких знаков отличия заметно не

было. Но от опытного глаза киммерийца не ускользнули детали, говорящие о принадлежности судна к грузовому флоту Вендии. Галера также была снабжена парусом, от которого, впрочем, сейчас было мало толку.

Конан потянул воздух. Нет, судно не было невольничьим. Такие суда всегда имели характерный запах, который варвар узнавал безошибочно. Свободный корабль, страдающий к тому же явной нехваткой гребцов, мог подобрать Конана. Уж кто-кто, а киммериец-то умел обращаться с веслом. Да и, пожалуй, лучше оплатить проезд потом, чем золотом.

Кроме того, сильный мужчина, хорошо управляющийся с мечом, мог оказаться весьма полезен. Капитаны маленьких торговых судов жили в постоянном страхе, рискуя в любую минуту стать жертвой разбойного нападения. Конан вспомнил, как не так уж давно сам охотился на такие вот суденышки. Его тогдашнюю напарницу звали Бэлит. Это была удивительная женщина — прекрасная и беспощадная в равной степени. Ее остроносая «Тигрица» с восьмьюдесятью гребцами на борту в два счета расправилась бы с таким корытом.

Романтичные воспоминания о годах, проведенных с Бэлит, нахлынули на варвара, словно ливень. В течение нескольких лет лихая парочка не давала житья стигийским купцам. А частые набеги пиратов приводили в ужас население прибрежных городов.

И надо сказать, киммериец никогда не встречал второй такой женщины. У них было так много общего! Так же, как Конан, она обожала странствия, так же, как Конан, была беспощадна к врагам... и так же горячо умела любить. Среди множества женщин, когда-либо деливших с ним ложе, было немало красавиц, но вряд ли хоть одна из них могла сравниться с Бэлит. Любовный аппетит шемитской разбойницы поистине не знал границ, а кровавые баталии только разжигали пламенную страсть. Всякую ночь после очередного набега она превращалась в фонтан необузданных чувств, вызывая у варвара столь же сильное ответное влечение. В объятиях киммерийца она была словно дикая лесная кошка — такая же хищная и нежная одновременно. Иногда влюбленные оказывались настолько увлечены друг другом, что не замечали, как закат

сменялся рассветом. Неумную жажду любви шемитки могла превзойти разве что ее страсть к наживе. Именно из-за ее безумной алчности они в конце концов и расстались. Конан тосковал по своей пиратской принцессе и замечал, что невольно избегает моря с того самого дня, как потерял возлюбленную. Разбойная жизнь с тех пор утратила для него всякий интерес...

Лицо киммерийца напряглось и застыло, словно каменная маска. Сейчас не время было предаваться воспоминаниям. Несколько башкар с ослиным терпением продолжали его преследовать, а Конан пока вовсе не собирался встретиться с Бэлит в аду.

Оглянувшись назад, он увидел только троих дикарей, претендовавших на первенство в заплыве. По мере того как они стремительно сокращали разрыв на дистанции, варвар все отчетливее замечал зловещий блеск кинжалов, зажатых в зубах.

Пожалуй, теперь он был мог с ними сразиться. Своим упорством дикари давно заслуживали высокой чести умереть от меча киммерийца. Эх, будь он на суше, не задумываясь снес бы тупицам головы. Однако махать тяжелым мечом, находясь в свободном плавании, представлялось нелегкой задачей. Не говоря уж о том, что тяжелый мешок безжалостно тянул на дно. Конечно, он знал, что при необходимости избавится от золота, однако сейчас, когда он был так близок к цели, это казалось особенно досадной потерей.

Неожиданное движение справа привлекло внимание киммерийца. Этого еще не хватало! Сверкая чешуей под прозрачной водной гладью, в каких-то нескольких футах от него скользило длинное серебристое тело. Барракуда!

Работая одними ногами, Конан выхватил меч и выставил его навстречу хищнику. Еще мгновение — и тварь живо проглотила бы варвара.

Удар пришелся точно в цель. Проломив хребет, клинок проник глубоко в кость и застрял по самую рукоятку. Бьющаяся в агонии рыба тряхнула Конана с такой силой, что чуть не вырвала его руки из суставов. Конан всем телом налег на эфес, тщетно пытаясь высвободить клинок. Обезумев от боли, барракуда рванулась вперед,

больно хлестнув Конана плавником. Казалось, смертельная рана не только не ослабила чудовище, но даже, наоборот, придала ему дьявольских сил. Движимая природным инстинктом, барракуда устремилась на дно, увлекая варвара вслед за собой. Конан едва успел сделать глубокий вдох, прежде чем волны сомкнулись над его головой. Он обеими ногами уперся в скользкую спину зверюги и принялся что было сил тянуть за рукоять меча. Стоило ему теперь выпустить клинок, как барракуда тут же развернулась бы в новой атаке.

Человек и рыба сцепились в смертельном поединке. Причем время работало против варвара. Конан мучительно боролся с желанием выдохнуть спертый воздух. Лишенная кислорода кровь бешено пульсировала в висках, вызывая острое головокружение. Конан лихорадочно держал клинок из стороны в сторону, в то время как строптивая тварь вихрем несла своего седока сквозь толщу океана. По мере стремительного погружения вода становилась все холоднее.

Сдавленный воздух грозил разорвать грудь. Конан тужился из последних сил, сознавая, что морское дно навсегда станет его могилой, если он позволит себе сделать выдох. Его единственным шансом было высвободить меч и новым ударом прикончить чудовище.

Ни один луч света не проникал в то сумрачное царство, где Конану предстояло сцепиться в последней схватке с рыбой. Словно необъезженная лошадь, барракуда стремилась сбросить своего отважного наездника, извиваясь в предсмертных судорогах.

Понимая, что развязка близка, варвар налег на эфес с удвоенной энергией, и... не выдержав столь яростного напора, хребет твари раскололся пополам, окрашивая воду в густой красный цвет. Испытывая невыносимое желание широко раскрыть рот и вдохнуть во что бы то ни стало, Конан неистово заколотил ногами и устремился вверх. С яростью, на которую только способно отчаяние, он рвался туда, где его ждали... солнце, воздух!

Путь на поверхность оказался невероятно долгим, и Конан вот-вот готов был потерять сознание, когда вода неожиданно расступилась и свежий ветер весело дунул ему в лицо. Не веря до конца своему счастью, он жадно

глотал живительный воздух, шурясь, точно крот на ярком свету.

Потребовалось несколько минут, чтобы восстановить зрение в полной мере. Когда же Конан огляделся вокруг, то чуть не рассмеялся от приятного удивления: чертова рыба, взявшая его на буксир, доставила его прямо к цели, оставив кровожадных преследователей далеко позади. Дикари, явно решившие, что их жертва предпочла уют и покой рыбьего брюха, довольные, повернули к берегу. И киммериец вовсе не собирался их разочаровывать. Он только постарался не думать о том, что ждало этих тупиц на обратном пути. Кровь и возня могли привлечь тварей куда более страшных, чем барракуда: поговаривали, что эти воды кишели гигантскими полосатыми акулами. Хвала Кромю, что ему самому плыть осталось недолго.

Высокий аргосиец, склонившийся над бортом, с выражением бесконечной скуки на лице разглядывал водную гладь, сверкавшую в солнечных бликах. От его скучающего взгляда не осталось и следа, когда он увидел подплывающего киммерийца. Аргосиец резко выпрямился и что-то крикнул двум матросам, возившимся у мачты. Те послушно оставили свое занятие и с проворством опытных моряков спустили за борт тяжелый узловатый канат.

Неуклюже вскарабкавшись на палубу, Конан прежде всего отряхнулся, энергично мотнув гривой черных волос. Холодные брызги полетели во все стороны, вызывая бурю негодования у разомлевших на солнце гребцов, которые тут же побросали свои двадцатифутовые весла и принялись крыть незваного гостя на чем свет стоит.

Высокий аргосиец не спеша направился к Конану, пробираясь между скамеек гребцов. Одной рукой он задумчиво теребил ухоженную бородку, другая на всякий случай лежала на эфесе короткого меча, заткнутого за широкий пояс. Остальная команда: загорелые вендийцы, коренастые аргосийцы и несколько зингарцев — последних отличал вечно бегающий взгляд — также нащупала рукоятки своих клинков.

Бородач остановился на почтительном расстоянии и, подозрительно оглядев варвара с ног до головы, прокричал:

— Кто бы ты ни был, голубоглазый великан, — судя по твоему виду, северянин, — добро пожаловать на «Мистрисс»! Меня зовут Тоско. Я первый помощник капитана, и все эти люди, которых ты видишь, мне подчиняются. Как твое имя и какого дьявола ты болтаешься посреди океана? — Приветствие, произнесенное на родном языке аргосийца, больше напоминало лай. Высокомерие так и сквозило в его словах, заставляя Конана помрачнеть.

Конан медлил с ответом. Усталость все же не до конца лишила его осмотрительности. Он изучающе посмотрел на каждого из окружения первого помощника, и в особенности на кормчего, что стоял чуть дальше остальных у руля.

Малый, по всей видимости стигиец, был смугл, его кожаный пояс и тонкий кинжал несли символы Сэта, беспощадного змеинобога.

Варвар мысленно простонал. Кормчий мог припомнить его имя — имя грозного пирата, которым в Стигии пугали детей. Кром! Надо же было так прославиться!

— Меня зовут Враал, я вырос на границе, поэтому неплохо плаваю, — соврал Конан на ломаном аргосийском.

— Ты, верно, раб или дезертир! Или ты уговорил тех ребят поиграть в догонялки? — Первый помощник мотнул головой в сторону удирающих башкар.

— Нет, друг Тоско. Кочевники подстерегли меня в горах, когда я был на пути в Аншан, или Аграпур, или в любое другое место, где за мой меч и силу предложат наивысшую плату. За свою посадку я готов заплатить трудом; кажется, на этой посудине не хватает гребцов. А если нам суждено будет столкнуться с пиратами, то знай: мой меч к твоим услугам.

Серые глаза Тоско превратились в узенькие щелки, а загорелое лицо налилось неожиданной злобой.

— Не тебе пугать нас разбойниками! И знай, с кем имеешь дело: мы частное торговое судно, нанятое богатым стигийским жрецом, и никто не посмеет тронуть нас в этих водах. Твой меч меня нисколько не интересует, как, впрочем, и ты сам, вот разве что как придаток весла. Кроме того, у нас вряд ли наберется столько обьедков, чтобы прокормить такого здорового борова.

Конан вот-вот готов был взорваться: неслыханная дерзость аргосийца не ведала границ. Варвар напрягся и в любую минуту готов был броситься в атаку. Но могучим усилием воли он все же заставил себя сдержаться. Та манера, в которой первый помощник осмелел его в присутствии всей команды, была обычным для аргосийцев способом проверки характера незнакомца.

— Помимо силы и меча, — с достоинством отвечал варвар, — у меня есть еще нечто, что наверняка тебя заинтересует. — С этими словами он извлек из своего импровизированного кошелька увесистую монету и швырнул ее Тоско.

Бородач по-кошачьи ловко сцапал золото и оценивающе подбросил диск на ладони. Чеканка была явно немецкая: на одной стороне красовался затейливый герб, а на другой — собственный профиль правителя. Оскалившись в ухмылке, Тоско спрятал монету в карман своей замызганной жилетки и презрительно бросил киммерийцу:

— Займи свободную скамью. Я спрошу у капитана, возьмет ли он еще одного дармоеда. Боюсь, правда, что ум твой столь же слаб, сколь сильны твои плечи, как бы не пришлось потратить время, чтобы научить тебя грести.

Конан с трудом подавил в себе желание вышвырнуть невоспитанную аргосийскую свинью за борт. Помрачнев, словно грозовая туча, он повернулся к Тоско спиной и прошагал к ближайшей скамье. Тоско же распустил свою свиту и кивнул маленькому лысеющему вендийцу. Коротышка выхватил из-за пояса деревянный молоточек, уселся, скрестив ноги, напротив старого обшарпанного барабана и с чувством важности принялся колотить в свой бубен, задавая гребцам нарастающий ритм.

Взбешенный насмешками аргосийца, Конан ощутил прилив нечеловеческой энергии, которая вмиг освежила его измученное тело. Сейчас он покажет этой корабельной крысе, какую скорость может развивать судно в штиле. Забыв про усталость, киммериец, скрежеща зубами, расположился в центре скамьи, ближе к носу корабля, и взял по веслу в каждую руку.

Тем временем Тоско, похоже, не спешил беспокоить капитана. Он забрался на корму и, словно король на троне, стал выкрикивать оскорбления.

— А ну налегли! Гните спины! Живей, собаки! Я хочу добраться до Стигии раньше, чем моя борода станет седой.

Не успел аргосиец закончить свою «подбадривающую» речь, как Конан уже принялся ритмично грести. В конце каждого взмаха он наклонялся почти до самой палубы, затем стремительно поднимался, зарывая тяжелые весла в поющую за бортом воду. Узловатые мышцы заиграли под бронзовой от загара кожей, когда барабанщик ускорил ритм. Остальные гребцы едва поспевали за этим бешеным темпом.

Весла, имевшие двадцать футов в длину, на пятнадцать из них выступали за борт. Их широкие лопатки разом врезались в водную гладь, заставляя галеру передвигаться могучими рывками. Варвару не составляло труда поспевать за ударами барабана, хотя медные уключины уже накалились от трения. Он не сомневался, что Тоско оставит его на борту: лишиться умелого гребца из-за каких-то амбиций было глупо, а аргосиец вовсе не казался полным кретином. Однако варвара удивлял тот факт, что Тоско не потребовал у него меч и, что более удивительно, не попытался наложить лапу на Джералово золото. И все же не стоило слишком доверять этому задаваке: аргосийцы были способны на любое коварство.

Постепенно «Мистрисс» набрала приличную скорость, движимая мощными рывками Конана и тщетными усилиями остальных поспеть за неугомонным киммерийцем. Конан чередовал вдохи и выдохи с искусством опытного гребца. Как бы ни потешался над ним Тоско, а на этой скамье он не был новичком. Сколько раз кнут надсмотрщика ложился на его мокрую от пота спину, когда он сидел, прикованный к палубе, точно пес. Болезненные воспоминания разожгли в нем такую ненависть, которую мог испытывать лишь человек, побывавший в рабстве. Чаше и чаще взлетали его весла, до тех пор пока за двумя его взмахами не следовал лишь один удар молоточка.

Задыхающиеся гребцы на соседних скамейках были работающими малыми, и на каждого из них приходилось по одному веслу, но все же их весла поднимались и опускались в два раза реже тех, что сжимал киммериец. Слабый ветерок обдувал лицо первого помощника, когда галера выпрыгивала в очередном рывке. Полдня просидевшее в

штите судно теперь уверенно двигалось в юго-западном направлении, ориентируясь на лесистый берег Зембабве. Барабанщик-вендиец участил дробь, поспевая за яростными взмахами киммерийца. Глухой стук барабана превратился в сплошной монотонный гул.

Вдруг за спиной у Конана раздался сухой щелчок. Краем глаза варвар заметил, что парень позади него рухнул на палубу. Умирая, бедняга выпустил древко, о которое и ударилось весло Конана.

Тоско, который до сих пор хранил молчание, недовольно фыркнул и обратился к кормчему по-стигийски, слегка понизив голос, но не настолько, чтобы утаить разговор от острого слуха киммерийца.

— А этот упрямый носорог и впрямь неплохо гребет! На невольничьем рынке в Луксуре за него можно выручить хорошие деньги.

Эти слова прозвучали в голове варвара, словно раскат грома. Сердце его забилося громче вендийского бубна, а глаза вспыхнули неистовым голубым огнем. Не выпуская весел из рук, он резко выпрямился во весь рост, с треском выламывая пятифутовые концы из уключин, и, подняв эти импровизированные копья высоко над головой, грозно двинулся на Тоско.

— Корабельная крыса! Сейчас ты ответишь за свои поганые слова! Эти прутики навсегда отучат тебя тявкать.

Поняв, что северянин вовсе не собирается шутить, первый помощник выхватил из-за пояса свой трехфутовый тесак и с ревом прыгнул на палубу. Пинками распахивая остолбеневших от изумления гребцов и ловко перепрыгивая через скамейки, он устремился на Конана, яростно размахивая кривым ятаганом.

В следующий миг он очутился перед варваром, заноса над ним злое оружие. Однако киммериец вовремя отступил назад, блокируя смертельный удар одним из своих копий и одновременно опуская второе на плечи Тоско. Удар пришелся по шее аргосийца. С отвратительным хрустом позвоночник сломался, словно сухой тростник, оставляя голову бессильно болтаться на правом плече. Пошатнувшись, первый помощник, словно привидение, медленно побрел по палубе, приводя в панический ужас своих подчиненных. Последний хриплый стон вы-

рвался из его глотки, когда он ступил на край палубы, и... потеряв равновесие, Тоско кувыркнулся через рейлинг и рухнул за борт.

— Эй ты, на корме! — рявкнул варвар стигийцу. — Пойди и сообщи капитану, что у него теперь новый первый помощник. Он заметит, что судно плывет куда быстрее, когда им командует Конан... — Опомнившись, Конан заставил себя замолчать, но поздно — предательские слова уже сорвались с языка, и оставалось уповать на Крома, чтобы имя киммерийца оказалось кормчему незнакомо.

Задышавшись от волнения, стигиец выпустил руль и выхватил длинный тонкий кинжал из-за кожаного пояса, усеянного медными заклепками.

Петляя между скамейками, словно заяц, Конан пробежал через всю палубу и укрылся за единственной мачтой, обнажая палаш. Он не спешил покинуть свое убежище: стигийцы умели обращаться со своими кинжалами с дьявольским мастерством...

...И в следующий миг Конан получил наглядное тому подтверждение: хорошо прицеленный бросок зарыл в его голень несколько дюймов отменно закаленной стали. Конан со стоном рухнул на одно колено и попытался вытащить застрявший в кости нож. Его меч выскользнул из рук и провалился куда-то между досок.

— Капитан! — визгливо заорал стигиец, колотя ногами по люку трюма.

Конан облокотился на мачту, переводя дух и готовя себя к решительной схватке. Его мучило нестерпимое желание загнать нож кормчему под ребра, но тем самым он лишился бы своего единственного оружия. А ведь с помощью кинжала варвар мог бы приобрести вещь куда более полезную: Конан с завистью разглядывал мечи, сверкавшие в руках членов команды, столпившихся в нерешительности вокруг мачты.

Несколько гребцов первыми вышли из оцепенения. Они бросились на Конана и принялись его нещадно колотить. Варвар вслепую раздавал удары, заметив краем глаза, что три парня схватились за окровавленные животы. Но тут остальная команда пересилила наконец страх и бросилась на загнанного киммерийца всем скопом.

Пятеро здоровенных моряков пригвоздили его к палубе, в то время как остальные матросы вырвали из руки кинжал.

Неожиданно крышка люка отворилась, и оттуда неуклюже вывалился сам капитан. К своему ужасу, Конан заметил, что тот также был стигийцем. Он вытащил из голенища своего сапога такой же длинный тонкий кинжал и двинулся прямо на распростертого киммерийца.

Глядя снизу вверх, Конан принялся внимательно изучать человека, в руках которого находилась его жизнь. С первого взгляда стало ясно, что перед ним бывалый морской волк. Достаточно крепкий, но уже немолодой капитан был выше и смуглее большинства своих земляков. Волосы на его голове были выбриты с боков и образовывали правильный черный треугольник, одно острие которого свисало над переносицей. Его резкий хриплый окрик заставил команду послушно расступиться, и Конан тут же увидел над собой лицо, испещренное глубокими морщинами и обезображенное отвратительным шрамом, тянувшимся через весь лоб до самого уха. Его покрасневшие усталые глаза, торопливая небрежность, с которой была зашнурована забрызганная вином кожаная безрукавка, красноречиво свидетельствовали о ночи, проведенной в отчаянном пьянстве: чем, интересно, еще можно было объяснить то, что капитан проспал их разборку с Тоско.

Однако сейчас капитан выглядел окончательно протрезвевшим. Тяжелый грязный сапог больно ударил варвара по животу, когда тот попытался подняться на одно колено. Следующий увесистый пинок обрушился на его челюсть, да так, что зубы клацнули, а голову прострелило невыносимой болью. С трудом сохраняя сознание, Конан поднял голову и затуманенным взглядом посмотрел на своего мучителя.

Стигиец залился сухим, ледящим душу смехом, от которого у варвара мороз пробежал по коже.

Вдруг внутри у киммерийца все сжалось. Это ухмыляющееся лицо оказалось ему знакомо. Постаревшее и огрубевшее с годами, но это было лицо стигийского адмирала...

И этот шрам! Как же он не узнал его сразу?! Ведь он собственноручно оставил эту отметину на лице Кхерета.

Память вновь вернула Конана к его пиратскому прошлому. Это была удачная вылазка, поразившая адмирала своей дерзостью. Обескураженный Кхерет среагировал слишком поздно, позволив быстроходной «Тигрице» ускользнуть перед самым его носом с полными трюмами сокровищ. Да каких! Предназначенных для самой королевской четы! Только флагманский корабль во главе с самим адмиралом пустился в погоню, но яростная оборона разбойников заставила его отступить.

Да, после того позорного поражения стигийский адмирал поистине низко пал — от командующего военным флотом до спившегося капитана мелкой торговой галеры.

Конан приготовился к худшему. Он почти не сомневался, что ненависть разжалованного адмирала, которая, точно гнойный нарыв, зрела все эти годы, выплеснется теперь на его голову.

Конан предпринял последнюю попытку встать на ноги. Тщетно! Силы окончательно его покинули. Все, на что он был сейчас способен, — это лежать и беспомощно наблюдать за тем, как гребцы связывают его по рукам и ногам толстой бечевкой.

— Адмирал Кхерет, — задыхаясь, выдавил киммериец и выругался на отборном стигийском.

— Конан! — тихо процедил капитан, перекатывая слово во рту, точно кусок горькой пищи. Он потрогал покрытый шрамами подбородок и провел рукой по изуродованной мочке уха. Затем он нервным движением приставил к виску киммерийца и с наслаждением вдавил острие глубоко в кожу.

— После того как ты сжег мой флагманский корабль, король вышвырнул меня вон, поставив тем самым крест на моей доблестной карьере. С того самого дня я неустанно молил Сэа о возмездии. И, кажется, он услышал мои мольбы. — Кхерет издал носоглоткой неприличный звук и смачно плюнул в лицо распростертого киммерийца. — Твои предсмертные судороги доставят мне огромное удовольствие!

Кхерет давил на кинжал все сильнее до тех пор, пока из-под лезвия не брызнула кровь. Затем с жутким хохотом он принялся полосовать варвара, не оставляя на его лице живого места.

Кхерет с нескрываемым удовольствием любовался проделанной работой, в то время как Конан, воспользовавшись короткой передышкой, испытывал на прочность глубоко впившиеся в кожу путы. Ошалелый капитан разукрасил ему обе половины лица, и кровавые порезы теперь нестерпимо саднили. Киммериец стойко перенес испытание, не проронив ни звука, не считая, правда, цветистых проклятий, которыми он щедро одаривал своего палача.

Заметно повеселевший стигиец слизал с кинжала кровь и сплюнул ее в лицо варвару. Он срезал с его пояса мешок и, заглянув внутрь, одобрительно хихикнул:

— Это всего лишь ничтожная доля того, что я получу от короля в Луксуре. Тебе, подонку, повезло, что король пообещал высокую награду тому, кто бросит тебя живого к его ногам. Убив тебя сейчас, я получил бы изысканнейшее удовольствие, однако больше всего на свете я хочу вернуть мое звание и честь. И ты, отродье, поможешь мне в этом!

Глаза капитана торжествующе засияли, бодряя улыбка заиграла на заляпанных кровью губах:

— А что до тебя, так мне достаточно будет знать, что ты умрешь мучительной медленной смертью, когда дюжина змей сожрет тебя заживо, выея мозг из твоих костей. Ты будешь рыдать и умолять о смерти более легкой!

Почесывая свой шрам, Кхерет склонился над беспомощным пленником, приблизив лицо настолько, что варвар почувствовал его горячее, разящее перегаром дыхание.

— Но и смерть не облегчит твоих страданий! Ибо черная душа твоя отправится в ад, где наш змеиный бог Сэт давно поджидает ее с раскаленными сковородками.

Киммериец дернулся в бессильной ярости, заскрежедав зубами и пытаясь пересилить пульсирующую в голове боль. Обильные капли пота выступили на его лице, смачивая черную гриву перепачканных в крови волос и не давая свежим рубцам просохнуть. Его голубые глаза вспыхнули неистовым огнем, сжигая в этом пламени последние силы.

— Стигийский шакал! — хрипло прорычал Конан. — Твои псы вряд ли тебе помогут, когда мы встретимся в аду, куда Сэт отправляет всех своих верных лакеев в награду за их преданную службу.

— Пустые слова, варвар, — насмешливо прокомментировал Кхерет пламенную речь своей жертвы. — Когда через четыре месяца мы прибудем в Луксур, ты будешь ползать на коленях, умоляя о привилегии лизать тюремную воду с моих сапог. Вы, киммерийцы, упрямы, как пни, и живучи, как кошки, я уверен, ты выживешь без пищи и воды. Ты будешь жив, когда я брошу тебя королю в ноги... Жив, но раздавлен и сломлен — просто жалкий мешок с костями.

С этими словами Кхерет отвернулся и окликнул белобородого вендийца, показавшегося из люка:

— Джатил! Промой-ка этому выродку раны. Он должен страдать, но не умереть — я хочу командовать моей армией снова.

Пожилой вендиец молча принялся исполнять приказание капитана. Он окатил лицо варвара соленой водой, от которой свежие раны так и вспыхнули огнем. Конану показалось, что его голову засунули в печь, закопав лицом в раскаленные угли. Он подавил крик, когда «врачеватель» наложил на рубцы грязную шершавую тряпку, которая больно впилась в кожу, но оставляла открытыми глаза и рот. Поэтому он видел, как Кхерет жестом подозвал двух гребцов.

— Девир и Матара, спустите эту падаль в трюм да привяжите покрепче к пустому крэйту. И проверьте, чтобы веревка была крепкой: этот киммериец намного опасней, чем кажется. Я видел его истекающим кровью, но тем не менее сражающимся, да с такой яростью, на которую способен лишь тигр, загнанный в клетку. Каждый день вливайте в его глотку по ковшу воды, но кормите только раз в три дня.

Потом он повернулся к гребцам.

— С этого дня будете по двое стоять на карауле. Я лично проверю каждую смену и, клянусь Сэтом, собственноручно вздерну на рее мерзавца, какового застану спящим. А сейчас, псы, займите скамейки и гните спины, да молитесь небу, чтобы послало попутного ветра. Если

доберемся до Луксура за три месяца, каждый получит двойную награду. Так что старайтесь! — Закончив раздавать приказы, он кивнул коротышке барабанщику и властно прошагал на корму.

Два здоровенных моряка подхватили Конана под руки и запахали в узкий люк, ведущий в грузовой отсек корабля. Конвоиры отворили небольшую, но крепкую дубовую дверь и волоком затащили его внутрь тесного трюма. Скинув ношу на сырые прогнившие доски, гребцы принялись освобождать массивный деревянный поддон от вендийских ковров, распихивая их по и без того забитым доверху нишам. Вендийцы были крепкими малыми, но даже их совместных усилий едва хватило на то, чтобы передвинуть пустой крйт в центр трюма. Через минуту к ним спустился Джатил с мотком добротной веревки, которая по толщине в два раза превосходила большой палец Конана.

Этой веревкой гребцы крепко-накрепко обмотали и без того связанного киммерийца, прочно пригвоздив его к шершавой стенке поддона. Замысловатые узлы были затянуты столь искусно, что становились только крепче при любой попытке узника пошевелить хоть кончиком пальца. Вендийцы специально расположили пленника так, чтобы его лицо как раз находилось под ржавой решеткой в потолке трюма, которая обеспечивала слабый свет и хоть какую-то вентиляцию.

Конан с трудом поднял голову к свету. Злобное лицо Кхерета смотрело сверху. Его зловещий смех эхом раздавался в воспаленном мозгу варвара, грозя свести с ума.

Ослабленный потерей крови и постоянной болью, киммериец впал в глубокое беспамятство.

Полная луна сияла на ночном небе, подобно гигантскому тусклому бриллианту, заливая холодным светом джунгли и оставляя прозрачные дорожки на устланной мягкой листвою земле. Капли дождя, оставленные недавним ливнем, блестели на деревьях, словно бисер.

Чутье Конана, всегда считавшееся отменным, казалось этой ночью особенно острым. Ноздри варвара жадно втягивали пахнущий мхом и плесенью воздух, стараясь учуять малейший запах зверя.

Бесшумно скользя между деревьев, он каким-то образом угадывал правильное направление, хотя в первобытном лесу не было заметно никаких тропинок. Всецело доверяясь охотничьему инстинкту, Конан неумолимо преследовал жертву, ориентируясь лишь на едва различимые звуки, запахи и тени. Живот громко урчал, требуя сырого мяса и свежей крови. Где-то поблизости витали запахи четвероногих тварей — жирных и трусливых. Они только что здесь пробежали, оставив за собой следы.

Навязчивый голос в голове не давал покоя: что-то здесь было не так. Он вовсе не какой-нибудь дикий хищник, чтобы выслеживать по лесам добычу и рвать на куски ее плоть. Как он оказался в этих джунглях, раздетый и без меча?

Но вскоре голос смолк, и ничто уже не мешало его охоте. Пересохшее горло жаждало красного сочного напитка, а длинным острым зубам не терпелось вонзиться в чью-нибудь глотку. Казалось, в мозгу не осталось места для других мыслей и желаний. Конан словно жил охотой, и все обитатели зеленого царства знали это, а потому боялись.

Тяжело дыша, Конан продирался сквозь непролазную чащу, дыхание, поднимавшееся изо рта, было наполнено кислым запахом непереваренной пищи. Он облизнул уголки губ, до сих пор хранивших привкус крови дикого кабана, убитого им в полдень. Вообще-то Конан не имел привычки охотиться по ночам, но сегодня полная луна разожгла в нем кровавый аппетит, требуя все новых и новых жертв.

И Конан знал, что, даже доверху набив брюхо мясом, он будет продолжать убивать до тех пор, пока зловещее светило не растает на утреннем небе.

Впереди показалась поляна. Слабый ветерок разносил повсюду запахи зверей. Жадно облизываясь, варвар замер, внимательно прислушиваясь к шорохам и трескам, которыми были наполнены ночные джунгли. Несомненно, поблизости притаилось целое стадо. Сейчас он бросится на спящих животных, не давая им опомниться.

Конан напряг пружины мышц и, проламываясь сквозь стену зелени, выпрыгнул на поляну, протягивая длинные волосатые руки с черными когтями и обнажая ряд загнутых

желтых клыков. Звериный рык вырвался из его груди, разрывая тишину ночного леса. В следующий миг он оказался верхом на спящем животном, которое спохватилось слишком поздно, и принялся рвать полосатую шкуру.

Кровь гейзером ударила из разодранной глотки, а копыта задержались в предсмертных конвульсиях. Остальное стадо тут же вскочило на ноги, сверкнув множеством лун, отраженных в дюжине пар глаз, и в ужасе бросилось наутек.

Возбужденный видом и вкусом крови, Конан повернулся к удирающему стаду и издал столь леденящий рык, что звери замерли в оцепенении. Он убил еще троих, разорвав им глотки прямо на глазах у онемевших сородичей. Сцена убийства вывела стадо из транса, и звери ринулись прочь.

Однако Конан был весьма далек от удовлетворения. Безумное желание убивать все живое заставило его броситься в погоню. Он без труда нагнал беглецов и завалил отбившееся от стада животное, разорвал его шкуру и разбросал внутренности. Бьющееся на земле сердце посылало в его лицо струи горячей крови.

Захлебываясь слюной, Конан сдирал куски мяса и запихивал их в рот, проталкивая, не жуя, в брюхо. Насытившись, он поднял лицо к небу, словно ища одобрения у своей покровительницы.

Неожиданно диск луны принял облик какланийского шамана. Его смеющееся лицо с фантастическими татуировками смотрело прямо на Конана. Немигающие глаза горели ненавистью, а тонкие губы шевелились, словно произнося заклинание.

Конан проснулся от чьего-то крика и потянулся к мечу, которого, правда, при нем не оказалось. Каково же было его удивление, когда он понял, что сам являлся источником этого крика. Он припомнил все детали ночного кошмара с поразительной ясностью, от которой волосы на голове становились дыбом. Тело было мокрым, как после дождя, но не только от испарины: грубая веревка больно впивалась в кожу и была сплошь пропитана кровью. Израненное лицо пылало. Правая голень превратилась в один комок боли и безобразно распухла в том месте, где ее пронзил стигийский клинок. Он лежал поверх днища

деревянного поддона, сжимая кулаки от боли и злобы, и тоскливо смотрел в потолок.

Снаружи была темная ночь: он видел сквозь железную решетку клочок звездного неба. Однако тихое покачивание корабля и нежный ветерок не в силах были его успокоить.

Конан отчаянно напрягся, накачивая мышцы безумной энергией... Тщетно! Даже дюжина сильных мужчин вряд ли могла порвать его оковы. Убедившись в тщетности своих потуг, лишь отнимавших последние силы, Конан попытался расслабиться и подумать.

Кровь опять засочилась из изрезанных веревкой ран, и варвару пришлось больно закусить губу, чтобы сдержать крик.

Как он теперь выяснил, сон также не приносил ему отдыха: он вовсе не желал заново переживать одни и те же кошмары. Станные видения неотступно преследовали его с той самой ночи, когда красный туман отравил его разум.

Колдун, по всей видимости, спустил на него всех демонов преисподней, которые не оставят его в покое, пока окончательно не сведут с ума. Сотни жутких историй о душах мертвецов, жаждущих мщения, вмиг ожили в суверенном мозгу. Дрожь пробежала по всему телу, заставляя волосы на голове зашевелиться. Глубоко укоренившийся страх перед сверхъестественным порождает самые невероятные предположения.

Тяжело дыша, он снова поднял глаза к небу, и... сердце его чуть не выпрыгнуло из груди: сквозь ржавую решетку трюма на него равнодушно смотрел лик полной луны. Не в силах оторвать глаз, варвар с ужасом взирал на бледное светило, которое, несомненно, играло в его судьбе какую-то зловещую роль.

Собрав волю в кулак, Конан утрюмо отвернулся, не позволяя фантазиям разыграться слишком сильно. К счастью, ему было над чем поломать голову. Для начала следовало бы подумать о том, как выбраться из заточения. А потом... Эх, сумей он только отыскать свой меч — проучил бы этого мстительного пса Кхерета.

Конан напрягся, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Плотная повязка и корка засохшей крови

изрядно приглушали всякие звуки, но все же он различал и поскрипывание палубных досок, и тихий плеск воды за бортом.

Варвар затаил дыхание... С палубы раздавались тихие монотонные голоса. Ночной караул состоял предположительно из двух человек: Конан был уверен, что слышит два разных голоса, хотя разобрать предмет разговора не удавалось. За дверью трюма тоже слышался какой-то дребезжащий звук. Конану не потребовалось много времени, чтобы догадаться: стражник, карауливший дверь, бесосвестно дрыхнул. Однако и этот факт не придавал энтузиазма. Кхерет, очевидно, не собирался ослабить веревки. А это означало, что он будет чахнуть в этом склепе месяцами. Киммериец знал границы своей выносливости и поэтому не тешил себя иллюзиями. На том скудном рационе, который предлагал ему Кхерет, он, может, и продержался бы несколько месяцев, однако силы его начнут увядать уже через неделю.

В одном теперь Конан был твердо уверен: стигийский экс-адмирал не даст ему умереть и во что бы то ни стало доставит в Луксур для жертвоприношения своему змеиную идолу. Один Кром мог знать, что ждало его в этом распроклятом городе. Да, пожалуй, если и есть какой-либо выход из этой западни, то его нужно найти поскорее. Как только силы покинут его, стигиец совет из него веревки.

Конан в очередной раз проклял себя за то, что поддался на уговоры Джерала и втянул своих людей в бессмысленную бойню. Наемная служба зачастую могла принести хорошие деньги, вопрос лишь в том, кому продать свою силу и меч... Люди Конана сделали, по всей видимости, неправильный выбор. В будущем он будет осторожнее... Если у него вообще будет это будущее! Хотя, по правде сказать, солдатская жизнь ему до смерти осточертела. Похоже, что он уносил с поля боя больше шрамов на теле, чем монет в кошельке.

Чуть заметные бледные тени, появившиеся на стенах, свидетельствовали о наступлении рассвета.

Неожиданно Конан услышал странный шорох, который, казалось, раздавался у него прямо под ухом.

Он с любопытством вытянул шею, пытаясь разобраться, кто бы это мог быть, и тут же почувствовал в левой

мочке острую боль. В следующий миг он услышал, как кто-то царапает воротник рубахи.

Резко повернув голову и чуть не вывихнув себе шею, он заметил длинный розовый хвост. Изучив его по всей длине, он обнаружил, что хвост принадлежит огромной серой крысе. К своему ужасу, Конан заметил, что в ее зубах был зажат кусочек его собственного уха. Сморщенная мордочка и лапки разбойницы были вымазаны в крови, а красные глазенки смотрели на варвара безо всякого интереса.

Конан застонал.

Даже этому нахальному грызуну было на него равным счетом наплевать. Взмешенный столь вопиющей наглостью, варвар оскалился и, изловчившись, впился зубами в крысиный хвост. Стиснув зубы, он принялся остервенело мотать головой, колотя крысой по твердому дереву. Удивленный грызун сопротивлялся, царапая коготками и без того изуродованное лицо.

От боли и ненависти Конан сдвигал челюсти с такой силой, что чуть не откусил крысе хвост. После нескольких таких ударов крыса перестала дергаться и стихла.

Тяжело дыша, Конан разжал рот и избавился от своей недавней обидчицы, одновременно избавляясь и от всех своих страхов. Пусть маленькая, но все же победа вернула ему веру в себя. Какие бы тяжкие испытания ни уготовила ему судьба, он встретит их лицом к лицу и обязательно преодолееет благодаря редким качествам, которыми суровый бог Кром щедро наделил каждого киммерийца, — железной воле и львиной силе.

Криво усмехнувшись, Конан сплюнул кончик крысиного хвоста и поднял глаза к потолку, обдумывая план бегства. Лучи утреннего солнца залили тесный трюм теплым золотистым светом.

Наступил полдень, хотя в затхлой келье довольно трудно было судить о точном времени. Солнце пока не проявилось в зените, однако широкий вендийский парус мог его попросту скрывать. Слабый ветерок, просачивающийся сквозь зарешеченное окно, становился все сильнее и был уже способен двигать судно. Конан слышал, как Кхерет приказал матросам поднять парус. Судя по

завываниям ветра наверху и плеску волн за бортом, галера набрала приличную скорость.

Бодрящая свежесть наполнила трюм, выметая гнилостные запахи трюмной воды и крысиных нечистот. От нечего делать Конан разглядывал приземистую дубовую дверь. Внезапно она отворилась, впуская внутрь троих вооруженных мужчин. Они принесли ему пищу и воду.

Конан проглотил свой скромный завтрак, которым едва можно было накормить ребенка. Что ж, он вряд ли мог рассчитывать на что-либо большее. Потом Джатил заменил засохшую коркой повязку новым куском тряпки и смыл кровь с прокушенного уха. Сметая крысиный труп, вендиец с удивлением посмотрел на варвара и лишь покачал головой.

Так и не проронив ни слова, они ушли, заперев за собой дверь.

Чуть позже в окошке появилось злорадное лицо Кхерета. Он прорычал сверху несколько оскорблений, на что незамедлительно получил столь же любезный ответ. Устав пререкаться, капитан убрался вон и больше не появлялся.

Вплоть до самого вечера Конан не слышал ничего интересного, пока наконец до него не донеслись громкие голоса.

Узнав голос кормчего, киммериец прислушался.

К счастью, стигиец повысил голос, он, судя по всему, с кем-то отчаянно спорил. Вскоре послышалась и речь оппонента.

— Я команду этим кораблем, Чадим! Правда, по возвращении ты имеешь полное право поставить вопрос о моей отставке! — Оскорбительный тон наверняка принадлежал Кхерету.

— Об отставке столь уважаемого человека? Чепуха! Я прекрасно понимаю, что нам нужно спешить и что предлагаемый вами маршрут действительно сэкономит несколько недель. Однако большинство купцов избегает этих мест — и не зря!

— Не смей меня сравнивать с твоими жалкими торгашами. Я никогда не верил их бредовым рассказам. Все эти слухи — ложь от начала и до конца, выдуманная пьяными брехунами с одной только целью: выклянчить

кружку пива у таких же легковверных тупиц, как ты. Боюсь, что ты слишком много времени проводишь в этих заплеванных портовых тавернах. А твои душещипательные небылицы способны напугать разве что скудоумных трусов.

Чадим выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Хотелось бы верить, мой адмирал...

— С меня достаточно! Ступай на корму и займись своим делом. Мы пройдем сквозь петлю Небеки еще до восхода.

Голос Кхерета смолк, и его шаги растаяли где-то в заднем конце корабля.

Чадим обменялся еще несколькими фразами с командой, но Конан уже не мог разобрать их смысла. Он лежал на своем жестком ложе, гадая, что за странную петлю упомянул в разговоре Кхерет. В отличие от капитана, он верил большинству моряцких историй. По своему опыту варвар знал, что они несли известную долю правды. Вот рассказы о несметных сокровищах, зарытых-де там-то да сям-то, — совсем другое дело! Тут он не верил ни единому слову.

Пока Конан ломал голову над решением сей интригующей загадки, последние лучи садящегося солнца покинули мрачный трюм, погрузив его во тьму. Несмотря на все попытки продолжить размышления, он быстро погрузился в легкую дремоту. Постоянная боль в надорванном ухе и раненой голени утомила его вконец. Не в силах сопротивляться навалившейся усталости, он уронил тяжелую голову и сомкнул свинцовые веки. В следующий миг Конан шумно храпел, слишком обессиленный для того, чтобы рассуждать о какой-то там «петле», и позабыв даже о своих кошмарах.

Проснувшись, он обнаружил себя объатым кромешной тьмой, сравнимой разве что с мраком стигийской гробницы. Конан посмотрел в свое окошко, но увидел лишь чернильную черноту затянутого облаками неба. Сверху доносилось тихое шарканье караульных, добросовестно совершавших обход.

Затекшая голова гудела, а сплошное облако боли не позволяло на чем-либо сосредоточиться. К удивлению, он

заметил, что весь дрожит, — и это несмотря на адскую духоту. Крупные капли пота градом катились с лица, пропитывая грубую тряпку и обжигая рубцы. Конан сразу же узнал первые симптомы лихорадки. Так ему предстоит провести всю ночь! Хорошо, хоть крысы пока не беспокоили.

Теплый ветер, струившийся сверху, приятно теребил волосы. Раскатыстые удары волн и пронзительный скрип мачты свидетельствовали о том, что «Мистрисс» уверенно набирала скорость. Неудивительно, что Кхерет выбрал именно этот маршрут: как бывший адмирал, он располагал изрядным багажом знаний о направлениях ветров и подводных течений.

Знакомый до боли звук раздавался за дверью. Он сразу его узнал: скрежет меча о точильный камень. Часовой терпеливо обрабатывал свой клинок, прибегнув к распространенному среди солдат способу скоротать ночь.

Сдерживая стон, Конан крошил друг о друга зубы, тщетно пытаясь пересилить все возрастающую боль.

Неожиданно бледные блики разблелись по стенам, заставляя варвара посмотреть наверх. словно тяжелый занавес, облака расползлись, обнажая диск полной луны. Тусклый горящий головень болезненно-желтого цвета приковал его взгляд. Будто зачарованный, он наблюдал за тем, как луна растет, превращаясь в огромный выпученный глаз.

Глухое завывание ветра наполнило уши.

Испуганно охая, варвар зажмурил глаза, однако изображение зловещего светила неизгладимо отпечаталось в его мозгу. Руки начали безотчетно трястись, и эта неудержимая дрожь пронеслась по всему телу. Извиваясь и корчась в пределах, в которых позволяли веревки, Конан приподнял голову и посмотрел на свои пораженные лихорадкой члены.

Шершавая бечевка затянута сильнее, глубоко врезающаяся в тело и вызывая новое кровотечение из почерневших рубцов. Кожа нестерпимо чесалась, как будто бы тысяча муравьев сновала по нему взад и вперед.

В тусклом свете луны было видно, как из трясущегося тела прорастает грубая белая шерсть, а конечности опу-

хают и вытягиваются до чудовищных размеров. В носу назойливо присутствовал запах пота, но это не мешало вдруг обострившемуся обонянию уловить сотни других ароматов. Они проникали отовсюду: с палубы, с моря, а может, и с самого морского дна... Это были запахи его жертв!

Конан задрожал.

Руки, способные шевелиться разве что в запястьях, пылали, точно погруженные в кипящее масло. Они были крепко привязаны к бедрам, и варвар чувствовал... нет, слышал, как уродливые пальцы растут, разрывая кожу. То же самое происходило с ногами, которые безобразно кривились, приобретая форму обезьяньих лап. Длинные пальцы корчились и извивались, как черви, покрываясь все той же белой шерстью.

Конан пытался кричать, но из груди вырывалось одно лишь утробное бульканье. Лоб и нос испытывали разрушительное давление, как будто внутри черепа что-то раздувалось и пухло, пытаясь выйти наружу через лицо. Почувствовав во рту вкус крови, он провел языком под надтреснутым деснам, поражаясь тому, сколь остры теперь были его зубы. Нижняя челюсть безобразно выдвинулась вперед, растягивая кожу со звуком, похожим на тот, что издает разрываемый на части ремень.

Неведомая сила выдавила из груди воздух и прогнула спину дугой. Стальная клешня вцепилась в ребра и принялась растягивать их, причиняя адскую муку.

Истощенный вопль в конце концов нашел свой путь сквозь сеть пересохших связок, напоминая скорее рев зверя. Извиваясь и корчась, Конан силился порвать свои путы до тех пор, пока сухое днище под ним не разлетелось в щепки. Киммериец шумно грохнулся на пол и прокатился через весь трюм. Кровь начинала циркулировать по онемевшим ногам.

Сдавив ладонями виски, он устремил свой взор к мутному желтоватому лику и взвыл, пугаясь собственного крика. Память была окутана густой пеленой, и варвару никак не удавалось припомнить, где он мог слышать этот рев прежде. Сознание неумолимо ускользало прочь, унося последние воспоминания о человеческой жизни. Повинуясь безумному инстинкту, Конан обрушил свои

массивные кулаки на дубовый крейт, превращая его в груды щепок. На какой-то миг память вновь вернулась к нему, и он узнал тот страшный вой. Подобный звук издавала огромная хищная обезьяна, которую он повстречал в лесу несколько лет назад. Тварь разорвала на куски дюжину бамбулийских охотников, прежде чем издохнуть утыканной копьями, словно дикобраз.

В следующий миг сознание окончательно провалилось в бездну, оставляя в мозгу варвара лишь страх и лютую ненависть ко всему живому. Боль в висках и раненой голени более его не тревожила. Нос жадно втягивал сладкие запахи, что витали повсюду. Запах теплой крови и свежего мяса! Чувства варвара обострились настолько, что он слышал, как за толстой дубовой дверью в груди молодого стражника бьется сердце.

Конан облизнулся.

Обуреваемый безумной яростью, он бросился на преграду, отделявшую его от жертвы. Тяжелое плечо с треском высадило дверь, выворачивая доски, усеянные ржавыми гвоздями. Изумленный стражник отлетел в сторону.

Не давая часовому опомниться, Конан схватил его за шею и, приподняв над полом, принялся душить. Он не разжимал пальцев до тех пор, пока глаза несчастного не вылезли из орбит, застыв в стеклянном немигающем взгляде. Затем, разорвав жертву когтями, он принялся жадно пихать в рот куски теплого мяса.

Пока Конан продолжал свою чудовищную трапезу, палуба наверху наполнилась криками, смешанными с лязгом оружия и гулким топотом ног.

Варвар оставил выпотрошенный труп и повернулся на шум, предвкушая появление новых тщедушных розовокожих зверьков. Он с наслаждением представил, как растерзает их тельца и перемелет зубами кости.

Конан прыгнул к лестнице, ведущей наверх, и выжидающе притаился. Он согнул колени и напряг пружинистые мышцы икр, которые были в два раза толще бедер обычного человека. Прежде чем матросы ступили на край лестницы, Конан прыгнул на палубу. Доски жалобно задрожали под его весом. Жгучее сияние ослепило глаза. Варвар взглянул на черное небо и увидел причину своей

боли — бледный диск, горящий мутным холодным огнем. Сейчас он потушит его кровью жалких мягкотелых тварей, которые окружили его со всех сторон. Этих ничтожеств с лихвой хватит, чтобы утопить проклятое светило в море крови.

Пятеро гребцов угрожающе замахнулись мечами. На руках, сжимавших клинки, вздулись узлы мышц, приобретенных за долгие годы корабельной службы. Вендийцы не держали на борту рабов, набирая в поход лишь крепких, выносливых мужчин с исключительными боевыми способностями, положившими конец карьере не одного пирата. Но даже опытные воины не могли не содрогнуться при виде огромного, вымазанного в крови чудовища, нависшего над их головами. Только их число придавало им храбрости, и они бросились вперед как один.

Клинки засвистели в ночном воздухе. Но Конан поскользнулся ловко отпрыгнул назад, приведя атакующих в крайнее замешательство. Он вытянул свои длинные лапы и выхватил из толпы ближайшего моряка. Затем на глазах у изумленных товарищей он вырвал его руку из сустава и вместе с мечом выбросил в море. Лишившийся руки мужчина упал на колени и, сжимая бьющее кровью плечо, завопил, как грешник в аду.

Похолодевшие моряки тем не менее снова бросились вперед, стараясь зажать Конана в тесном носу корабля. С кормы к ним спешила подмога.

Вцепившись в лодыжку распростертого гребца, Конан поднял несчастного над головой, подставляя под удары занесенных мечей.

Живой щит принял на себя смертоносный шторм. Его товарищи остановили свои клинки слишком поздно и теперь любовались сделанной работой.

Воспользовавшись замешательством, Конан швырнул мертвое тело в толпу, свалив на пол сразу двоих и выбивая мечи из рук еще нескольких. Не давая гребцам опомниться, он бросился на них, словно коршун, разрывая на части и пожирая окровавленные куски.

На этот раз вендийцы оправились от шока быстрее и устремились на обезьяну в новой отчаянной атаке.

В это время люк капитанского кубрика с грохотом отворился, и оттуда выпрыгнули еще три человека. Конан

наверняка узнал бы в них Джатила, Чадима и Кхерета, но для обезьяны они оставались таким же ходячим мясом. Кхерет что-то взволнованно кричал своим людям, но Конан слышал лишь забавное журчание звуков, столь же бессмысленное, как шелест листвы или щебет птиц.

Безоружный моряк попытался поднять свой меч... но Конан разорвал его прежде, чем бедняга успел дотянуться до рукоятки. Другой все-таки изловчился и ткнул варвара клинком... однако тут же был раздавлен в звериных объятиях. Конан вырвал ему обе руки и также выбросил в море.

Передний ряд атакующих выступил вперед, зажимая варвара в тесном углу. Подбадриваемые выкриками Кхерета, гребцы проглотили свой страх и стремительно бросились на Конана. Однако свирепая обезьяна вновь мастерски воспользовалась трупами моряков, применяя их на этот раз в качестве метательных снарядов.

Не имея ни малейшей возможности укрыться от кошмарного града, гребцы падали под телами своих мертвых товарищей. И только Чадим, укрывшись за высокой кормой, искусно швырял в варвара свои ножи. С каждым броском он загонял под кожу чудовища три дюйма закаленной стали, но обезьяна, похоже, не обращала на это никакого внимания. Стигийские ножи беспокоили ее не больше, чем укусы шмеля, а толстая кожа и небывалого размера мышцы не позволяли клинкам проникнуть в глубь тела и повредить жизненно важные органы.

Несколько моряков поскользнулись в склизкой луже крови и тут же были схвачены волосатыми руками. Конан выпотрошил их внутренности и выбросил за борт. Жалкие остатки команды предприняли последнюю отчаянную атаку: они окружили Конана со всех сторон и налетели на него всем скопом.

Дерзость людей привела обезьяну в настоящую ярость! Не замечая ударов, сыпавшихся со всех сторон, она крутилась волчком, сметая и разрывая все, что попадалось ей под руку. Не выдержав беспрестанного шторма когтей и клыков, матросы дрогнули и бросились наутек. Оружий на корме Кхерет тщетно пытался вернуть их в бой.

Глава пятая

ПЕТАЯ НЕБЕКИ

Несколько оставшихся в живых членов команды обрушили свои ятаганы на толстые канаты, что крепили единственный имевшийся на борту спасательный вельбот. Проворно спустив шлюпку на воду, они попрыгали в нее и как одержимые принялись грести к берегу.

Изысканно выражаясь, Кхерет проводил беглецов красноречивым взглядом и мигом нырнул в кубрик. Чадим и Джатил не раздумывая шмыгнули следом, едва успев захлопнуть крышку люка перед самым носом чудовища.

Эта дверь была куда прочнее, чем та, в трюме. Ибо изготавливалась с расчетом на то, чтобы уберечь ценный груз и офицерский состав невредимыми в случае, если судно подвергнется нападению пиратов.

Работая с необычайным проворством, которое могла породить лишь отчаянная паника, троица полностью забаррикадовала вход в каютку, используя для этой цели все сподручные предметы, какие только можно было найти в тесном кубрике. Они составили пирамидой бочки, сделали из запасных весел импровизированные подпорки и для полной уверенности загнали в задвижку несколько здоровенных гвоздей. Вендийская привычка держать все необходимые инструменты в каюте в очередной раз себя оправдала, хотя даже самый предусмотрительный капитан вряд ли мог ожидать на своем борту столь демонического явления.

Рева, словно раненый буйвол, Конан яростно колотил увесистыми кулаками по крышке люка, пока дерево в стальной раме не задрожало. К счастью притаившихся внутри людей, люк был сработан на славу. Крышка сидела под хитроумным углом, а ее размер и дизайн не позволяли Конану приложиться плечом, как он это успешно проделал в трюме.

Тяжело дыша, варвар оставил тщетные попытки сломать преграду и, жадно облизываясь, направился к горе трупов, что возвышалась на носу корабля. Тошнотворный запах, довлевший над палубой, казалось, только возбуждал его звериный аппетит. Луна спустилась чуть ниже к

воде, словно желая стать свидетельницей этого зловещего пиршества.

Помогая себе обеими руками, Конан торопливо пихал теплые куски мяса в глотку до тех пор, пока его живот уже не мог вместить больше. Насытившись, варвар пошатываясь пошел к мачте, тяжело ступая по дощатой палубе. Он прислонился к дереву спиной и, извергая отрыжку, уставился на бледное светило. Оно отражалось в море и, казалось, выглядывало из-под воды.

Холодное пламя ослабло. Конан облилиз липкие губы и глубоко вздохнул, сползая по мачте до тех пор, пока его мускулистые ягодицы не коснулись пола. Когда последний лучик луны исчез в океане, его свинцовые веки сомкнулись. Безумный порыв ненависти унялся, словно потушенный рекой крови. Тяжелая голова начала безвольно клониться, до тех пор пока подбородок не уперся в грудь. В следующий миг он уже погрузился в глубокий сон.

Тем временем в тесном офицерском кубрике Кхерет нервно расхаживал взад и вперед. Чади́м в очередной раз протер рукавом мокрый от пота лоб. Внутри царила невыносимая духота.

— Какая из семи преисподен послала на нас этого демона?! Клянусь Ашурой, мне никогда не доводилось видеть чудовища, столь кровожадного.

Кхерет проигнорировал замечания кормчего, отрывая от пола задумчивый взгляд только для того, чтобы еще раз убедиться в крепости их цитадели. Он так и не проронил ни слова с тех пор, как сокрушительные удары сверху прекратились.

Вздохнув, Джатил протер потную шею и поскреб свою маленькую выщипанную бородку, местами тронутую сединой.

— Да, — кивнул он кормчему, — это сущий дьявол, причем худший из всех, когда-либо порожденных адом. Ты был прав, Чади́м, нам не следовало выбирать этот курс. Нисколько не сомневаюсь, что именно Небека направила на нас это исчадие.

— Да заткнитесь же, наконец, вы, старые идиоты! — не выдержал Кхерет. — Приходилось ли вам, городским

неженкам, хоть раз в жизни повстречать в лесу хищную зембабвийскую обезьяну? А я видел тварь собственными глазами, правда, не столь громадную. И вот что я вам скажу — вся эта дьявольщина как-то связана с Конаном. Я должен был перерезать киммерийцу глотку, когда у меня имелась такая возможность.

Глаза Чади́ма вспыхнули суеверной непримиримостью.

— Напрасно ты недооцениваешь Небеку, мой капитан! Когда ее в последний раз видели за охотой, мой дед был еще юношей. Старики говорили, что она пробуждается раз в три поколения и рыщет в поисках легкомысленных кораблей. Она способна принимать любые облики, и не исключено, что волосатый монстр — очередное ее воплощение.

— А полнолуние! — живо подхватил Джатил. — Оно означает наступление месяца рыб, что приходится как раз на середину года Змеи. Звезда Яма была этой ночью в созвездии Абхарима и...

Кхерет не дал ему договорить, раздраженно закатывая глаза к потолку:

— Только полнейшие идиоты позволяют звездам управлять их судьбой. Я не знаю, каким образом, но только киммерийцу в очередной раз удалось разгромить всю команду и похитить судно. Во имя Сэта, я бы воистину пожелал, чтобы ваша Небека была реальной, если бы она могла раз и навсегда уничтожить варвара. Нисколько не сомневаюсь, что он стоит сейчас наверху и посмеивается над нами, направляя «Мистрисс» в какую-нибудь пиратскую бухту.

Капитан замолчал, и все трое погрузились в мрачную тишину, уныло разглядывая стены самодельного каземата.

Вдруг бровь Кхерета удивленно поползла вверх, а Чади́м чуть наклонил голову, напряженно вслушиваясь в отдаленный шум.

Джатил, восседавший на высокой бочке, затаив дыхание, приложил ухо к люку и...

— Бам!

«Мистрисс» чудовищно накренилась, будто подхваченная гигантской рукой.

Джатил беспомощно замахал руками, словно пытаясь ухватиться за воздух. Не удержав равновесия, он полетел

на пол, смешно уворачиваясь от падающих бочек, которые готовы были прихлопнуть его в любую минуту.

Кхерет, перевернуть которого было не так-то просто, прочно стоял на ногах, изумленно наблюдая за тем, как судно дрожит и кренится, словно протараненное туранской военной галерой. Смуглое лицо стигийца побледнело.

— Небека! — едва слышно прошептал Чадим с выпученными от страха глазами. Он бросился на пол и, обхватив голову руками, жалобно заскулил.

Мощный толчок вывел киммерийца из глубокого забытья. Лениво поднявшись на ноги, он потянулся, пытаясь стряхнуть с себя необычную сонливость. Конан смутно почувствовал, что что-то не так: никогда еще его пробуждение не было столь тяжелым. Даже первые лучи восходящего солнца были бессильны рассеять его сон.

Варвар прислонился к мачте и огляделся вокруг. И надо сказать, картина, представшая его взору, действовала отрезвляюще. Он изумленно уставился на лужу крови, черневшую посреди палубы, и на гору трупов, возвышавшуюся на носу корабля. С трудом сдерживая приступ тошноты, Конан поспешно отвернулся, гадая, какой дьявол мог здесь так похозяйничать. Несмотря на туман в голове, в теле чувствовалась приятная бодрость, которой не было уже много дней.

Но как же ему все-таки удалось освободиться от веревок и выбраться из трюма?

Конан рассеянно приложил руку к виску, да так и обмер от удивления! Куда девались его страшные шрамы? Пальцы нащупывали абсолютно чистую кожу, как будто никаких порезов не было вовсе. Неожиданно страшное подозрение закралось ему в душу — ни дать ни взять, он снова вляпался во что-то сверхъестественное. На какой-то миг он даже усомнился в реальности своих ощущений, но, ущипнув себя за руку, убедился, что все происходившее с ним не было сном.

В конце концов варвар успокоился и принял чудо с искренней радостью. Как бы то ни было, теперь он здоров и свободен. И за это следовало бы поблагодарить любую магию — черную или белую. Глубокая рана на голени бесследно исчезла, не оставив даже розоватого шрама.

Единственными на его теле метками, напоминавшими о его недавнем заключении, были едва заметные полосы, разукрасившие его ноги и грудь в клетку.

— Кром! — с недоверием прошептал киммериец. Ведомо ли такое чудо?

Он тщетно терзал свою память, гадая, что же с ним все-таки произошло. Он вспомнил, как размышлял о какой-то мистической Небеке и ее загадочной петле, как потом задремал, не в силах бороться с навалившимся сном, и...

Воспоминания стали возвращаться к нему с удивительной быстротой. Кошмарные сцены замелькали перед глазами с чудовищной ясностью. Это фантастическое превращение и все, что за ним последовало... Конана чуть не вытошнило от одного лишь воспоминания о вчерашнем ужине.

Самые невероятные мысли промелькнули в его голове, но варвар вовремя взял себя в руки. Как бы то ни было, сейчас не время было искать разгадки... ибо «Мистрисс» начала угрожающе крениться. Ветер по-прежнему гнал ее вперед по непредсказуемой извилистой траектории.

Поначалу Конан решил, что сокрушительной силы толчок был результатом столкновения корабля с подводным рифом. Но вскоре он заметил за кормой на удивление странный водоворот, что неотступно преследовал «Мистрисс», явно пытаясь засосать в свое жерло. Невиданных размеров воронка не имела ничего общего с теми, что ему доводилось видеть прежде. Холодок пробежал по коже варвара, несмотря на духоту, которая в этих краях всегда предшествовала обильному тропическому ливню.

Застыв от изумления, Конан наблюдал за тем, как вода бурлила и пенилась, выпуская облако густого полупрозрачного пара. Подхваченная водоворотом «Мистрисс» медленно закружилась по его все расширяющемуся периметру.

Внезапно, без малейшего предупредительного всплеска, в центре воронки появилась голова чудовищного левиафана. Его необъятное бутристое тело грязно-зеленого цвета стало настоящим плавучим домом для сотни семейств моллюсков и тысячи видов водорослей. Непропорционально огромный череп был в точности змеиным, за

исключением, правда, ряда пульсирующих на шее жабер да пары глаз, каждый из которых был размером с Конанову голову. Эти зловещие желтые шары в розовой сетке кровеносных сосудов таращились из уродливого черепа, словно назревшие нарывы. Хвоста видно не было. Несомненно, он лежал где-то глубоко под водой.

Широко разинув клыкастую пасть, способную zaraz проглотить троих взрослых мужчин, чудовище жадно устремилось к «Мистрисс».

Конан так и застыл, прикованный невыразимой древней злобой, что сквозила из холодных немигающих глаз. Впечатление было такое, будто чрево ада разверзлось, исторгая своего самого жуткого гада.

Пока мокрая морда стремительно приближалась к галере, Конан заметил раздробленные куски килия, нанизанные на острые клыки рептилии. Теперь варвару было понятно, почему «Мистрисс» бросало из стороны в сторону: змеюга прокусила толстенный слой дерева, отодрав ото дна приличный кусок, вполне достаточный, чтобы полностью потопить судно.

Мощная струя пара вырвалась из зияющей глотки, шпаря кожу и обжигая глаза.

Конан непроизвольно прикрыл лицо рукой, избавляясь тем самым от парализующего взгляда выпученных глаз.

Киммериец проворно отпрыгнул назад, едва не зацепив пяткой слюнявую морду. Острые, как рапира, клыки промахнулись на какие-то несколько дюймов, сомкнувшись вместо этого на широком основании мачты. Толстая балка передомилась, точно пруттик, и с грохотом обрушилась на палубу, уперевшись в борт корабля.

Демонстрируя искусство настоящего акробата, Конан отчаянно уворачивался от падающей мачты и от пышущей жаром морды.

Конан на бегу подхватил тесак, самый широкий из тех, что валялись на палубе, вырвав его из руки мертвого гребца. Широко расставив ноги на ходуном ходившей палубе, он стал ждать новой атаки чудовища. Ему не раз приходилось сражаться с выродками Сэта, и поэтому он знал: хорошо спланированный удар мог легко пронзить уязвимую глотку змея, проникая до самого мозга. Он должен был засадить лезвие как можно глубже, чтобы

уже с первой попытки поразить чудовище, прежде чем водоворот проглотит обреченный корабль, засосав в свою бурлящую бездну.

Воздух вокруг сделался невыносимо горячим, пар становился плотнее и наполнял ноздри сернистой вонью. Потерявшее всякий контроль судно судорожно металось, жалобно поскрипывая от титанических ударов моря.

Неуклюже мотая головой, животное бросилось на Конана, который с вызывающей непоколебимостью стоял на залитой кровью палубе. Снова змеинные клыки сверкнули на солнце, точно выточенные из слоновой кости кинжалы.

Однако варвар только того и ждал. Прыгнув вперед, навстречу разинутой пасти, он глубоко зарыл меч в мягкое розовое небо. Обжигающее облако пара обдало его с ног до головы, прежде чем он выпустил рукоятку, чудом избежая смертоносных клыков. Могучие челюсти щелкнули у самого уха, отхватив прядь черных как смоль волос.

Подхватив новое оружие, киммериец кое-как вскарабкался на ноги. Он тут же обернулся назад, чтобы оценить результат атаки. Конан смутно подозревал, что одного удара будет вряд ли достаточно. Никогда ему еще не приходилось противостоять столь огромной твари!

Голова левиафана недовольно отпрянула и удалилась к центру воронки. Конан едва мог различить на его губе прыщик, который на самом деле был черенком трехфутового клинка, прочно застрявшего в необъятной глотке.

Тем временем «Мистрисс» продолжала вращаться и тонуть. Вода поднялась уже до критической отметки. Удрученный неудачей, варвар отчетливо понимал, что время работало не на него. Через две-три минуты он должен был броситься в море и плыть как одержимый, пока чертов водоворот не засосал его на самое дно.

Конан отшвырнул бесполезное оружие, так как новый план пришел ему в голову. Расположившись на банке посреди корабля, он стал ждать новой атаки змея.

И надо сказать, ждать пришлось недолго, ибо в следующую минуту голова бросилась вперед. Степенно покачиваясь на пупырчатой шее, она, казалось, была исполнена единственного желания — сожрать крошечного, но дерзкого киммерийца.

Согнув ноги в коленях и уперев могучие руки в отполированное годами дерево мачты, Конан силился поднять импровизированное копье, направляя его прямо в саблезубую глотку. Вес балки трижды превосходил его собственный. Варвар слышал, как его спина скрипит под непосильной ношей. Основание мачты раскололось, образуя острый зазубренный конец. Конан приподнял его над головой и стал перебирать по дереву руками, одновременно разгибая колени.

Мрачный змеиный разум, казалось, распознал тонкий замысел противника. Тварь оттянула голову назад, пытаясь в то же время остановить инертное тело. Однако «Мистрисс» также не стояла на месте, как, впрочем, Конан и предполагал.

— Подавись же, во имя Крома! — проревел он, швыряя балку на бородавчатый череп. Узловатые мышцы вздулись на его предплечьях, чуть не лопааясь от напряжения. В следующий миг вертящая башка рептилии со всего размаху врезалась в мачту. Острый конец приземлился чуть выше рта, обрушившись вместо этого на гнойно-желтый глаз. С тошнотворным звуком гигантский шар лопнул, взрываясь фонтаном желтой вонючей слизи.

Движимое инерцией копье пропахало мягкий змеиный мозг и вышло из затылка наружу. Густая едкая жижка слезой потекла из мертвой глазницы, распространяя столь невыносимое зловоние, что от него глаза киммерийца сделались влажными. Студенистое яблоко медленно сползло по балке и с мокрым мерзостным звуком шлепнулось на палубу. Испустив последний стон, пронзенная тварь также заскользила под собственной тяжестью и уперлась в нос корабля, забившись в предсмертных судорогах. Гигантская пасть приоткрылась, чтобы в последний раз пыхнуть паром и кровью, прежде чем замертво свалиться к ногам победителя.

Тяжело дыша, Конан отступил назад. Голова кружилась от изнеможения. Пробежав взглядом по всей длине чешуйчатого тела, он заглянул в самый центр воронки. Водоворот уменьшился, однако «Мистрисс» продолжала тонуть, стремительно приближаясь к бездонному жерлу. Конан спрашивал себя: где мог находиться змеиный хвост? Одна лишь торчавшая над водой шея была по

крайней мере в три раза длиннее самого судна. Насколько он помнил, все другие представители змеиного рода, извиваясь в смертельных объятьях, колотили своими хвостами почем зря. Этот же водяной монстр так и не высунул своего помела. Возможно, хвост служил ему своеобразным якорем, заткнутым между рифами, а может, и в само океанское дно.

Однако в данный момент его больше волновала совсем другая проблема: покинуть тонущий корабль. В том, что судно обречено, не оставалось никаких сомнений. Единственная имевшаяся на борту шлюпка была уведена, и Конану ничего не оставалось, как наскоро состряпать хоть что-нибудь, способное держаться на плаву. Он вытащил из трюма изуродованную дверь, заметив с тревогой, что весь грузовой отсек был уже залит водой. Наспех связав доски мотком смоленной веревки, он получил грубый и весьма далекий от совершенства плот. Оставалось лишь надеяться, что тот не развалится прежде, чем его прибьет к островам или к южному побережью. Конан припрятал остаток веревки и хотел было спустить плот на воду... Эх, раздобыть бы в дорогу хоть каких-то припасов! Отсутствие пресной воды значительно уменьшало его шансы. Даже с маленьким бочонком он продержался бы несколько недель.

Рискуя в любую минуту быть проглоченным бурлящей стихией, Конан бросился к офицерскому кубрику. Там-то наверняка имелся весь необходимый провиант. Если только каюту не залило так же, как трюм!

Приблизившись к люку, Конан тотчас же услышал приглушенную ругань. Удивленный киммериец замер, прильнув ухом к толстому дереву. Изнутри доносились до боли знакомые голоса!

— Ну и тряситесь здесь, если хотите подохнуть, как крысы! Сэт позаботится о ваших душах, собаки! — раздавался гневный голос Кхерета.

— Небека сдерет с тебя кожу и пересчитает по косточкам, ты, потаскухин сын! — визгливо возражал Чадим, с трудом выговаривая слова.

Сдержанный тон Джатила решительно пресек тот возможный шквал непристойностей, который Кхерет готов был выпалить в ответ.

— Перестаньте, вы оба! Мы уже по колено в воде и только понапрасну теряем время. Быть может, Небека набила брюхо обезьяньим мясом и не станет возиться с такими ничтожествами, как мы. Уж лучше рискнуть, что бы там ни ждало нас наверху, чем растрачивать последнее дыхание в пустой перебранке.

Смутные воспоминания промелькнули в голове варвара. Он вспомнил, как загнал троицу под палубу, и только сейчас заметил на крышке люка неглубокую вмятину в форме массивного кулака. Конан приложил к ней свой собственный, с дрожью замечая, что кулак Конана-зверя в два раза превосходил человеческий.

Изнутри послышался скрежет и неистовый стук молотка.

Оставив всякую надежду раздобыть хоть пинту воды, Конан торопливо осмотрел палубу в поисках подходящего меча. Облюбовав длинный, с широким лезвием клинок, варвар подхватил оружие и бросился к плоту. Однако в эту самую минуту люк с грохотом отворился, и из него вывалился разъяренный Кхерет.

И без того смуглое лицо стигийца сделалось черным при виде ненавистного варвара. Он выхватил свой легкий, с тонким лезвием меч, выкованный из лучшей акбитанской стали, и бросился на Конана.

Глава шестая МЕСТЬ

— Ты! Киммерийская собака! Я... — Он замолчал, с изумлением глядя на мертвое чудовище. Окровавленная змеинная голова развалилась на носу корабля, единственный глаз застыл в жутком немигающем взгляде.

Пока мужчины разглядывали друг друга, тонущий корабль сделал еще один оборот, так что Кхерет стоял теперь как раз между варваром и плотом. Кровь Конана вскипела от ярости.

— Стигийский водяной червь, проведай-ка свою команду! — Прыгнув вперед с ловкостью пантеры, Конан замахнулся мечом, метя в смуглую шею.

Опытный стигиец обрел самообладание как раз вовремя, чтобы отразить выпад. Он увернулся и в свою очередь провел стремительную контратаку, обрушивая клинок на предплечье Конана.

Не замечая серьезной раны, варвар поднял меч для нового сокрушительного удара. Пора было кончать этот стальной перезвон. Не время было испытывать клинки на прочность. Конан прекрасно понимал, что оружие капитана, выкованное из специальной упругой стали, было столь же крепко, сколь легко и изящно. Надо было прикончить стигийца одним точным ударом. Мышцы веревками вздулись на могучих руках, разгоняя тяжелый палаш до умопомрачительной скорости.

Однако Кхерет снова парировал атаку отработанным до совершенства приемом. Искры так и посыпались от скрестившихся со звоном клинков. Грубое лезвие раскололось, оставив в руке варвара короткий тупой обломок.

— Гнилой зуб Крома! — выругался киммериец, отшвыривая прочь бесполезное оружие.

Торжествующий Кхерет грациозно двинулся на безоружного врага, готовясь к последней решающей атаке. Тем временем «Мистрисс» продолжала равнодушно тонуть, содрогаясь частыми болезненными толчками. Ее корма неуклюже клюнула вниз в тот самый момент, когда Кхерет занес клинок над уже читавшим молитвы варваром. Ликующая улыбка сменилась гримасой бессильного гнева, и потерявший равновесие капитан грузно рухнул на палубу. Стигийский меч выскользнул из рук и брякнулся вне пределов досягаемости беспомощно шарящих пальцев. Недавний смех сменился протяжным стоном, когда капитан потрогал вывихнутую ногу. Отчаянно ругаясь, он потянулся к поясу за ножом. Вся схватка заняла не более минуты.

В этот миг из люка выскочил Чадим, вооруженный неизменным кинжалом. Следом выпрыгнул Джатил, размахивая кривым ятаганом и чуть не натываясь на своего товарища.

Конан чудом успел выхватить меч из руки мертвого моряка и выставить навстречу стигийцу, правая рука которого была занесена для броска. Меч разорвал грудь и, скользя между ребер, вышел из лопаток. Кровавое

острие угодило прямо в толстую шею Джатила, который буквально налетел на своего товарища. Кормчий мешком рухнул на палубу, придавив под собой захлебнувшегося в собственной крови вендийца.

Конан оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить подползавшего к своему мечу Кхерета. Нырнув на палубу, варвар опередил капитана, не успев, однако, уберечь свою руку от удара острого стигийского ножа. Конан поймал сжимавшую кинжал руку и выворачивал до тех пор, пока запястье не хрустнуло. Нож бряцнул о доски. Конан рывком поднял капитана на ноги и что было силы швырнул о рейлинг.

Упрямый стигиец, чудом не потерявший сознание, тем не менее изловчился прихватить чей-то ятаган и снова бросился в атаку.

— Подонок! — прохрипел он, пошатываясь, но умудряясь при этом сохранять грациозность опытного фехтовальщика. — Этим дешевым грубым клинком позволяй мне отправить тебя в ад!

С этими словами он бросился на варвара в слепой ярости.

Конан отвел стигийский клинок к правому плечу, сжимая эфес обеими руками. Уворачиваясь от яростного выпада капитана, он описал лезвием широкую дугу и со свистом рассек череп Кхерета от макушки до подбородка. Выдернув меч из разрубленной башки, он кинулся к плоту, торопливо спустил его на воду и не раздумывая прыгнул за борт.

Перерубив швартовую веревку, он схватил весло и принялся лихорадочно грести, пытаясь вырваться из удушливого плена воронки. Хотя водоворот заметно стих сразу после смерти чудовища, вода по-прежнему продолжала бурлить, обдавая варвара густым горячим паром.

Гребя изо всех сил, Конан постепенно отплыл от мертвого корабля на безопасное расстояние. Продолжая работать, он оглянулся через плечо, чтобы последний раз взглянуть на обреченную «Мистрисс». Трюмы, полные воды, безжалостно тянули ее на дно; над поверхностью торчал лишь украшенный рострой нос. Мачта сползла с перевернутой палубы, и змеинный труп сгинул в соленой голубой пучине.

Пот лил с варвара в три ручья. Жара стояла адская. Снизу его шпарила кипящая вода, сверху же сжигало безжалостное тропическое солнце. Конан понимал, что пекло скоро выжмет из него последнюю влагу, но поделать с этим ничего не мог. Отплыв от воронки на приличное расстояние, он отложил весло, чтобы немного передохнуть. Конан чувствовал себя уставшим, однако учатившийся пульс и бешеный стук сердца вряд ли могли быть следствием обычного изнеможения.

Вообще-то варвара мало беспокоило отсутствие воды и пищи. На своем веку он пересек пешком не одну пустыню, мучаясь изо дня в день от жажды и голода.

Пока плот медленно дрейфовал, подхваченный каким-то течением, Конан размышлял над тем, как южное море походило на восточные пустыни. Бесплодные пустыни подчинялись тому же самому господину. С высокого трона злоеущее солнце, словно король, правило этими бескрайними просторами, требуя дань потом с любого, кто осмеливался вторгнуться в его владения. Пожалуй, даже грозные правители Стигии и Турана были более милосердными, чем это раскаленное добела светило.

Но предстоящие испытания волновали Конана меньше всего. Его недавнее превращение — единственное, что не давало ему покоя! Приход луны теперь был страшнее палящего солнца. Подействует ли проклятие снова? Эти мысли вгоняли в дрожь даже бывалого киммерийца. Честно говоря, он не испытывал сколь-либо заметной жалости к его вчерашним жертвам. Чего он сейчас больше всего страшился, так это снова потерять над собой контроль — утратить свою личность. Вчера на корабле Конан из Киммерии перестал существовать, все, что от него осталось, — это безобразное плотоядное чудовище.

Мысли о людоедстве так и скрутили ему живот. Ему уже приходилось общаться с дарфарскими канибалами в Замбуле — городе, где беззаконие было единственным законом. Эти утратившие души псы были настоящим бичом южных земель, и Конан отнюдь не желал иметь с ними что-либо общее. Однако нельзя забывать, что заклятие помогло ему высвободиться из плена и избежать страшной участи в Луксуре. Он победил морскую

рептилию и уж как-нибудь сумеет найти способ избавиться от злосчастных чар.

Он стянул капли пота с грязных спутанных волос, чувствуя сильное головокружение. Закрыв глаза, он распластался на плоту; варвару пришлось свернуться клубком, чтобы уместиться на неровной и шершавой поверхности. Тупая боль в предплечье напомнила о стигийском ноже, и Конан с беспокойством осмотрел распухшую руку.

Сама по себе рана была небольшой — не шире мизинца, но багровая опухоль однозначно свидетельствовала о яде... пурпурном лотосе! А ведь он должен был знать, что нож Кхерета, как, впрочем, и нож любого другого стигийца, обязательно отравлен. Северный варвар никогда не понимал распространенного в цивилизованном мире обычая отравлять оружие. Никогда еще киммерийцы не прибегали к столь низменным приемам, всецело полагаясь лишь на собственную смекалку и силу.

Хорошо, хоть яд подействовал не сразу, позволив удрать с тонущего корабля. Силясь сохранить сознание, Конан заставил себя встать. Он окунул лезвие меча в море, смывая застывшую коркой кровь; вряд ли вода могла повредить его клинку — клинку, выкованному из лучшей акбитанской стали. Мокрое лезвие засверкало на солнце. Скрежеща зубами от боли, Конан сделал на опухшем предплечье три глубоких пореза и сунул руку в воду. Варвар тут же почувствовал острую боль — это соль выжигала отраву. Вытащив онемевшую руку и хорошенько встряхнув ею несколько раз, он принялся сосать и сплевывать яд до тех пор, пока язык не перестал ощущать горький привкус зелья. Но даже вычистив рану от заразы, он чувствовал слабость и тошноту: разгоряченная от работы кровь разнесла яд по всему телу. Открыв глаза, он увидел над собой облака, собиравшиеся в тяжелые тучи. Ветерок пробежал по плоту, обдавая киммерийца прохладой.

Конан попытался сфокусировать зрение, узнавая все признаки надвигавшегося шторма. Собрав остатки сил, он обмотал себя веревкой, пропустив ее между досками и затянув узлы как можно крепче. Затем поглубже вонзил

меч в дерево и тут же упал в изнеможении. Он знал, что его ждет серьезное испытание, однако особенно по этому поводу не расстраивался. Тропические шторма кончались так же внезапно, как и начинались; он прошел через тысячу их на суше и на море.

Не сводя глаз с чернеющего неба, Конан сражался с коварным действием яда. Однако пурпурный лотос взял свое. В глазах потемнело... или это вокруг сделалось настолько темно? В следующий миг он погрузился в глубокий тяжелый сон.

Конан проснулся, чувствуя под собой теплый песок. Яркое солнце заставило его зажмуриться. Проморгавшись, он увидел узкую полосу берега, отделявшую его от моря. Спину резала тугая веревка, до сих пор крепившая тело к толстому бревну — единственному во всем поле зрения. Видимо, пока он спал, шторм все-таки разбил убогий плот и выбросил чудом уцелевшего мореплавателя на берег.

Он окончательно проспался. Яд выветрился, и даже порезы на руке, подсушенные жарким солнцем, стали затягиваться. Не считая сухости во рту и грызущего голода, он чувствовал себя лучше, чем за последние несколько дней. Ночные кошмары больше не беспокоили, и, что важнее всего, он был на твердой земле. Даже меч, дрейфовавший на той же доске, благополучно достиг берега и был теперь под рукой.

Конан огляделся вокруг в поисках хоть какого-нибудь ориентира, однако раскинувшийся перед ним ландшафт казался абсолютно незнакомым. Искрящаяся голубая вода живописно гармонировала с чистым коралловым песком, простиравшимся повсюду, насколько хватало взора. Позади возвышалась сплошная стена высоких зеленых деревьев, толстые основания которых утопали в густой траве и кустарнике. Чуть склонившиеся стволы плавно покачивались на полуденном ветру.

Присутствия на побережье людей или зверей заметно не было.

Конан потянул за веревку, опутавшую его ноги и грудь, однако мокрые узлы затянулись крепко и, пожалуй, могли уступить разве что острому клинку. Разрубив пути

несколько не затупившимся от воды лезвием, он поднялся на ноги и сладко потянулся, приятно ощущая, как кровь начинает циркулировать по онемевшему телу. Ему не терпелось изучить местность в поисках ключа к разгадке его теперешнего местонахождения, однако прежде всего следовало отыскать пищу и воду.

Он направился к ближайшей невысокой пальме, без труда забрался на самую верхушку и стряс несколько увесистых кокосов. Обозрев местность с этой заметно улучшенной позиции, он обнаружил, что находится на краю небольшого серповидного острова, неровный вогнутый край которого был чуть приподнят над морем и образовывал залив.

Зеленый остров, казалось, был абсолютно лишен обитателей, однако об этом трудно было судить до тех пор, пока он не исследовал его противоположный край. Приставив ладонь козырьком, он разглядел на дальнем конце нечто, напоминавшее обширный пустынный пляж, но только весьма причудливой формы. Да и каменно-серый цвет площадки плохо вязался с розоватым оттенком остального побережья.

Решив изучить это странное место, Конан соскользнул по стволу вниз и с удовольствием принялся за завтрак. Насладившись фруктовой мякотью и утолив жажду сладким кокосовым молочком, он был готов к вылазке.

Последние остатки одежды были безвозвратно утеряны в ночь превращения, но Конан лишь на минуту задумался о своем виде. Застенчивость вовсе не была его злейшим пороком. Словно голый дикарь из лесного племени, он осторожно двинулся вдоль берега, сжимая в руке меч и подозрительно оглядываясь по сторонам в поисках малейшего признака обитателей — людей или еще кого бы то ни было. Однако все, что он пока слышал, — это шорох листвы да тихий шелест прибоя. Растительность и климат острова напоминали зембабийские, однако вода отличалась исключительной голубизной, а песок был безукоризненно чистым и мелким.

Да, и вот что странно! Он так и не встретил птиц! По всему побережью царила мертвая тишина, как будто все его обитатели специально спрятались за розовым песком и бутафорской флорой, скрывая от чужестранца какую-то

жуткую тайну. Конан напрягся. Отсутствие обычных лесных звуков натянуло его нервы до предела.

Судя по расположению полуденного солнца, он двигался на запад вдоль вогнутого края полумесяца. Ни единый след не нарушал девственной чистоты песка. Не было даже естественных скоплений водорослей, которые, выброшенные на сушу вместе с моллюсками и прочим морским хламом, были столь присущи любому другому побережью. С высоты пальмы остров не казался большим, однако варвар прошел до сих пор только половину пути, минуя высокий каменный уступ, подмеченный еще сверху. Ускорив шаг, Конан зашагал туда, где, по его мнению, располагалось серое побережье.

Постепенно ландшафт менялся, становясь все более тусклым; коралловый песок все чаще мешался с какими-то бледно-серыми песчинками. Наконец пляж показался, и Конан сразу же увидел камни необычных форм и размеров, что образовывали большую неровную кучу. Ни трава, ни деревья не росли между этими камнями, а сама пустошь была окружена все тем же лесом.

Любопытнее всего было то, что к кургану вела прямая широкая тропинка, без всяких сомнений созданная руками человека. Заинтригованный киммериец со всех ног бросился к причудливому явлению.

Неожиданно он остановился, с любопытством разглядывая большой камень, что торчал полузарытый прямо посреди тропы. Сметя пыль с его гладкой округлой поверхности, Конан вдруг громко выдохнул и отпрянул в отвращении.

— Кром! — По спине варвара пробежали мурашки. То, что он откопал, было вовсе не камнем, а макушкой гротескно уродливого черепа; по ширине он в два раза превосходил голову варвара. Конан носком ноги раскидал песок, пока на свет не появились столь же огромные, размером со страусиное яйцо, глазницы, смотревшие на варвара пустым холодным взглядом. Они располагались почти на противоположных сторонах черепа. Ни слуховых отверстий, ни ноздрей заметно не было, а косой лоб, суживаясь, переходил в скуластую морду с надломленным крючковатым клювом. Конан продел меч в пустую глазницу и приподнял на удивление легкий череп для

дальнейшего изучения. Ряды острых зубов торчали из приоткрытого клюва, чуть загнутые назад. Судя по всему, птица принадлежала к какой-то редчайшей породе. По крайней мере, Конан в жизни не встречал ничего подобного. Жутковатые клыки свидетельствовали о том, что птичка явно не увлекалась вегетарианством. Интересно, где же могла быть остальная часть скелета?

Помрачнев, Конан опустил меч, позволив костлявому ископаемому соскользнуть на песок. Слегка ударив по нему мечом, варвар обнаружил, что древний череп еще весьма крепок. Замахнувшись как следует, он разрубил выцветший лик на две половины, тем самым положив конец злобешнему взгляду. Конан шагал дальше и вскоре достиг серой площадки. Увиденное заставило его глубоко вздохнуть, шепча молитвы вперемешку с ругательствами.

Сгруженные один поверх другого, блеклые черепа образовывали широкие серые кучи, доходившие варвару до пояса. Их пологие склоны простирались до самой воды, словно тяжелые пыльные ковры. Прибой с тихим плеском омывал черепа, перекатывая их с места на место. Большинство было того же размера, как и тот, что встретился Конану на тропинке, хотя некоторые из них были поистине громадны.

Но нигде не было видно остальных костей, ни ребер, ни ног... ничего — лишь одни пустые серые черепа. Нездоровое любопытство побудило Конана ковырнуть кучу острием меча в поисках ключа к разгадке столь необъяснимого явления. В глубине кости казались более старыми и хрупкими. Многие начали крошиться под весом верхних слоев. Вот почему эта часть острова носила такой тусклый оттенок: рассыпавшиеся в прах кости, подхваченные ветром, разукрасили все вокруг серым.

Неожиданное движение на горизонте прервало его размышления. Он с изумлением наблюдал за тем, как небольшая флотилия из весьма причудливых судов возникла как будто бы из ниоткуда и теперь стремительно приближалась к берегу.

Он насчитал восемь лодок, в каждой из которых сидело по четыре человека, — нет, самая последняя везла только двоих. Прикрывшись ладонью от солнца, Конан пристально всматривался в горизонт, пока не разглядел гребцов.

Все моряки были мужчинами, однако вовсе не похожими на тех, что ему доводилось видеть прежде. Пестрый раскрас покрывал их загорелую, оливкового цвета кожу. Сами же моряки были поистине богатырского сложения и передвигали свои суда могучими рывками со скоростью, способной вызвать зависть даже у самых искуснейших гребцов. Несмотря на неоспоримые преимущества своих хозяев, сами лодки казались громоздкими и неуклюжими. Гребцы восседали верхом на толстой центральной перекладине, изготовленной скорее всего из пальмового дерева, а изогнутые перекрестья, словно громоздкие деревянные ручки, крепили к ней более тонкие стволы, расположенные параллельно главной балке, и придавали конструкции устойчивость. У каждого было по одному веслу, и они гребли им с каждой стороны поочередно.

Конан отметил про себя, что эффективный, но чересчур уж простой дизайн делал судно пригодным лишь для короткого плавания, ибо казалось невозможным представить такую каракатицу в шторме. Вероятно, туземцы приплыли с соседнего острова, а может, даже с материка — киммериец ни на минуту не мог поверить в то, что этот злобеший бесприютный остров мог быть чьим-то домом. Хотя варвар и не заметил на пришельцах никакого оружия, он вовсе не считал их абсолютно безобидными. Древние канибальские культы были достаточно широко распространены в этих краях. Поспешно скользнув в гущу, Конан с волнением ожидал прибытия гостей.

Неожиданно, когда до берега оставалось совсем немного, несколько гребцов оглянулись назад. В следующий миг моряки как по команде задрали головы к небу. Проследив за их взглядами, Конан чуть не вскрикнул от изумления.

В лазурном небе прямо над головами туземцев, затеняя крыльями солнце, кружила стая чудовищных птиц. Их появление никак не укладывалось в голове варвара. Ведь только что небо было абсолютно чистым. Вероятно, они летели как раз со стороны солнца, и слепящие лучи не позволили заметить их сразу. С такого расстояния Конан не мог быть точно уверен, но ему показалось, что пернатые были хищниками... гигантского размера тварями, гораздо больше человека.

По мере того как лодки стремительно подплывали к берегу, мужчины переставали грести. Используя весла как багры, они отталкивались от твердого каменистого дна, умудряясь при этом развивать еще большую скорость. Из своего естественного укрытия Конан видел, как размалеванные туземцы прыгали в воду и проворно вытаскивали лодки на берег.

Их лица отдаленно напоминали зембабвийские: те же широкие расплющенные носы, ноздри, вздувавшиеся над толстыми припухлыми губами, и надбровные дуги, угрюмо нависшие над глазами. Однако даже самый рослый зембабвиец не был столь высок и плечист, как эти странные мореплаватели. Даже самый маленький из них выглядел бы на фоне варвара настоящим великаном; Конан сомневался, что был по плечо хоть одному из них. Их талии были размером с его грудь. Туземцы не носили никакой одежды: на них не было даже набедренных повязок. Уродливо торчащие пупки были в два раза толще его большого пальца. Животы казались внушительными, однако упругими и подтянутыми. Головы — тщательно выбриты, волосы росли лишь на затылках и собирались в аккуратную косичку. Косы юношей были короткими, с одним туго затянутым узелком, в то время как старики щеголяли куда более роскошными хвостами.

Самый высокий, крикливо разукрашенный туземец первым выскочил на берег. Его длинные седые волосы были сплетены в тугий канат из двенадцати узлов. Глубокие морщины изрыли суровое смуглое лицо, а через всю грудь пролегал кривой безобразный шрам. Нить ракушечных бус — голубых, красных и зеленых — окружала толстую шею, переливаясь на ярком свете.

Пока остальные мужчины вытаскивали лодки на усеянный костями песок, он обернулся к ним с явным намерением произнести речь. Вскинув руки к небу, словно пытаясь дотянуться до солнца, великан издал необычный густой крик. Притаившийся в засаде Конан даже не подозревал, что человеческая глотка была способна

производить столь сложные, богатые обертонами звуки. Какие-то гипнотические нотки в голосе старика эхом отзывались в душе азартного до ратного дела киммерийца. Сквозь густую листву он видел, как толпа вторила этому жесту и, передразнив крик вожака, рухнула на колени.

Только один угрюмого вида юноша почему-то не преклонился перед старцем. Его рельефные, словно вылепленные из темного воска мускулы играли под красочным узором из желтых треугольников, украсившим руки, ноги и грудь. Сверху его голова была точно так же выбрита, однако прямые, черные как смоль волосы росли не на затылке, а прямо из-за ушей и были сплетены на шее в косичку, вступая в явное противоречие с традициями остальных.

Проигноировав юношу, вождь начал свою речь.

Конан, ожидавший услышать надломленные гортанные звуки, служившие средством общения для многих народов Зембабве, был премного удивлен, заслышав членораздельную речь. Язык являл собой причудливую смесь двух знакомых диалектов. Большинство имен и географических названий были и впрямь зембабвийскими, однако основу языка составляли вендийские слова. Брови варвара сошлись на переносице от того напряжения, с которым он стал вслушиваться.

— Великие ганаки! — начал седовласый громогласно. В тот же миг дикари дружно вытаращились на него. Ни один не смел шевельнуться или отвести взгляд от торжественно напыщенного лица. Только один вызывающего вида юноша демонстрировал полное безразличие и стоял, уперев руки в бока, позади остальных.

Киммериец в недоумении покачал головой. Почему они не пытаются удрать от крылатых преследователей или, по крайней мере, не найдут более подходящей позиции для отражения атаки?

Тем временем старый ганак продолжал:

— Сегодня вы дрались на славу, отправив многих кезатти в Долину смерти! Но многие еще остались — очень многие. — Он помедлил, опуская руки на смуглые мускулистые бедра. — Отцы наших отцов жили на этих священных берегах и отцы наших дедов. Повесть об их

удивительной доблести написана костью наших заклятых врагов, — он провел рукой вдоль мрачного побережья, — и долг каждого из нас — последовать их примеру! Нас не так много, но мы вместе! — С этими словами он сжал правую руку в кулак и угрожающе потряс ею в воздухе. — У многих из вас есть сыновья и дочери. Пусть некоторым из нас суждено покинуть этот мир и отправиться в серые земли... Но племя останется жить, если мы прогоним крылатого супостата. Так пусть же этот песок станет красным от крови кезатти! Мухинго... Мухинго... — запел старик, плавно раскачиваясь.

— Мухинго... Мухинго... — вторили ему голоса соплеменников. Позади них пернатые хищники опасно сократили дистанцию, так что Конан мог слышать ритмичное хлопанье гигантских крыльев. Небо потемнело от их беспрестанного кружения. Однако туземцы были полностью поглощены своим обрядом и, казалось, не обращали на птиц никакого внимания. И только безмятежный юноша равнодушно задрал голову, удостоив кезатти презрительным взглядом.

— Так отомстим же за наших предков! — не унимался старик, воздев руки к небу и сжав кулаки.

— Мухинго!

— Спасем наших женщин! — Он с силой хлопнул кулаками над головой.

— Му-хин-го! — В голосах дикарей слышались истеричные нотки, они также захлопали руками.

— Спасем наших детей!

— Мухинго! — Двадцать девять голосов грянули как один, и эхо разнесло заклятие по всему побережью. На какой-то миг хор заглушил даже хлопанье крыльев.

Конан следил за происходящим, как зачарованный. Эти ганаки были неслыханно храбры либо глупы, раз встречали врага безоружными. Хотя нет, у некоторых все же имелось оружие — весла. С одного конца каждое весло было остро заточено и могло послужить примитивным копьем. Подхватив свои первобытные орудия, туземцы выстроились плечом к плечу, готовясь отразить налет крылатых исчадий.

Гигантские птицы спустились настолько низко, что киммериец без труда мог разглядеть их черты. Их морды

и шеи были покрыты морщинистой кожей, как у млекопитающих. Черепа были подобны тем, что валялись повсюду на побережье. Пестрое оперение черных, красных и янтарных оттенков покрывало все остальное тело и голову. Каждая из массивных ног заканчивалась пятипалой суставчатой лапой с длинными, как человеческие пальцы, когтями. Глаза также непостижимо напоминали человеческие.

Душераздирающий крик, с которым стая устремилась на ганаков, пронзил слух варвара, словно стон сотни мучеников, гибнущих от руки палача. Кровожадно загнутые красные клювы довели на узких злобных мордах. Пронзительные крики, плотоядный взгляд и уродливые головы — Конану не пришлось долго гадать, чтобы распознать все признаки хищников. Однако эти стервятники охотились не на падаль... а на живых!

Выпустив когти и крича с леденящей злобой, первая волна кезатти пикировала на горстку людей. Хищники все же уступали своим жертвам в размерах, но зато превосходили их абсолютным числом: на одного ганака приходилось не менее десяти пернатых. Они летели прямо навстречу копыям, не обращая внимания на остро заточенные концы.

Конан больше не мог сидеть сложа руки, глядя, как храбрые аборигены идут на верную смерть. Он вовсе не трусливый щенок, чтобы отсиживаться в кустах, когда рядом разгорается отчаянная схватка. Вообще-то варвар не имел ничего общего с этими ганаками и уж тем более не был перед ними в долгу, но все-таки это были люди... со своими семьями. Останься он равнодушно наблюдать за их смертью — и на нем оказалось бы столько же невинной крови, сколько на лапах стервятников.

Движимый своим варварским кодексом чести, киммериец решил присоединиться к храбрым туземцам в их безнадежной борьбе с кезатти.

Быть может, его меч и притупился, болтаясь в океанском рассоле, но дух киммерийца — нет. Будто дикая лесная кошка, он выпрыгнул из чащи.

Он пересек серый пляж и почти добрался до берега, когда бритоголовые воители его наконец заметили. Они изумленно вылупились на длинноволосого северянина...

но времени удивляться не было, ибо в эту самую минуту кезатти ринулись в свирепой атаке.

Ганаки двигались с удивительной для людей их комплекции скоростью. Те, что не имели весел, ныряли, уворачиваясь от клювов и когтей, и хватали птиц за ноги. Более легкие твари, не в силах вырваться из стальных объятий, били людей крыльями и нещадно ципали, метя клювом в лицо.

Справа от Конана широкоплечий ганака сражался сразу с двумя тварями. Деревянное копье пронзило одну из птиц, но другая уже вцепилась когтистой лапой в загорелое лицо воителя. Сдирая с черепа кожу и выпарапывая глаза, кезатти повалила ослепленного мужчину наземь и принялась клевать в незащитный живот. Одним чудовищным рывком зубастый клюв вспорол тонкую кожу и выпотрошил внутренности на песок.

Взбешенный столь невиданной жестокостью, Конан бросился на стервятника с высоко занесенным мечом. Легкий клинок со свистом рассек жирное тело, подняв над землей облачко пуха и перьев.

Выпотрошенный ганака, который невероятным образом продолжал жить, посмотрел на Конана невидящим взором и слабо улыбнулся, прежде чем испустить дух. Конан еще раз взглянул на изуродованный живот и отвернулся. За этого туземца он убьет десятерых кезатти.

...И в следующий миг ему представилась такая возможность. Щелканье дюжины клювов раздалось над его головой, а небо померкло от взмахов дьявольских крыл. Меч, выброшенный вслепую, нашел-таки свою жертву. Еще одна голова кезатти свалилась к его ногам. Стая взмыла вверх, готовясь к новой атаке.

Воспользовавшись минутной передышкой, ганаки снова выстроились в ряд — все, за исключением седовласого великана. Встретив взгляд Конана, старик страшно побледнел. Остальные же нервно потупили взор, словно боялись глубоко глядываться в лицо киммерийца.

— Кулунга!.. — прошептал вождь. И тут Конан заметил, что покрытый шрамами воитель смотрел вовсе не на варвара, а на его меч. Кровь стервятников тонкой струйкой стекала с блестящей на солнце гарды.

Конан попытался заговорить, но гомон стремительно пикирующих птиц заглушил его слова. Решив не тратить сил на болтовню, варвар выставил меч вперед и приготовился в очередной раз отразить атаку небесного воинства. Он обнаружил только пятерых мертвых ганаков, в то время как с улыбкой насчитал около тридцати трупов птиц. Кровавые весла-копья исправно собирали дань. Но даже если и так — тридцать мертвых кезатти были лишь малой толикой от бесчисленной крылатой орды. Решив улучшить счет, Конан широко расставил ноги и отвел в замахе меч. В нескольких шагах от него ганацкий оратор поднял весло павшего товарища.

Конан заглянул в круглые красные глаза кезатти, прежде чем разделал ее на куски. В это время три другие гигантские птицы устремились на него с разных сторон. Киммериец попытался увернуться от двух из них, одновременно пронзая мечом третью, но в этот миг ступня его поскользнулась о голову, валявшуюся под ногой. Споткнувшись, он все же взмахнул вслепую мечом, остановив хищников лишь на миг. Невредимая парочка явно торжествовала. Птицы с криком набросились на незащитную плоть. Распластавшийся на земле киммериец тщетно пытался защитить руками лицо...

Но тут за спиной варвара раздался спасительный свист: седовласый вождь вовремя метнул весло, хорошенько поддав под зад одной из тварей и угодив другой прямо по тонкой шее. Позвоночник с отвратительным звуком хрустнул, и птица с лету врезалась в землю, пропахав мордой песок.

Подхватив весло, старик бросился на первого оглушенного кезатти и стал его колотить плоским концом со звуком, с каким выбивают пыльный ковер. Киммериец едва успел вскочить на ноги, как почувствовал в затылке невыносимую боль: подлетевшая сзади птица вцепилась ему в череп, вырвав из гривы изрядный клочок волос. Зловещее щелканье клюва раздалось над самым ухом. Мгновенно развернувшись назад, Конан яростно размахнулся мечом и навсегда отучил дерзкую птицу ципаться. Стальной клинок угодил прямо в распахнутый клюв и снес половину черепа.

Однако долго скучать не пришлось, ибо в следующий миг на него обрушился настоящий град из когтей и клювов.

Чудовищной силы выпадом Конан пронзил одну тварь и, высвободив меч, сразу же бросился на другую.

Ему вдруг показалось, что стремительная, словно смерч, атака была спланирована заранее. Искорки дьявольского разума светились в этих налитых кровью глазах. Яростный напор стервятников вынуждал Конана постоянно вертеться и уворачиваться.

Вот две или три кезатти устремились на него с разных сторон. Проворно нырнув вниз, варвар чудом избежал распростертых когтей. С каждой новой атакой птицы настойчиво толкали его к воде, отрезая от основного туземного воинства.

Неподалеку от варвара седовласый ганак искусно работал веслом. Раздавая удары направо и налево, он прибавал кезатти к земле, пронзая острым концом менее расторопных тварей. Конан не мог себе позволить взглянуть на других бойцов, ибо беспрестанный шторм когтей отнимал у него все внимание. Кровь струилась из множества ран на его руках и лице, смешиваясь с потом, что лил в три ручья из каждой его поры. Вскоре он с ужасом почувствовал первые признаки изнеможения. Энергия кокосового завтрака стремительно убывала с каждым взмахом меча, с каждой каплей пота и крови. Однако, собрав волю в кулак, он продолжал рубить красноперые шеи.

Сменив тактику, Конан начал пятиться назад, навстречу седовласому ганаку. Словно разгадав его мысли, крылатые твари накинулись на воинов с еще большим остервенением, пытаясь помешать их соединению.

Распознав намерения варвара, старик также попятился назад, пока их спины не встретились. Так и продолжая драться спиной к спине, воины рубили крылатых демонов до тех пор, пока багровый закат не утонул в океане. И только когда сумерки наполнили ночное небо, кезатти на миг оставили людей в покое. Взмыв вверх, стая описала широкий круг и с криком устремилась обратно на землю.

Короткая пауза окончательно лишила Конана сил. Стараясь удержаться на ногах, он слабо приподнял меч, намереваясь подороже продать жизнь. Рукоятка изящного стигийского клинка казалась тяжелым скользким булыжником, который того и гляди грозил выскользнуть

из рук. Только могучим усилием воли варвар удержал меч над головой.

Конан глотнул побольше воздуха: тупой черный клин несся прямо на него.

Однако пернатые хищники с шумом пронеслись мимо. На этот раз их интересовали лишь мертвые. Подхватив трупы ганаков, они взвились в небо и вскоре исчезли, будто растворились в ночи. Как только их крики смолкли, на побережье воцарилась долгожданная тишина, нарушаемая лишь редкими стонами умирающих и тяжелым дыханием живых.

А вокруг простирались трупы кезатти. В центре они возвышались кучами, чуть поодаль — валялись поодиночке. Старый ганак дрался до конца и только сейчас посмотрел на киммерийца. Он преклонил одно колено на красный от крови и перьев песок и, потупив взор, заговорил.

Вид вождя Конана озадачил, однако он слишком устал, чтобы разобрать его слова. Конан покачнулся, меч выскользнул из онемевших рук.

— Кулунга! — прокричал старик и вскочил на ноги, спеша предотвратить падение киммерийца.

Тяжело вздыхая, седовласый гигант оттащил Конана от кучи мертвых тел и, нежно уложив на берег, принялся поливать водой.

— Ты глупец, Юкона! — Человек, произнесший эти слова, смеялся, вытирая кровь с покрытой желтыми тругольниками груди. Он с силой вонзил весло в песок и направился к вождю.

Юкона поднялся с земли, выпрямился во весь свой могучий рост и, скрестив руки на груди, невольно поиграл огромными бицепсами.

— Смейся сколько хочешь, Гомба! Но знай, над кем смеешься. — С этими словами старик жестом указал на распростертого киммерийца. — Кулунга выиграет гануту, как только мы вернемся. — Он чуть заметно улыбнулся одними губами, в то время как глаза сверкнули холодным огнем.

Пожав плечами, Гомба ухмыльнулся:

— Осмелюсь тебя заверить, это не Кулунга. Кулунга — басня, что живет на губах мечтательных дураков.

А я не отношу себя к их числу. — Он устало вздохнул, вытирая кровь с расцарапанного лица и равнодушно наблюдая за тем, как горстка измученных бойцов собирается вокруг старика. Включая их с Юконой, из тридцати ганак в живых осталось только семеро.

Юкона заговорил снова, однако дрожь сомнения промелькнула в его голосе:

— Даже если он не Кулунга, то наверняка его посланник. Разве ты не видел атлангу в его руке? Несколько странно, что он столь невелик... Но... клянусь Мухинго, ни один из нас, даже ты, Гомба, не убил столько кезатти, сколько этот длинноволосый странник.

Гомба пропустил упрек мимо ушей и нахмурился:

— Надвигается ночь, нечего сидеть сложа руки!

Посмотрев на расprostертого киммерийца, Юкона померчал:

— Мы не оставим его здесь одного. Наутро кезатти вернутся за трупами соплеменников. Возьмем чужестранца в Ганаку, а там поглядим.

Гомба лишь пожал плечами:

— Что ж, если тебе это так нужно... Но хватит слов, мы должны закончить работу, пока эти демоны и впрямь не прилетели. Не ты ли учил нас оторвать тварям головы, чтоб неприкаянные их души не блуждали по этим берегам.

Юкона согласно кивнул:

— Я сам позабочусь о чужестранце. Закончим работу, и домой! А уж там нас наверняка заждались с накрытыми столами, — подмигнул он ганакам. — Клянусь Мухинго, мы все-таки их прогнали. Теперь кезатти не посмеют нас беспокоить много лун, а может, и вовсе никогда не вернутся.

— Хотелось бы в это верить, — равнодушно прокомментировал Гомба. — Сегодня я видел столько кезатти, сколько мой дед вряд ли мог себе даже представить. С каждым годом их становится все больше. На твоём месте я не стал бы так обольщаться.

Тень негодования омрачила лицо Юконы, но он ничего не ответил.

Пятеро остальных ганак молчаливо следили за диалогом, не решаясь вставить ни слова. К безобразным шрамам, покрывавшим их мужественные лица, прибавились

свежие. Однако изодранные лица да окровавленные скалпы были их единственными ранениями. Во всех остальных отношениях их тела чудесным образом сохранились, и неудивительно — ибо всех тяжело раненных бойцов кезатти утащили в свое логово. Среди прочих Гомба и Юкона оказались самыми невредимыми.

Все пятеро уныло шаркали ногами, их лица были постными: потеря друзей омрачала радость победы. Следуя приказам Юконы, они поместили Конана в центр пальмовой лодки.

— Я сяду спереди, — заявил вождь. — Ты, Помья, будешь придерживать его в пути. А ты, Бонуаб, сядешь сзади за Помьей...

И только Гомба не слушал старого вождя, он с восхищением разглядывал меч, который так и продолжал валяться на песке, там, где его выронил Конан. Юноша нагнулся и хотел уже схватить узорную рукоятку.

— Нет! Не делай этого! — в ужасе закричал старик и со всех ног бросился к Гомбе.

— Почему? — Пальцы юноши, находившиеся в дюйм от рукоятки, застыли в нерешительности.

— Только Кулунга или его избранный могут дотронуться до атланги. Неужели ты хочешь обратить на нас гнев Мухинго?

Однако Гомба лишь мотнул головой и крепко вцепился в эфес своей огромной, способной вместить три таких клинка лапищей.

Гримаса ужаса исказила лицо Юконы. Глаза пятерых ганак безумно расширились. Шепча молитвы, они с благоговейным трепетом бросились на песок.

Гомба поднял меч и неловким движением примерил его в руке.

— Ну, что скажешь, Юкона? Только Кулунга или его избранный?

Юкона не верил своим глазам.

Вытянув меч, Гомба указал острием на море, в сторону, противоположную той, где только что скрылось солнце.

— По лодкам! Я, законный избранный Кулунги, повелеваю вам плыть домой! — Его тон был насмешливым, однако не допускавшим никаких возражений.

— Что будет с ним? — тихо спросил разжалованный вождь, указывая на Конана; в его голосе чувствовалась мольба.

Вопрос застиг юношу врасплох, заставив на минуту задуматься. При виде спящего киммерийца он нахмурился, глаза налились неожиданной злобой.

— Этот останется здесь... выгрузите его на берег. Кулунга сам позаботится о нем, если, конечно, он того стоит.

Юкона стиснул зубы, но возражать не стал.

Сгрузив Конана на берег, ганаки оттащили его в лес и прислонили к дереву.

Пока Гомба и остальные ганаки занимались приготовлениями, Юкона улучил минутку и, прокравшись к киммерийцу, нацарапал что-то рядом с ним на песке.

Лодок теперь было больше, чем гребцов, поэтому одну оттащили в кусты, спрятав туда же и запасные весла.

— Мы вернемся за этим позже, — объяснил Гомба, хотя в этом и не было никакой необходимости. Ему нравилось раздавать приказы, и он быстро вживался в новую роль.

Ганаки спустили лодки на воду, развернув носы на восток. Флотилию возглавил Гомба, за ним следовал Юкона, затем остальные. Когда лодки достигли достаточной глубины, туземцы попрыгали в седла и принялись грести. С каждым взмахом весла они отплывали все дальше, прочь от мрачного побережья. Вскоре они растворились в чернеющем горизонте.

Глава восьмая

В ДЖУНГЛЯХ

Продрав глаза, Конан задумался: уж не приснилась ли ему вся эта история с кезатти? Последнее время ему слишком часто виделись странные сны. Однако, бросив взгляд на побережье, он тут же убедился в обратном. Нет, на этот раз дремлющий рассудок не выкинул с ним никакой шутки. Все, что с ним вчера произошло, вовсе не было плодом разыгравшегося воображения, и кровь на песке служила явным тому подтверждением. Он вспом-

нил, как забылся в объятиях старика... Но куда же девались ганаки? Должно быть, это они перетащили его в джунгли и уложили под пальмой.

Ночь, проведенная в глубоком забытии без снов и видений, восстановила силы. Конан попытался собраться с мыслями. Воспоминания о недавнем превращении отозвались неясной полузабытой болью. Он смутно подозревал, что с ним по-прежнему что-то было не так. Эти приступы тяжелого долгого сна столь неестественны! Прежде он спал куда легче, даже после таких битв, как вчерашняя. Он беспощадно терзал свой мозг, силясь разгадать природу шаманского заклятия и, что еще важнее, — побороть его зловещий эффект. Однако ни в том ни в другом направлении попытки не имели большого успеха.

Варвар рассеянно пошарил рукой в поисках меча. Странно, нигде вокруг клинка не было заметно.

Слегка раздраженный, он встал на ноги и тщательно осмотрел побережье. Наверняка ганаки дрыхли где-нибудь невдалеке. Варвар прислушался... На берегу царил мертвая тишина, и варвар с ужасом осознал, что вновь остался один. Разозлившись, он нервно ступил вперед... но тут же отпрыгнул в сторону, чуть было не испортив загадочного рисунка на песке.

Глубокие следы вокруг означали, что один из ганаков торопливо набросал этот чертеж. Стрела, исходившая из кривого полумесяца — очевидно, острова, — указывала на восток. Ее острие упиралось в плавную линию, вдоль которой тянулся набор символов, не имевших, однако, для киммерийца никакого смысла. Неожиданно варвар догадался, что эта линия подразумевала другой остров, гораздо большего размера. Его периметр изображен полукругом.

И тут только Конан заметил на песке до боли знакомый след. Справа от картины неясно вырисовывался контур его собственного меча. Незвестный художник оказался к тому же вором?!

— Борода Бэла! — с чувством выругался киммериец, пнув песок рядом с картой и чуть не испортив изображения. Что ни говори, эти ганаки выбрали оригинальный способ выразить ему благодарность. Несомненно,

крючковатые буквы давали всему этому какое-то объяснение, но для варвара они были так же загадочны, как руны кхитайских мудрецов. Исполнившись безнадежного отчаяния, он поглядел на иероглифы еще с минуту, как будто время могло наполнить их содержанием.

Оставив тщетные попытки изучить азбуку дикарей, Конан глубоко вздохнул и зашагал к берегу. Утреннее солнце освещало следы. Следуя им, Конан вышел к кустам, где обнаружил несколько аккуратно припрятанных весел и одну-единственную лодку. Возможно, ганаки желали, чтобы он сам приплыл на их остров. Не так ли надлежало поступить настоящему Кулунге? Что ж, какова бы ни была истинная причина столь спешного отплытия, маршрут их теперь был предельно ясен.

Вскарабкавшись на ближайшее дерево, Конан натряс кокосов, и только после того, как насытился, спустил лодку на воду. Перед самым отплытием он еще раз изучил карту, надеясь всем сердцем, что остров располагался недалеко.

Ганакское судно являло собой воплощение истинной простоты, хотя и было рассчитано на более здорового человека. Отломав часть весла, Конан подогнал его под свой рост. Теперь грести было куда легче. Ритмичными попеременными штрихами он разрезал веслом прибой до тех пор, пока остров позади него не превратился в крохотное пятнышко. Только сейчас в голове киммерийца родился неожиданный вопрос. От изумления он даже перестал грести. Куда же девались трупы птиц? Варвар удивился, что не заметил их отсутствия сразу. Он решительно не видел на берегу тел — только головы, сваленные в огромные беспорядочные кучи. Было ли это делом рук ганак, которые побросали обезглавленных птиц в море? Где только не побывал киммериец на своем веку, избородив тысячу дорог и изучив сотни обычаев, однако даже из того немногочисленного, что он знал о ганаках, они показались ему большими чудачками.

Стараясь поскорей забыть об отрубленных головах, варвар снова взялся за весло. Мускулы вздулись на его спине, играя под бронзовой от загара кожей. Страстное желание оказаться как можно дальше от мрачного побережья заставило его грести могучими рывками.

Прежде чем солнце поднялось в зенит, цель его широкой кромкой замаячила впереди. Возблагодарив Крома за короткий и небогатый событиями путь, Конан отложил весло и, потянувшись, принялся внимательно изучать побережье. Энтузиазм, вызванный одним лишь видом земли, вмиг освежил уставшее тело.

Новый остров казался более обещающим. Темно-зеленые джунгли простирались до самой воды, возвышаясь отвесной стеной над крутым, изрытым корнями берегом. В несколько энергичных гребков Конан достиг скорее глинистого, чем песчаного побережья. Чайки и крабы беззаботно разгуливали среди зеленого хлама водорослей и розоватых ракушек. Шепот прибой и пение птиц дополнились тихим всплеском весла. Что ж, по крайней мере, остров демонстрировал все признаки буйной жизни и выглядел куда привлекательней того костлявого побережья.

Да и размером остров был не в пример больше. Издали он, правда, не показался таким великаном, однако сейчас выглядел довольно внушительно: раз в шесть или семь шире своего соседа — полумесяца. Джунгли простирались так далеко, покуда мог видеть глаз. Остров был высоко приподнят над морем и у самого своего подножья сплошь зарос ягодой и виноградом. Причем последний достигал поистине впечатляющего размера, какой встречался лишь в Куше да на запретных берегах Зархебы, где нога человека не ступала со времен гибели Атлантиды.

В действительности остров был пропитан духом той первобытной девственности, которая сохранилась лишь к югу от Куша. Конан сильно сомневался, что перо хоть одного картографа пыталось обрисовать его контуры.

Направив лодку к тому самому месту, что было определено на ганакской карте, Конан оглядел побережье в поисках новых признаков жизни. Не считая длинноногих птиц и деловито снующих крабов, он не видел пока никаких других обитателей. Возможно, они прятались в джунглях; варвар не переставал надеяться, что флора и фауна острова помогут определить его месторасположение и подскажут путь на материк. Но сначала надо разыскать ганак. С какой бы целью они ни пригласили его в гости — он скоро об этом узнает.

Конан опустил весло в воду и смерил глубину: древко коснулось дна. Соскользнув с лодки, варвар по груди погрузился в теплую голубую воду. Осторожно ступая по мягкому илистому дну, он двинулся дальше к берегу. Маленькие полосатые рыбки, которыми изобилдовал залив, стайками разбежались кто куда, встревоженные неожиданным вторжением киммерийца. Всматриваясь в прозрачную воду, Конан выискивал малейший признак опасности, что могла поджидать его на пути.

Наступив на гладкий широкий камень, он вдруг почувствовал странное движение за спиной. Не раздумывая ни минуты, варвар мигом вскарабкался в седло, уцепившись за пальмовое перекрестье.

То, что он нащупал у себя под ногой, было вовсе не камнем, а раковиной огромного моллюска — столь гигантского, что запросто мог проглотить Конана по пояс. Его толстые обрюзгшие челюсти, сплошь забитые илом и песком, озадачили даже бывалого киммерийца. К счастью, внезапно раскрывшаяся пасть обдала варвара грязью, вовремя предупредив об опасности.

Конан с облегчением вздохнул. Никогда еще ему не приходилось видеть моллюска столь невероятного размера. Надо полагать, аппетит твари вполне соответствовал ее пропорциям. Обругав себя за неосторожность, Конан погреб дальше, так и не слезая с лодки до самого берега.

Конан мучительно переживал свою утрату. Лишенный меча и не имея даже тряпки на теле, все, чем он располагал, было смекалкой да инстинктами. С этим оружием он одержал в прошлом не одну победу. Хорошо бы они не подвели и впредь. Однако надо бы держать ухо остро, не то этот миленький островок запросто станет его могилой.

Вытащив лодку на берег, Конан пристально всмотрелся в изумрудную зелень джунглей. Залитые солнцем пальмы плавно покачивались на ветру, маня киммерийца под свои тенистые кроны. Однако Конан проигнорировал соблазн. Он волоком оттащил лодку к подножию небольшого песчаного холма и, сжав в руке весло, принялся изучать побережье.

Борьба на палках — искусство восточных воинов — подходила северянину менее всего, не говоря уж о не-

удобствах, связанных с ее применением в ближнем бою. Однако сейчас заточенное весло вполне могло доказать свою полезность.

Пока ничего особенного заметно не было, разве что джунгли чуть редели в месте, указанном на ганакомском рисунке. Мысленно представив себе иероглифы, он неожиданно вспомнил один из них: небольшой кружок со значком внутри, он располагался у самого берега и в точности соответствовал логову моллюска. Несомненно, значок предупреждал об опасности. Нахмурившись, Конан попытался припомнить остальные из дюжины символов, начертанных на песке. Однако даже те, которые все же удалось вспомнить, мало о чем ему говорили.

По мере того как киммериец продвигался к указанному просвету, песок под ногами становился мягче, а его безукоризненная белизна обрела грязно-желтый оттенок. Тонкие пучки травы ковром устилали влажную землю. Несмотря на ветерок с моря, воздух наполнился запахом гнили.

Обогнув мысок, Конан увидел лодки. Они лежали в пределах броска копья. Варвар ускорил шаг, шлепая по щиколотку в грязь. Рой жирных темно-зеленых мух повис над тремя из них, наполняя воздух монотонным жужжанием. Насекомых привлекла кровь, черневшая пятнами на пальмовом дереве. Видимо, кезатти изрядно разукрасили нескольких туземцев.

Утопая в трясине, Конан поскреб ошетилившийся подбородок, размышляя, куда ганаки могли отправиться потом. Куда ни глянь, повсюду разлилась грязная теплая жижа, а ближе к джунглям она превращалась в глубокое поросшее тростником болото. Вообще-то киммериец считался неплохим следопытом, однако в этой зловонной грязи вряд ли бы разобрался даже разведчик пиктов.

Несколько растерявшись, Конан закружил вокруг лодок в поисках хоть малейшего намека на дальнейший маршрут туземцев. Где-то поблизости должно быть село. А раз так — то болото скоро кончалось: вряд ли нормальный человек стал бы жить возле зловонно смердящей лужи.

...Нет, мокрая земля не сохранила ни одного отпечатка. Конан заметил, что в том месте, где он только что стоял,

вода быстро поднялась, засасывая след мутной тиной. Прихлопнув на ногу жирного слепня, Конан продолжил поиски. Неожиданно его блуждающий взгляд наткнулся на блестящий предмет, вдавленный в глину. Ракушка из ожерелья старого ганака! Он поднял ее, удивляясь яркости и затейливости узора. Такие безделушки стояли в городах больших денег.

Интересно, он обронил ее случайно или намеренно? Полагая последнее, варвар зажал вещицу в кулак и, припомнив, куда был повернут ее острый конец, зашлепал в указанном направлении. На расстоянии тридцати шагов он обнаружил другую, на этот раз ярко-пурпурную, с темными concentрическими кругами.

Ага, значит, старик пометил свой путь. Слабая улыбка коснулась уголков его губ, и он решительно зашагал дальше, продираясь сквозь мокрую липкую зелень, пока джунгли, сомкнувшиеся за спиной, не скрыли из виду берег.

Облако мух и комариный рой неотступно преследовали его по пятам, беспрестанно кусая и жала. Вяло отмахиваясь от назойливых кровососов, Конан прислушался.

...Странно, ни щебета обезьян, ни писка грызунов, ни рева хищников слышно не было. Однако ничего утешительного в этом не было: птицы и хищники всегда жили рядом. Он обошел стороной змею, притаившуюся в камышах, и отказался от грозди ягод, две из которых уж слишком напоминали глаза.

Джунгли сгустились. Цветы бесконечных форм и оттенков росли повсюду, и Конан старался по возможности не касаться их лепестков. Киммериец прекрасно знал, что за их пышной красотой нередко скрывался смертельный яд.

...А в воздухе витали дивные ароматы, причем благоухание тончайших духов забавно смешивалось с едкостью болотной гнили. Запах казался дурманящим, и варвар старался не вдыхать полной грудью. Там и сям свисали спелые фрукты, но, позабыв про урчание в животе, он отказался и от них.

Остановившись передохнуть, Конан взглянул на небо. Недавняя улыбка тут же исчезла с лица, уступив место угрюмой гримасе. Теплый дневной бриз неожиданно перерос в настоящий шквал, а небо затянулось гроздовыми

облаками. Буквально в следующий миг прозвучал раскат грома и разразился сильнейший шторм. Дождь градом обрушился на разомлевшего от духоты киммерийца.

— Кромов клык! — пробурчал варвар и бросился под широкую крону ближайшего дерева.

Укрывшись под ее навесом, он с отвращением наблюдал, как уровень жижи стремительно поднимался и достигал уже колен. Теперь след старика наверняка потеряется. Мрачно тряхнув вымокшей гривой, киммериец устало прислонился к мягкому мшистому стволу. Хорошо хоть ливень спугнул насекомых, и теперь он сполна мог насладиться короткой передышкой.

Сжав горсть ракушек в одной руке, а ганакское копье в другой, Конан стал ждать конца разгулявшейся стихии.

Глава девятая

ИЗГНАННИК

— Я посланник Кулунги! — заявил Гомба, размахивая мечом перед толпой застывших в изумлении ганаков. Мускулистый воин горделиво возвышался над кучей спекшейся на солнце грязи, стигийский клинок, высоко поднятый над головой, серебром отливал в лучах утреннего солнца.

Позади стеной поднимались джунгли. Могучие кроны чуть покачивались на ветру. Холм возвышался в самом центре поляны, окруженной со всех сторон камышом. Воздвигнутый специально для этой цели на самом краю селения, вот уже несколько поколений он служил ганакам трибуной.

У подножья стояли пятеро изможденных, но распираемых гордостью ганаков. Они тщеславно лицезрели вереницу мужчин, женщин и детей, тянущуюся из деревни. Взоры остальных были обращены к Гомбе. Чуть поодаль восседали двадцать стариков. Длинные скамейки — простые бревна, сложенные треугольником, образовывали грубое подобие амфитеатра.

Старцы были похожи на статуи — такие же деревянные, как и их скамьи. Высохшие лица ничего не

выражали, губы не хмурились и не улыбались. Черные глаза блестели жемчужинами, их взгляд был прикован к Гомбе. Большинство носило короткие рубахи из мелких белых ракушек, сплетенных в тяжелую, но эластичную ткань. Хитрые узоры, подобные тому, что носил Юкона, но сильно выцветшие от времени, покрывали тела. Некоторые не имели никаких украшений вовсе. Однако, размалеванные или нет, все щеголяли длинными седовласыми косами, помелом болтавшимися по земле.

Гомба заговорил опять:

— Юкона, станешь ли ты отстаивать этот пост? Или преклонишься перед избранником Кулунги? — В его голосе чувствовалась насмешка.

Экс-вождь стоял за пределами треугольника, свесив руки плетями, и как будто о чем-то думал. Услышав свое имя, он вздрогнул, но тут же выпрямился и ответил самозванцу зычным, уверенным голосом:

— И ты смеешь называть себя избранным?.. Ты, подло укравший атлангу у настоящего посланца?! Нет, не бывать тебе нашим вождем!

В толпе зашумели.

Подождав, когда шепот стихнет, он скрестил могучие руки на груди и, пристально посмотрев на соперника, продолжил:

— Что ж, я готов к гануте... А ты?

Пятеро воинов беспокойно переглянулись, а женщины успокоили неугомонных детей. Теперь все взгляды устремились на самого древнего старца, тот уже встал со скамьи, играя все еще крепкими мускулами под смуглой кожей.

— Нет! — прогудел его низкий голос, еще ниже, чем у Юконы.

На поляне воцарилась напряженная тишина, даже дети прекратили возню. Старик был так же высок, только тело его, чуть тронутое жирком, казалось от этого еще громозднее. Рубаха из блестящих черных ракушек негромко бряцнула, когда он резко встал на ноги, а эбонитовое ожерелье подпрыгнуло на груди. Длинная коса раскачивалась на ветру, словно кусок серебряной веревки.

— На этот раз гануты не будет. Три раза Юкона отстаивал этот пост и не раз доказал, что его заслуживает.

Сегодня он снова принес нам победу. Гомба, опусти оружие. Тем более если оно тебе не принадлежит. Всякий, кто уничтожил хоть одного кезатти, — наш друг. Вы поступили неправильно, бросив чужестранца одного. Мы выслушали тебя, Гомба. Теперь можешь спускаться вниз. То, что ты прикоснулся к атланге, еще не делает тебя вождем.

Подчиняясь авторитету старейшины, Гомба растерянно опустил меч. Скрежеща зубами, но не проронив ни слова, он с силой вонзил клинок в землю, да так, что над поверхностью осталась торчать лишь витая рукоятка.

— Твои слова для меня закон, великий ятаба и духовный вождь, — сокрушенно пробормотал юноша.

Тем временем старик направился к холму, толпа перед ним почтительно расступилась.

— Ты молод, Гомба, и мало знаешь о Кулунге и его пророчестве. Даже Юкона мог подзабыть эту древнюю легенду об избраннике Мухинго. Слезай, слезай, Гомба, уступи место ятабе, который и старше, и мудрее тебя, позвошь поделиться с вами тем, что известно мне самому.

Ятаба подождал, пока юноша спустится вниз и присоединится к остальным слушателям. Только тогда старик не спеша взобрался на холм. С искусством умелого рассказчика он бросил поверх толпы блуждающий взгляд. Плавным певучим голосом он словно загипнотизировал свою аудиторию.

— Во времена, давно канувшие в Лету, жестокие междоусобицы раздирали наших предков. Каждый раз после смерти вождя сотни человек гибли в борьбе за его место.

Туман застилал глаза ятабы, как будто он оплакивал тех давно умерших ганаков.

— И тогда бог войны Мухинго, что берет наши души после смерти, спустился с облаков и посетил Ганаку. И воззвал он к братьям, что убили своих братьев, и к сестрам, что убили своих сестер, и кровавая слеза упала с его глаз — вот почему наша земля теперь красная. Затем он попросил ятабу собрать всех оставшихся в живых воинов в том самом месте, где много веков спустя вы стоите передо мной.

Однако ятаба нашел лишь одного благоразумного человека, его имя было Кулунга. Большинство наших людей

погибло. Только старики да младенцы выжили в этой войне. И когда бог спросил Кулунгу, почему он не убивал своих братьев, тот ответил: «О бог! Крылатая орда приближается к берегам. Стоит ли предаваться раздорам перед лицом общей опасности?!»

И тогда, услышав в его словах голос разума, — ибо кезатти и впрямь участвовали свои налеты, — люди преклонились перед его мудростью. Умоляя Мухинго о прощении, ганаки попросили у него защиты.

На что бог ответил: «Даже я не могу совладать с детьми моего брата Изата. Только Кулунга спасет вас от крылатых демонов. Засим и наделяю его атлангой!» С этими словами он выковал на небесах могущественное оружие и передал его людям.

В тот день лишь один-единственный человек вышел на битву с кезатти и прогнал исчадий, ибо сжимал в руке атлангу. С того самого дня Кулунга стал вождем ганаков и оставался им до самой смерти. Но прежде чем отойти в серые земли, он завещал нам гануту. С тех пор мы сами выбираем себе вождя. Мухинго забрал и Кулунгу, и атлангу в свое небесное царство, пообещав, что если кезатти нападут снова, то избранный им придет и прогонит их навсегда.

Переведя дух, ятаба улыбнулся.

— Но день тот еще не наступил, ибо Юкона и его воины сами расправились с детьми Изата. И это оружие... — старик указал на торчащий из земли эфес, — не похоже на атлангу, описанную в легендах. Оно слишком прямое, хотя цвет и размер вроде те же. Найдем чужестранца и вернем то, что ему принадлежит по...

Неожиданно старик замолчал, удивленно уставившись вдаль. Из-за зарослей тростника на противоположном краю деревни появился отряд ганакских женщин.

Хоть и не столь высокие, как мужчины, двадцать с лишним ганачек выглядели настоящими воинами. Солидные мускулы отягощали их привлекательные во всех отношениях фигуры, но даже несмотря на свой вес, они двигались с легкостью и грациозностью газелей. Каждая носила кинжал в виде продолговатой и заточенной с одного конца ракушки, заткнутой за узкий пояс из змеиной кожи. В руках они сжимали копыя — длинные палки с

такими же ракушками на конце. Каждая имела длинную черную косу, кокетливо спадавшую на плечо. Капельки пота бисером сверкали на их обнаженных упругих грудях, а тела покрывал сплошной желто-зеленый узор.

Одна из воительниц носила ожерелье, такое же, как у Юконы, только нить его была сплетена из волос, а между ракушками торчали острые змеиные клыки. Ганачка была невысокой, значительно ниже остальных, однако не менее мускулистой. В отличие от черноглазых соплеменниц, глаза ее, темно-зеленые аквамарины, сверкали загадочным блеском, освещая редкой красоты лицо, что выделялось в толпе остальных, как орхидея в зарослях бурьяна.

Она подбежала к холму и, не успев отдышаться, прокричала:

— Прости, ятаба, духовный вождь...

— Должно быть, ты принесла тревожные вести, Шайра? — перебил ее старик с явным неодобрением.

Не замечая его недовольного тона, Шейра пустилась в объяснения:

— Чужестранец вторгся в наши земли: невысокий, бледнокожий, с глазами голубыми, как море, и с волосами здесь и здесь... — Она провела рукой спереди, с висков и сзади.

— Мужчина? — поинтересовался ятаба.

Зеленоглазая туземка скромно заулыбалась, а остальные девушки тихонько захихикали.

— Да, но без одежды и без всяких рисунков, восхвалявших бы его предков. — Тут уголки ее губ опустились, и она продолжила уже серьезным тоном: — И мы видели, как он пересек запретные земли!

Ятаба напрягся, его глаза сделались широкими от ужаса. В толпе зашептались, и даже деревянные истуканы заерзали на своих скамейках, бубня что-то себе под нос и качая бритыми головами.

— Тогда он пропал, — тихо прошептал ятаба и, неожиданно повысив голос, обратился к юноше: — Видишь, что ты наделал, Гомба! Осознаешь ли ты то зло, которое совершил? На твоих руках кровь нашего друга! А ты, Юкона, куда смотрел и что делал? Ведь в твоей власти было спасти чужестранца.

Юкона сокрушенно тряхнул головой и пристыженно взглянул на ятабу.

— Но почему, духовный вождь? Ведь я указал ему путь... ракушками из своего ожерелья! — Он немного помедлил, но потом с жаром выпалил: — Поверь мне, духовный вождь, я проклиная свою глупость! Быть может, он еще жив... Ведь он силен даже для своего роста. Пусть вместо него умру я! Я отыщу его в мертвых землях! — Выдохнув, великан сжал правую руку в кулак и с чувством ударил себя в грудь.

Гомбу несколько позабавил такой прилив чувств, но он подавил ухмылку, еще больше нахмурившись.

Шейра смотрела на вождей непонимающим взглядом, с ее приоткрытых губ вот-вот хотел сорваться вопрос.

Не обращая никакого внимания на девушку, ятаба продолжал:

— Юкона, наш боевой вождь! Твою глупость я прощаю за твою искренность. Иди, и пусть сам Мухинго будет твоим проводником! Но ты, Гомба... — Старик повернулся к юноше. — ...Что же нам делать с тобой? Ты могучее дерево, что несет горькие плоды. Все мы устали от твоих выходов, и поэтому я говорю тебе: ступай! ...Ступай! Возьми лодку и навсегда покинь Ганаку. Пусть Атаба, что заглядывает в сердца людей, судит тебя своим судом.

Тяжело вздохнув, старик отвернулся от побагровевшего юноши. Седовласые старцы поднялись со своих скамеек и также повернулись к нему спиной. Остальные ганаки все еще смотрели на Гомбу, кто холодно, кто с жалостью.

Лицо юноши сделалось каменным. Не вымолвив и слова, он быстро зашагал в сторону леса.

— Гомба! — вдруг не выдержала Шейра.

Он остановился и бросил на нее прощальный взгляд. Глаза молодых людей встретились, и Шейра больно прикусила губу, прежде чем потупить взор. Она так и не заметила единственной слезы, что скатилась по щеке юноши, оросив рыхлую красную землю.

— Безумцы! — процедил Гомба, не разжимая стиснутого рта. — Вы думаете, что победили кезатти? Поколения ганаков не могли с ними совладать, а вы надеетесь, что

они оставят вас в покое. Их сотни! Целые сотни! Они потопят деревню в крови!

Он сжал кулаки и потряс ими в сторону удаляющегося ятабы.

— Ты еще пожалеешь об этом, старый дурак! Скоро... очень скоро пожалеешь!

Голос юноши дрогнул, когда он заметил рукоятку торчащего в земле клинка. Стремительно взобравшись на холм, прежде чем кто-либо успел отреагировать, он выдернул из земли меч и бросился прочь. Продираясь сквозь толпу, расталкивая детей и женщин, он промчался мимо треугольного амфитеатра, перепрыгнул через ручеек и устремился в чащу. Прежде чем скрыться в джунглях, но уже не боясь быть услышанным, он злобно прокричал:

— Я первым отыщу чужака! Он виноват в том, что мой народ поверил самообману.

Гомба изо всех сил сдал рукоятку и встретил свой взгляд, отраженный в стигийском клинке.

— Без этого оружия он никто. И я уж постараюсь поскорей отправить его к богам. — Он напряг канаты тугих мускулов и тут же растворился в листве.

Шумно переговариваясь, племя ганаков столпилось вокруг ятабы. Мягкий полуденный бриз превратился в резкий ветроган, разорвавший в клочья тяжелые от влаги тучи. Они расползлись по всему небу, затмевая солнце.

— Забудьте о нем, — махнул рукой старик, в его голосе почувствовалась смертельная усталость. — Собрание окончено, и нас ждет праздничный обед! Шейра, я смотрю, тебе не терпится узнать о том, что произошло. Собери своих женщин, и я поделюсь с вами новостями.

Едва он успел договорить, как на землю упали первые капли дождя, а в следующий миг уже разразился страшнейший ливень. Не обращая внимания на дождь, ятаба задумчиво смотрел, как его люди ныряли в тростниковые хибарки или прятались под навес широкой приземистой постройки, что удерживалась на неровных и шатких пальмовых столбах. В отличие от других сооружений, в ней не использовался тростник, а крыша была изготовлена из какого-то другого материала, белого и гладкого, хотя и дырявого во многих местах.

Несколько длинных камней служили грубым столом, заставленным разноцветными фруктами. Множество круглых раковин выполняли роль кубков и были наполнены сладким вином. На плоских ракушках возвышались горы рыбы самых разнообразных видов и размеров.

Духовный вождь ласково обнял Шейру за плечо, и они вместе присоединились к остальным ганакам. Никто не заметил, как ятаба украдкой посмотрел на джунгли, в которых только что растворился Гомба.

Дождь, не стихая, лил на киммерийца, вымывая с его лица последнее терпение. Вымокшие насквозь деревья предоставляли слабую защиту, и Конан вовсе не собирался проторчать тут дотемна. Лучше уж скоротать ночь на побережье, чем в этой душной, кишасей москитами луже. Он решил пройти еще немного в направлении, указанном последней ракушкой, и вернуться назад, если ничего не найдется. Вдруг ему встретился знакомый фрукт и удастся хоть как-то утолить гнетущий голод.

Однако и голод, и комары были сейчас едва ли не пустяками. Больше всего на свете варвар хотел выбраться на материк, где смог бы избавиться от этого чудовищного заклятия шамана. Никогда еще за все годы вольнонаемной службы на него не обрушивалось столько бед одновременно. Без меча Конан чувствовал себя совершенно голым. Что ни говори, а именно сейчас три фута закаленной стали как раз бы не помешали. И особенно обидным было потерять такой меч, как Кхерета. Однако, как бы то ни было, он будет драться и без меча, драться голыми руками, если на то вынудят его обстоятельства. Сжав холодные пальцы, он попытался стряхнуть с себя мрачные мысли и сосредоточиться на цели.

Ливень прогнал назойливых кровососов, а постоянно меняющийся ветер собьет с толку хищников. И то и другое было ему на руку.

Варвар выбрался из листвы, обойдя стороной спящую гадюку; ее свернутое кольцо было в два раза шире человеческого бедра. Джунгли, давившие со всех сторон, становились все гуще, пока наконец не встали сплошной непроходимой стеной. Отчаявшись отыскать ганаков или по крайней мере их след, Конан повернул обратно.

Торопясь как только можно, он зашагал по собственным следам. Дождь ослабел и потом неожиданно прекратился. Тусклый свет просочился сквозь листву над головой: наверняка ветер развеял тучи. Вдруг киммериец остановился и нахмурился. Справа от него брала начало узкая извилистая тропинка — едва заметный просвет, который невнимательный взгляд мог легко пропустить. Острый глаз киммерийца сразу подметил правильные линии, до сих пор сохранившиеся, несмотря на разросшуюся вокруг зелень. Несомненно, здесь потрудились рука человека.

Тропа казалась давно заброшенной, молодые побеги густо проросли в самом ее центре, однако, насколько было заметно, ни одно взрослое дерево не попадалось на пути. Почесав в растерянности затылок, Конан разозлился на себя за то, что не заметил ее сразу. А все из-за этого треклятого дождя!

Отбросив прочь сомнения, Конан смело свернул на тропу, решив, что именно она-то и приведет его к ганакскому селу или уж по крайней мере к такому месту, где можно будет спокойно провести ночь. Зашагав даже быстрее, чем позволяла осторожность, он последовал по извилистому пути и вскоре окончательно потерял всякую ориентацию. Деревья, разросшиеся по бокам, становились все выше, позволяя судить о том, что тропа ведет в самый центр джунглей. Занудные насекомые снова загрозились кругом, образовав вокруг варвара плотное жужжащее облако. Змеи выползали из своих нор, напоминая Конану о мрачной судьбе, уготованной для него Кхеретом в Луксуре. К счастью, дети Сэта охотились на другую добычу; Конан старался их ничем не беспокоить, и они не трогали его тоже. Птицы беспрестанно щебетали на деревьях и хоть как-то утешали отчаявшегося киммерийца. Некоторые из них срывались со своих насестов и ныряли в джунгли, подхватывая с земли зазевавшихся ужей и унося их птенцам в гнезда. Мучительное желание проглотить хоть что-нибудь терзало невыносимо, однако Конан решил, что будет есть змей лишь в самом крайнем случае.

Неожиданно он заметил над головой зеленовато-коричневый фрукт. Плод размером с яблоко висел довольно

низко, и при хорошем разбеге до него, пожалуй, можно было бы дотянуться. Пока Конан пребывал в нерешительности, большая длиннокрылая птица с лету сорвала похожий плод с соседней, более высокой ветки. Это придало киммерийцу уверенности: обычно птицы не ели отраву.

Подпрыгнув с разбегу, он вцепился в облюбованный фрукт и стащил его на землю. На вкус плод оказался немного странноват и чем-то напоминал незрелый кокос. Однако измученный голодом желудок с большой благодарностью принял и горькую мякоть, и мясистые семена, и густое едкое молочко. Кожуру варвар выплюнул за абсолютной неудобоваримостью.

Немного подождав и не почувствовав в животе никакой боли, Конан двинулся дальше, срывая с веток такие же плоды, когда те попадались ему на пути. Постепенно тьма сгущалась: должно быть, он находился в самом центре острова. Конан нахмурился. Он шел уже несколько часов, а ганакская деревня не могла находиться так далеко от берега. По мере продвижения странных фруктов становилось все больше, зато птиц и зверей не осталось совсем.

Неожиданно возникший в темноте сук заставил его резко присесть, едва избежав столкновения. Обругав себя за неосторожность, варвар огляделся вокруг. Прямо над головой свисала гроздь все тех же загадочных «коко-сов». Решив насытиться до отвала, Конан сбил их рукой. Шары попадали на землю, и некоторые из них раскололись... выпуская на свет сотню крошечных бледно-зеленых паучков. Мохнатый выводок мигом разбежался у его ног.

С воплем отворачиваясь Конан отпрыгнул назад, стряхивая пауков с ушей и волос. Внезапный приступ тошноты согнул варвара пополам; еще бы, он съел целых три паучьих яйца! Прислонившись к стволу гигантского, поросшего мхом дерева, Конан мучительно изрыгнул остатки неудачного ужина и поднял глаза... как раз вовремя, чтобы заметить в листве стремительное движение.

Прямо над ним среди зеленых веток висела безобразная тварь. Легкий, по всей видимости, паук тем не менее в

два раза превосходил киммерийца в размере. Темно-зеленая шерсть прорастала на круглом брюшке и на длинных худых ногах, усеянных колючими шипами. Выпученные красные глаза горели лютой злобой и, казалось, выражали одно лишь желание — высосать кровь из всего живого, что окажется в пределах досягаемости длинных слюнявых щупалец.

— Баал и Птеор! — прошептал киммериец. — Из какой же адской печи выползло сие чудовище?!

Конан съежился и отпрыгнул от протянутой клешни. Словно предвидя это, паук бросился вперед и, стремительно перебирая суставчатыми фалангами, раскинул толстую радужную сеть, да так умело, что киммериец тут же угодил в ее объятия.

Забившись в клейком плену, Конан с ужасом наблюдал приближение толстопузой твари. Варвар дергался изо всех сил, однако цепкая паутина держала крепче стальных цепей. От напряжения на руках вздулись вены, а кровь бешено застучала в висках, и...

— Хрясь!

Раздался звук рвущейся простыни: ему все-таки удалось высвободить руки.

Однако в тот же миг на его талии сомкнулись могучие клешни, выдавив из груди последние остатки воздуха. Извиваясь от боли и удушья, Конан с бессильным отчаянием наблюдал за тем, как с острых зубов медленно стекал яд. Сколько же ему осталось, прежде чем яд начнет действовать?

Нет, он отказывался умереть такой смертью!

Обезумев от ярости, Конан вцепился в скользкие от слизи щупальца. Жилы вздулись на его предплечьях. Боль в рваном боку неожиданно стихла: ни дать ни взять, яд возымел действие! Чувствовалось лишь убийственное давление клешней, что грозили вот-вот проломить ребра.

Задыхаясь, киммериец собрал воедино увядающие остатки силы и заставил онемевшие мышцы работать. Нечеловеческий крик вырвался из его груди, когда сжатые в кулаках щупальца медленно разделились, разрывая уродливый череп на две половины. Конан бросил их на забившееся в конвульсиях тело.

— Убирайся обратно в ад! — проревел он, с отвращением глядя на фонтан крови, вырвавшийся из паучьей шеи. Охваченное смертельным танцем насекомое издавало столь душераздирающие звуки, что варвару показалось, будто он присутствует на спевке дьявольского хора.

Пошатнувшись, Конан потерял равновесие и грохнулся на тропу. Отталкиваясь от земли бесчувственными руками, он подполз к ближайшему дереву и уткнулся в мягкий, поросший мхом ствол. Сердце бешено стучало, разнося яд по всему телу. Через минуту подбородок свалился на грудь, глаза остекленели, а сознание окутала густая пелена.

Глава десятая НА ТРОПЕ

Первые лучи солнца превратили мокрые от росы джунгли в море сияющих изумрудов. Однако Юкона едва ли замечал их сверкающую красоту: лес для туземца был врагом, который, казалось, только и искал удобного случая, чтобы нанести человеку смертельный удар. Старики говаривали, что когда-то давным-давно, во времена, о которых не помнил даже Юконин прадед, ганаки населяли весь остров, в том числе и запретные земли. Однако Юкона с сомнением относился к такого рода историям, ибо твердо верил, что земли эти издревле кишели чудовищами столь ужасными, что, пожалуй, лишь самые злобные боги могли породить их на свет. Впрочем, по мере продвижения в глубь леса он все больше сомневался, что даже злейшие из богов стали бы жить в столь неприютном месте.

Нательный рисунок, нанесенный молочком вануклы, надежно защищал от москитов. Однако джунгли изобиловали куда более страшными тварями. Он уже наступил на притаившуюся в траве змею, и укус ее до сих пор горел на лодыжке. Старики рассказывали о неких длиннозубых гадюках, один лишь укус которых был смертелен; к счастью, зубы этой змеи были совсем другими. «Впредь надо быть осторожнее», — решил про себя Юкона, тщательно изучая листву на предмет новых гадюк.

По правде говоря, ганаки разбирались в лесу не в пример лучше мужей, однако Юкона ни за что не пустил бы Шейру, его горячо любимую дочь, в запретные земли. Все женщины в селе были охотницами, по крайней мере те, что не могли или же не хотели иметь детей. Зато мужчины были единственными воинами. Только один раз дети Изата вынудили ганачек драться рядом с мужьями; впрочем, это было очень давно.

При мысли о кезатти Юкону передернуло. Хотелось бы верить, что они не вернуться никогда. Сейчас судьба народа всецело зависела от горстки воинов, обязанных защитить стариков и детей. Уже через несколько лет на смену придут новые сорок или пятьдесят юнцов. Все они пройдут посвящение и ступят на тропу войны. А до тех пор Юкона да его пятеро воинов должны были защитить село от стервятников.

По крайней мере в одном Гомба был прав: последняя победа над кезатти досталась безумно дорогой ценой. Под предводительством Юконы отряд в двести человек напал на каменный остров — родовое гнездовье кезатти. И что же? Лишь тридцать из них выжили! Однако боги смилостивились, прислав на подмогу бледнолицего.

А потом... Потом выскочка Гомба разом смешал все карты. Хорошо хоть чужестранец прочел знаки на песке и отыскал Ганаку... Свою смерть!

Путь Юконы пролегал сквозь болота и чащи, что отделяли деревню от той части острова, которая называлась запретными или мертвыми землями. Даже опытные охотники и следопыты не решались приблизиться к черному сердцу острова, с которым были связаны самые жуткие истории, когда-либо рассказанные стариками. На протяжении поколений здесь пропадали лучшие воины.

Дорогу он знал; дед не раз рассказывал, как отыскать старую тропу: «На краю деревни, в том самом месте, где река делает изгиб, растет дерево о трех стволах. Встав к нему спиной, а лицом к полуденному солнцу, отсчитай тридцать раз по тридцать шагов...»

Юкона увидел тропу — узкий извилистый путь, задушенный со всех сторон гигантскими деревьями. Набрав

в легкие побольше воздуха и медленно выдохнув, он принялся внимательно изучать влажную землю. Где-то здесь должны быть следы чужестранца.

Зеленый ковер листы значительно усложнял работу. Гигантские насекомые роились вокруг. Те, что посмелее, все ж таки умудрялись ужалить разок-другой, пока запах вануклы не отбивал у них всякое желание. Птицы, населявшие эту часть острова, были крупными и по большей части хищными; красные клювы и загнутые когти роднили их с кезатти.

Вид крылатых хищников разбудил в ганаке непроизвольную ненависть. Эх, будь при нем весло, не преминул бы прикончить парочку. Подавив злобу, Юкона решил не отвлекаться на бесчисленных отпрысков Изата, сосредоточившись на своей цели. Весла их остались на берегу вместе с лодками, что лежали теперь в противоположном конце джунглей, да к тому же были малоприменимы в условиях тесного и сумрачного леса. Охотничья палка, позаимствованная у дочери, была сейчас его единственным оружием. Обычно мужчины не носили ничего подобного, ибо стервятники понимали лишь один язык — язык грубых тяжелых весел.

Неожиданный шорох в кустах заставил Юкону насторожиться. Он скользнул в том направлении, откуда слышалась возня. Несмотря на свой рост, он умел красться, как мышь. Впрочем, такими навыками обладал любой человек, выросший в диких джунглях. На какой-то миг Юконе показалось, что кусты зашуршали опять, однако в этот самый момент боги ветров затеяли перебранку, заставляя деревья качаться и скрипеть. Спустившись в подлесок, он снова изучил следы. Ему бросилось в глаза, что трава посреди тропы была чуть примята...

...А сам след имел форму огромной ступни.

«Кто же тут мог проходить?» — размышлял туземец в полной растерянности. Насколько он помнил, чужестранец не отличался выдающимися габаритами. Юкона боязливо завертел головой, да так, что седая косичка заметалась за его спиной. Сотни историй о кошмарных чудовищах и плотоядных демонах ожили в суеверном мозгу, а по всему телу выступил холодный пот. Никак здесь

только что пробежал злобный монстр, рыская в поисках новой жертвы.

Юкона кое-как проглотил страх и расправил дрожащие плечи. Нет, он не оставит бледнолицего... Только не в этом лесу!

Он шел все дальше и дальше, невзирая на ветер и капли дождя, которые вот-вот грозили перерасти в обильный тропический ливень. Когда боги ветров ссорятся, их матери льют слезы. Юкона обрадовался дождю. Ливень смоем его запах и сделает все, чтобы его шаги не достигли ушей хищников. В своих легендах старики упоминали об особых бесшумных тварях, что нападали безо всякого предупреждения и разрывали людей на части, прежде чем те могли их даже заметить.

Он ускорил шаг, а голоса стариков все еще звучали в мозгу, сковывали тело и тяготили дух.

Прищурившись, Гомба внимательно следил за каждым шагом вождя. Он выслеживал Юкону от самой деревни, надеясь, что тот выведет его на заветную тропу. Правда, несколько минут назад он чуть не выдал себя с головой, споткнувшись о пальмовые корни. Ну да ладно, впредь он так не опростоволосится. Юкона, конечно, пережил свои лучшие годы, однако слух у старика был еще тот!

Пригнув голову, юноша передвигался короткими перебежками, одним глазом следя за Юконой, другим изучая окрестности. К счастью, он не был таким растяпой. Старый дурак уже наступил на змею, хорошо хоть та оказалась неядовитой.

Поспевать за перепуганным вождем было нетрудно, ибо тот постоянно останавливался. Эти старики вообще полны всяческих суеверий. Сам же Гомба относился ко всем их рассказам с большой долей сомнения. Реальную опасность представляли разве что змеи, водившиеся в изобилии в здешних местах. Гомба не раз планировал прогуляться к центру острова, однако удобного случая до сих пор не представлялось.

Найдя чужестранца, — если тот, конечно, еще жив, — он вызовет его на бой и завладеет атлангой на правах победителя. Безмозглый Юкона обвинит во всем своих

демонов, и концы в воду. Ганакам нужно это оружие — последнее средство против детей Изата.

Племя изгнало Гомбу, зато Гомба не покинет своего народа. Затаившись, он будет ждать дня возмездия. И в этот день он избавит народ от глупости вождей. Став лидером, он женится на Шейре, ганаки превратятся в могущественную нацию, и их детям никогда не придется бояться кезатти.

Глаза юноши вспыхнули фанатичным огнем, каждый бесшумный шаг приближал его к цели.

Конан проснулся в аду. Значит, яд оказался смертельным. Он лежал на пыточном столе неизвестного демона, скованный по рукам и ногам, в то время как тысяча невидимых чертенят тыкала в него раскаленными иглами.

Застонав, варвар попытался встать, однако свинцовое тело отказывалось слушаться. С трудом приподняв веки, он увидел ночные джунгли. Пришлось подождать, пока глаза привыкнут к тусклому свету, что просачивался сквозь плотные кроны деревьев. Жгучая боль в боку напомнила о паучьих челюстях. Конан лежал в неудобной позе, не в силах шевельнуть пальцем. Руки и ноги казались бревнами, вырезанными в форме человеческих конечностей. В нескольких шагах от него валялся труп паука и вонял хуже, чем целое море гниющих испражнений. Ручеек густой слизи до сих пор струился из разорванной шеи, образуя на земле блестящую лужицу, Конан поморщился.

Борясь с приступом тошноты, киммериец еще раз попытался встать. Тупая боль пронзила дрожащие в ознобе ноги и волной прокатилась по всему телу. Похоже, яд прочно засел в мышцах. Конан сознавал, что, беспомощно валяясь под деревом, являлся желанной добычей для многих лесных хищников. Однако сейчас ему только и оставалось, что лежать да вслушиваться в ночные шорохи. Хриплое дыхание и биение сердца заглушали все прочие звуки. Через некоторое время ему все-таки удалось разжать челюсти и даже повертеть шеей. С удовольствием отведя взгляд от зловонной туши, он подозрительно осмотрел погруженные во мрак окрестности. Лес казался объатым глубоким сном.

Холодный лунный свет призрачно серебрил листву, напоминая варвару о недавнем заключении. Неужели заклятие подействует снова? Как бы порадовался каккланийский шаман, узнав, что его магия разит сильнее меча, мучит хуже дыбы. Из глубины могилы он держал рассудок и тело варвара в невидимых цепях. Еще в юности Конан познал на себе оковы рабства, попав в плен к гирканийцам. И хотя рубцы от кнута хозяина давно затянулись на спине, сердце по-прежнему ныло тупой полужабытой болью.

Каких только отпетых подонков Конан не встречал на своем веку, и все же самыми презренными из них были работорговцы. Они буквально свели киммерийца с ума, прежде чем тот предпринял попытку бегства, да такую отчаянную, на которую не решился бы ни один здравомыслящий человек. Конан припомнил тот сладостный день, когда цепи упали с его рук, — цепи, которые по иронии судьбы послужили также оружием на пути к свободе.

Пожалуй, от шамановых чар так легко не отделаться. Тем не менее Конан по опыту знал, что один чародей всегда мог снять заклятие другого. Вообще-то обращаться за помощью к волшебникам было не в правилах киммерийца, однако другого выхода варвар пока не видел.

Парализующий эффект яда начал ослабевать, и Конан попытался встать на ноги. Дерево помогло сохранять равновесие, пока головокружение не прошло.

Слегка пошатываясь, он продолжил путь. Через каждые несколько шагов он поднимал глаза, опасаясь, как бы не стать жертвой новых пауков. Тропинка свернула налево. Неожиданно Конан поскользнулся на мокрой ветке и грохнулся наземь.

Поднявшись на четвереньки, он вдруг увидел перед собой не что иное, как дряхлый человеческий череп. В неверном свете луны его челюсти чуть шевелились, а пустые глазницы смотрели злобно, словно не одобряя его неожиданного вторжения. Переломанные кости валялись рядом, сгруженные в неровную кучу. Не веря своим глазам, Конан уставился на гору скелетов — ганаков, судя по размерам, — что преградила дальнейший путь.

Он поднял с земли ребро, проводя пальцем по его обгрызенной поверхности. Похоже, что здесь поработали пауки челюсти. Однако размер горы говорил о том, что паук был не один.

В ту же минуту страх сковал его тело. Вообще-то Конан не боялся людей и зверей, которых можно убить стальным клинком. Голыми руками он уже справился с одной такой тварью. Однако ослабевший, каким он сейчас был, до сих пор опьяненный ядом, он вовсе не желал сразиться с полчищем таких пауков.

Лодыжка болела, но до конца не отказывала. Конан отполз назад столь бесшумно, что ему позавидовала бы пантера. Листья над головой зашелестели, заставляя его напрячься. Неожиданно яркий луч света скользнул по ветвям, осветив зловещую гору костей. Краем глаза Конан заметил в листве скрытое движение. Сзади него раздался тихий свист, слева хрустнул сучок, как будто под чьим-то тяжелым весом.

Конан съежился. В крошечной тьме не было ничего видно. Однако со всех сторон доносились поскрипывания и посвистывания. Поспешно отпрыгнув в сторону, он больно ударился правым плечом и покатился по земле. Левая нога запуталась в паутине. В этот миг зеленое пузатое существо шумно плюхнулось на тропу и тут же бросилось на киммерийца.

Груда костей загромыхала под тяжестью другой твари, которая обрушилась откуда-то сверху. Конан вскочил на ноги, на ходу разрывая липнущую со всех сторон паутину. Тропа кишела извивающимися и шипящими тварями. Словно притягиваемые человеческим запахом, они неуклюже двинулись на киммерийца, блестя плотоядными глазищами. Новые пауки продолжали сыпаться сверху, перебирая суставчатыми фалангами. Их уродливые тела вздымались и опускались, как на пружинах.

Содрогнувшись от отвращения, Конан приготовился отразить атаку. Вид слюнявого полчища заставил бы наложить в штаны и самого храброго воина. На своем веку Конан сразил немало разных чудищ, когда-либо порожденных адом, однако эта орда испугала даже его. Он был сейчас не в лучшей форме, чтобы отразить их напор.

Извергая проклятья, Конан бросился в чащу. Ветки безжалостно стегали обнаженное тело, пока он неслился сломя голову сквозь объятые тьмой джунгли. С самого детства киммериец недолюбливал пауков даже больше, чем чародеев.

И только уперевшись в ряд плотно растущих деревьев, варвар остановился. Пузатые преследователи заметно отстали; громадный размер не позволял им передвигаться по джунглям столь же быстро. Их свист раздавался где-то вдали. Однако они вовсе не собирались так просто отпустить свою жертву. С таким же упорством преследовали свою добычу пикты, вышедшие на кровавый след.

Пробежка заметно освежила пропитанные ядом мышцы. Невзирая на боль в боку, Конан попытался продрасть сквозь сплошную преграду из листьев и веток. Он все громче слышал щелканье щупальцев по мере того, как пауки приближались.

В отчаянии Конан стиснул зубы. Деревья перед ним встали стеной, образуя полукруг и загоняя обратно на тропу. Широкие стволы росли так тесно, что продрасть сквозь них не было никакой возможности.

Сами могучие исполины также не предоставляли защиты. Пауки доказали, что умеют карабкаться по деревьям, и варвар не видел большого смысла в самообмане. Несомненно, они стащат его на землю, разорвут на части и обглодают кости. Признаться честно, ему вовсе не хотелось пополнить гору скелетов — печальный памятник безвестным воинам. Рыча с яростью загнанного льва, он решил обойти пауков в окружную. Повернувшись лицом к преследователям, Конан потерял несколько минут, выбирая наилучшее направление. Возможно, он убьет нескольких пауков, если только будет держаться подальше от смертоносных челюстей.

Однако восьминогие твари спланировали атаку с тщательностью туранского генерала. Небольшие и наиболее подвижные из них напали с флангов. Куда ни повернись, отовсюду слышался топот приближающихся ног. Пауки образовали живое кольцо, прорвать которое было попросту невозможно.

Сжав кулаки, Конан приготовился к худшему.

Юкона остановился, чтобы вытереть с лица пот. Сгустившиеся сумерки делали дальнейшее продвижение невозможным. Тропа оказалась намного длиннее, чем он предполагал, и путь его сильно утомил.

Однако пот, что лил в три ручья из каждой его поры, не был вызван одной лишь усталостью: он чувствовал на себе чей-то холодный зловещий взгляд. Хозяева запретных земель затаились где-то поблизости. Причем змеи были безобиднейшими среди них — этих по крайней мере всегда можно было обойти. Правда, днем он все же наступил на одну из них и был наказан за невнимательность. Юкона почесал распухшую голень. Этот укус пошел ему впрок, теперь он был куда осторожнее. По крайней мере он сразу заметил приближение паутильщиков.

Легенды, рассказанные его дедом, предупреждали о внезапности их нападения. На этот счет у Юконы имелось кое-какое средство — котомка, набитая паучьими яйцами в виде кожаных мешочков с зеленой студенистой икрой. Пауки как будто дрожали за своих недоносков и не нападали на того, кто тащил их выводок. Странно, что они с такой щепетильностью заботились о своем потомстве, впрочем, умы ананси были непостижимы.

Юкона шел дальше, хотя спина по-прежнему ощущала горящий ненавистью взгляд — ненавистью, которую насекомые питали ко всем теплокровным, особенно двуногим. И как только бледнолицый проскочил сквозь их кордон? Вероятно, он имел тот же талисман.

Луна не успела взойти, как в темноте послышался отдаленный шум. Юкона сделал еще несколько шагов вперед, вглядываясь в ночные тени. Неясные очертания темного громоздкого объекта заставили его остановиться.

Неожиданно глаза туземца расширились, и он с шумом вздохнул.

...Прямо перед ним лежал труп гигантского паутильника... сраженного чужестранцем? Или кем-то еще? Кем-то, кто бродил теперь рядом в поисках новой жертвы...

Тишину разорвали звуки отдаленной битвы. Пауки, окружавшие Юкону, посрывались с мест и устремились на шум. Пронзительный нечеловеческий крик пронесся над спящими джунглями, и вождь припомнил этот крик — боевой клич чужестранца на сером побережье перед первой атакой кезатти.

Что за чудовища могли осадить храброго воина, сумевшего прогнать стервятников? Исполнившись решимости умереть за чужестранца так же, как если б тот был его соплеменником, Юкона бросился вслед за пауками и... со всего маху налетел на подножку Гомбы.

Удивленный вождь беспомощно растянулся на земле, из его груди вырвался сдавленный стон. Задохаясь, Юкона схватился за грудь — отбитые легкие не желали работать.

Сверкнув глазами, юноша занес свой клинок в смертельном ударе. Рука, сжимавшая меч, стремительно опустилась и все же в последний момент дрогнула. Лезвие сверкнуло серебром и плашмя обрушилось на череп Юконы.

Старик со стоном упал на спину. Со лба струйкой стекала кровь. Плывая как в тумане, он все же приоткрыл глаза, и взгляды ганаков встретились.

— Опять ты встаешь на моем пути! — прошипел Гомба. — Что ж, я тебя предупреждал! Клянусь Мухинго, смерть одного старого дурака предпочтительней гибели целого народа.

Гомба проткнул большой палец острием меча, затем с силой вонзил клинок в землю. Выдавив кровь, он приблизился к старику, начертав на его лбу лишь три символа; они означали, что душа Юконы ныне была свободной и могла не задерживаясь отправляться к предкам.

Сказать по правде, особого желания убивать старика он не испытывал, однако никто не должен был спасти бледнолицего. Гомба с наслаждением вслушивался в отдаленный гул: то дрожала земля под топотом сотен паучьих ног.

Он поднял с земли котомку с яйцами; они пригодятся ему на обратном пути. Сейчас юноша более чем когда-либо был уверен в своем предназначении. Несомненно,

все его действия были освящены небом. Наконец-то боги предрешили судьбу Юконы: ведь из-за его дурацкой самоуверенности могло погибнуть целое племя. В то же время темные силы сочли нужным прикончить чужестранца, ниспослав на него стадо пауков. Гомбе же покровительствовали все силы света — и добрые, и злые.

Он побежал по тропе, что вела теперь к дому. Домой! Сейчас самое время вернуться и поведать ганакам о происшедшем. Время исполнить то, что ему предназначалось судьбой. Однако, не успев сделать и нескольких шагов, он услышал до боли знакомые звуки. Они доносились издали и, словно первые тучи на горизонте, медленно приближались, предвещая страшный шторм.

Хлопанье крыльев кезатти!

Они вернулись, как он и предполагал. Но вернулись слишком рано, когда он еще не был готов. Судя по гулу, их было теперь много больше — может быть, целая сотня. Крылья махали тяжело: долгий полет утомил стервятников. Тем не менее это вовсе не мешало им достичь деревни уже к утру, как раз в ту пору, когда ганакки будут отсыпаться после буйной вечеринки.

Гомба проклинал глупость вождей. Их самонадеянность могла теперь обернуться смертью людей... его возлюбленной! Шейра! Любимый образ вмиг ожил перед глазами. Он с ужасом представил ее разорванной на куски. Нет, этого не должно произойти! Он этого не допустит! Кровь вскипела в его жилах, горячая, как само солнце. Юноша крепко стиснул клинок. Атланга... древнее пророчество!

Он несся по тропе гигантскими прыжками — скорее не бежал, а летел. Племя его изгнало, но сейчас он нужен его людям. Они не должны умереть только потому, что их правители безумны. Гомба докажет всем, что ятаба выжил из ума. Прогнав кезатти, он обретет в их глазах авторитет. Ганакки поверят ему, посланнику Кулунги, избрав на пост нового вождя.

И тогда Шейра станет его женой.

Юкона всегда противился их браку. Шейра была единственной дочерью, а старикан вечно недолюбливал Гомбу. К счастью, тот больше не числится в живых. Ятабе при-

дется выдать за него Шейру — за человека, в одиночку спасшего целое племя, — ему ничего не останется, как подчиниться избраннику Кулунги.

Могучие ноги несли его по тропе, все реже касаясь земли. К дьяволу осторожности! Ни один выродок запретных земель не посмеет помешать Гомбе исполнить его великое предназначение.

«Ше-ей-ра! — звучало в голове молодого ганака. — Ше-ей-ра!» — отзывалось в его сердце.

Конан поспешно отступил к деревьям, не позволяя себя окружить. Он угрожающе вытянул руки, намереваясь схватить первого, кто осмелится на него напасть. Даже безоружный, он вовсе не собирался продавать свою жизнь дешево.

Листва, зашелестевшая над головой, предупредила об атаке сверху.

— Кром! — проревел киммериец, отпрыгивая в сторону. В то место, где он только что стоял, грузно приземлилось пузатое насекомое.

Искры посыпались из глаз варвара: корявый сучок едва не лишил его сознания. Однако прыжок оказался неудачным вдвойне, ибо приземлил Конана как раз на ухабистую спину другого чудовища. Босые ноги ощущали под собой толстую влажную шерсть. Присвистнув, паук взвился на дыбы и сбросил смелого седока наземь.

Со всех сторон на варвара надвигались темные мохнатые тени, смердящие хуже, чем дыхание дьявола. Сотня невидимых глаз смотрела на него с такой ненавистью, что Конан ощущал ее каждой своей клеточкой.

Выброшенная наугад рука коснулась влажного тела. В ту же минуту колючее щупальце больно впилось в голень.

Глотнув вонючего воздуха, Конан подпрыгнул, стараясь дотянуться до высокой ветки. Пальцы правой руки вцепились в дерево. Подтянувшись, варвар вскарабкался на гладкий сук за мгновение до того, как могучие челюсти сомкнулись у самых его ног.

В следующий миг пауки облепили ствол и принялись взбираться вверх с необычайным для их размера

проворством. Не переставая ругаться, Конан с искусством эквилибриста балансировал на скользкой ветке, которая при этом тряслась и раскачивалась. Задрав голову, он искал взглядом другие ветки, однако до тех было не дотянуться.

Стена деревьев упиралась в самое небо и казалась абсолютно неприступной. Торчащие во все стороны ветви крепко сплелись в объѣтах, не оставив ни единой лазейки.

Неожиданно Конан заметил, что толстые стволы чуть сужались кверху. Новый план немедленно родился в его голове. Подпрыгнув как можно выше, он обвил ствол руками и принялся энергично карабкаться. В нескольких дюймах от него щелкали паучьи челюсти. Ноги насекомых, словно пропитанные невидимым клеем, ловко перебирали по дереву. Конан был немало удивлен своими успехами в лазании. Вонзая ногти глубоко в кору и ритмично отталкиваясь ногами, он взбирался со скоростью, способной пристыдить даже дикую кошку.

Слюнявая челюсть метнулась вверх, оставляя на пятке варвара кровавый след. Подстегнутый невыносимой болью, Конан стремительно подтянулся на руках. Ноготь среднего пальца сломался. Не замечая дикой боли, варвар поспешно отдернул ногу, чудом избежав колючих щупалец. Сменив тактику, он просунул ладонь между стволами и перебрался на соседнее дерево. Упругие комки мышц вздулись на его руках, когда он попытался развести почти сросшиеся стволы в стороны. Даже небольшой щели хватило бы, чтобы проскользнуть за барьер, отрезав тем самым погоню.

Мускулы от напряжения задрожали, а синяки и болячки разом занесли, напоминая о злоключениях последних дней. Деревья не поддались, уступив лишь на дюйм или два — не больше.

Взрыв жгучей боли раздался в правой лодыжке, когда паучьи челюсти впились в обнаженную плоть. Взыв, Конан напрягся так, что кости его рук закрошились в суставах. Деревья неохотно разошлись в сторону, не в силах противостоять чудовищному напору. Конан скользнул в образовавшийся проем, стряхивая с себя щупальца, которые уже принялись сосать кровь.

Паук неотступно полз следом, сверкая выпученными голодными глазами. В тусклом свете луны было видно, как с безобразных челюстей стекает свежая кровь.

Перебравшись на другую сторону, Конан отпустил деревья. Могучие стволы с шумом сомкнулись на голове твари, раздавив ее, словно огромную волосатую виноградину, и разбрызгав повсюду густой студенистый мозг.

Не в силах держаться, Конан рухнул на землю. Рыхлая глина смягчила удар. По другую сторону стены истошно стрекотали его преследователи, расстроенные неожиданным исчезновением жертвы.

Конан с любопытством осмотрел свое новое окружение. В том месте, где он лежал, стена деревьев странным образом кончалась, и дальше простиралась большая поляна.

Конан лежал у подножья гигантского дерева и тихо постанывал. Яд начинал действовать. Варвар приложил к ране глину и удивился, что даже такая простая работа потребовала от него необычайных усилий. Руки упали вдоль тела, словно бесчувственные веревки, а перед глазами поплыли красные круги. Однако жгучая боль не позволяла ему потерять сознание, и Конану ничего не оставалось, как ждать, пока яд рассосется.

Когда зрение к нему вернулось, он посмотрел вперед и тут же замер в изумлении. Прямо перед ним возвышалась высокая круглая стена огромного замка. Его поистине впечатляющий размер ничуть не уступал могущественнейшей аквилонской крепости, по крайней мере площади, которую он занимал, с лихвой хватило бы, чтобы разместить целое ганакское селение.

Неужели от удара у него напрочь отшибло мозги, или ночные тени решили сыграть с ним шутку? Небо уже начинало светлеть, и видимость заметно улучшилась. Крепко зажмурив глаза и сделав глубокий вдох, он энергично потрянул головой, надеясь избавиться от странного видения.

Открыл глаза, варвар нахмурился. Перед ним стоял все тот же замок, старые стены его напоминали гигантский надгробный камень, молчаливый и серый, — камень, что охранял кости давно умерших людей.

Как зачарованный, Конан смотрел на чудо. Угрюмую тишину нарушали лишь крики пауков, постепенно

теряющиеся вдаль. Наскучила ли им погоня, или пауки прятались от дневного света — Конан не знал. Он просто был благодарен за то, что его наконец оставили в покое.

Пока он глазел на каменного монстра, первые лучи солнца коснулись макушек деревьев, рассеяв зловещую призрачность замка. Конан устало зевнул, обессиленный ночной схваткой. Руки его тряслись. Однако всецело поглощенный удивительным зрелищем, он почти не замечал боли.

Небо окончательно посветлело, позволяя заметить абсолютный упадок, в котором пребывала крепостная стена. Массивные кирпичи потрескались и просели. Трещины пролегли на камне, словно морщины на старческом лице.

Взгляд варвара остановился на выдавших виды бойницах. Обломки некогда безупречных камней торчали сейчас, как пеньки зубов в уродливой челюсти. Из-за стены виднелся осыпавшийся минарет с полуразрушенным шпилем. Входа в замок заметно не было, а сама крепость, несмотря на запущенность, казалась абсолютно неприступной. Вид ее был отталкивающим, однако Конан чувствовал непреодолимое желание войти внутрь. Одно только существование замка на этом затерянном первобытном острове являлось интригующей загадкой. Чьи руки выстроили его посреди леса и откуда взялись камни? Почему джунгли не поглотили этот клочок земли?

Новое обстоятельство заставило Конана нахмуриться. Начиная с того места, где кончались деревья, и до самой стены простиралась абсолютно голая земля. На расстоянии пятидесяти шагов в любом направлении от крепости не было заметно ничего зеленого и живого. Даже насекомые, казалось, избегали этого места. Полное отсутствие жизни вокруг замка предлагало довольно пугающие объяснения. Однако любопытство варвара в конце концов пересилило страх. Во что бы то ни стало он должен был узнать, что скрывается там, внутри. Стараясь не ступать на больную ногу, Конан заковылял по кругу, держась поближе к деревьям. Круглая стена была выложена из серых, хорошо подогнанных блоков. Конан предположил, что вес некоторых из них достигал его собственного. Он пораился сложности и объему работы. Сколько людей гнуло здесь спину? Было ли то работой движимых плетью

рабов, или свободные руки воздвигли это убежище для себя и своих семей?

Обойдя замок кругом, Конан обнаружил овальный вход и ржавые петли, на которых когда-то болтались ворота.

— Борода Имира! — прошептал варвар, когда его глаза скользнули вверх.

Снизу доверху стену покрывал чудовищный барельеф в виде огромной обнаженной женщины. Она сидела, скрестив ноги, и смотрела прямо на киммерийца, губы расплылись в нахальной улыбке. Загнутый клык торчал из ее рта, а рваный белокурый локон кокетливо спадал на лицо. Ожерелье из черепов украшало шею, браслеты из змеиных шкур — запястья, а на талии болтался пояс из отсеченных конечностей.

В одной похожей на клешню руке она сжимала широкий меч, а в другой, с кривыми запущенными ногтями, — связку свежеструбленных голов. Сводчатый вход располагался как раз ниже ее пупка — нелепое и вульгарное приглашение.

Конан припомнил ее сходство с какой-то другой столь же отвратительной женщиной, однако где и когда видел похожий портрет, с точностью сказать не мог. В каждой ее глазице сидел рубин размером с куриное яйцо и сверкал такой неземной ненавистью, что Конан невольно вздрогнул. В юношеские воровские годы он бы немедленно взобрался и стащил дорогие камни, однако с возрастом он стал мудрее. Варвар решил ничего не трогать, по крайней мере до тех пор, пока со всем этим не разберется. Присутствие древнего зла витало здесь в самом воздухе, и кто мог знать, что за смерть ждала неудачливого вора. Несмотря на утреннюю духоту, по спине варвара пробежал холодок. Он хотел уже было отвернуться, когда почувствовал, что ледяные пальцы вонзились в его череп, застудив в жилах кровь. В этом лице, точнее, в глазах, зияла черная пустота хаоса. Страшный, но манящий взгляд тянул к себе. Привычная боль вдруг куда-то исчезла, а тело сделалось ватным. Ноги перестали ощущать под собой почву, а легкие перестали вдыхать воздух.

Конан поплыл в безграничном пространстве. Два красных солнца зловеще сияли в глазницах жестокого бога,

и это сияние было единственным источником света. Чернота, плотная и осязаемая, сгустилась вокруг него, и Конан почувствовал, как постепенно проваливается в черную мутную воду.

Сопротивляться не было сил. Свет красных глаз будто клещами тянул из него душу.

Неожиданно свет погас. Вокруг осталась лишь черная удушливая пустота. Ощущение боли снова вернулось, и он вспомнил, что стоит на поляне. Варвар поспешно заслонил лицо ладонью. Часто дыша, он ждал, пока глаза привыкнут к яркому утреннему солнцу.

Юкона стоял между ним и демонической фигурой.

От неожиданности Конан так и подпрыгнул.

— Кром! — выдохнул киммериец, оглядев ганака с подозрением. Он инстинктивно пошарил меч, которого, правда, не оказалось под рукой.

Старик бросил на землю какой-то сверток и поднял руки открытыми ладонями.

— Мир тебе, чужестранец! Я Юкона, вождь ганакон. И я твой друг.

Бровь Конана недоверчиво метнулась вверх: он прекрасно понял смысл сказанных слов, однако усомнился в их искренности.

— Я Конан из Киммерии. И мне не очень-то нужны друзья, которые воруют мой меч и поворачиваются спиной после того, как я помог им в сражении.

Юкона вздохнул и печально затряс головой.

— Клянусь, я не хотел тебя оставлять... Гомба настоял на этом. Он украл твою атлангу, если это то, что ты называешь мечом. Когда наши охотницы заметили тебя в лесу, я помчался к тебе на помощь. Гомба сразил меня на тропе и оставил на съедение паутинщикам.

— Паутинщикам?.. — переспросил Конан.

— Да, старики называют их также ананси, — пояснил Юкона, почесывая шишку на затылке.

— Пожалуй, ты вовремя меня нашел... — Конан вздрогнул при мысли о рубинах. — В которой из девяти преисподен Зандры намалевали эту дьяволицу?

Юкона растерянно моргнул.

— Я никогда не видел ее прежде, однако в ней чувствуется источник зла. Мертвые земли кишат всякого рода

вещами, опасными для души и тела. Я рад, что услышал твой крик о помощи...

— Не припомню, чтоб я звал кого-то на помощь, — хмуро перебил его Конан.

— Боюсь, что твой дух был на полпути к небу, стоит ли удивляться, что ты не услышал собственного голоса.

— Ты сказал, мертвые земли?.. Вполне подходящее название! — признался Конан; его глаза превратились в узенькие щелки. — Отчего ж тебя не съели в лесу пауки?

— Пауки?.. Странное слово. Ананси не едят тех, кто несет их детенышей. — Старик нагнулся и подхватил с земли связку яиц, завернутых в змеиную шкуру. — Мы еще успеем уйти. Паутинщики никогда не нападают днем, — объяснил Юкона и потом задумчиво добавил: — Сколько разных легенд посвящено запретным землям, однако ни в одной из них не говорится о замке, пожирающем души.

— Можешь не сомневаться, что я с радостью покину это трижды проклятое место. Только советую тебе не смотреть в глаза этой горгоне. С твоей помощью я отыщу Гомбу и отучу его брать чужое. С мечом в руках мне не придется бояться твоих мертвых земель, — поспешил заверить его Конан.

— Меч... — Старик заглянул в голубые глаза собеседника, затем оценил могучую гриву волос. — Твои слова и твой вид необычны. Однако я верю, что в душе ты воин и благородный человек. Должно быть, сами боги послали тебя к нам.

Конан криво ухмыльнулся, потирая отбитые бока:

— Если так, то твои боги решили изрядно потешиться за мой счет. Нет, Юкона, мои ошибки да злая судьба — только они виноваты во всем. Родом я с большой земли, с севера, что лежит далеко за южным морем. Ни один киммериец не путешествовал еще так далеко от унылых долин и мерзлых лесов, которые мои соплеменники называют своей родиной.

— С земли, что лежит за морем?.. — не поверил Юкона. — Но море безгранично. Боги создали только три суши: Ганаку, Затти, а между ними Араву, на которой мы убиваем кезатти.

— А, ты про птиц... — догадался Конан. — Отродясь не видел столь огромных стервятников.

Мужчины отвернулись от стен замка и направились к джунглям.

— Существуют тысячи известных земель, и, я думаю, еще больше до сих пор не открыто, — продолжал объяснять киммериец. — Я путешествовал от побережья пиктов и до самых гирканийских степей, повидав немало разных народов и обычаев, однако не припомню таких чудачков, как вы. Впрочем, в мире столько людей и чудовищ, что смертному человеку не дано познать их всех.

Конан украдкой покосился на старика, поражаясь его росту. Киммериец был выше большинства обычных людей и только сейчас понял, какое чувство испытывает человек, когда смотрит на собеседника снизу вверх.

Вскоре они оказались у подножий двух залитых кровью деревьев. Труп паука, пригретый утренним солнцем, невыносимо смердел. Ганак передал варвару связку яиц и приложился к двум стволам, раздвигая их без видимых усилий. Руки Юконы казались узлами толстенных веревок, каждая размером с мускулистую ногу киммерийца. Пролезая в образовавшийся проем и уворачиваясь от кровавой капли, Конан подумал, что справиться с Гомбой будет не так уж легко. В рукопашной ганак, несомненно, разорвет его на части. Однако Конан надеялся, что Гомба ухватится за меч. Стальной клинок — это могущественный слуга, но только в руках того, кто владеет им в совершенстве.

— Я воин, а не следопыт, — признался Юкона, — однако если небо будет к нам благосклонно, мы найдем Гомбу, прежде чем он покинет остров.

Затем старик зашептал непонятные слова, видимо, обращаясь к своим богам.

Не успел он закончить молитву, как Конан уже заметил глубокий след.

— Похоже, духи на нашей стороне, — улыбаясь, промолвил Конан, указывая на отпечаток.

— Нам следует держать ухо востро, — предупредил Юкона, понизив голос. — Среди прочих моих воинов Гомба самый сильный и хитрый.

— Он не похож на остальных, как будто вырос в другом племени... и держится как-то особняком, — заметил Конан.

В глазах Юконы появилась печаль, старик глубоко вздохнул:

— Мать его умерла во время родов... таких детей мы называем мкундо. Мне кажется, он до сих пор не принял ее смерть. Его вырастили старики, и он часто расспрашивал их о своей матери. В ее смерти Гомба обвиняет наших богов и не следует нашей вере.

— Что же случилось с его отцом? Киммериец не потерпел бы такого поведения от своего отрока. Несколько следов от ремня на заднице да дюжина затрепанных быстро научили меня уважать старших.

— Отец не мог о нем позаботиться, — коротко ответил старик; по его тону было件件но, что он не желает развивать эту тему дальше.

— Что ж, тогда нам самим придется преподавать ему урок вежливости... хотя и запоздалый, — пробормотал Конан мрачно.

Дальше они шли молча. Оба старались двигаться бесшумно, ибо опасались спугнуть юношу раньше времени.

Поначалу идти по следу было нетрудно: влажная земля сохранила отчетливые отпечатки. Однако там, где начиналась тропа, все было утоптанно и заплевано пауками. На протяжении сотни шагов Конан руководствовался одной лишь интуицией. Он уже отчаялся выйти на след, как вдруг увидел вмятину, похожую на отпечаток пятки.

Ага... вот и ступня. По глубине следов, а также по расстоянию между ними можно было заключить, что Гомба бежал как угорелый. Однако больше всего Юкону удивило направление, которое юноша избрал для своего бегства.

— Следы ведут в деревню, — растерянно пробормотал старик. — Но это безумие... ятаба изгнал его... он не может вернуться.

— Ему ничто не мешает свернуть к морю, не доходя до деревни. Вместо того, чтобы чесать языками, лучше пойдем и посмотрим. Нельзя отпустить его с острова, — упрямо возразил варвар и прибавил темп.

Юкона что-то тихо пробубнил, однако Конан не понял смысла сказанного.

Солнце уже поднялось в зенит, наполняя джунгли невыносимой духотой. Язык киммерийца пересох, как шкура заморийской ящерицы. Он не задумываясь отдал бы сейчас пригоршню золотых монет за один только глоток пива. Однако до ближайшей бочки было не менее двух недель плавания.

Одним глазом Конан выискивал следы, другим все же приглядывал за Юконой. Похоже, этим ганакам нельзя было верить. Они казались суеверными до мозга костей, а варвар не очень-то полагался на людей, безропотно вверявших свои судьбы богам. По опыту он знал, что боги помогают лишь тем, кто пытается помочь себе сам.

...И все-таки, где же он видел эту дьяволицу? Вырезанную в камне, чуть меньше и грубее... Нет, сколько он ни пытался, а осветить этот темный уголок памяти никак не удавалось.

Расстроенный, варвар сконцентрировал все внимание на тропе. Джунгли заметно поредели, деревья стали тоньше и не такими высокими. Увидев на земле след, круто сворачивавший с тропы, Конан резко остановился. Юкона застыл на месте в полушаге от него.

— Эта дорога ведет в деревню, — прошептал старый ганак, ему пришлось наклониться, чтобы его уста оказались на уровне Конанова уха.

Вождь мрачно улыбнулся и выпрямился. Отыскивать следы в поросшем тростником болоте казалось нелегкой задачей: камыш поднимался варвару по пояс, по бедро — Юконе. Однако этого теперь и не требовалось, ибо новый маршрут Гомбы был предельно ясен. Конан неохотно оценил выносливость беглеца. Они преследовали его с самого рассвета, однако до сих пор не встретили ни одного свидетельства тому, что юноша сбавил темп. Тот неся так, как будто удирал от самого дьявола. Конан почти исключил возможность засады: куда еще Гомба мог так торопиться, если не в деревню?

Заросли стусились, спрятав Конана с головой, однако рост Юконы позволял ему смотреть поверх камышей.

— Мы уже рядом, — прохрипел Юкона, задыхаясь от быстрого бега. — Я вижу холм, но... клянусь Мухинго, этого не может быть! Следуй за мной!

Старик припустил так, что Конан едва мог за ним поспевать. Теплая грязь громко чавкала под ногами. Жесткий тростник стегал плетью, заставляя старые раны кровоточить.

Трудно было сказать с уверенностью, однако Конану показалось, что он слышит отдаленный хор голосов, смешанный с каким-то странным хлопаньем. Возможно, то лишь ветер гулял в камышах; правда, Юкона тоже заметил что-то подозрительное.

Последний глинистый участок пути они миновали на предельной скорости. Конан стремительно затормозил, едва не налетев на извилистую речушку. До ганакской деревни оставалось менее сотни шагов. Посреди обширной поляны возвышался приземистый холм, на вершине которого валялись тела растерзанных ганак. А вокруг холма ковром простирались дюжины выпотрошенных кезатти.

Глава двенадцатая ДЕРЕВНЯ

— Нет! — Юкона взвыл, словно жертва на алтаре. Эхо разнесло его крик по равнине. Сжав кулаки, вождь вброд перешел реку, в то время как изумленный Конан не мог сдвинуться с места. Слишком уж часто последнее время ему приходилось видеть такие картины.

Оставшиеся в живых ганаки медленно стягивались к холму. Юкона перебрался на другой берег и нетерпеливым окликом приказал Конану поторопиться. Пока киммериец боролся с течением, двое ганак — мужчина и женщина — отделились от толпы и зашепили навстречу Юконе.

— Это ятаба, наш духовный лидер, — шепотом предупредил старик. — Пусть его возраст не введет тебя в заблуждение, он так же силен, как и умен. От твоих слов и поступков будет зависеть его решение. Не вздумай болтать что-либо оскорбительное.

Конан согласно кивнул, он вовсе не собирался хамить.

— А кто эта женщина?

— Ее зовут Шейра, для женщин она также раниоба, а для меня — дочь, — ответил старик уже более теплым тоном, в его голосе звучала отцовская гордость.

Конан мельком взглянул на ятабу, заметив лишь странную рубашу из блестящих черных ракушек. Его внимание было приковано к Шейре. Она была примерно одного с ним роста, смуглая, как и все остальные ганаки, черные как ночь волосы убраны в тугую косичку. Горло киммерийца пересохло от одного только взгляда на ее мускулистое, но в то же время безупречно сложенное тело, прикрытое лишь узким поясом из змеиных шкур. Яркий нательный узор был таким же, как у Юкона. Она приближалась к ним легкой, изящной походкой, и упругие груди ее плавно покачивались на бегу.

Конан попытался припомнить, когда он в последний раз видел женщину. А... вот оно — в палатке у Джерала, две недели назад. С тех пор, казалось, прошла целая вечность. Затаив дыхание, он смотрел на Шейру с нескрываемым восхищением. Когда парочка приблизилась, варвар понял, что лицо девушки под стать ее сложению. Конан не мог припомнить женщины, наделенной такой же экзотической красотой. Короли вели войны ради дам менее привлекательных.

К варвару вновь вернулось самообладание. Он обнаружил, что все это время простоял на месте, тогда как Юкона убежал далеко вперед. Конан припустился вдогонку, срезая там, где только было возможно. Представ перед ятабой, он обратил внимание на глубокие порезы и ссадины, покрывавшие тело старика. Кровь струилась из раны на лбу, пачкая седые кустистые брови.

Ранения Шейры были не столь серьезны, лицо же и вовсе не пострадало. Ее острый ракушечный нож — единственное режущее оружие, которое, похоже, было известно ганакам, — был заткнут за пояс, с его острия все еще капала кровь стервятников.

«Не лучшее средство против кезатти», — подумал про себя варвар.

— Здравствуй, отец, — сказала она холодно, избегая Юконовых объятий.

Старик открыл было рот, чтобы произнести приветствие, но вместо этого лишь крепко обнял дочь, которая, правда, поспешила выскользнуть из его рук и встала рядом с ятабой.

Вытянув руки ладонями вверх, Юкона поприветствовал старца:

— Ятаба, духовный вождь, я вернулся из запретных земель и привел с собой чужестранца. Его зовут Конан, и родом он из Киммерии... — старик запнулся, но тут же продолжил: — ...далекой страны, что лежит за морем.

— Добро пожаловать в Ганаку, Конан, — печально выдавил старец и тяжело вздохнул. Он вытянул руки раскрытыми ладонями, и варвар неуклюже передразнил его жест.

— Это Шейра-раниоба. — Старик указал на девушку, и та также поприветствовала киммерийца.

Ятаба продолжал:

— Ваше возвращение — лишь маленький лучик света, что озаряет этот черный день. — Старик помолчал и затем обратился лично к Конану: — Мы поступили с тобой несправедливо, и я прошу у тебя прощения.

Конан только пожал плечами:

— Ганаки не причинили мне зла. А если я и имею к кому-то претензии, то разве что к Гомбе.

— Мы преследовали его до самой деревни, — кивая, подхватил Юкона. — Но как это могло произойти... Не верю своим глазам! Кезатти осмелились напасть?

Видно было, как ятаба сжался, прежде чем ответить.

— Они напали с рассветом. Много наших людей погибло, и если б не Шейра с женщинами да Гомба с оружием, погибло бы еще больше. Храни Мухинго их души! Никогда со времен наших первых предков не решались кезатти напасть на деревню.

Юкона нахмурился:

— Значит, Гомба как-то почувствовал их приближение. Не могу понять как! Он жив?

Шейра вмешалась прежде, чем старик успел что-либо ответить.

— Никто другой не убил столько же кезатти. Они улетели, и кровь падала с их крыльев дождем. Их было столько, сколько комаров на болоте, и Гомбе досталось

от них больше всех. По трое, а то и по четверо они устремлялись на него с разных сторон.

Она говорила с нескрываемым восхищением и прервалась только для того, чтобы проглотить подступивший в горлу ком.

— ...Но ведь их было так много! Так много, что даже Гомба не смог устоять.

Конан слушал, зачарованный как рассказом, так и рассказчицей. С того самого дня, как он покинул серое побережье, его не переставали мучить вопросы. И сейчас он решил во всем разобраться.

— Но зачем они прилетают сюда?

— За пищей, — ответил ятаба уныло. — Их земля бесплодна. Давным-давно они уничтожили вокруг себя все живое. На скалистом острове, где они обитают, теперь нет ни птиц, ни зверей, ни даже растений. Дети Изата не умеют ловить рыбу, как это делаем мы. Однажды они обрушились на Араву — небольшой остров, что лежит между Ганакой и Затти. Теперь там ничего не осталось, лишь кусты да деревья.

Конан припомнил зловещую тишину мертвого острова, на котором он впервые повстречал ганаков.

— Берег скелетов, — прошептал он.

Ятаба кивнул.

— Поколения ганаков встречали кезатти там. Не делай мы этого, и голод приведет их в Ганаку — охотиться на нас и наших детей... как они сделали в этот страшный день. До сих пор мы разбивали их на Араве, после чего кезатти уносили своих мертвецов и пожирали их у себя на скалах.

Конан охнул от отвращения:

— Чем же они живут, когда кончится падаль?

— Не живут — вымирают, причем в жесточайшей войне друг с другом. Однако после поколения мира они возвращаются снова. Почему?.. Потому что, прежде чем умереть, успевают отложить яйца, из которых по прошествии многих лун появляются птенцы. Выводок растет, сильнейший поедает слабого. Те, что сумеют выжить, быстро становятся взрослыми и начинают летать. Сначала они устремляются на Араву и вскоре уничтожают все, что там к этому времени успевает прорасти.

Старик откашлялся и, напустив на себя важный вид, закончил:

— И тогда великий Атаба, тот, что над всеми богами бог, является ко мне во сне и предупреждает об опасности.

Конан задумчиво поскреб подбородок: что-то во всей этой истории было не так.

— Так не ждите, пока они прилетят. Уничтожьте яйца!

Юкона, который до сих пор молчал, отрицательно замотал головой:

— Яйца лежат на высоких скалах, выше любого ганаковского дерева. В прошлом разные смельчаки пытались до них добраться, да только попытки эти ни к чему не привели. Скалы Затти неприступны.

В голове Конана промелькнуло сомнение. Несмотря ни на что, варвар твердо верил, что неприступных преград не бывает. Еще юношей он облазил все труднейшие вершины в ледяных горах Киммерии. Ганаковский же ландшафт, как видно, не позволял своим питомцам обрести столь экзотические навыки.

— Кто же тогда рассказал вам про яйца? — не сдавался варвар.

— Омдью, его отец и мать были в числе наших первых предков. Еще при первой встрече на Араве кезатти захватили нескольких воинов живыми. Остальные ганаки на лодках бросились в погоню. Один из пленников сумел свернуть птице шею, прежде чем та затащила его в гнездо. Его звали Омдью. Сквозь дыру в скале он увидел пещеру, сплошь набитую огромными яйцами. Прямо на его глазах кезатти скормили добычу птенцам. Потом птицы вернулись за ним, и Омдью ничего не оставалось, как прыгнуть с высоких скал. Наши воины подобрали его умирающим, но перед смертью тот им все рассказал.

— Он принадлежал к нашему роду, — гордо добавила Шейра.

— Вы с отцом — последние в этой династии, — печально сказал ятаба и осторожно взглянул на Юкону.

Юкона все понял. В глазах его заблестели слезы.

— Помья! — прошептал старик и посмотрел на холм, где среди прочих павших лежал его сын. — Что за горький день, клянусь Азузой!

— Я молю Азузу о помощи, так что не упоминай вслух его имени, — предупредил ятаба серьезно. — А ты, Шайра, — обратился он к девушке, — беги и собери стариков. Нам есть что обсудить, прежде чем кезатти вернутся. А я пока займусь ранеными. Боюсь, что Гомбу удастся спасти, лишь если небо придаст мне сил.

Помрачнев, Конан крепко сжал кулаки:

— Если ваш Гомба не вернет мне меч, клянусь Кромом, сами боги не смогут его вылечить!

— Он также и мой должник, — с жаром подхватил Юкона. — Он попытался убить меня в джунглях. Сегодняшний подвиг не смывает пятна предательства. Не верь ему, ятаба! Змея, ужалившая врага, завтра ужалит друга.

Ятаба сделал примирительный жест.

— Успокойся, Юкона. Все-таки Гомба ганак, а не гад с чешуйчатой кожей. Обсудим это позже.

Он обратился к варвару:

— Конан, ты волен забрать свое оружие когда угодно. А если Гомба выживет, ты можешь вызвать его на поединок, если обычаи твоего народа того требуют. И еще: если у нас будет время, я хотел бы тебя о многом расспросить.

Конан кивнул, и они все вместе двинулись к деревне.

— Не мешало бы перекусить, — проворчал Конан. — Клянусь Кромом, я съел бы сейчас целого быка.

Шейра сейчас шла как раз перед ним, и киммериец не в силах был отвести глаз от ее прекрасного тела. Естественное покачивание круглых бедер возбуждало даже больше, чем отточенные движения императорских танцовщиц.

Юкона согласно кивнул:

— Ты прав, Конан. Траурная церемония подождет, а перед новым налетом кезатти следует хорошенько подкрепиться... Неизвестно, доведется ли нам когда-нибудь пообедать еще.

Конану такое настроение совсем не нравилось.

— Как вы можете смотреть на смерть и думать о пище? — укоризненно спросила Шейра.

Конан ухмыльнулся и неохотно отвел взгляд в сторону: чего доброго, старик подумает, что он строит его дочери глазки. Он молчаливо оглядел разоренную дерев-

ню. За работой видны были лишь старики и дети. Они волочили трупы кезатти к лесу и топили в болоте. Похоже, ганак не беспокоило, что их собственные мертвые оставались лежать, собирая вокруг себя мух и москитов.

— Что вы с ними делаете? — Конан мотнул головой в сторону холма. — Хороните или сжигаете?

Юкона удивленно сморгнул:

— Это такой ритуал?

— Можно сказать, что так. Во многих странах, где я побывал, люди роют специальные ямы, называемые могилами, и кладут туда мертвецов. Затем сыпят на покойника землю, пока священник справляет панихиду. Стигийцы, те строят целые здания — гробницы или даже пирамиды, в зависимости от того, какое положение занимал покойник при жизни. Другие же поступают проще: бросают трупы в костер и превращают в золу.

— Священник... Гробницы... Пирамиды... Сколько непонятных слов! Наши старцы помнят древний язык, возможно, они тебя поймут. Пойдем, я познакомлю тебя с народом.

Он провел киммерийца мимо длинных скамеек, сложенных в форме треугольника; холм с мертвецами располагался как раз в его центре.

— Это место собраний, — пояснил Юкона, — здесь мы внимаем пророчествам ятабы, а также слушаем доклады раниобы.

Конан кивнул, обратив внимание на то, что деревянные скамейки были отменно отполированы задами многих поколений ганак. Он также заметил, что бревна имели плоские грани, которые к тому же были стесаны с боков. Эти скамейки показались варвару безумно знакомыми. Только полнейший кретин мог предположить, что в лесу растут такие пальмы. А ведь, насколько он мог судить, ганак были весьма далеки от плотницкого дела.

— Откуда эти скамьи?

Юкона пожал плечами.

— Возможно, ятаба знает. Взгляни туда. — Он указал вперед. — Когда-то это было нашей праздничной крышей. Под ней мы встречали воинов, когда они возвращались с Аравы. Ты только посмотри, во что ее

превратили кезатти, будь они неладны! Подарят ли нам боги другую?

— Кром, это же... — Варвар застыл с круглыми от удивления глазами.

Издаেকে он принял это за навес из сухих веток и листьев, натянутый между шаткими и неровными столбами.

Крышей служил рваный кусок паруса, несомненно, от гота древнего корабля. Запятнанный и изодранный, он свисал, как столетний погребальный саван. Неожиданно Конана осенило: эти скамейки... ну конечно же, это кили огромных кораблей. Конан прищурился, окинув взглядом деревню; одно только ее существование являлось интригующей загадкой.

— Да, — кивнул Юкона, неправильно интерпретировав реакцию Конана, — теперь она полностью разрушена.

— Это тоже подарили боги?

— В честь Кулунги, нашего предка. Это вуаль Джейры. Когда Кулунга прогнал кезатти, ганаки устроили праздник. Но Изат, расстроенный смертью своих детей, пролил слезы. Торжественный пир был испорчен. И тогда Джейра, та, что ненавидела Изата, как никто другой из богов, сделала нам подарок — вуаль, — защитив тем самым от Изатовых слез.

Конан изобразил притворный интерес. Ясно, что старику невдомек было настоящее происхождение тряпицы. А что, если знали всю правду, но умышленно скрывали ее от народа? Конан решил избавить Юкону от дальнейших расспросов. Однако из ятабы он выудит все.

Во что бы то ни стало он покинет Ганаку и вернется в хайборийские пределы, где непременно избавится от заклятия шамана. Чем скорее он это сделает, тем лучше. Хватит кошмарных снов. В ближайшее полнолуние он устроит здесь такую мясорубку, после которой даже кезатти покажутся ганакам ангелами.

Когда-то сюда причалили корабли, возможно, столетия назад. Но даже древние мореплаватели вели бортовые журналы или уж по крайней мере имели морские карты. Найти бы путь на материк — и полдела сделано.

Другие полдела — до него добраться!

Глава тринадцатая

ПЕСНЬ РАКУШЕК

Гомба застонал, сиюсь подняться с мягкого ложа из листьев и мха. Тело его было сплошным кровавым месивом. Разноцветные мази покрывали бесчисленные порезы, а к голове были приложены целебные травы, черневшие корками запекшейся крови.

Ятабе хватило лишь одного взгляда, чтобы понять: дело серьезное. Гомба потерял так много крови, что выглядел бледнее чужестранца. Даже сок ягод гурунди не мог остановить кровотечения. Вероятно, его страдания были наказанием, назначенным богами за дерзость и неповиновение.

И все же Гомба поправится. Может быть, даже поумнеет. Он вырос на его глазах: упрямый мальчишка с острым умом и не менее острым языком. Он всегда добивался своего, до тех пор пока Юкона не запретил их брак с Шейрой.

Тогда Гомба решил заслужить расположение старика. И без того не по годам развитый юноша изнурял свое тело сверх всяких пределов выносливости. Когда Юкона просил своих воспитанников обежать семь раз вокруг деревни, Гомба обегал двенадцать или четырнадцать. С сумерками, когда остальные воины разбредались по своим хибаркам, Гомба шел к старикам и приставал с расспросами, впитывая знания, как песок воду.

Гомба был терпелив. Он снова обратился к Юконе, на этот раз в полном соответствии с ганакским обычаем. Шайра просила вместе с ним. Однако Юкона была непреклонна.

С того самого дня они сделались злейшими врагами. Разгневанный юноша немедленно вызвал старика на гануту. Однако ятаба запретил тогда поединок, объявив, что прежде Гомба должен испытать себя в битве с кезатти. Потом старая раниоба назначила Шейру своей приемницей. Брак стал невозможен, ибо раниоба не могла состоять в связи с мужчиной. В действительности, заняв этот пост, Шейра утратила некоторый интерес к возлюбленному, и тот, казалось, смирился. Он замкнулся в себе, становясь

с каждым днем все мрачнее. Единственное, к чему он проявлял энтузиазм, — так это к физическим упражнениям, и тут он безусловно преуспевал.

Ятаба печально взглянул на умирающего сына, и по щеке его скатилась слеза. Никто в деревне не знал его страшной тайны: вождь и духовный лидер был отцом Гомбы. И боги проклинали его за обман. Из-за его молчания Гомба страдал теперь, как ни один ганак.

Гомба был зачат как раз накануне его становления на пост ятабы. Он проявил слабость в ту безумную ночь, и теперь боги его наказали.

Старики говорили, что куомо делает мужчин восприимчивыми к коварному напештыванию Анамоби — богини Луны, что покровительствует всем влюбленным. Однако в ту ночь у нее не было необходимости шептать ему на ухо, ибо красота Нионы говорила сама за себя. Он влюбился, как мальчишка, он, который вот-вот должен был стать ятабой — духовным лидером ганаков! Ятаба, вступивший в связь с женщиной, терял большую часть силы — способности управлять духами, что обитали в ракушках из его ожерелья. Да и Ниона была не в лучшем положении. Она была ранибой, и поэтому стать женой ятабы означало для нее назвать имя преемницы и отказаться от выбранного пути.

После их ночи она исчезла в запретных землях. Луна убывала, исчезла и вновь стала полной, прежде чем попытки ее отыскать прекратились. Запретные земли ее поглотили.

Когда он увидел ее в следующий раз, он уже был ятабой. Он не помнил своего имени, оно стерлось из его памяти, словно след во время дождя. Так было всегда со времен первого ятабы. Но ему никогда не забыть той ночи, когда она вернулась. В ту ночь одна женщина родила ребенка, болезненного малыша с явными признаками истощения. До самой полуночи он колдовал над младенцем, используя каждую травинку, каждую целебную ягоду, каждую молитву, что только могли помочь. Но боги определили судьбу новорожденного, забрав к себе на небеса.

И в ту безлунную ночь Ниона бесшумно проскользнула в его хижину. Она держала на руках грудного ребенка... их сына Гомбу.

Ниона попросила отдать малыша родителям мертвого мальчика, и ятаба согласился. После коротких, скорее горьких объятий она забрала другого младенца и исчезла опять. Ятаба гадал, что с ней стало потом. Пала ли она жертвой лесных чудовищ, или же выстроила среди деревьев секретный дом? Иногда ему казалось, что она все еще жива, что она по-прежнему приходит на край деревни посмотреть на него, на отца ее малыша.

Ятаба прикрыл лицо влажными ладонями, его сердце разрывалось под тяжестью неизгладимой вины. И этот груз с каждым днем становился все тяжелее. Неужели обрушившиеся на ганак несчастия были наказанием за его грехи? Если так, то кровь его народа будет вечно краснеть на его руках. Ятабу знобило, несмотря на то что в его хижине было довольно тепло. Сгорбившись, он опустил свои ладони на горячий лоб Гомбы.

— Ты был прав, сынок. Я всего лишь старый дурак. Да простят меня боги!

Ятаба закрыл глаза и зажал в кулаке ожерелье из черных ракушек. Столько времени прошло с тех пор, когда он последний раз вызвал духов ракушек. Они слушались лишь вождя, а секреты самого ритуала были известны только ятабам. Из поколения в поколение они передавали их своим преемникам.

Освободившись от мыслей, вихрем кружившихся в голове, он стал дышать ровно, постепенно замедляя стук сердца. Разговор с духами чем-то напоминал детскую игру, в которой ловко запущенный плоский камешек долго подпрыгивал на воде и мог ускакать далеко-далеко, если море было спокойным.

Однако ятаба не швырял камни. Он посылал слова, свои мысли, по безбрежному океану сознания. Сосредоточившись, он отыскивал свой внутренний голос и зашептал, обращаясь к ракушкам. Его мысли подпрыгивали, и вращались, и улетали все дальше, по мере того как давление пальцев усиливалось. Он замер, прислушиваясь к слабому эху, доносившемуся как будто из ниоткуда.

Вот оно! Его услышали. Руки покалывало, словно от укусов сотен муравьев. Многоголосый гул — песнь черных ракушек — вырвался из его кулака и разнесся по всему телу, заглушая все прочие звуки.

Рот Гомбы приоткрылся, и из груди его вырвался стон. Ятаба сдвинул ожерелье с такой силой, что костяшки его пальцев побелели. Пот заструился по лицу, а вены на висках вздулись от напряжения. Духи проснулись, их песнь звенела в ушах невыносимо громко, и ятаба с трудом подавил в себе желание открыть глаза. Дети Мухинго не любили, когда их тревожат. Песнь оборвалась так же неожиданно, как и началась. Духи не желали слушаться, а значит, он должен был попытаться опять.

— Во имя Азузы, солнечного бога, явитесь же ко мне! — С этими словами он так яростно сдвинул ожерелье, что одна из ракушек раскололась, острые осколки больно вонзились в ладонь.

Внезапно в комнате воцарилась тишина, и пред ним предстали духи. Они явились в виде расплывчатых прозрачных фигур и сверкали, точно утренняя роса. Их формы постоянно менялись: из высоких и худых они становились квадратными, потом вдруг закручивались спиралью, превращались в подпрыгивающие шары или во вращающиеся овалы.

— Давно это было, когда ты последний раз посмел нас будить. Скажи, что тебе нужно! — Их журчащие голоса удивительным образом раздавались прямо в мозг.

— Исцелите раны Гомбы, который лежит перед вами. Умойте его своей водой и воскресите к жизни!

Кувыркаясь и расслаиваясь, духи заговорили опять:

— Знай, что ты нарушил слово, данное тобой Азузе! Ты связался с женщиной по имени Ниона.

— Это было давно, — возразил ятаба.

— С тех пор мы не обязаны подчиняться Азузе. Однако во имя его любимца Мухинго мы выполним твою просьбу. Знай также, что только один лишь раз мы сможем прийти к тебе, и то если просьба твоя ублажит Мухинго.

Духи слились в один поток, вихрем закружились над Гомбой и затем неожиданно исчезли.

Тяжело дыша, ятаба уселся на пол, обхватив руками колени. В ушах по-прежнему звенело. Он посмотрел на сына, раны которого затягивались, а рубцы бледнели прямо на глазах. Обнаружив, что его рука все еще сжи-

мает ожерелье, он расслабил пальцы и посмотрел на пораненную ладонь. Осколки раздавленной ракушки застряли в коже, из десятка маленьких порезов струилась кровь.

Гомба заворочался на своем ложе и, приоткрыв глаза, посмотрел на ятабу неузнавающим взглядом.

Старик улыбнулся и погладил его по голове.

— Спи, сынок, все будет хорошо. Забудься и излечи свою душу.

Юноша закрыл глаза и вскоре задышал глубоко и ровно, погружаясь в здоровый сон.

Ятаба посмотрел куда-то вдаль и, словно разговаривая с самим собой, промолвил:

— А что касается меня, то моя ночь будет долгой. — Он очистил ладонь от осколков и отер кровь влажными листьями.

Он тяжело поднялся на ноги и расправил плечи. Ганакам нужен новый ятаба, молодой и сильный, а не трусливый и запуганный. Зевнув, он вышел из хижины, чтобы присоединиться к ужину и послушать историю чужестранца.

Сегодня ятаба примет решение, от которого будет зависеть, выживут ганаки или же сгинут навсегда.

Юкона ерзал на своей скамейке. Он чувствовал невыносимую усталость.

Они с Конаном заканчивали рассказ о своем бегстве из запретных земель. Ятаба и остальные старики внимательно слушали.

— ...И когда я увидел Конана, его душа покинула тело... или все-таки это были две души?! — Он приложился к своему кокосу, осушая каждую каплю сладкого куома. — Если, конечно, какой-нибудь трюк запретных земель не обманул мои старые глаза. Клянусь, Конан, ты отбрасывал две тени: одну в виде тебя и другую... э-э... в виде чего-то еще. Или это нормально для людей твоего народа?

Конан заволновался.

— Две тени?.. Нет, не может быть! Наверное, как ты сказал, это была всего лишь игра солнца. — Он небрежно отхлебнул из своего кокоса. Напиток был приятным,

таким же душистым и крепким, как зембабийское кокосовое вино.

Юкона задумался.

— Оно было огромным, выше любого ганака. Его голова была уродливой, а руки свисали до самой земли. Ноги короткие, но толстые. Это был скорее зверь, чем человек. И я бы не хотел повстречаться с существом, которое отбрасывает такую тень. — Юкона схватил со стола новый кокос и сделал долгий глоток.

Неожиданно лицо ятабы сделалось каменным, а голос жестоким, он испытующе посмотрел на киммерийца.

— Нет, Юкона, то, что ты увидел, не было трюком. Когда я увидел тебя впервые, Конан из Киммерии, я увидел зверя. Он притаился в твоих глазах, корчась от яркого взгляда Азузы.

Конан напрягся. Пальцы инстинктивно сжали рукоять меча, который привычно болтался на поясе. Как оказалось, ятаба не был шарлатаном. Каким-то образом он раскусил заклятье шамана. Оно ничуть не ослабло и, несомненно, затаилось внутри, ожидая нового полнолуния. Конан похолодел от одного лишь воспоминания о страшной обезьяне, в одну ночь вырезавшей экипаж корабля.

Но тут его озарил лучик надежды. Ятаба говорил, что лечит раненых. Он был духовным лидером ганаков — в своем роде шаманом. Кто знает, вдруг он сможет его расколдовать?

Словно не заметив его испуга, ятаба продолжал:

— Зверь живет внутри каждого человека. Новорожденный в большей степени чудовище, чем любой из нас. Боги делают наш дух сильным, чтобы противостоять звериным инстинктам. Силу свою мы черпаем от зверя, но разум — от богов. Именно этот баланс отличает нас от животных, таких, например, как кезатти, в которых доминирует звериное начало. Но о них мы поговорим позже, после того как обсудим мое предложение. И ты, Конан из Киммерии, играешь в моем плане немаловажную роль. Один раз ты уже сражался бок о бок с нашими воинами, хотя и не должен был нам ничего. И теперь от имени своего народа я снова прошу тебя о помощи. С тобой связана наша последняя надежда!

Взгляды остальных ганаков тут же устремились на Конана.

Внезапно Юкона вскочил на ноги, его глаза сверкнули.

— Во имя Азузы, неужели ты потребуешь от него этого? Он уже помог нам однажды, хотя мы и не были его родней. И чем мы отблагодарили его за это? Тем, что украли его оружие и бросили одного...

— Ты бросил его, — поправил ятаба, — как вождь наших воинов, ты ответственен за случившееся.

Юкона покраснел и вжал плечи:

— Я признаю свою вину! Но своей просьбой ты не оставляешь ему выбора. Конан — доблестный воин. Если он откажется, то потеряет свою честь, а если согласится, то обречет себя на верную гибель. Ты загнал его в угол!

Теперь ятаба тоже встал. Он был даже выше, чем Юкона, а тяжелый пронизывающий взгляд придавал ему еще больше внушительности.

— Конан из Киммерии, ты во всех отношениях такой же великий воин, что и любой ганак, когда-либо живший на земле. Мои люди верят, что ты послан к нам самими богами. Черные тучи судьбы сгущаются с каждым днем и не ровен час разразятся в убийственном шторме. Сейчас, как это было уже в нашем прошлом, один человек может изменить все.

Как духовному лидеру, мне известно многое из того, чего не ведают даже самые старые из вас. Каждому ятабе доверены тайны. И сегодня, ради спасения моего народа, я нарушу клятву, данную мной старому ятабе. Этой ночью я открою вам тайну запретных земель!

Ибо в этом трижды проклятом месте лежит то, что может оказаться нашей последней надеждой на спасение. Хотя должен предупредить, что зло, которое там затаилось, намного страшней любой угрозы кезатти. С твоей помощью, Конан, мы можем обрести то, что было утеряно много веков назад... то, что наделено властью изгнать наших врагов навсегда.

Конан подался вперед, сердце его заколотилось. В голосе старика звучали гипнотические нотки, заставившие его вслушаться. Глаза ганаков заблестели в лучах заходящего солнца, и даже Юкона застыл на месте, позабыв про недопитый куомо.

Ятаба плавно обошел вокруг стола, перебирая свое ожерелье.

— Давным-давно, еще до наших предков, Ганаку населяло племя великанов. Их язык и обычаи были не такими, как у нас. В действительности даже землю свою они называли по-другому. Она называлась у них Рахамой. В центре Рахамы разливалось озеро. Вода его, освященная богами, была холодной и чистой, а в центре озера бил фонтан. Они называли его фонтаном богов, ибо каждый, кто коснулся или испил той воды, никогда не болел и не старился.

В благодарность богам рахамцы выстроили вокруг него каменную стену, а камни исписали хвалой и молитвами. Это ублажило богов, и те наградили их многими поколениями изобилия. Рахамцы расселились по всему острову, живя без страха и забот, не зная ни болезней, ни голода. Кезатти их никогда не беспокоили, и мертвые земли тогда еще не существовали.

Рахамцы были настоящими мастерами камня. Они выстроили наружную стену, чтобы защитить свою деревню от шторма, который наслал на них завистливые боги. Немного спустя после этого три лодки приблизились к побережью. Они были огромными, намного больше наших пальмовых, и конструкция их была так же необычна, как и люди, что плыли на них через море. Они были невысокими, даже ниже, чем Конан, их кожа белая, как сок куомо. Их предводительницу звали Джайорой. Рахамцы с радостью приняли чужестранку и позволили искупаться в своем фонтане. Джайора искренне подивилась чуду, однако не захотела делить фонтан с дикарями.

В одну безлунную ночь Джайора и ее люди напали. Спящие рахамцы были убиты. Только нескольким дюжинам удалось спастись, они убежали в джунгли и нашли прибежище как раз в том самом месте, где стоит теперь наша деревня. К ним присоединилась часть чужестранцев, те, что были недовольны предательством Джайоры...

Ятаба прервался, чтобы отхлебнуть куомо. Его аудитория была зачарована. Шейра и несколько ее охотниц расположились за стариками и, сидя на корточках, слушали с открытыми ртами. Ятаба намеренно повысил голос:

— Дети тех беглецов были нашими первыми предками!

Шепот изумления пробежал по скамьям. «Во имя Азузы!» — слышалось со всех сторон. Потом толпа снова стихла.

— Без своего чудесного фонтана рахамцы ослабели, начали стариться и умирать. Но хуже всего было то, что Джайора осквернила их стену, уничтожив молитвы и начертав вместо них проклятья. На воротах в стене ее люди изваяли образ жестокой богини и замуровали все остальные входы.

Рахамцы молили Джайору о пощаде, однако та убивала всякого, кто заходил в ее крепость. Тогда рахамцы взмолились своим богам, и те их услышали, но сил их хватило только на то, чтобы отравить фонтан. Люди, что пили из него воду, превращались в чудовищ, которые беспрестанно дрались и пожирали друг друга.

Отравленная вода просочилась в почву, и с тех пор там ничего не растет. Чудовища же разбрелись и населили окрестные джунгли. Рахамские боги потом как-то пытались восстановить фонтан, однако Джайора, которая превратилась в зверя последней, воззвала к своей богине, и та за нее заступилась. Заручившись поддержкой завистников, она напала на рахамских богов, и в этом столкновении обе стороны погибли. Фонтан засох. А что случилось с перевоплощенной Джайорой, никому не известно.

Конан не смел шелохнуться, заинтригованный рассказом ятабы. Происхождение замка в лесу стало понятным. Но откуда же все-таки взялась эта Джайора? Какая из хайборийских рас была низкорослой и бледнокожей? Ответ был где-то рядом, однако для полной разгадки не хватало одного маленького ключа.

— Рахамцы не пытались вернуться в свою старую деревню. Чудовища расплодились по джунглям, да и новые беды сыпались на их головы одна за другой. Они стали называть себя ганаками, что означало — «дети камня». Однако они забыли свое искусство, так как люди Джайоры были слабы и ленивы. Наступили тяжелые времена, усугубленные появлением кезатти. Когда они впервые напали на деревню, их было немного. Однако

они возвращались снова и снова, их число росло. Тогда ганаки взмолились богам, но услышаны не были, ибо старых рахамских богов уже не существовало.

Большинство чужестранцев поклонялось богу, которого они называли Азурой. Их бог не был ни плохим, ни хорошим. Но некоторых своих людей Джайора заставила продать свои души Кхатар — богине смерти. — Ятаба указал на старика, чье тело было расписано желтыми треугольниками. — Те из вас, которые являются их потомками, носят эти знаки, чтобы уберечь от нее свои души. Кхатар не слышит молитв, если те не сопровождаются криками жертвы на пыточном алтаре. Что же касается Азуры, то тот внимает лишь голосам жрецов, ни одного из которых не было среди людей Джайоры. Наши предки были бы обречены, если бы за них не вступился бог войны Мухинго.

Конан чуть не поперхнулся своим куомо. Азура... не означало ли это Ашура? Так назывался бог, почитаемый в Вендии! А ятабина Кхатар наверняка была Катар — вендийская богиня зла. Конан бывал когда-то в этих землях. Вендия лежала во многих милях к востоку от Иранистана, и хотя земли ее простирались до самого южного океана, она вовсе не считалась великой морской державой. Конан сомневался, чтобы она располагала хоть одним мало-мальски приличным портом. Ее народ и обычаи были странными. Похоже, что Джайора действительно была вендийкой, а Ганака — всего лишь одним из островов мистического архипелага, примыкавшего к западному побережью. Но это значило, что он дрейфовал не одну сотню миль, после того как спасся с тонущей «Мистрисс». Конан сконцентрировал все внимание на ятабе, готовясь услышать новые сенсации.

— Однажды ночью он явился нашему первому ятабе и поведал о том, что кезатти были детьми его младшего брата Изата. Он рассказал также о всемогущем Атабе и о солнечном Азузе, которые были сильными и добрыми богами. Они были весьма опечалены тем, что их сын причинил столько горя ганакам, однако запретили Мухинго убивать кезатти. Желая хоть как-то помочь людям, Мухинго передал это, — ятаба указал на свое ожерелье, — со словами: «Ты поведешь своих людей по пути Азузы.

За это я дарю тебе кабукру. Выбери одного из своих воинов и сделай его вождем ганаков. Прикажи духам кабукры защитить его от кезатти. Пусть он соберет своих воинов и плывет на Араву, где одержит над птицами победу. С помощью кабукры ты будешь лечить больных и воскрешать умирающих, но запомни: души ракушек будут служить тебе до тех пор, пока ты следуешь путем Азузы!»

— Неужели мы свернули с его пути? — не выдержал Юкона.

— Думаю, что да. Это случилось очень давно, когда наш первый боевой вождь состарился и умер. Тогда наши воины уничтожили друг друга в борьбе за его место, и остался один лишь Кулунга. Я уже рассказывал вам, как с помощью атланги он прогнал кезатти, и до сегодняшнего дня они не смели нападать на деревню.

— Но как же насчет древнего пророчества? Вернется ли он снова? — взволнованно зашептали ганаки, их взгляды с надеждой устремились на ятабу.

Старик глубокомысленно помолчал и затем торжественно продолжил:

— Да! И именно поэтому я попросил Конана о помощи. Но начну по порядку... Когда я сказал вам, что Мухинго забрал Кулунгу на небо, я повторил ту ложь, которую рассказывал каждый ятаба до меня. Сегодня я открою вам правду, хотя тем самым нарушу клятву, данную мной моему предшественнику... — Старик часто задыхался — видимо, ему нелегко было об этом говорить. — Нет, Кулунга не вознесся на небо. Прогнав кезатти, он отправился в запретные земли. Только ятаба знал об этом и не хотел его отпускать. Но избранный не послушался. Он мечтал отыскать фонтан и восстановить деревню. Отец и мать Кулунги были коренными рахамцами, и они воспитали в нем мечту увидеть старые стены. Он надеялся, что атланга поможет ему разделаться с тварями, обитавшими в самом сердце джунглей. Кулунга вошел в крепость... и с тех пор его никто не видел.

— Но почему от нас это скрывали?! — требовательно спросил узкилицый ганака, его глаза пылали негодованием.

Ятаба пожал плечами:

— Не знаю... Возможно, потому, что люди ятабы и так много страдали. Жестоко было бы лишать их последней надежды.

Старики снова зашумели, пока выкрик киммерийца не заставил их смолкнуть.

— Хватит, во имя Крома! Скажите, что я должен сделать, и вы получите мой ответ.

Ятаба нахмурился:

— Атланга находится там, где ее последний раз сжимал Кулунга, — за стенами старой крепости. Только ты и Юкона видели древний замок. Однако Юкона — наш последний воин и должен остаться здесь. Если духи меня ушлишат, они защитят его от кезатти.

— Тогда почему не пойду я? Пусть Конан охраняет деревню.

Ятаба покачал головой:

— Нет, Юкона. Только избранный может коснуться атланги. И я верю, что Мухинго послал нам Конана. Избранник Кулунги — Конан из Киммерии.

Конан чуть не расплескал свой куомо; он поставил кокос на стол и поднялся со скамейки.

— Я все понял. Вы хотите, чтобы я прогулялся в джунгли и раздобыл вам атлангу. Во имя Крома! Так бы и говорили сразу!

Он повернулся к ятабе.

— Я иду, но сначала ты должен поклясться, что попросишь свои ракушки изгнать из меня зверя, которого ты видел в моих глазах.

Ятаба сжал свое ожерелье. Понравится ли это Мухинго? Послушаются ли духи на этот раз? Этого он не знал. Но знал, что не должен был колебаться. У него не было другого выбора, кроме как выполнить просьбу Конана. Его большие черные глаза встретили горящий взгляд киммерийца.

— Клянусь Азузой, солнечным богом, а также Атабой, богом всех богов, что прикажу кабукре очистить твою душу.

— Тебе не придется идти одному! Я и три моих девушки будем тебя сопровождать, — раздался знакомый голос. Это была Шейра.

— Ты нужна нам здесь, — холодно возразил ятаба.

— Если погибнет Конан — погибнем мы все. Кроме того, я раниоба и могу сама за себя решать.

— Что ж, пусть будет так, — вздохнул ятаба.

— Отправимся утром, — усмехнулся Конан, хлопнув по рукоятке меча. Он посмотрел на Шейру, которая уже отдавала распоряжения своим охотницам. Необычайный рост девушки придавал ей столь экзотическую красоту, что варвар находил ее даже более пьянящей, чем куомо. Она обладала силой и женственностью — качествами, которые восхищали Конана в любой женщине. Он знал, что Шейра не подведет в лесу, когда им придется столкнуться с пауками или тварями еще похлеще.

Вообще-то он решил войти в крепость независимо от обещаний ятабы. Там, за стенами, были вещи Джайоры, в том числе старые морские карты. С их помощью он отыщет дорогу на материк. Да и рубины в стене не давали ему покоя. Такие камушки в городах стояли бо-о-ольших денег.

Улыбнувшись, он похлопал Юкону по плечу и отправился спать. Теперь у него не оставалось сомнений в том, что очень скоро его судьба изменится.

Глава четырнадцатая

ВУГУНДА

С восходом солнца листва начинала сверкать и переливаться, точно изумруды. Конан с удовольствием вдыхал сырой, пропитанный морем воздух, чувствуя себя освеженным после ночи хорошего крепкого сна и аппетитного завтрака из рыбы панги. Его не мучила головная боль, которую он ожидал заработать в результате своего чрезмерного увлечения куомо, не ныли помятые ребра. Одним словом, не считая слабого жжения в лодыжке, в том месте, где ее зацепили паучий щупальца, он чувствовал себя как заново родившийся человек.

Ятаба стоял у холма и что-то обсуждал со стариками. Он выглядел уставшим. Похоже, он не имел возможности выспаться так, как Конан, если, конечно, вообще ложился спать.

— А эта ваша атланга, она тоже сделана из камня? — спросил варвар, поравнявшись с ганакami. Он с удовольствием снял с бедра меч и сделал в воздухе росчерк, отчего лезвие засверкало.

— Никто из ныне живущих ганакoв не видел атланги, — задумчиво ответил Юкона и посмотрел на лидера.

Ятаба потер припухшие глаза и тщательно проморгался.

— Юкона прав. Однако, думаю, ты без труда ее узнаешь. В наших легендах она описана детально: длинная, как рука человека, загнутая, как клык змеи, и цвета, как море в безветренный день. Камень, из которого ее выковал Мухинго, невозможно встретить на земле, поэтому лезвие атланги острее любой нашей ракушки.

Конан попытался представить себе такое оружие. В жизни ему не приходилось видеть ничего подобного, и он даже засомневался в его существовании. Варвар по опыту знал, что рассказчики любили приукрасить свои истории, так что описание любой вещи могло обрасти неправдоподобными деталями. Даже мудрецы и книгописцы частенько перевирали факты, зная, что молчаливая правда истории надежно спрятана под пыльными плитами над могилами тех людей, которые когда-то эту историю совершали. Конан так же верил в возможность отыскать атлангу, как и в то, например, что она изготовлена из берцовой кости Митры.

Конан обернулся, заслышав за спиной чьи-то легкие шаги. Прямо позади него Шейра стояла с тремя ганачками, все девушки скромно улыбались.

— Кром! — прошептал киммериец. Они ступали так же бесшумно, как кошки по толстому ковру. В былые времена он мог только мечтать о таких компаньонах.

— Ну что, Конан из Киммерии, готов ли ты прогуляться с нами в мертвые земли? — В голосах охотниц звучало явное заигрывание.

Конан усмехнулся, но решил поддержать игру:

— Я был готов еще вчера. Какого дьявола вы так долго возились?

— Мы проснулись давно, еще до того, как лик Анамоби растворился в небе. Аврана, Канитра, Макиэла и я приготовили в дорогу припасов. Звери и травы в запретных землях не всегда пригодны в пищу.

Конану пришлось согласиться, его так и скрутило при одном только воспоминании о завтраке из паучьих яиц. Он принялся натирать себя горстью ягод, которые ему передал Юкона. Варвар поморщился:

— Эта ваша отравка воняет хуже, чем заморийская выгребная яма. Не думал, что на земле могут встречаться такие растения!

Юкона усмехнулся:

— Ягоды тут ни при чем. Они лишь придают цвет. Основной же компонент мази — свежий помет птицы цацы, которая охотится в джунглях на мелких насекомых. Вот откуда берется запах. Этот запах способен отогнать большинство москитов и прочих кровососов, укусы которых приводят к болезни или даже смерти. Потерпи немного, и ты к нему привыкнешь.

Конан с сомнением оглядел свое размазанное тело.

— Боюсь, что этот же запах может привлечь тварей куда более страшных, чем москиты. Ну да не важно, если это необходимо, я вынесу любое благоухание, даже это. А что действительно имеет значение — то, как скоро мы отправимся в путь. Думаю, мы должны вернуться к закату. Я не очень бы хотел провести ночь в джунглях.

Ответом было молчаливое согласие.

— Как там Гомба? — поинтересовался Юкона.

— Поправляется. Он сознает свою вину и стыдится своих поступков. Он пожелал Конану счастливого пути и скорейшего возвращения, — тихо соврал ятаба.

Юкона отвел глаза и ничего не ответил.

— А мы и не собираемся задерживаться, — сказал Конан холодно; он до сих пор не мог простить предательства Гомбы.

Закончив все приготовления, маленький отряд двинулся в путь. Впереди шла Макиэла — самая высокая среди девушек. За ней — Конан и Шейра. Аврана и Канитра замыкали процессию. На их бедрах болтались сумки с провизией. Сумки были изготовлены все из того же чешуйчатого материала, скорее всего шкуры угря или змеиной кожи.

Макиэла двигалась с грацией пантеры, отыскивая на земле следы, оставленные им и Юконой вчера вечером.

— Макиэла — наша лучшая охотница, — с гордостью сообщила Шейра.

Конан оценивающе посмотрел на великаншу:

— Отыскивать следы... Подумаешь, велика премудрость! В землях, граничащих с Киммерией, живут дикари, называемые пиктами. Любой из них без труда выследит змею до самого ее логова. А проследить наш с Юконой путь — так и начинающий следопыт справился бы с такой задачей.

До сих пор находить следы было действительно несложно, однако следовало отметить, что Макиэла делала это так же быстро, как пикты, а что самое главное — была при этом намного симпатичнее.

Шейра широко улыбнулась:

— В свое время ты поймешь, что я имела в виду. Естественно, что ты гордишься своими людьми, так же, как и мы своими. Но ты еще слишком многого не знаешь ни о нашей земле, ни о нашем народе.

Они давно уже пересекли границу деревни и теперь уверенно шагали за Макиэлой, которая все время шла впереди, в нескольких шагах от Шейры и Конана. Две другие охотницы выстроились по бокам и постоянно изучали окрестности. Джунгли казались подозрительно тихими; несколько змей, которые им повстречались, были вялыми, а зачастую и вовсе спящими, и только птицы иногда покрикивали.

— Мы наберем яиц ананси, сразу как только встретим. Ананси не водятся в этой части джунглей, так как боятся света. Дальше нам надо быть осторожнее.

— Кроме ананси, я не встречал других тварей, которых стоило бы бояться. Вряд ли кто-то еще может помешать нашему продвижению.

— Тебе просто повезло! Ананси сами являются пищей для хищников, еще более страшных. Держи свое оружие наготове, ибо наши собственные копья бессильны против крадунчиков.

— Крадунчиков?..

— Старики называют их вугундами. Вугунда нападает столь бесшумно, что жертва не успевает ее даже заметить.

Они охотятся поодиночке, никогда не объединяются в стаи, как ананси. Раниоба, что была до меня, видела, как они дрались между собой: та, что была побольше — а самки крадунчиков всегда крупнее самцов, — заживо сожрала супруга. Старики говорили, что видели вугунду ростом в два раза выше Юконы.

— Зверя с такими пропорциями не заметит только слепой, — усомнился варвар.

— Но не крадунчика! Их тела, как...

— Тс-с... — Макиэла поднесла палец к губам и нахмурилась.

Конан огляделся вокруг, гадая, что же все-таки могло ее встревожить. Деревья пока что еще росли редко, и солнце проглядывало сквозь кроны. Они еще не вышли на ту тропу, которая вела в запретные земли.

— Вы слышали звук?... — Голос Макиэлы был низким, как у мужчины, однако приятным и даже мелодичным.

Конан ничего не слышал, хотя, несмотря на болтовню с Шейрой, не переставал вглядываться и вслушиваться. Листва тихо шептала на ветру, а пузатые насекомые назойливо кружили...

— Я могу повести, — предложил Конан. — Я помню дорогу, да и как вы сами сказали, от вашего оружия сейчас не много толку.

Макиэла рассмеялась:

— Мужчина-чужестранец ведет раниобу и ее трех лучших охотниц по джунглям! Как вам это нравится? Нет, Конан из Киммерии, не стоит даже пробовать.

— Решения здесь принимаю я, — напомнила ей Шейра. — Будь он ганака, я бы с тобой согласилась. Действительно, наши мужчины в лесу, как дети. Однако Конан не первый раз в джунглях, и он уже видел древние стены. Пусть он ведет!

Не проронив ни слова, великанша пропустила Конана вперед и пристроилась за раниобой.

— Мы должны отыскать яйца ананси, пока не поздно.

— Я частенько встречал их на тропе. Птицы находят их весьма съедобными. — Варвар решил умолчать о своем собственном печальном опыте. Он был слегка раздражен насмешками Макиэлы и намеревался теперь доказать

деревенщине, чего стоят киммерийцы. Конану доводилось участвовать в самых разнообразных экспедициях. И хотя в большинстве случаев флора и фауна чужих краев были не такими, как на его родине, он быстро адаптировался в любых диких условиях. В действительности в первобытном лесу он чувствовал себя больше дома, чем в переполненном городе. Обычные люди порой были страшней любых, самых дьявольских чудовищ, хотя и называли себя при этом цивилизованными. А бродить по темным городским улочкам было иногда опасней, чем по кишасим хищниками джунглям.

Стоило людям основать города, как они тут же выдумывали свои законы, порой настолько запутанные и противоречивые, что путешественнику или чужестранцу с трудом удавалось в них разобраться. А наказания же за любой проступок были столь жестокими, что казались просто безумными с точки зрения здравого смысла. Сколько раз он покидал города, преследуемый стражниками за нарушение странных местных обычаев. Здесь же, в джунглях Ганаки, так же как и в степях Киммерии или пустынях Шема, он знал хорошо лишь один закон: выживает сильнейший. Конан был варваром и поэтом: во многих отношениях был ближе к зверю, чем к человеку.

Полуденное солнце повисло в небе, точно огромная раскаленная добела головня в широкой голубой жаровне. Безжалостная жара превращала джунгли в пылающий зеленый ад.

Пот в три ручья лил с Конанова лица и бисером блестел на загорелом мускулистом теле. Так же как и девушки, он был почти голым. Еще с утра он подыскал себе длинный широкий лоскут змеиной кожи и превратил его в грубую набедренную повязку, причем сделал это не из каких-то там моральных побуждений, а из сугубо практического расчета. Под этим незатейливым нарядом он протаскивал в деревню рубины. Кроме того, зеленый чешуйчатый пояс служил для его меча чем-то вроде ножен.

Наряды Шейры и ее охотниц также были предельно просты. Узенькие пояса крест-накрест обвивали их изящные талии, выставя напоказ смуглые бедра. Скромные одеяния в джунглях были весьма удобны, ибо не стес-

няли движений и не усугубляли и без того невыносимую духоту.

Конан едва сдерживал восхищение. От пупка и до самой шеи тела девушек были абсолютно голыми, за исключением Шейры, которая носила ожерелье. Подобная манера одеваться была широко распространена в Пунте и Зембабве — землях к югу от Стигии. Природа тех королевств была столь же дикой, однако климат казался мягче. Эти же джунгли были так же невыносимы, как парная в туранской бане.

Конан заметил, что ганачки потели меньше: их кожа только поблескивала в тех местах, откуда с него текло ручьем. Краска на его лице давно поплыла, однако от москитов по-прежнему защищала. Бритые затылки охотниц казались куда удобней его собственной черной гривы. Стряхнув с лица пот, варвар оглянулся назад и снова поразился восхитительному виду. Это даже хорошо, что он шел впереди, не замечая своих обольстительниц.

— Вот... — Он указал на гроздь шаров, свисавшую с соседнего дерева.

— Наконец-то! — облегченно вздохнула Шейра и приказала ганачкам остановиться.

Конан припомнил, как на этом участке пути часто встречал разных птичек. Сегодняшнюю тишину могло объяснить лишь одно — присутствие затаившихся хищников.

В тревожном лице Макиэлы отразились его собственные мысли.

— Эта тишина!.. Клянусь Азузой! Джунгли будто бы поджидают нас, как змея в траве, свернувшаяся кольцом и готовая в любую минуту прыгнуть.

— Прежде чем открыть рот, той змее придется познаться с моим мечом, — угрюмо проворчал киммериец.

— И с моим копьём! — решительно подхватила Канитра.

Макиэла вскарабкалась на дерево и стащила яйца вниз. С гроздьё шаров в одной руке и с копьём в другой она ждала новых распоряжений раниобы.

Шейра махнула рукой, и отряд снова двинулся в путь.

Конан отметил про себя, что ракушечные ножи кои были отменно заточены, наверняка о специальный

камень, наподобие того, что использовался на материке с той же целью.

— Груда костей лежит дальше. — Он жестом указал вперед. По мере того как они углублялись, он все больше внимания уделял веткам над головой. — Поосторожнее с паутиной, они набрасывают ее сверху.

Вообще-то Конан заметил, что стал бояться пауков гораздо меньше с тех пор, как вернул свой меч. Стальной клинок в этих лесах был так же незаменим, как коса во время жатвы. Что же его на самом деле беспокоило, так это мистические крадунчики — гигантского размера твари, при этом невероятно бесшумные. Хотя, впрочем, они были такими же созданиями из плоти и крови — и это весьма утешало. Реальная же опасность таилась там... за стенами мертвой крепости.

— Я вижу кости! — вскрикнула Шейра, когда тропинка свернула налево.

— Останки храбрых ганаков, которые так и не увидели старой деревни, — мрачно добавил Конан. — А вот и труп паутинщика, которого я прикончил.

Хотя с той ночи прошло уже почти двое суток, паук тем не менее выглядел все таким же чудовищным и ядовитым.

Шейра одарила Конана восхищенным взглядом, протянула руку и потрогала его внушительный бицепс.

— И ты справился с ним голыми руками? Юкона не преувеличил, когда назвал тебя могущественным воином! Вряд ли в деревне найдется ганака, равный тебе по силе.

Она взяла Конана под руку и зашагала рядом.

— Даже Гомба? — усмехнулся варвар.

— Бедный Гомба, — тихо вздохнула Шейра, но руку не убрала.

Наступило неловкое молчание, нарушаемое лишь их собственным дыханием да шелестом листвы под ногами. Похоже, его насмешка обидела раниоу.

К счастью, Шейра заговорила снова:

— Возможно, по силе он тебе не уступит. Но ты, Конан... Ты намного мудрее, и за это он тебя ненавидит. Знаешь ли, когда мы хотели с ним пожениться...

Конан удивленно поднял бровь, но от комментариев воздержался.

— Я любила его и сейчас, возможно, люблю, — как сестра может любить брата. Но никогда я не стану его женой — только не после того, что случилось. Гомба доблестный воин, но его взгляды на жизнь, его видение того, что хорошо, а что плохо для его народа, — слишком упрощенные. А ведь он так упрям! Никогда еще не видела его таким угрюмым.

— Угрюмым? Кром, девочка, твой Гомба ворует мой меч, бросает меня на острове и, наконец, пытается убить твоего отца, — не выдержал Конан.

— Гомба вспыльчив. А мой отец всегда его ненавидел. Они оба упрямы, как пни. Да, он украл твое оружие, но из лучших побуждений: с помощью твоего меча он надеялся защитить деревню. Я верю, если бы не кезатти, вы бы могли стать друзьями.

— Мне не нужны друзья, которые меня бросают. И хватит об этом! — резко ответил варвар.

Дальше они шли молча.

— А правда, что, пока в небе сияет лик Азузы, ананси не нападают? — Вопрос Авраны прозвучал так неожиданно, что Конан вздрогнул.

— В такие места, как это, лучи Азузы не проникают, — мрачно заметила Макиэла.

И действительно, чем дальше они продвигались в джунгли, тем плотнее становилась тьма. Все реже клочки голубого неба показывались над головой. Конан нахмурился.

— Они были полны решимости сожрать меня с потрохами. Интересно, увидев свои яйца, станут ли они прятаться или же просто пропустят нас, не трогая?

— Нам известно только то, что ананси не нападают на тех, кто несет их потомство, — тихо ответила Шейра.

— Стена деревьев должна быть где-то рядом. — Конан наклонился, изучая следы.

Отпечатки принадлежали Гомбе или Юконе, а может быть, тому и другому сразу. Изучив джунгли на предмет притаившихся хищников, он осторожно свернул с тропы.

Нервное напряжение охватило ганачек, когда они нырнули во тьму, в которой только что растворился их проводник. С каждым шагом заросли становились гуще. Листья и ветки беспорядочно переплетались до тех пор, пока

не превращались в сплошную мокрую массу зелени. Ухудшение видимости значительно замедляло дальнейшее продвижение.

— Джунгли не были столь дремучими. Боюсь, что мы заблудились... Хотя постойте, что это? Ха!.. Это же место, где валялся Юкона! Мы на верном пути, клянусь Кромом! Смотрите, вон там я пролез через стену. — Конан указал на пару деревьев, между стволами которых был зажат труп паука. Он спрятал яйца ананси в складки юбки, служившие чем-то вроде кармана, — сюда же он собирался спрятать алмазы. Остальные яйца Аврана и Канитра распределили по своим сумкам.

Освещенность улучшилась. Конан сделал еще несколько шагов, как вдруг неожиданно замер. Шейра и Макиэла застыли за его спиной.

Прямо перед ними лежал труп огромного паутинщика, едва заметный в сумеречной тьме. Он напоминал обезглавленный мешок с костями, так, как будто бы кто-то или что-то высосало все его внутренности. Ни брюшко, ни шея вспороты не были, все выглядело так аккуратно, как если бы тут потрудились топор палача.

Киммериец присвистнул:

— Боги небесные, кто же мог это сделать?

Шейра жестом приказала ему замолчать.

— Не знаю, — тихо прошептала она, — и надеюсь никогда об этом не узнать.

Аврана поддела труп копьем, сморщившись в отвращении. Суставчатая фаланга безвольно повисла в воздухе. Девушка опустила оружие, позволив безобразной клешне соскользнуть на землю, и вытерла острие о траву.

— Вперед, — скомандовал Конан, — чем быстрее мы попадем на поляну, тем лучше.

Добежав до деревьев, Конан высоко подпрыгнул, хватаясь на лету за толстую ветку. Вскрабкавшись на сук, он махнул девушкам.

Шейра и Макиэла старались как могли, хотя было очевидно, что ганачки не привыкли лазать по деревьям.

— Осторожно! — вдруг крикнула Макиэла, указывая на предмет, висевший у Шейры над головой.

Конан проследил за ее взглядом: с ветки свисало тело другого паутинщика, также обезглавленного и выеденного

изнутри. Ноги его слабо покачивались, хотя не было никаких сомнений в том, что паук мертв.

Киммериец оглянулся вокруг в поисках следов борьбы или по крайней мере крови. Ничего... Работали чисто, без шума и пыли. Несмотря на страшную духоту, по спине варвара пробежал холодок. Этот потрошитель ананси был, по всей видимости, мастером маскировки — коварным неуловимым чудовищем с демонической жестокостью.

Жирная вонючая капля шлепнулась на ладонь. Кром! Свежая кровь! Труп паука раскачивался, вопреки полному отсутствию ветра!

— Быстро за мной! — рявкнул он вниз. Глаза варвара сверкнули голубыми факелами, а пальцы нащупали рукоятку меча.

Без лишних промедлений Аврана и Канитра вскарабкались вслед за остальными.

Стиснув зубы, Конан попытался протиснуться в узкую щель между стволами. Тщетно, проем был слишком узок. Уперевшись спиной в одно и ладонями в другое, он попробовал развести деревья в стороны. Шейра отдала свое копье Макиэле и также уперлась в стволы. После целой вечности усилий зеленые исполины дрогнули, уступив чудовищному напору связок и костей.

Макиэла нырнула в проем первой, кубарем покатившись по песку после приземления. За ней прыгнули Аврана с Канитрой.

— Быстрее! — прорычал Конан сквозь стиснутые зубы, руки его тряслись от напряжения.

Как только Шейра порхнула вниз, Конан выпустил стволы и полетел следом, деревья за ним с шумом сомкнулись.

Они приземлились спиной к спине, крутятся и кувыркаясь, чтобы смягчить падение. Шейра вскочила на ноги первой и сразу наградила Конана очаровательной улыбкой, от которой брови киммерийца, почти сросшиеся на переносице, чуть расступились.

Все пятеро погрузились в напряженное молчание, подавленные мрачным видом огромного каменного сооружения, возвышавшегося впереди. Как по волшебству, его потрескавшиеся стены в точности повторяли форму живого забора по периметру поляны, а старые обломанные

зубцы поднимались до самых макушек деревьев. От того места, где они стояли, крепость находилась на расстоянии броска камня. Конан поспешно отвел глаза, прежде чем успел вспомнить, что коварное изваяние находилось на другой стороне стены.

— Старая крепость! — прошептала Шейра благоговейно. — Построенная нашими... Ой! — Макиэла налетела на нее и, зажав рот рукой, повалила на землю.

Конан заморгал от удивления. Должно быть, ганакская охотница услышала что-то подозрительное. Он выхватил меч и огляделся вокруг.

Со звуком, не более шумным, чем шелест травы или дыхание ветра, гигантская тварь свалилась откуда-то сверху. В первый момент Конан даже подумал, что это часть дерева: тело чудовища имело подобный темно-зеленый оттенок, а многочисленные конечности напоминали по форме ветви. Огромное брюхо по толщине превосходило рост киммерийца и резко переходило в короткую тонкую шею. Четыре длинные задние ноги упруго спружинили падение. Полупрозрачные зеленые крылья бесшумно били по воздуху, неся насекомое к его жертве.

Маленькие передние лапки были кротко сложены на брюхе в чудовищном передразнивании послушника, молящегося своему богу. Кинжалообразные иглы оцетинились по всей их длине, когда насекомое раскрыло ручки капканом и устремилось прямо на Конана. Однако чудовищней всего была его голова; слонявая коническая антенна завращалась на лбу меж луковичами глаз. Эти огромные сетчатые глазищи зловеще переливались на солнце и, казалось, одним только взглядом высасывали из жертвы кровь.

— Крадунчик! — вскрикнула Шейра, выхватывая из-за пояса нож.

Вугунда атаковал со скоростью падающего ястреба. Меч Конана рассек воздух над его головой, однако маленькие лапки блокировали удар. Закаленная сталь со звоном отскочила от них, как если бы обрушилась на алмазную плиту. Капкан захлопнулся так стремительно, что Конан не успел моргнуть и глазом. Шипы зацепили плечо, чудом не задев головы. Звук от хлопка зазвенел в ушах сотней колоколов.

Крадунчик отпорхнул назад и опустился на землю. Скорость, с которой он совершал свои маневры, была поразительной, и это вопреки тому, что ростом он был с племенную лошадь и, пожалуй, в два раза больше в длину. Голова крадунчика плавно покачивалась на тонкой шее, а длинная антенна отвратительно подергивалась из стороны в сторону, пока насекомое измеряло расстояние до Конана. С быстротой молнии оно атаковало снова.

Конан отчаянно выругался и выставил вперед меч. Шипы оцарапали лицо. Втянув голову в шею, варвар едва избежал смертельных объятий стальных рук. Однако поднятый над головой меч прочно застрял в могучих тисках вугунды. Не на шутку испугавшись, Конан дернул за рукоятку изо всех сил; впрочем, с таким же успехом можно было бы вытаскивать нож, заклиненный между каменными жерновами.

Канитра и Аврана уже оправились от страха и теперь прыгнули вперед, тыкая в круглое брюхо копьями и ножами. Желтая кровь оросила землю, капая из дюжины ран пронзенного насекомого, которые, правда, были для него столь же опасны, как укусы комара для бегемота.

Чудовище разинуло пасть, испуская душераздирающий вой. Острые зубы сверкнули на солнце кривыми смертоносными рядами, способными за раз обезглавить ананси или человека.

Шейра и Макиэла напали с боков, не переставая раздавать удары ракушечными ножами.

Часто захлопав крыльями, насекомое поднялось в воздух за пределы досягаемости копий и ножей.

Конан чувствовал, как земля медленно уходит у него из-под ног; немалый вес пассажира заметно усложнил насекомому взлет. В какой-то момент он даже решил выпустить меч, ожидая, что тварь выбросит клинок после того, как найдет его малосъедобным. Однако тут же осознал, что, пока клешни вугунды были заняты оружием, он располагал бесценным преимуществом. Продолжая держаться за эфес одной рукой, другой он вцепился в шершавую шею чудовища.

Бесшумные крылья махали тяжело. Однако упрямая тварь по-прежнему не хотела выпускать меч, по-видимому

не подозревая, что стальной клинок вовсе не является частью ее жертвы. Наклонив голову, вугунда обнажил ряды своих смертоносных зубов.

А снизу Аврана и Канитра метали свои копья. Одно скользнуло по ноге Конана, вызвав поток страшнейших проклятий. Другое — пронзило крадунчика ниже живота, оставшись торчать из его спины. К сожалению, острие не задело тонкие крылья. Рыжая кровь закапала с древка обильным ядовитым дождем. Тем не менее строптивое насекомое продолжало свой подъем и было уже на полпути между землей и макушками деревьев. По мере их взлета Шейра и ее охотницы стремительно уменьшались, пока не превратились в коричневые пятнышки крошечного размера.

Если вугунда утащит его к себе на деревья, все, что ему останется, — так это попробовать высвободить копье и новым ударом прикончить чудовище. Хотя Конан сомневался, что насекомое отпустит меч даже после смерти.

Вскоре они оказались уже на уровне древних стен. Посмотрев вниз, Конан увидел осыпавшиеся руины рахамского селения. Прежде он думал, что внутри скрывается замок, но сейчас убедился, что крепостная стена всего лишь выполняла защитные функции для обычной туземной деревни. Овальная по форме, в диаметре она значительно превосходила даже те, что окружали крупные цивилизованные города.

Несколько зданий сохранилось наилучшим образом. В центре деревни возвышался минарет, который он видел раньше. Он выглядел в виде правильной цилиндрической башни, достаточно неширокой, однако достигавшей небывалой высоты. Пожалуй, с такого наблюдательного пункта можно было разглядеть весь остров. Не считая разрушенного шпиля, он казался почти не тронутым беспощадным течением времени. Легендарный фонтан богов наверняка был замурован здесь.

Однако времени для дальнейшего изучения достопримечательностей не оставалось. Крадунчик не выказывал ни малейшего желания приземлиться, и даже, напротив, с умопомрачительным терпением продолжал свой подъем. Траектория их полета хаотично менялась, а ноги насеко-

мого опасно задрожали. Неожиданно оно взвыло и выпустило меч.

Конан немедленно перебрался на ухабистую спину, словно пытаясь оседлать строптивое насекомое. Крадунчик отчаянно замахал лапками, всеми силами стараясь сбросить своего наездника. К счастью, руки его оказались слишком коротки. Конан ударил мечом по крылу, считывая тем самым заставить вугунду спуститься.

Какой-то момент его план действительно работал. Тварь начала снижаться по непредсказуемой спиральной траектории. Потом вдруг она задрожала, крылья перестали биться, и они камнем понеслись вниз. Конан изрыгнул чудовищный поток проклятий, которые, впрочем, были тут же подхвачены ветром. Заткнув меч за пояс, он пригнулся и глубоко вдохнул. Зеленая стена деревьев неслась на него с умопомрачительной скоростью. Конан вытянул руки и приготовился к прыжку. Это был его единственный шанс, и теперь нельзя было ошибиться.

Как-то он видел подобный трюк в заморийском бродячем цирке: акробат, искусный кхитаец, спускался с высокого здания, перелетая между горизонтальными палками, что располагались одна под другой в виде длинной лестницы, изготовленной специально для представления. Раскачиваясь, как обезьяна, он перебирал перекладины, пока не спрыгнул с самой последней.

Когда Конан ухватился за первый попавшийся сук, он понял сразу две вещи: скорость кхитайца и его вес составляли примерно одну треть от его собственных, и, что самое важное, тот, вероятно, упражнялся в своем искусстве не одну сотню раз.

Руки Конана буквально вырвало из суставов. Не удержав ветку, он перевернулся несколько раз в воздухе, тщетно пытаясь ухватиться за другую. Пропустив одну, он тут же получил хорошенький удар в бок, зато со следующей ему повезло: он зацепился ногами, которые немедленно распрямились, и дальше, прямо как в цирке, он полетел вниз головой. Продолжая таким образом гасить скорость, он вскоре добрался до самого низа и грузно рухнул в песок; искры так и посыпались из его глаз.

Поднявшись на ноги, Конан сделал несколько неверных шагов и подождал, пока вернется зрение.

Шейра и Макиэла бежали к нему навстречу, что-то крича. Почесывая раскалывающийся череп, Конан мрачно улыбнулся ганачкам.

— Клянусь Кромом, ваши крадунчики не так уж страшны, пауки были куда опасней!

Шейра выглядела бледной.

— Вы, киммерийцы, должно быть, сделаны из камня!

Неожиданно улыбка исчезла с ее лица, и она сказала уже вполне серьезно:

— Мы немедленно возвращаемся назад! Твои раны нужно лечить! — Она вытащила сломанный прутник, застрявший у Конана в щеке.

Конан небрежно отмахнулся, отряхивая волосы от листвы.

— Нет, девочка, у нас слишком мало времени, да и, пожалуй, я гораздо охотней проведу ночь в крепости, чем в ваших трижды проклятых джунглях. — Он захромал вперед, в то время как девушки не решались сдвинуться с места.

— Чертова зверюга! — проворчал киммериец, только сейчас заметив, что петля, в которой крепился его меч, оборвалась и того теперь также не было на месте. Прежде чем он успел позвать кого-нибудь на помощь, Конан неуверенно подался вперед, глаза закрылись, и он тяжело рухнул на землю.

— Конан, Конан из Киммерии! — его разбудил голос Шейры.

Он заворочался, открыл глаза и посмотрел наверх. Лицо девушки казалось чудесным видением на фоне залитого луной неба, длинная коса нежно щекотала его щеку. Неужели она привиделась ему во сне? Нет, пожалуй, если б это был действительно сон, он наверняка бы не чувствовал себя так, как будто на нем потоптался целый легион гирканийской конницы. Приподнявшись на локтях, Конан с любопытством огляделся вокруг.

Ганачки затащили его в крепость — по крайней мере в этом он был точно уверен. Его меч — еще одно чу-

десное видение — покоился рядом с ним у стены. Конан с трудом подавил в себе желание обнять красавицу и жарко поцеловать.

— Где остальные?

— Спят. — Шейра указала куда-то в темноту. — После того как мы перетасили тебя сюда, Макиэла послала Канитру разыскать твой меч и собирать листьев ягнебы.

— Листья ягнебы?..

— Да, ты должен их съесть, чтобы восстановить силы. Ятаба всегда дает их больным и раненым. — Шейра извлекла откуда-то горсть небольших крапчатых листочков, напоминавших по форме сердечки. — Ты был прав, когда отказался возвратиться в деревню. Мы должны разыскать атлангу. Как ты себя чувствуешь?

«Бывало и похуже», — подумал про себя варвар; он рассчитывал отправиться назад с рассветом.

— Немного пищи и воды помогли бы мне не хуже твоих лекарств. Я выспался и чувствую себя вполне здоровым.

— Неподалеку есть родник. Еще до заката Макиэла видела, как одна птица пила из него воду.

— Фонтан?

— Что ты, во имя Азузы! Это всего лишь маленький ключ с холодной и прозрачной водой, похожий на те, которых полно в нашей деревне. Листья ягнебы горькие, вода поможет тебе их проглотить.

Конан с превеликим удовольствием опрокинул бы сейчас кружку пива или кувшин вина, хотя, впрочем, перспектива утолить жажду и смочить голову обрадовала его не меньше. Что ни говори, денек выдался жарким!

Конан подхватил свой меч, и они вместе направились к роднику. Он заметил, что кровь с его лица уже была смыта чьей-то заботливой рукой.

Опустившись на одно колено, он зачерпнул воду рукой. К его удивлению, она оказалась лучше любого пива и вина. Так он продолжал пить до тех пор, пока не мог уже вместить больше. Утолив жажду, он откусил ягнебы и сморщился.

— Фу! Какая гадость! Я бы с большим удовольствием провел ночь с тысячей крысиных трупов, чем еще раз попробовать этой отравы.

Проглотив, не жуя, еще несколько листьев, он запил их водой и тщательно прополоскал горло. Даже после этого во рту остался прогорклый привкус. Набрав в грудь воздуха, Конан окунул голову в родник и, вынырнув, энергично отряхнулся. Холодные брызги полетели во все стороны, приведя Шейру в неописуемый восторг.

— Неужели все киммерийцы носят такие волосы? — поинтересовалась раниоба, перебирая свою роскошную косу.

— Многие, но не все. Некоторые подстригают их покороче. — Конан изобразил рукой режущее движение и тут же решил задать вопрос, который его давно волновал. — Интересно, чем вы бреете свои головы?

Шейра заморгала, явно озадаченная:

— Бреем?.. Я не понимаю...

Конан указал на ракушечный нож, торчащий у нее из-за пояса.

— Ну... я имею в виду, что за инструменты вы используете, чтобы делать такие прически?

Девушка удивленно подняла бровь, проводя рукой по голым вискам:

— Наши волосы растут так, как им нравится. Все, что мы с ними делаем, так это заплетаем их так, как ты сам это видишь.

Такой ответ вряд ли мог удовлетворить киммерийца, однако он решил прекратить допрос. Скрестив ноги, Конан хлебнул еще немного воды и огляделся вокруг. Шейра присела рядом с ним на корточки, и они вместе принялись разглядывать призрачные руины, раскинувшиеся впереди. Луна, свободная от облаков и макушек деревьев, заливала старую деревню бледным светом, который скорее скрывал, чем позволял что-либо обнаружить.

Большинство рахамских сооружений достаточно хорошо сохранилось. Ятаба не преувеличил, когда назвал древнюю расу мастерами камня. Киммериец никогда не встречал столь изысканно выложенных зданий, как в

этом давно опустевшем селении. Необычный архитектурный стиль не шел ни в какое сравнение с теми, что встречались на материке. Прочная кирпичная кладка плавно скруглялась безо всяких трещин и швов за счет использования специальных круглых камней, что делало здания не похожими на аквилонские или немедийские, в которых превалировали ровные колонны, высокие арки и прямые углы. С другой стороны, это не походило и на вендийское или иранистанское зодчество, где веками почитались круглые башни и острые шпили.

Конан восхитился искусством древних мастеров, однако необычность, усугубленная жутковатыми легендами, делала их творения неприглядными и даже отталкивающими. А сумрачность и опустение придавали месту еще большую зловещесть, которая в конце концов заставила Конана напрячься.

Он очень удивился, разглядев зеленый вьюнок, цепляющийся между камнями. Насколько он помнил, им не встретилось ничего живого с тех пор, как они очутились на поляне. Сначала он даже решил, что это был барельеф, искусно вырезанный в виде растения, однако, приглядевшись получше, сразу же убедился в обратном. «Надо бы изучить его при дневном свете, — подумал варвар, — а также сами здания, чтобы побольше узнать об этих рахамцах».

Шейра нервничала, вздрагивая от всякой тени.

— Ты чувствуешь, Конан?

Тот не знал, что ответить. Он вытянул ноги и разлегся, оперевшись на локтях.

— Это всего лишь отпечаток древней цивилизации. Говорят, такие места посещают призраки давно умерших людей, души которых обречены вечно бродить по развалинам. Зачастую так оно и есть, однако я не чувствую в этом месте ничего особенного. А ты?

— Глаза... Глаза, прячущиеся в тени. Они горят невидимой злобой, но не решаются напасть, словно умирающая змея, потерявшая ядовитые зубы. Как я хочу, чтобы на небе снова появился лик Азузы.

Конан ничего не ответил, однако всецело разделял чувства девушки. Не то чтобы боялся — скорее соблюдал обыкновенную осторожность. А все-таки эти рахамцы его

весьма заинтриговали. Завтра он приподнимет занавес таинственности над старыми развалинами и посмотрит, что за сокровища они скрывают. Те рубины в стене разожгли в нем небывалый воровской аппетит. Однако самой бесценной вещью являлась атланга. Она подарит ему то, чего не купить и за целый погреб самоцветов: избавление от какланийского заклятия. Невзирая на синяки и болячки, Конан, как никогда прежде, был готов выполнить свою часть сделки, заключенной с ятабой.

Шейра подседа ближе, так что нежная рука девушки коснулась мозолистой руки киммерийца.

— Ты должен поспать до утра. Я буду на чеку и разбужу тебя, если почувствую что-либо подозрительное. Вряд ли мне удастся уснуть в этом сумрачном месте.

— Мы можем провести ночь вне крепости, на поляне. Я достаточно выспался и могу подежурить.

— Нет, что ты! Новый крадунчик может напасть, и даже Макиэла не заметит в темноте его приближения. А в крепости у нас есть преимущество: он слишком велик, чтобы пролезть через проход в стене, а сверху мы его наверняка заметим. — Она прильнула к его плечу, тело девушки оказалось на удивление мягким, вопреки на редкость мускулистому сложению.

— Тебе необязательно за мной приглядывать, девочка, — фыркнул Конан. — Даже если я задремлю, мои инстинкты поднимут меня вовремя, в случае если что-то будет не так. Обычай киммерийцев — спать с мечом в руке. Кроме того, твоя ягнеба действительно помогла. Клянусь Кромом, я чувствую себя заново родившимся.

Конану и впрямь заметно полегчало — может быть, от листьев, может быть, от воды, а скорее всего от Шейриных прикосновений. Такое лекарство, пожалуй, разбудило бы и мертвеца. Вскоре ее дыхание сделалось глубоким и ровным. Конан усмехнулся: девушка спала, как котенок, — так же бесшумно и чутко. Она так и уснула у него на плече.

Конан провел возле Шейры полночи, прислушиваясь к ее дыханию и посторонним звукам. Когда отражение луны в зеркальной глади родника поблекло, он погрузился в легкий сон.

Глава пятнадцатая

ОБИТЕЛЬ ЗЛА

Зевнув, Шейра отняла голову от Конанова плеча. Она прищурилась на яркий восход и вздрогнула, осознав, что все-таки заснула. Взглянув на Конана, она поняла, что тот так за всю ночь и не сдвинулся с места. Его глаза были закрыты, однако он тут же вскочил, как только заслышал ее возню. Он не щурился на солнце, как она, и выглядел совершенно бодрым, как будто и вовсе не ложился спать.

Макиэла и остальные пока не проснулись. Шейра изобразила сонливость, она хотела насладиться минутой покоя, прежде чем отряд займется поисками атланги, возможно, сопряженными с новыми опасностями. Лик Азузы только-только появился на небе: в этом она была уверена, ибо утренний ветер все еще обдавал холодком. Шейра потянулась, поглядывая краем глаза на своего спутника. Глаза чужестранца сияли такой насыщенной голубизной, которая не встречалась нигде в природе. Его кожа, волосы... да, собственно, весь его облик был совершенно необычен. Но глаза удивляли больше всего... глаза и могучие мышцы, что покрывали его крепкое коренастое тело.

Конан смочил лицо водой, затем сполоснул голову и плечи.

— Как прошло дежурство? — спросил он, посмеиваясь.

— Я не видела никого, кроме страшного чудовища с длинными волосами, что сидело рядом со мной.

Конан вскочил на ноги, не выпуская из рук меч. Если он и чувствовал слабое недомогание, то никак не подавал виду. Стараясь по возможности не шуметь, они направились к остальным.

Макиэла проснулась сразу, заслышав их еще издали. Великанша выглядела такой же бодрой, как и Конан. Рядом с ней стояли Аврана и Канитра, девушки сжимали в руках свои неизменные ракушечные ножи.

— Чем раньше мы покинем крепость, тем лучше, — объявил Конан, разглядывая свой клинок. — Чертова тварь! — проворчал он, заметив на лезвии несколько зазубрин, оставленных крадунчиком.

Макиэлу, казалось, немало удивил, если даже не разозлил тот факт, что киммериец проснулся раньше нее.

— Похоже, листья ягнебы тебе действительно помогли.

Конан сделал гримасу:

— Даже на смертном одре не стал бы принимать такого лекарства.

Аврана улыбнулась:

— Ну и вид у тебя был на спине крадунчика. Клянусь Азузой, старики будут пересказывать эту историю многие поколения.

Ганачки засмеялись, все, кроме Канитры, которая казалась чем-то расстроенной. Она избегала его взгляда, пока Конан не обратился лично к ней.

— Если б не ваши копы, так и сидел бы там до сих пор.

— Мое чуть не пригвоздило тебя насмерть! — печально призналась Канитра и снова потупила взор.

Конан гадал, кто мог сделать неверный бросок, однако сам спросить об этом ни за что не решился бы.

— Не думай об этом. С каждым может такое случиться. Я не держу на тебя зла.

Взгляд девушки смягчился, и она даже попыталась улыбнуться.

— Ты добрый, Конан. Обещаю, что в следующий раз не промахнусь.

Стараясь как можно скорее забыть эту историю, Конан переключил все свое внимание на пейзаж, раскинувшийся впереди. Архитектурные творения рахамцев казались в дневном свете еще более странными, чем при луне. Начиная от родника простиралось несколько клочков голой земли, разделенных широкой тропой, вымощенной плоским камнем. Каменная тропа брала начало от наружного входа и пролегла до самой башни в центре деревни. По обе стороны от тропинки чернели бесплодные пласты земли. Возможно, когда-то эта земля предназначалась под посевы.

В действительности почва казалась темной и плодородной, однако ни одной зеленой травинки не проросло из нее. Этого варвар понять не мог: в условиях тропических джунглей такая земля должна была изобиловать всякого рода растительностью. Неужели боги и впрямь по-

кинули эт д места? Из чистого любопытства Конан ковырнул одну из каменных плит.

Под камнем не оказалось ни червей, ни жуков. Кроме, даже жалкие букашки обходили эти руины стороной. Конан ничуть не сомневался, что именно портрет дьяволицы заставлял все живое держаться подальше от старых стен. Теперь он уже не был так уверен в своем намерении во что бы то ни стало отковырять дорогие рубины из ее глазниц.

Очистив плиту от глины, Конан замер от изумления.

Шейра и ее охотницы застыли за его спиной.

Нижняя сторона плиты была искусно гравирована в виде набора замысловатых символов. Некоторые из них оказались знакомыми: солнце, деревья, луна в трех своих фазах и маленькие фигурки людей. Все они легко различались на фоне мириад других мистических и непонятных значков. Это не было похоже ни на клинопись ххитайских мудрецов, ни на крючковатые иероглифы Стигии, ни на аквилонские руны или даже на наскальные рисунки пиктов.

Конан положил плиту на место. Что бы ни означало сие загадочное письмо, смысл его навсегда утонул в бескрайней пучине времени.

— Должно быть, это хвала рахамским богам, о которых рассказывал ятаба, — предположила Шейра.

Пожалуй, это было похоже на правду. Наверняка люди Джайоры перевернули камни, чтобы спрятать ненавистные им письма. Возможно, они даже пытались осквернить надписи. Еще более загадочными были инструменты, с помощью которых эти надписи были сделаны. Что за средства использовали рахамские мастера, если не металл, которого Конан до сих пор не встречал на острове?

Это оставалось загадкой, на разгадку которой у варвара не было ни желания, ни времени. То, что они искали, скрывалось впереди, а не под ногами.

Вскоре они поравнялись со зданиями. Макиэла ткнула пальцем в ближайшее. Это была цилиндрическая башенка с куполообразной крышей.

— Кулунга мог найти свою смерть в одном из них. Если прикажешь, Шейра, мы начнем поиски прямо отсюда.

— Откуда-нибудь все равно придется начать, — проворчала раниоба; ее растерянность была очевидной. —

Здесь их так много!.. Да поможет нам Азуза сделать правильный выбор. Без его помощи мы можем проблуждать здесь много дней. Доведись мне знать, с чем мы тут столкнемся, попросила бы ятабу подождать нас пять ночей.

Они сошли с тропы и направились к сооружению. Подойдя поближе, Конан заметил, что стены башенки были грубо обтесаны. Наверняка работа Джайоры! Должно быть, когда-то здесь красовались рахамские картинки.

Он обошел здание кругом в поисках двери, однако не заметил ничего такого, что могло бы служить входом. Не считая нескольких небольших выбоин на куполе, в целом башня выглядела невредимой. Подхватив самый крупный булыжник, который только можно было найти, Конан запустил им в стену. Раздался гулкий пустотелый звук, означавший, что сооружение не являлось всего лишь простым монументом. Конан сделал новый обход, на этот раз ощупывая каждый шов, каждый камешек. Нет, никакой секретной двери или даже намека на ее существование.

— Сэт бы побрал этих умельцев! Найти бы подходящий булыжник, клянусь Кромом, проложу здесь свою дверь! — разозлился киммериец, голос его эхом отразился от серого камня.

Они прошли мимо нескольких подобных зданий, различных по высоте и диаметру, однако неизменной цилиндрической формы. Их стены были точно так же обезображены в порыве чудовищного вандализма, декоративные рисунки остались лишь на самом верху.

Пробираясь таким образом между руинами, они оказались на полпути к гигантской башне, торчавшей в самом центре деревни. Чувства варвара накалились жарче полуденного солнца. Лица ганачек были постными от беспомощного недоумения, однако они продолжали методично прочесывать местность.

Неожиданно Конан заметил крупный камень, размером с две его головы.

— Ха!.. — прохрипел он довольно, взвешивая булыжник на руке. Прицелившись по тому месту, где была выбоина в стене, варвар швырнул свое орудие с такой силой, которая могла посоперничать с дробильной машиной, используемой туранцами для осады крепостей.

Камень врезался в стену с оглушительным звуком, рассыпавшись на дюжину осколков, каждый размером с кулак.

— Кром, Хануман и Иштар! — разразился варвар, добавив к этой тираде еще несколько выражений, способных ошеломить даже потомственного моряка. Много раз эхо повторило грозные имена, потом тишина воцарилась снова.

— Мы полдня потратили на эти трижды проклятые цилиндры. Надо было напрямик идти к башне.

— Я бы давно привела вас к цели. Но ведь чужестранец ориентируется лучше меня! Не так ли?.. — Макиэла бросила на раниобу испытующий взгляд.

— Ну уж нет, деревенщина! Ты еще нам будешь пускать пыль в глаза! Кром, это ведь ты предложила начать поиски с этих чертовых каменных пеньков. — Конан тряхнул гривой волос, скрежеща зубами от раздражения.

В следующий миг Макиэла наградила его такой затрепщиной, которая запросто могла уложить любого кабацкого драчуна.

Как бы то ни было, Конан не был кабацким драчуном, да и на ногах держался куда прочнее. Он неуклюже отступил назад, пытаясь сохранить равновесие и потирая горящую щеку. Варвар сжал кулаки, голубые глаза вспыхнули гневом. Однако Конан вовремя взял себя в руки. Мужчине он ни за что не простил бы такого удара, но варварский кодекс чести не позволял ему поднять руку на женщину.

К сожалению, Шейра, конечно же, не знала об этом. Она испуганно встала между ним и Макиэлой, толкнув девушку, значительно превосходившую ее в размере, с такой силой, что та кувырком полетела на землю.

— Хватит, во имя Азузы! Вы воины или простолюдины? Макиэла, мы никогда не выполним нашу задачу, если ты не научишься уважать Конана. И ты, Конан... ты не должен быть таким грубым.

Громко выдохнув, Конан кивнул, протягивая руку навстречу распростертой Макиэле. Та неохотно приняла помощь. Когда девушка разжала пальцы, он невольно встряхнул рукой, мрачно оценив грубую силу великанши.

Пожалуй, она бы выиграла соревнования королевских рукоборцев. Даже амазонки из южных джунглей в подметки не годились этим ганацким женщинам.

Канитра и Аврана тихонько хихикнули, но тут же замолчали, когда Шейра бросила на них испепеляющий взгляд. Атмосфера едва не разразившегося скандала разрядилась, и они снова двинулись по тропе прямо на гигантскую башню.

— Ты часто называешь имена странных богов, Конан из Киммерии, — заметила Шейра.

— Да, но почему-то ни один из них меня не слышит. Хотя я на них не в обиде. Боги должны делать свои дела, а люди — свои. Только жрецы и безумцы вверяют свои судьбы богам, я же всегда избегал и тех и других.

— Кром... это такой бог?

— Да — моего народа. Он живет в ледяных горах Бен-Мора. В каждого новорожденного киммерийца Кром вдыхает силу сражаться и волю побеждать. Больше мы ничего не просим, кроме того, наш бог вообще не слышит молитвы.

— Похоже, ваш бог столь же суров, как и те горы, которые он выбрал своей обителью. Наш Азуза совсем не такой, он добрый.

— Мне показалось, он с удовольствием наблюдает за вашей смертью, — заметил Конан насмешливо.

— Мы не виним его в наших бедах. Азуза не в силах помочь, когда мы не прислушиваемся к его советам. Души наших мертвых, за исключением воинов, попадают на заоблачный остров, где встречаются с душами предков. Это чудесное место... Хотя, конечно, мне не хотелось бы попасть туда прямо сейчас.

— Что же происходит с воинами?

— Мухинго забирает их в свои серые земли, где даже после смерти они продолжают защищать нас от наших врагов.

— Серые земли... — задумчиво повторил Конан. — Ваш Мухинго не очень-то отличается от Крома. После смерти души киммерийцев отправляются в царство вечного тумана, где дуют ледяные ветры, а облака скрывают небо. Там мы обречены на бесконечные блуждания. Странно, что при такой безрадостной перспективе мой народ не

ищет земных утех. Я же предпочитаю посмотреть, что жизнь может предложить взамен той невеселой судьбы, что уготована для нас впереди.

— Ты храбрый человек, Конан. Сознание всей обреченности своей судьбы — тяжелое бремя. Ты же, как мне показалось, не придаешь этому особенного значения.

Их диалог затих, когда они приблизились к башне. По мере продвижения появление растительности становилось очевидным. Поначалу попадались лишь жалкие пучки травы, прораставшие вдоль развалин, а иногда и цеплявшиеся за каменные стены. Однако вскоре темно-зеленые ростки заколосились повсюду. Конану почему-то показалось, что у них был нездоровый или даже зловещий вид. Сущие змеи, разлегшиеся посреди руин.

— От них исходит ощущение зла, — призналась Макиэла. — Думаю, не стоит к ним прикасаться.

— Пожалуй, ты права, — согласился Конан, разглядывая ростки по краям тропинки. — Будет благоразумным держаться поближе к середине.

Он никак не мог избавиться от неожиданно овладевшего им чувства тревоги.

Конан огляделся по сторонам, выискивая в кустах скрытое движение. Нет, все было совершенно спокойно.

Босыми ногами они осторожно ступали по каменным плитам. Не будь их шаги столь бесшумными, Конан наверняка не услышал бы за спиной тихого шелеста. Обернувшись через плечо, варвар так и присел с круглыми от ужаса глазами.

Шейра и Макиэла также развернулись, выхватывая копы и сжимая ножи.

— Аврана... Канитра... Нет! — вскрикнула раниоба.

С быстротой кобры зеленые стебли атаковали ганацких девушек, обвивая их лица, затыкая рот и оборачиваясь вокруг шеи, чтобы подавить стон. Причем их объятия были столь крепки, что на коже у девушек выступила кровь. Копья были вырваны из рук; ганацки отчаянно сопротивлялись, но лишь только они разрывали одни путы, как тут же оказывались в плену других. Прежде чем Конан успел сдвинуться с места, Аврана и Канитра были уже полностью опутаны живой извивающейся сетью.

Два голых стебля, каждый размером с большой палец Конана, отделились от остальных веток. Эти извивающиеся, змееподобные отростки имели столь же омерзительный бледно-зеленый цвет. Пучки желтых выпученных глаз проросли из них, словно листья, подергиваясь и покачиваясь на тоненьких соединительных жгутах. Однако вовсе не это заставило Макиэлу и Шейру вскрикнуть от отвращения.

На кончике каждого стебелька открывался маленький розовый ротик с узким зеленым языком, покрытым безобразными язвами. Эти отростки длиной с человеческую руку жадно потянулись к своим жертвам. С чудовищной медлительностью шершавые языки вонзились в свежие раны и принялись сосать кровь. С быстротой атакующего льва Конан врезался в ряды побегов, выхватывая на ходу меч. Макиэла вырвала из земли один из побегов, в то время как Шейра ухватила за другой. Сорняки сопротивлялись, влажные языки отчаянно молотили, душераздирающее мяуканье вырвалось из окровавленных глоток. Разбуженные этим звуком, кусты вдоль дороги угрожающе зашевелились. В мгновение ока тропа наполнилась кишачими и извивающимися сорняками. Растения напали. Тонкие стебли цеплялись за ноги, лезли в глаза и впивались в плоть. Конан замахнулся мечом, метя по шейке очередного кровососущего отростка. Однако, не достигнув цели, клинок увяз в зеленом плену вьюнков.

Шейра и Макиэла находились не в лучшем положении, хотя раниоба умудрялась до сих пор сохранять руки свободными. Макиэла не удержалась на ногах и повалилась на спину, ее вызывающий крик был тут же заглушен победным шелестом кустов. Высвободив меч, Конан принялся рубить сорняки направо и налево, словно обезумевший жнец на пшеничном поле ада. Еще несколько стеблей набросилось с разных сторон, разинув розовые пасти и свесив длинные языки, острые, как змеиное жало. Кусты, что росли возле башен, также зароились и ринулись на помощь своим братьям.

Конан яростно размахивал мечом, стремясь сохранить руки и ноги свободными. Отсеченные стебли ослабляли захват и, корчась на земле, медленно умирали. Вскоре он

осознал, что растения все равно возьмут числом, если только они не попытаются бежать.

Но куда? Между ними и крепостной стеной вырос живой забор из волнующихся побегов. А под ногами, куда ни глянь, расстелился сплошной ковер извивающихся отростков. Киммериец гадал, на какую глубину уходили их корни. Какая из девяти преисподен могла породить семена столь чудовищных растений?

Разрубив дюжину побегов, опутавших руки и ноги Шейры, он бросился на пучеглазых кровососов, которые уже принялись лизать раны Макиэлы. Клинок рассек их со звуком рвущейся тетивы; расчлененные половинки, корчась, попадали на землю. Вид густого красного напитка, засочившегося из этих обрубков, заставил Конана похолодеть. словно огромные зеленые пиявки, побеги накачивали кровь в свои невидимые корни.

Испытывая одновременно приступ тошноты и ярости, варвар устроил растениям настоящую мясорубку до тех пор, пока зеленая зловонная жижа не потекла с его меча. Это уже было не фехтованием, а скорее работой дровосека; грудь Конана тяжело вздымалась, когда клинок со свистом опускался в очередном ударе.

Оправившаяся от шока Шейра работала своим ножом с не меньшим остервенением. Аврана и Канитра лежали на соседних камнях, силы их покидали от удушья или потери крови, а скорее от того и другого одновременно.

Конан слышал их ослабевающее дыхание на фоне беспрестанного шелеста побегов. Стебли, опутавшие их лица, чуть отпустили захват. Неожиданно Конана озарила чудовищная догадка. Растения намеренно позволяли девушкам дышать... их жертвы должны были оставаться живыми! Однако, как ни старался, Конан не мог прорваться к несчастным. Стоило ему вырваться из плена побегов, как новая волна тут же обрушивалась на него. Их противник не знал ни боли, ни усталости; с умопомрачительным терпением он продолжал свои атаки, хотя гора зеленых обрубков поднималась уже Конану по бедро.

Макиэле удалось прорваться; тело девушки было сплошь покрыто кольцами извивающихся сорняков. Не переставая размахивать ножом, она хрипло крикнула Конану:

— Беги! Ты нужен моему народу!

— Ни за что! — проревел киммериец. Даже если б он решился бежать, пути к отступлению теперь не было. Они были полностью окружены. Устало размахивая мечом, Конан продолжал сражаться. «Либо я спасу этих женщин, либо умру вместе с ними», — решил варвар.

Нож Макиэлы взлетал все чаще по мере того, как она дюйм за дюймом прорубала свой путь к распростертым ганачкам.

— Нет!.. Только не это!

— Что еще там стряслось? — выдавил варвар, разрубая глазастый отросток на две кровавые половины. Он посмотрел туда, куда указывала Макиэла.

Плавнo покачиваясь на зеленых волнах, Аврана с Канитрой пересекли тропинку и поплыли в неизвестном направлении. В следующий миг все его внимание оказалось поглощено новой атакой растений.

Когда он снова обернулся назад, девушки уже скрылись из виду. Все, что ему удалось заметить, — лишь яростное колыхание кустов у стен одного из цилиндров.

— Кром разрази меня за мою глупость! — выругался киммериец.

Очевидно, не все башни были неприступными, просто входы некоторых сплошь заросли побегами. Дрожь пробежала по его телу при мысли об угрозе, что могла скрыться там, внутри.

— Аврана! — вскрикнула Макиэла и бросилась к сооружению, в котором только что исчезла ее подруга.

В спешке она споткнулась, выронила нож и тут же была подхвачена зеленым ковром извивающихся растений. Яростный крик пролетел над развалинами, но вскоре смолк, когда сорняки засосали ее в соседнюю башню.

— Мы не можем спасти их всех, — проронила Шейра растерянно.

Конан был вынужден согласиться. Неизбежно зеленое полчище их в конце концов одолеет. Тем не менее киммериец упорно не хотел отступать.

— За мной! — крикнул он Шейре, освобождая ноги от липнувших со всех сторон растений. Со всей скоростью, на которую только был горазд, он бросился к башне, в которой недавно исчезла Аврана.

Шейра не отставала, хотя тысячи ветвей стегали ее тело, путались под ногами и хватались за косу. В несколько могучих прыжков она догнала Конана.

Достигнув башни, Конан, не снижая скорости, нырнул в невидимую дверь. Небольшая щель в куполе призрачно освещала интерьер. Гладкий каменный пол был усеян мелкими камушками, которые наверняка осыпались с крошащегося потолка. Черная яма зияла в центре. Налетев на широкий камень, Конан застонал. Шейра растянулась рядом.

Встряхнув головой, чтобы сохранить сознание, киммериец подозрительно оглядел помещение. Растения могли напасть лишь по двум направлениям: из ямы да дыры в стене. Подхватив с полу самый большой камень, Конан заколотил его в щель, придавив попутно несколько атакующих побегов. Несколькими ударами ножа Шейра прикончила тех, что повывезали из ямы. Загнав для пущей уверенности еще пару булыжников, Конан отступил назад, проверяя, будет ли барьер держать. Заплата держала; снаружи не доносилось ни скрежета, ни даже шороха листвы.

На какой-то миг они оказались в безопасности.

— Аврана должна быть там, — прошептала Шейра и ткнула в чернеющую пустоту.

Все еще тяжело дыша, Конан прошаркал по полу и заглянул в дыру. Подобрал небольшой камушек, он бросил его в яму и тут же услышал звук.

— Не глубокая, — пояснил он Шейре, садясь на край и постепенно опускаясь в темноту. Ноги не нащупали ничего, кроме сырого холодного воздуха.

Вытянув себя наверх, Конан выбрал несколько длинных стеблей и связал из них импровизированную веревку. Превратив один конец в петлю, он протянул его Шейре.

— Держи крепче, — наказал он девушке и нырнул в пустоту.

Перебирая веревку руками и упираясь ногами в стену, он продолжал спускаться до тех пор, пока последняя не отклонилась назад, превращаясь в круглый свод. Спускаясь некоторое время на одних руках, он вскоре почувствовал под ногами камни.

Глаза быстро привыкли к темноте, и Конан разглядел неясные контуры коридора, который предположительно

вел к высокой башне в центре поселка. Коридор тянулся, покуда мог видеть глаз, однако из-за плохой освещенности разглядеть что-либо можно было лишь в очень ограниченных пределах. Внутри было довольно просторно; рахамские строители были действительно высоким народом. Позади него свет проникал сквозь редкие щели в потолках соседних цилиндров. Значит, внутри каждого из зданий были такие же ямы. В той части туннеля освещенность была не в пример лучше, хотя вряд ли Аврану утащили именно туда. Девушка истекала кровью, а на камнях не осталось никаких следов.

Аврана была там... в темном сердце колодца!

— Оставайся наверху, — крикнул он Шейре, эхо разнесло его крик по всему подземелью.

— Что ты увидел? — раздался взволнованный голос Шейры.

— Коридор в ад, — угрюмо проворчал киммериец, погружаясь во тьму.

Теперь ему многое было понятно, особенно причина, по которой они так и не встретили ничего живого ни в крепости, ни за ее пределами. Варвар не знал, что ждало его впереди, однако понимал, что если это нельзя сразить стальным клинком, то черный туннель навсегда станет его могилой.

Прислушиваясь к каждому шороху и приглядываясь к каждой тени, Конан медленно крался к черному центру подземелья.

глава шестнадцатая

КОРИДОР В АД

Конан полз на локтях и коленках, проклиная свою медлительность. Словно пес на охоте, он обнюхивал пол, ибо единственным следом Авраны был запах ее крови. Теперь-то он в полной мере познал то отчаяние, которое должен был испытывать незрячий человек. Местами туннель был напрочь лишен малейшего освещения; все, что ему оставалось, — уповать на запах и осязание.

Киммерийца весьма удивлял тот факт, что растения оставили его в покое. Недавно он миновал очередной колодец, с ужасом ожидая атаки сверху. Вообще-то варвар считался неплохим следопытом, однако никогда еще его инстинкты не подвергались столь суровым испытаниям.

Туннель вовсе не был прямым, как ему показалось сначала. Он миновал уже девять перекрестков, в каждом из которых сходились коридоры, ведущие к соседним башенкам. Неудивительно, что они не нашли дверей к некоторым из цилиндров: очевидно, рахамцы проникали в них из-под земли.

Капли крови встречались теперь реже. По правде говоря, его собственные коленки давно истерлись в кровь. Кроме того, тащить меч в таком положении было весьма неудобно. Не говоря уж о том, что в этой смехотворной позе он лишался всех преимуществ, нарвись он на неожиданную засаду.

Галька впивалась в колени, и ему постоянно приходилось останавливаться, чтобы вытащить камни из ран. С большим удовольствием он выбрался на участок с широкими валунами. Конан остановился, потягивая носом воздух. Действительно ли он чувствовал кровь Авраны, или это ему только казалось? Пошарив руками, Конан обнаружил два новых коридора: слева и справа. Решив довериться своим инстинктам, он поднялся на ноги, разгибая одеревеневшие колени и разминая руки в локтях. Он направился в том же направлении, на этот раз уже не сомневаясь в правильности выбранного курса.

Поначалу это казалось лишь слабым запахом разложения, однако с каждым шагом запах становился все хуже. Распрямившись во весь рост и вытянув руки, Конан понял, что находится в колодце очередного цилиндра. Странно, он не должен был путешествовать так долго. Неужели червота темнота каким-то образом повлияла на его прежде безупречное чувство времени?

Припустив вперед так быстро, как только позволяла осторожность, он вскоре почувствовал, что его желудок сжимается от все возрастающей вони, определить природу которой пока не было никакой возможности. По опыту варвар знал, что по прошествии времени мог привыкнуть к любым запахам, какими бы зловонными они ни были.

Однако эта непонятная вонь прогрессировала слишком быстро, до тех пор пока глаза Конана не сделались влажными от слез.

Тут-то он услышал зловеющий шелест.

Конан вытянул вперед руку, но тут же отдернул. С потолка свисали холодные спящие стебли. Он замахнулся мечом, но потом неожиданно остановился. Что, если этим ударом он поднимет тревогу и разбудит все подземелье? Не оборачиваясь, Конан побежал вперед и вскоре свернул за угол.

Свет! Источник хоть и располагался далеко, тем не менее действовал вдохновляюще.

Видимость заметно улучшилась. Посмотрев вверх, Конан увидел побеги; они свисали с потолка, цеплялись за стены и местами достигали пола.

Сосредоточившись, он попытался мысленно определить свое месторасположение относительно развалин наверху. Если источником света была сама центральная башня, то эти коридоры являлись не чем иным, как... нитями огромной концентрической сети.

Сейчас он должен был находиться в самом центре паутины.

Заросли побегов натянули его нервы до предела. Очевидно, растения не подозревали о его существовании. К счастью, Конан до сих пор не повстречал кровососущих отростков с их отвратительными гроздьями выпученных глаз.

Глаза, привыкшие к темноте, болезненно зажмурились на ярком свете. Прежде шелест кустов был едва различим, однако теперь Конан слышал настоящий гул. Их плавное покачивание напоминало волны, сродни тем, что перекачивались по морю в ветреный день.

Выйдя на свет, Конан так и замер, очарованный яркой картиной, раскинувшейся перед ним.

В центре высокого потолка сиял гигантский кристалл. Преломленные лучи медленно перемещались по стенам, заливая подземелье ослепительной сверкающей радугой. Другие коридоры, подобные тому, в котором стоял Конан, сходились в просторной круглой комнате. Не нити в паутине, а спицы в чудовищном колесе! Сквозь прозрачный потолок он смотрел на фонтан богов.

Рассеянный свет, проникавший сверху, наполнял помещение призрачным сиянием. Бесчисленные отверстия пронизывали хрустальную ванну, служившую потолком для подземелья и полом для камеры наверху.

Изрешеченный таким образом, как фонтан мог хранить свое содержимое?

Неожиданно киммериец понял, что комната, в которой он стоял, и сеть сходящихся коридоров могли быть однажды заполнены водой. Под давлением вода вырывалась наружу, ниспадая на землю радужными брызгами. Ямы в цилиндрах были не чем иным, как своеобразными колодцами.

Повсюду на стенах чернели массы волнующихся побегов, на фоне которых зловеще выделялись отростки кровососущих стебельков. Сотни выпученных, как у рыбы, глаз смотрели на Конана бесприютным взором.

А впереди вырисовывался сам источник всей этой растительности — существо, наиболее отвратительное из всех, что когда-либо раздражали человеческий глаз.

Восседая на каменном полу, словно пульсирующий ананас, оно было жирным, зеленым, в три раза выше Конана. Тысячи побегов, наподобие тех, с которыми они сражались, прорастали из прорезей в толстой ухабистой коже. Розовые шишки покрывали тело, словно кровавые бородавки. Ни глаз, ни ушей Конан не заметил. А перед ним, опутанные красноватыми стеблями, лежали распростертые формы Авраны, Канитры и Макиэлы.

Девушки были едва узнаваемы из-за неестественной бледности изможденных лиц. Пучеглазые отростки выливали раны, а зловеющий цвет кровососов делал предмет их трапезы весьма очевидным.

Внезапно Конан понял, что вся растительность внутри крепости произрастала из одного-единственного клубня. Многочисленные побеги были сродни корням, которые вместо того, чтобы брать пищу из почвы, тянули ее из тел беспомощных жертв. Сколько же веков таился под развалинами этот фантастический выродок, медленно разрастаясь и уничтожая все на своем пути?

Природа этого венца безобразия была столь пугающей, что Конан ощутил невольную дрожь. Мысли вихрем закружились в голове, руки и ноги отказывались слушаться;

богохульствующий корнеплод словно сковал киммерийца невидимыми цепями.

Макиэла открыла глаза, встретив его ошеломленный взгляд. В глазах ганачки читалась ярость и агония. Девушка зашевелила губами, однако безжалостные побеги затянулись сильней, мгновенно задушив чуть было не вырвавшийся крик.

«Она жива... возможно, остальные тоже!»

Вдохновленный новой надеждой, Конан стиснул акбитанский клинок и прыгнул на развалившегося монстра.

Отдаленно напоминающая пасть щель разверзлась, извергая на Конана облако зловонных спор. Холодные мокрые шарики ужалили, как огонь, заставляя кожу варвара приобрести нездоровый багровый оттенок. Не успев он инстинктивно зажмуриться, и они, пожалуй, лишили бы его глаз. Их чудовищная едкость свалила бы любого менее сильного воина, однако ярость киммерийца была такова, что он не заметил ни вони, ни боли, которая разъедала теперь каждую пору его тела.

Он был на полпути к чудовищу, продираясь сквозь извивающуюся растительность.

Пасть открылась опять, однако Конан отпрыгнул в сторону, уклоняясь от ядовитого разряда.

Замахнувшись с яростью, которая придала ему силу десятирх мужчин, он обрушил могучий удар на безобразный живот твари. Лезвие скользнуло сквозь толстые мембраны и глубоко зарылось в мягкое тело. Новое облако спор вырвалось изо рта чудовища, чудом миновав киммерийца. Пронзительный вой разбудил все подземелье; тысячи побегов попрыгали с потолка и стен, еще столько же повылезало из самых дальних закоулков. Приподняв себя с отвратительным булькающим звуком, за которым последовал мощный хлопок, чудовище двинулось на киммерийца.

Ветви стегали нещадно, однако, не обращая на них никакого внимания, Конан вонзил свой меч с такой силой, что его собственная рука погрузилась в зловонную утробу по локоть. Неизвестный орган тошнотворно взорвался, обдавая киммерийца струей мокрого, невыносимо едкого газа. Однако ползучее воинство, казалось, не ведало усталости. Живыми веревками побеги затягивались на

ногах, стараясь повалить варвара на пол. Рассвирепев, точно раненый лев, Конан рубил и топтал, продираясь к чудовищу для нового смертоносного удара. Прежде чем побеги успели перегруппироваться, он налетел на врага, словно коршун, замахиваясь с силой, способной за раз повалить столетнее дерево.

Истекая ядовитой слизью, чудовище повалилось набок. Словно дырявый бурдюк, прямо на глазах оно начало проседать и сжиматься. Через минуту все было кончено; и в комнате воцарилась зловещая тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием Конана да тихим журчанием слизи, которая до сих пор струилась из разорванного живота.

Конан неуклюже подался назад. Побеги очистили его тело от спор, местами сдирая их вместе с кожей. Остались лишь пылающие шрамы, напоминавшие следы от хлыста, — но и только: варвар ожидал найти признаки отравления ядом, однако споры, похоже, не несли такой угрозы. Костяшки пальцев, побелевшие от напряжения, ослабили хват, и Конан чуть не выронил меч. Он почувствовал прилив неожиданной усталости, однако сейчас было не до отдыха. Потыкав влажные останки, он убедился, что ничего живого уже не осталось в этом зеленом воплощении убожества. Успокоившись, Конан нагнулся и занялся побегами, которые все еще опутывали распростертых ганачек.

Макиэла прокашлялась и застонала, движения ее были слабы, как у человека после месяца болезни. Аврана и Канитра до сих пор дышали, однако бледный цвет лица девушек однозначно свидетельствовал о критической потере крови. Удивительным образом Макиэла поднялась на ноги и осторожно ошупала горло. Красочные узоры, которые еще недавно покрывали ее тело, теперь были напрочь стерты, кожа повсюду несла следы побегов. Хотя глубокие раны были видны лишь в нескольких местах — там, где их сосали пучеглазые отростки.

Макиэла стряхнула кровососа, который до сих пор висел на ее ноге. Тусклые рыбы глаза смотрели безжизненным, однако не менее зловещим взглядом. Макиэла отвернулась.

— Спасибо, Конан, — прошептала она слабо.

Варвар молчаливо кивнул, продолжая колдовать над двумя другими пребывавшими в бессознательном состоянии ганачками. Бровь его удивленно поднялась, когда он обратил внимание на появление новой неожиданной проблемы. Минуту назад липкая жижа лишь неприятно мочила пятки. Конан дышал с таким трудом, как будто вдыхал что-либо более плотное, чем воздух. Невыносимая вонь имела столь высокую концентрацию, как если бы нечистоты целого города были растворены в этой черной смердящей луже, которая теперь доходила ему до щиколоток.

Очевидно, пузатый корнеплод блокировал приток воды к фонтану. Конан припомнил то побулькивание и хлопок, когда израненное чудовище переместилось со своего места. Без своей нелепой затычки подземный родник мгновенно заполнит коридоры водой. Однако не просто водой, а той, что столетия провела в этом отстойнике, подмывая испражнения самой мерзкой из существующих на земле тварей. Кроме того, ятаба рассказывал о каком-то чудовищном проклятии, что лежало на фонтане богов...

— Можешь идти? — Он обратился к Макиэле почти требовательно.

— Я... да, думаю, что да, — ответила та, неуверенно перебирая по стенке.

«Ладно, эта позаботится сама о себе, — подумал Конан. — Что вот делать с двумя другими?»

Тащить пару женщин обычного размера — невелика беда, однако нести двух ганачек по туннелям в том состоянии, в котором он сейчас находился, казалось непосильной работой. Впрочем... другого выбора у него не было.

Присев, он взвалил Канитру на одно плечо и Аврану на другое. Кряхтя, распрямив колени, Конан сделал несколько неверных шагов по устланному сорняками полу.

Сорняки больше не извивались. Некоторые из них все еще висели на стенах, остальные же беспорядочно валялись под ногами. На краю комнаты, куда лужа еще не добралась, в сплошной массе зелени появилась брешь. Сквозь нее Конан увидел древние останки бесчисленных жертв. Пол был покрыт пыльным слоем иссохших костей, в основном птиц, но не только — встречались среди них и человеческие, рахамцев или ганак, а скорее всего и

тех и других одновременно. Тут же валялись скелеты паутильщиков и даже вугунды.

Сколько же жертв пропало в этой черной дыре... Был ли среди них Кулунга?

Если атланга скрывалась в этой зловонной яме, она останется здесь навсегда. Теперь не было времени рыться в куче костей, если бы даже у Конана и появилось такое желание. Оставалось лишь уповать на то, что Кулунга миновал каким-то образом заросли побегов и добрался до башни. С нее-то они и начнут, когда выберутся на поверхность. Макиэла шла за ним следом, боязливо оглянувшись в тот момент, когда они покинули комнату.

За их спинами лужа разлилась, словно зеленая кровь из перерезанной глотки; вода стремительно прибывала и уже захватила часть коридоров. Свет хрустальной ванны затерялся вдаль, когда они углубились в черноту туннеля. Скорость, с которой они продвигались, была чудовищно невелика. Нагруженный весом, в два раза превосходившим его собственный, Конан тем не менее продолжал идти. Шатаясь из стороны в сторону и жалобно шаркая ногами, он ступал по своим собственным следам, уповая, однако, лишь на смутные воспоминания да на неизменные инстинкты киммерийца. Когда тьма стала кромешной, он понял, что должен был отдохнуть. Они остановились на перекрестке. Теперь ни в коем случае нельзя было заблудиться, что так легко было сделать в этом каменном лабиринте.

Это был тот самый перекресток, где Конан впервые вляпался в жижу, с тех пор как они покинули комнату с трупом. Значит, все это время они ходили по кругу!

— Кром! Мы должны были уйти далеко вперед! — выругался киммериец и пнул стену, да так, что чуть не выронил одну из женщин.

— В этом забытом богами месте даже я не могу знать, как далеко мы забрели или как долго блуждали, — призналась Макиэла; тон девушки был напрочь лишен прежней уверенности. Даже идя налегке, она с трудом поспевала за Конаном: все-таки потеря крови лишила ее сил.

Однако более всего ее угнетала не слабость, а темные коридоры сами по себе. Насколько он мог судить, всю свою жизнь она провела под открытым небом. Конану

доводилось знать людей, которые катастрофически не переносили замкнутого пространства, и если Макиэла также принадлежала к их типу, то лишь могучим усилием воли ей удавалось держать себя в руках. Что уж тут говорить, ему самому до смерти надоели эти туннели, и, как никогда в жизни, пожалуй, он хотел увидеть сейчас солнечный свет.

Конан решил изнурить себя до конца и попробовал вскарабкаться по одному из колодцев. Не тут-то было, мертвые побеги обрывались со стен, слишком слабые, чтобы цепляться за каменную поверхность.

Дойдя до последнего перекрестка, Конан распределил поудобней вес и побрел дальше. Сейчас они шли по щиколотку в грязи. Неожиданно Макиэла споткнулась и упала; ему пришлось вытянуть ее наверх за окровавленную руку.

— Кром, девочка! Ну почему же ты не сказала, что до сих пор кровоточишь? — взвыл киммериец, усталость сделала его голос непреднамеренно грубым.

— Все хорошо... я... не... только потом... когда упала. — Она медленно сползла по стене.

— Макиэла! Ну вставай, девочка, пожалуйста! — принялся тормошить ее Конан.

В ответ раздался лишь протяжный стон.

— Иштар! Мы уже так далеко... — Он тряхнул ее за плечо и понял, что уже не сможет ее разбудить.

Нет, он не сможет тащить троих. Спину невыносимо ломило, а ноги предательски подкашивались.

Прислонив Аврану и Канитру к стене, Конан устало потянулся, гадая, хватит ли у него сил разведать направление, пока Макиэла отдыхает. Нет, он не оставит их здесь одних!

Через минуту он и сам соскользнул по стене, так и не решив толком, что делать.

Конан проснулся в холодном поту. Он испуганно открыл глаза, однако это мало что изменило; перед ним оставалась все та же крошечная тьма. Сон, который он успел увидеть, был ужасен, однако не удавалось припомнить его в деталях, за исключением того, что он чуть не захлебнулся в...

— Кр-о-м! Б-уль-буль! — ругательство, вырвавшееся из-под воды, прозвучало довольно смехотворно. Обезумев от отвращения, Конан вскочил на ноги.

Это был не пот, а зловонная жижа, которая поднялась почти до уровня его носа! Опомнившись, он рывком вытащил Макиэлу, а потом и двух других ганачек. Макиэлу так и не удалось разбудить; ее дыхание было угрожающе слабым.

Он ненавидел эту мысль, однако другого выбора теперь не оставалось. Отодрав от стены несколько побегов, Конан связал всех троих, зафиксировав их в вертикальном положении. Стебли были слишком слабы, и он молился, чтобы узлы не распались до тех пор, пока он не разыщет Шейру. Надо было додуматься до этого раньше — он мог нести одну Макиэлу.

Конан захлюпал по колену в грязи. Заросли над головой заметно поредел, как, впрочем, он и предполагал. Похоже, это был правильный коридор. Вскоре он увидит свет.

— Наконец-то, во имя Крома! — Конан облегченно вздохнул, надежда придала ему сил.

— Шейра! — Когда эхо растаяло вдали, он крикнул снова.

— Конан? — раздался удивленный голос.

Шейра спрыгнула в туннель.

— Где остальные?

— Живы, надеюсь. Быстрей! — прохрипел варвар.

Они зашлепали к перекрестку, и Конан вкратце объяснил ей ситуацию, не забыв упомянуть о чудовищном корнеплоде.

— Я думала, ты вернешься раньше. Лик Азузы скрылся из виду, но потом снова стало светло.

Значит, они проблуждали всю ночь!

Конан фыркнул от раздражения. Он никогда себе не простит, если девушки теперь умрут. Он оказался более уставшим, чем предполагал, однако это вовсе не было оправданием. Потерять даже одну из них после всего, что они вместе пережили, было непростительно.

— Вот они! — крикнул Конан.

Его самодельные веревки все еще держали. Все девушки были живы. Взгромоздив на плечи Аврану и Канитру,

Конан с удивлением заметил, что с более громоздкой Макиэлой Шейра проделала то же самое, причем весьма неплохо.

Они вернулись назад к колодцу, из которого свисал его импровизированный канат. Конан с сомнением потянул за конец.

— Я сделала несколько витков вокруг тяжелого камня, не бойся, он выдержит твой вес.

Конан быстро вскарабкался вверх, подгоняемый желанием как можно скорей оказаться подальше от зловонно смердящей лужи. Он напомнил себе тщательно вычистить меч, как только у него появится свободная минута.

Одну за другой они вытащили бессознательных женщин. Этот процесс, казалось, занял целую вечность, однако в конце концов никого не осталось в сумрачном и удушливом коридоре. Конан разобрал барьер, и они выбрались наружу, упиваясь солнечным светом с той жадностью, с которой мучимый жаждой человек глотает спасительную воду.

Безжизненные побеги валялись где попало, не представляя теперь никакой угрозы.

Они оттащили девушек к роднику, очистили от тины и промыли раны, приложив к ним листья целительной ягнебы.

— Мы не можем оставить их здесь одних. Ты должна остаться, пока я исследую башню, — заметил Конан, утолив жажду.

Шейра покачала головой:

— Нам нельзя разделяться. Подождем, пока Макиэла проснется. Она сильная и скоро поправится. К утру она уже сможет позаботиться об остальных. Тогда мы исследуем башню вместе.

— Лучше это сделать поскорей, даже если я пойду один. Мы и так потеряли уйму времени. Бояться нечего, руины пусты! Что, если кезатти нападут на деревню до того, как мы успеем вернуться? Довольно проволочек!

— А если ты никогда не вернешься из башни? Что тогда? Нет, Конан, я не пушу тебя одного. Это решено! Остаемся до утра либо отправляемся вместе.

Конан ничуть не сомневался, что упрямая деревенщина будет твердо стоять на своем. Он позлился еще с минуту,

потом уселся рядом с родником. Оставить спящих ганачек было немисливо, однако тратить силы в перебранке с Шейрой тоже казалось пустой затеей. Погрузившись в угрюмое молчание, он стал разглядывать далекую башню.

Каменная тропа, ныне свободная от растительности, вела прямо к сводчатому portalу. Там он найдет фонтан богов и прочие остатки рахамской цивилизации. Была ли атланга там, внутри, открыто валяясь среди костей Кулунги? Конан всей душой верил, что ганакский воин не нашел свою смерть в сумрачном подземелье: он наверняка поседел бы, ковыряясь во всей этой куче костей. Киммериец переключил внимание на свой меч. Надо бы подточить. Конан как раз нашел подходящий камень, когда глаза Макиэлы неожиданно распахнулись.

— Азуза, — пробормотала она, потягиваясь.

— Макиэла! — Шейра вскочила на ноги, ее глаза засияли. — Ну как ты?

Великанша застонала, вымучив лаконичную улыбку:

— Жива!

— Сможешь присмотреть за Авраной и Канитрой? — Последние так и не приходили в себя. — Мы должны закончить поиски.

— Я уже поправилась. Идите, и да пускай сам Азуза укажет вам путь!

Макиэла потеряла свое копьё в битве с сорняками, и Шейре пришлось оставить ей свое. Конан еще раз с восхищением взглянул на меч. Акбитанская сталь вполне заслуживала той цены, которую за нее просили на тех редких рынках, где она все еще встречалась. Как Кхерет забрел в те края, об этом варвар мог лишь гадать. Могушественный клинок мог бы добыть мешок с золотом тому глупцу, что додумался его продать.

— А это оружие... меч тебе тоже подарили боги? — спросила Шейра, когда они были на полпути к башне.

Конан усмехнулся:

— В некотором смысле... Впрочем, это длинная история.

— Расскажи.

Конан вкратце поведал ей о своих злоключениях вплоть до битвы с кезатти на сером побережье, где он впервые познакомился с Юконой. Он намеренно опустил

детали чудовищного перевоплощения, ибо малейшие воспоминания о той мясорубке, которую он устроил на борту, вызывали у него дрожь. Шейра лишь покачивала головой, часто прерывая его рассказ и задавая вопросы. Киммериец объяснял как только мог; впрочем, он никогда не считался хорошим учителем. Корабль оказался для ее понимания наиболее трудным предметом, несмотря даже на его попытки проиллюстрировать на песке свое описание.

— Только наши воины используют пальмовые лодки, — заметила она, когда Конан привел в сравнение грубым ганацким судам известную своей печальной судьбой «Мистрисс».

Сложность их диалога усугублялась и тем, что многие ганацские слова имели сходные, однако далеко не точные значения. Во многих отношениях эти островитяне казались даже более примитивными, чем племена, населявшие самые дальние закутки так называемых Черных Королевств. В то же время общественный строй туземцев выглядел не менее сложным, чем во многих развитых городах. Похоже, правда, они все-таки не знали письма; корявые рисунки Юконы были высшим пределом их литературных способностей. Зато, с другой стороны, они хранили свою историю, передавая ее в легендах из поколения в поколение.

И все-таки более всего поражал тот факт, что они обходились без металла и огня, которые являлись элементарными, однако первоочередными признаками любой человеческой цивилизации. Казалось просто невероятным, что Джайора и ее люди не передали этих знаний рахамцам. Хотя нет, конечно же, нет: чем же тогда еще могли быть сделаны надписи на камне? Кроме того, рахамцы имели свою письменность — искусство, навсегда утраченное ганаками. Все, что достигалось веками, было безвозвратно утеряно в войне с Джайорой и ее богами. Ганаки сумели выжить, однако превратились в маленькую вымирающую нацию, ограниченную на первобытном острове.

Прервав свои размышления, Конан посмотрел на участок пути, отделявший их от цели. Кроме нескольких куч сорняков да пары невысоких цилиндров, ничего примечательного он не заметил. Единственным захватывающим

дух явлением была сама по себе башня. Существование столь величественного творения на диком затерянном острове казалось более чем удивительным.

Подойдя ближе, Конан заметил спирали затейливых символов, наподобие тех, что украшали плиты на тропе. Снизу они были тщательно обезображены людьми Джайоры, однако достаточно хорошо сохранились наверху.

Каменная лестница вела наверх к высокой сводчатой двери. Насколько он мог судить, последняя была по крайней мере в два раза выше его собственного роста. Как ятаба и говорил, сложением рахамцы значительно превосходили своих потомков.

Через минуту они стояли у двери. Она оказалась сплошной каменной плитой без малейшего намека на петли, ручку или защелку. Конан нашел ее на редкость хорошо сохранившейся.

— Как же туда войти? — поинтересовалась Шейра, в голосе ее звучало неподдельное удивление.

— Похоже, ваши рахамцы разбирались не только в камне, но были еще чертовски искусными магами!

Тщательно изучив поверхность камня, Конан так и не нашел никакого скрытого механизма. Хорошенько разбавившись, он попробовал высадить дверь плечом...

...Однако с таким же успехом можно было пытаться перевернуть стигийскую пирамиду.

— Бэл разорви этих умельцев! — проворчал киммериец, ощупывая каждый дюйм плиты.

— Мы можем попробовать вместе, — предложила Шейра.

Конан кивнул.

— Давай, на счет «три».

Закончив считать, Конан налетел на дверь с чудовищной яростью. Вены вздулись на его висках, а лицо покраснело от чрезмерного усердия. Шейра атаковала вместе с ним, закрыв глаза перед самым столкновением.

— В какой из девяти преисподен... — Он неожиданно замолк, глаза округлились от удивления. Поверхность двери задрожала и, как во сне, поглотила девушку. Конан не мог поверить до тех пор, пока не услышал громкий шлепок: Шейра растянулась на каменном полу.

— Конан, где ты? — тут же закричала она.

— Снаружи, у двери, Кром бы ее побрал! Как эта чертова... — Он внезапно остановился и хлопнул себя кулаком по лбу. Теперь было понятно, почему дверь так хорошо перенесла и ветер, и непогоду, и годы безжалостного вандализма... Она была иллюзорной и существовала лишь для того, кто на нее смотрел! Конан закрыл глаза и попытался очистить свой мозг от навязчивого изображения. Он снова навалился плечом, не потому, что надеялся открыть ее сам, а лишь для собственного успокоения.

Плечо не коснулось ничего, кроме воздуха. Смешно перекувыркнувшись, Конан растянулся на полу. Он приземлился рядом с Шейрой и тут же оглянулся назад.

С этой стороны башни дверь оказалась невидимой. Через сводчатое окно они смотрели на руины. Эффект напомнил киммерийцу зеркала, которые он видел однажды в шадизарской таверне — развратном местечке, где любые удовольствия тела были доступны за соответствующую плату. Хозяин, старый богохульник, снабдил свои комнаты специальными зеркалами, прозрачными с одной стороны, сдирая с клиентов баснословную плату за одну лишь привилегию наблюдать за занятием постояльцев, оставаясь при этом абсолютно невидимыми изнутри. Разумеется, рахамские мастера зашли на шаг дальше. Наверняка многие, если не все, цилиндры, что окружали башню, имели подобные входы. Теперь было понятно, почему первые попытки проникнуть в них не принесли пользы.

— Смотри! — Шейра указала вниз.

Конан немедленно узнал фонтан богов, хотя и видел его лишь из глубины подземелья. Они стояли в просторном коридоре с высоким потолком и любовались на хрустальную ванну. Бесчисленные грани отражали солнечный свет, заливая стены и пол башни радужными лучами: ярко-зелеными, золотисто-желтыми, огненно-красными и задумчиво-голубыми. Никогда еще Конан не видел подобного чуда, даже самые роскошные офирские дворцы не имели такого фонтана.

Однако дивный вид теперь омрачала зеленая лужа, растекавшаяся у самого его основания. Камера внизу была, очевидно, доверху наполнена водой.

Искусно сработанный каменный серпантин винтом поднимался вдоль стен и доходил до самого шпиля. Конан осторожно двинулся по ступенькам, оглядываясь по сторонам и предупреждая появление малейшей опасности. Шейра постоянно находилась за его спиной, в одной руке сжимая ракушечный нож, а другой держась за руку варвара. Наверху лестница сузилась, заставляя их прижиматься к стене. Ее хаотично обломанные ступени говорили о том, что когда-то она была намного шире.

Вскоре они забрались так высоко, что фонтан внизу казался не больше хрустального бокала. Конан, привыкший к горам и скалам, чувствовал себя как дома, чего нельзя было сказать о Шейре. С каждым неуверенным шагом она все крепче сжимала его руку и старалась смотреть куда угодно, только не вниз.

Каменная тропа закончилась под сводом у входа в небольшую каморку. Теперь Конан увидел, что состояние шпиля было куда хуже, чем казалось раньше. Остатки изрезанного трещинами купола готовы были обрушиться в любую минуту. Комната под сводом была до аскетизма бедна, особенно в сравнении с пышной прихожей.

Однако содержимое ее казалось не менее чарующим.

Бульжники устилали пол, частично скрывая три громоздких сундука, стоявших у круглой стены вплотную друг к другу. Напротив них выглядывал четвертый, точно такой же конструкции, однако гораздо меньшего размера. Все имели металлические углы и скобы, в то время как сами деревянные планки были тщательно просмолены. У противоположной стены красовалось затейливое кресло. Изготовленное из материала, сильно напоминавшего опал, оно, казалось, абсолютно не вписывалось в обстановку. У Конана создалось впечатление, что оно было искусно вырезано из одного ослепительно белого камня. Если это действительно был опал, то варвар вряд ли смог бы назвать ему цену. Вещица была под стать тем немногим тронам, что встречались в Хоршемише, Бельверусе, Луксуре да, пожалуй, в Тарантии с Аграпуром.

В кресле восседал скелет.

Череп отвалился от костлявой шеи и по зловещей иронии судьбы покоился теперь на коленях. Кресло было, очевидно, построено для человека меньшего, чем его нынешний владелец. Таз скелета с трудом помещался между узорными ручками трона, а длинные бедренные кости выступали далеко за его пределы.

Кроме черепа, на белых, словно слоновая кость, коленях лежал довольно необычный ятаган. По форме он отдаленно напоминал змеиный клык, но во всех остальных отношениях выглядел так, как если бы кузнец, нет, каменный мастер выковал его из куска базальта. Озадаченный, Конан подавил в себе желание ухватиться за блестящую черную рукоятку. Базальтовое лезвие было бы весьма бесполезным даже против бронзового оружия. Кроме того, он сильно сомневался, что даже искусный ремесленник мог изготовить его из базальта, отшлифовав поверхность до такой степени, чтобы придать клинку блеск полированного металла.

Силой, которая остановила руку Конана, был суеверный страх перед прежним хозяином ятагана. Костлявые пальцы покоились на рукоятке, а пустые глазницы смотрели хмуро, как бы заранее обещая злую судьбу любому самонадеянному вору. В молодости Конан уже сталкивался с подобной угрозой — трупом, который вскочил на ноги, когда киммериец схватил его меч.

Разумеется, это был совсем другой случай.

— Кулунга? — испуганно прошептала Шейра; она благоговейно опустила на колени и потупила взор.

— Похоже, что он, — проворчал Конан, он пересек комнату и рассмотрел оружие вблизи.

Выглядит как базальт. Он подошел к трону вплотную и застыл к нерешительности.

— Во имя Крома, избранный я или нет!

С этими словами он вырвал ятаган из немощных пальцев; лезвие прошуршало по древним костям. Когда никакого тысячелетнего проклятия не свалилось на его голову, Конан облегченно вздохнул.

— Наконец-то атланга принадлежит нам!

Он усмехнулся, размахивая необычным ятаганом. Атланга оказалась совсем не такой, как он сначала предполагал. Похоже, она была даже легче и крепче его собствен-

венного меча. Странно, как, обладая таким весом, оружие могло выполнять ту функцию, для которой оно предназначалось. Легкие как пух клинки были пригодны лишь для выпадов. Их обожали напыщенные аристократы, которые гарцевали и играли с мечом, однако не решаясь показаться и в миле от того места, где разгоралось настоящее сражение.

Только глупцы рискнули бы противопоставить такое оружие широким западным мечам, которые всегда предпочитал Конан.

Проведя большим пальцем по лезвию атланги, варвар застонал от удивления. Оно рассекло мозолистую кожу даже прежде, чем он успел почувствовать боль. Обычный меч никогда не сделал бы такого пореза. Необычайная острота оружия и его идеальное состояние Конана поразили. Один Кром мог знать, как долго оно здесь провалялось, выставленное на растерзание ветрам, влаге и прочим факторам, которые давно превратили бы даже отменно закаленную сталь в кусок бесполезного металла.

Неожиданно лезвие дрогнуло в его руке. Волосы на голове зашевелились, а по всему телу пробежал холодок, несмотря на то что рукоятка казалась чрезвычайно горячей. Внезапная вспышка боли вырвалась из кулака, прокатилась по телу и обожгла мозг. Конан упал на одно колено и попробовал разжать пальцы. Те сопротивлялись, как будто рука невидимого великана сдавила их в своей чудовищной ладони.

— Что случилось, Конан?! — встревоженно закричала Шейра.

— Не... могу... отпустить... — выдавил киммериец, язык распух во рту, мешая говорить. Новая волна огня пронзила голову такой болью, что Конан едва не потерял сознание. Из всех сил он старался избавиться от коварного оружия, однако атланга словно приросла к его ладони.

Зловещий шепот раздался в ушах:

— Не тот! Самозванец! Умри!

Шипение невидимого хора звучало невыносимо громко, пронизывая перепонки огненными иглами. Кровь хлынула из ноздрей таким горячим потоком, что обожгла его

губы и нос. Жилы вздулись на руках от тех усилий, с которыми он пытался разжать кулак.

Шейра что-то кричала, однако ее слова тонули в пронзительном завывании голосов. Она обхватила его голову руками, и хор немедленно смолк.

Конан использовал долгожданную передышку, чтобы сделать вдох. В ту же минуту Шейра подхватила с полу булыжник размером с голову и запустила им в клинок.

Атланга выскользнула из онемевших пальцев и со звоном брякнулась на пол. Конан почувствовал, как жар, разливавшийся по всему телу, постепенно спал, хотя сам он по-прежнему продолжал дрожать. Пот лил с него в три ручья.

— Кром! Ятаба был не прав, — выдохнул киммериец, слизывая с губ запекшуюся кровь.

— О Конан! Если избранник не ты... тогда мы пропали!

— Нет, пока мы живы! — прорычал варвар; силы к нему возвращались. — Клянусь Кромом, киммерийцы никогда не сдаются! — Он посмотрел на распухшую ладонь и с трудом распрямил пальцы.

— Но без атланги у нас нет шансов... Ты все равно не бросишь нас, Конан? — Шейра повернула к нему заплаканное лицо, в голосе ее чувствовалась мольба.

Конан кивнул:

— Нам еще надо доставить эту трижды проклятую вещьцу ятабе, хотя я и не вижу большой пользы в оружии, которое кусает любого, кто бы за него ни взялся. Однако с атлангой или без нее, твои люди не останутся одни, по крайней мере до тех пор, пока я не срублю сотню красноперых голов.

— Что же произошло с Кулунгой? — поинтересовалась Шейра, вытирая глаза. Она смотрела на скелет то ли в благоговейном страхе, то ли с нездоровым любопытством — Конан не мог в точности сказать как.

— Возможно, ему удалось спастись от сорняков, однако лишь для того, чтобы умереть голодной смертью в башне. Существуют тысячи таких же безымянных могил в разных уголках земли, отмеченные костями героев, что пытались вернуть своему народу былую славу. — Ким-

мериец говорил отсутствующим тоном, как будто стоял в миле от Шейры, пристально изучая спинку трона.

— Быть мне пиктом, если это не опал! — прошептал варвар, глаза его горели. Увиденное эхом отозвалось в памяти.

С сухим шелестом скелет подался вперед и шумно грохнулся на пол. Шейра в ужасе отпрянула назад, а Конан, несмотря на свою недавнюю слабость, на фут подпрыгнул в воздухе и приземлился у противоположной стены комнаты. Он тут же подхватил меч и был готов отразить любую опасность.

Череп, который в полтора раза превосходил нормальный человеческий, покатился по камням и остановился у ног Шейры. Остальные же кости кучей взгромодились у подножия трона.

Изображение на внутренней стороне спинки заставило Конана ахнуть. Выгравированные в мельчайших деталях на ослепительной поверхности камня, на него смотрели лики двуглавого слона, украшенные роскошными хомутами и двумя окаймленными широкой бахромой шапочками. Бивни их были угрожающе загнуты, а хоботы изящно извивались. Увиденное, как бы то ни было, пролило свет на темный уголок памяти варвара.

— Вендийцы! — прошептал он.

Конан видел эту картинку, когда путешествовал по их землям — землям древних богов и сверкающих бриллиантов. Герб представлял одного из богов, хотя варвар и не мог припомнить его имени. Впрочем, теперь он собрал все ключи относительно того, что касалось происхождения этого загадочного острова, который до сих пор не переставал его удивлять. Как оборванные куски одной карты, они подходили друг к другу. Он припомнил даже имя богини, неприглядный образ которой был вылеплен на воротах в крепость.

— Кали, — угрюмо выдавил варвар. — Джайора, которую король Орисс изгнал из Вендии, была верховной жрицей Кали!

Шейра смотрела на Конана в крайнем замешательстве.

— Не понимаю... Вендия.. Кали... король Орисс? — Она с трудом выговаривала незнакомые слова. — Кто они все?

— Ты помнишь дьяволицу на воротах в стене?
Шейра кивнула, содрогнувшись при воспоминании о женщине-чудовище.

— Много лет тому назад мне доводилось бродить по развалинам древней Махараджи, некогда процветающего города Вендии.

— Вендии?

— Да, это королевство намного восточнее и южнее Киммерии, мне понадобился целый год, чтобы добраться до него пешком. Как бы то ни было, портрет десятирукой дьяволицы был высечен на стенах одного из зданий. В ту пору мне пришлось путешествовать в компании известного индийского чародея и удалось случайно подслушать легенду касательно кровожадной богини.

Когда-то Махараджа являлась столицей Вендии. Основатель города король Орисс был первым законным вендийским королем. Он уничтожил многих своих врагов, и все же главному его сопернику удалось выжить — то была Джайора, верховная жрица Кали. Она провозгласила свое родство с расой так называемых пан-кур — отпрысков женщин, вступивших в связь с демонами. Она была поистине могущественной жрицей и имела тысячи почитателей, принимавших участие в ее чудовищных ритуалах. Джайора построила небольшую империю, которая ширилась, словно лужа крови из перерезанной глотки, отравляя все южное побережье. Однако никто не осмеливался противостоять жрице Кали, ибо последняя считалась самой кровожадной богиней Вендии. Те давно запрещенные культы были кровавым богохульством, не знавшим себе равного. Некоторые из тех извращений, что творились в ее храме, были описаны в свитках вендийского мудреца. Чародей прочитал несколько из них, к счастью, я не помню подробностей. Иные, самые мерзостные ритуалы были абсолютно нечитаемы, ибо были насквозь перепачканы рвотой самих писцов.

Конан поскреб подбородок, стараясь вытянуть воспоминания из этого темного уголка памяти.

— Джайора и ее армия фанатиков однажды напали на город, правил которым Ориссин брат. Последнего они принесли в жертву богине Кали. Это... — варвар остановился, указывая на кресло, — очевидно, знаменитый опа-

ловый трон из его дворца. Искатели сокровищ и коллекционеры всех стран до сих пор выкупают истории, якобы подтверждающие его существование.

Конан скривился, вспоминая, как молодым юнгой потерял пару динаров из-за того, что сам попался на эту удочку. Он провел рукой по рельефному изображению слона и продолжил повествование:

— Должно быть, Джайора прихватила его с собой... Орисс в конце концов изгнал ее из Вендии. Разгневанный король обратился к могущественной жрице Индре, эмблеме которой ты видишь на троне. Разразилась целая война, в результате которой могучий кулак Орисса раздавил круг поклонников Кали. И все-таки Джайоре удалось улизнуть. Никто не знал, что с ней стало потом, — по крайней мере до сих пор. Теперь-то ясно, что она наняла корабль и команду, ища спасения на море и, возможно, намереваясь выстроить для своей власти новый оплот.

Шейра задумчиво посмотрела на трон.

— Когда ятаба рассказывал о Джайоре, ее имя тебе ни о чем не напомнило?

Конан покачал головой:

— Ее имя было изъято из всех письменных источников. Произнести его вслух — означало подписать себе смертный приговор. Годами Орисс искал ее повсюду, надеясь отомстить за смерть брата, однако попытки выйти на ее след так и не увенчались успехом.

— Что же теперь, Конан? — спросила Шейра, покосившись на черное лезвие атланги. — Как мы доставим это в деревню?

— В одном из сундуков, — быстро ответил варвар, расчищая гору камней вокруг деревянных ящиков. Ему давно не терпелось узнать, что было там, внутри... однако так, чтобы не разбудить лишних подозрений. На острове у Джайоры не было способа растратить свои богатства, и Конан теперь ломал голову над проблемой, как их отсюда вывезти. Он был почти уверен, что знает направление на материк.

Джайора не могла отплыть далеко от побережья Вендии. Суда того времени мало подходили для продолжительных вояжей. Не говоря уж о том, что вендийцы никогда не считались искусными мореплавателями.

Теперь он не вернется с пустым карманом, даже если в этих сундуках хранилась лишь треть богатств, находившихся в ее владении. Облизнувшись, Конан поддел острием меча бронзовую защелку и мягко надавил на клинок. Крышка сидела плотно, покоробленная от длительного контакта с солнцем и дождем. Продолжая давить на эфес, Конан старался располагаться от сундука как можно дальше. Часто отсутствие замков означало скрытую опасность.

В данном же случае это скорее подразумевало отсутствие ценного содержимого. Сундук сдался. Увидев кучу заплесневелых томов, Конан помрачнел. Влага их окончательно погубила. Выбрав, на его взгляд, наиболее невосприимчивый, он осторожно потянул за угол, опасаясь, что книга в его руках рассыплется. Посмотрев на остатки размытых иероглифов, Конан усмехнулся. За годы путешествий киммериец насобиравший изрядный багаж знаний, которые послушно оживлялись при воспоминании о тех местах, где он побывал. Он мог писать и изъясняться на стольких языках, что иной заучившийся школяр позавидовал бы его способностям. Для вора, воина, наемника и просто искателя приключений вопрос жизни и смерти порой упирался в одно-единственное слово или даже букву.

Эти письма в большинстве своем были непонятны, хотя сами иероглифы были, несомненно, вендийскими. Варвару вовсе не хотелось тащить этот хлам с собой, однако сейчас у него не было ни места, ни времени для изучения древних манускриптов.

Конан подхватил с полу бедренную кость и насадил ее на атлангу. Держа оружие, словно ядовитую гадюку, он бросил его поверх книг. Поплотнее захлопнув крышку, он взвалил сундук на плечо: тот оказался тяжелым, хотя и переносимым.

Поставив его на место, Конан разбросал прочь камни, что зарывали три других сундука. Трещины на полу свидетельствовали о немалом весе их содержимого. Конан зажмурился. От ярких картин, которые рисовало его богатое воображение, захватывало дух. Он отомкнул затвор, приподнял крышку и усмехнулся при виде золотых монет самой разной чеканки и размеров. Это была добыча, стоившая не одного года пиратства. Варвар мысленно про-

стонал, гадая, каким образом все это добро можно было бы спустить вниз. Полуразрушенная лестница наверняка не выдержит, с другой стороны, в его распоряжении не было ни веревки, ни какого-либо другого средства транспортировки.

— Конан! — пронзительно вскрикнула Шейра и вжалась в стену.

Огромная тень мгновенно поглотила ее; в тот же миг Конан бросился на пол.

Сундук спас ему жизнь.

Стальные предплечья обрушились на бронзовые скобы да на дубовое дерево, превратив сундук в щепки. Зеленые челюсти громко щелкнули в воздухе в дюйме от его шеи; солнце отразилось в зловещих рядах острых как лезвие зубов.

— Кром разорви! — выругался киммериец, подползая вперед к выроненному мечу.

Гигантский крадунчик заполнил собой комнату, в три раза превосходя своего мертвого собрата в размере. Антенна толщиной с мужчину кровожадно вращалась на лбу меж луковиц стеклянных вытаращенных глаз. Шипы торчали из предплечий, словно рапиры, а ослепительная чешуя изумрудной кольчугой покрывала тело.

Наклонившись, чудовище пощелкало клешнями, стараясь ухватить ими варвара, притаившегося за спинкой трона. Стальные шипы вонзились в опал, отчего камень крошился. Могучие предплечья подняли трон в воздух. Раздался чудовищный треск, и дождь ослепительных осколков обрушился на онемевшего киммерийца.

Озадаченный продемонстрированной силой, Конан с сомнением посмотрел на свой клинок и прыгнул к выходу, подхватив по пути Шейру.

Крадунчик швырнул трон, точнее, то, что от него осталось. Тот врезался в стену, едва не пригвоздив Конана. В ту же минуту гигантская туша закрыла проход, а других выходов комната не имела.

Они были полностью отрезаны.

В следующий миг они оказались вовлечены в чудовищный танец, уклоняясь и уворачиваясь от новых выпадов крадунчика. С ужасающей сообразительностью тварь научилась предугадывать их маневры, заставляя постоянно

менять тактику. Время от времени они пытались прорваться к выходу, однако каждый раз оказывались отброшенными назад.

Конан понимал, что долго они так не продержатся: пот лил с него в три ручья, в то время как враг их не проявлял ни малейших признаков усталости. Любая ошибка могла обернуться теперь ужасной смертью в стальных тисках. Дело усугублял тот факт, что пол под ногами начал угрожающе трескаться. Снизу доносился тяжелый гул, как если бы бульжники с потолка начали осыпаться. Далекое эхо заставило Конана похолодеть... Это пол медленно уходил у них из-под ног.

Лучше уж умереть в бою, чем навернуться с этой чертовой башни! Конан понимал, что от его собственного меча было сейчас не много пользы, и поэтому решился на отчаянный шаг. Прокатившись по полу, он ухватился за рукоятку атланги и выдернул ее из-под обломков раздавленного в щепки сундука. Обжигающая волна тут же пронеслась по руке, однако варвар стерпел боль.

Как он и предполагал, чудовище не сменило своей тактики. Когда безобразная голова устремилась вниз, он высоко подпрыгнул и оказался на уровне выпученных глаз. Могучим ударом он опустил атлангу как раз между глазниц. Острое лезвие разорвало зеленую жилистую ткань и застряло по самую рукоятку. Как и прежде, Конан почувствовал, что мускулы его пальцев напрягаются, в следующий миг он уже не сможет их разжать.

Нечеловеческим усилием он все же оторвал руку и грохнулся на пол. Перекатившись через всю комнату, он размазался по стене.

Оглушительный вой разорвал воздух. Обезумевший монстр крутился волчком, пытаясь вытащить клинок из раздробленного черепа. Глаза пылали, словно два раскаленных угля, постепенно тускнея. Безобразная голова надувалась и приобретала розоватый оттенок. Неожиданно она взорвалась, извергая фонтан красной слизи, столь едкой и зловонной, что у Конана из глаз брызнули слезы. Гигантская туша рухнула, забилась в судорогах и вскоре затихла. Пол под ней с треском провалился.

На какой-то миг Конан ощутил невесомость. Краем глаза он заметил, что Шейра ухватилась за карниз и

болталась теперь над пропастью. Выкинув вперед руки и чуть не вывихнув плечо, он проскользил по ее ногам и повис, держась за лодыжки.

Шейра вздрогнула, когда вес киммерийца чуть не вырвал ее руки из суставов. Раскачиваясь, словно маятник, они отчетливо понимали, что их последние минуты стремительно истекают.

Шейра держалась из последних сил, медленно, но неминуемо сползая. Она оглянулась вниз и что-то сказала. Слова ее затерялись в общем шуме, однако выражение лица девушки говорило само за себя. Опаловый трон несколько раз перевернулся в воздухе и обрушился на фонтан, взрываясь фейерверком радужных осколков.

Скользнув взглядом по стене, Конан увидел внизу похожий карниз. Потные пальцы ослабили захват, и пустота распахнулась перед ним свои объятия.

Расчет оказался точен. Он вцепился в каменный выступ и посмотрел на Шейру, все еще продолжая раскачиваться. Та без труда справилась с собственным весом и, перебирая руками по обломкам ступеней, спустилась на невредимый участок лестницы. Грохот и треск прекратились. Конан вытянул себя на карниз и прислонился к стене, задыхаясь от изнеможения. Отдышавшись, он посмотрел вниз, где среди груды камней валялось тело раздавленного крадунчика. Монеты сверкали всюду, устилая каменный пол капельками золотой росы. Содержимое остальных сундуков было похоронено под обломками.

Конан перебрался к Шейре, взгляд его выражал молчаливую благодарность.

— Кром, мы были на волоске от смерти. Боюсь представить, что нас ждало, если бы не ваша атланга! Однако придется потерять еще один день, чтобы отыскать ее среди этого хлама. Не сомневаюсь, что она по-прежнему цела и невредима.

Шейра улыбнулась:

— Дважды мы выскользнули из лап вугунды. Хотя я таба и ошибся, назвав тебя избранным, однако ясно, что у богов ты в почете. В противном случае твой бог Кром наделил тебя таким везением, которое не снилось ни одному живому человеку.

— Ха! Раз увидев меня за игорным столом, когда я метаю кости, ты бы заговорила по-другому. Несчастья преследуют меня по пятам. Впрочем, сегодня мы победили... Однако не будем терять времени! Солнце садится, а мы так и не выполнили своей задачи. Вперед, и да сопутствует нам удача! — На последнем слове он чуть не запнулся. — Мы должны присоединиться к остальным прежде, чем опустятся сумерки. — «Прежде, чем их разыщет новый крадунчик», — хотел сказать Конан, однако благоразумно промолчал.

Глава семнадцатая РАНИОБА

— Вторая ночь на исходе. Почему они до сих пор не вернулись? — нервничал Юкона, утаптывая грязь у входа в хижину ятабы.

— Успокойся, Юкона. Глядя на небо, тучи не разогнать. Твои переживания никому не принесут пользы. Отдохни — ты и так не сомкнул глаз с того самого утра, когда они выступили в поход.

— Мертвые земли поглотят мою дочь, и Конана, и остальных! Я должен был пойти вместе с ними, — стонал Юкона, игнорируя увещевания ятабы.

— И бросить деревню? Те, которых ты поклялся защитить, — здесь. Женщины, дети, старики и горстка умирающих воинов нуждаются в твоей защите. Если кезатти вернутся...

— То им придется иметь дело со мной, — прогремело за их спинами.

Вожди удивленно оглянулись.

Гомба стоял в дверном проеме, поигрывая огромными бицепсами. Он выглядел как кто угодно, но не как человек, лежавший два дня назад на смертном одре. Не считая нескольких ссадин и синяков, тело его было абсолютно невредимым. Взгляд излучал здоровье. Уверенным шагом он направился к старикам.

— Гомба! Ты выглядишь таким же, как и всегда, клянусь Азузой! — поразился Юкона.

Ятаба посмотрел на юношу серьезно.

— Осторожней, Гомба. Твоя сила может покинуть тебя как раз тогда, когда мы будем более всего в ней нуждаться. Тебе я говорю то же, что и Юконе, — отдыхай.

— Не могу. Только не теперь, когда кезатти кружат над головой, готовясь к решительной атаке. Мысли о них омрачают мой сон. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как они кружат, словно крылатые облака, поджидая удобного момента, чтобы обрушиться на нас в смертоносном шторме клювов и когтей. И кто же стоит между ними и деревней... Юкона? — Юноша ткнул пальцем в старика и надменно фыркнул.

Юкона напрягся, его глаза вспыхнули.

— Попридержи-ка язык, Гомба! Не забывай, с кем разговариваешь. Я сыт по горло твоими насмешками.

— Понимаю. Ты обвиняешь меня в том, что я не питаю должного уважения к своему вождю. Но скажи, как мне уважать человека, что занимает пост, которого давно не заслуживает? — Слова прозвучали, словно пощечина.

Открытой ладонью Юкона ударил молодого воина по лицу, да так, что тот едва не потерял равновесия.

Взвыв, Гомба сжал правую руку в кулак и занес ее для ответного удара.

Ятаба перехватил ее в воздухе.

— Прекрати, безумец! — Он посмотрел на Гомбу испепеляющим взглядом. — Однажды я тебя прогнал и сделаю это опять, если не научишься уважать старших. Сердцем ты обращен к народу, однако твой разум — черный колодец, в котором я до сих пор не могу разобраться. Боги наградили тебя силой, которой ты, однако, не должен злоупотреблять. Извинись перед Юконой!

Гомба притих, стараясь высвободить руку из стальных ятабинных объятий. Юкона ждал, скрестив руки на груди.

— Извинись! — настаивал ятаба, его мускулы дрожали. Вены вздулись на его предплечьях, когда юноша наконец разжал кулак. Несмотря на напряжение, которое испытывали его мышцы, голос его был по-прежнему твердым.

Гомба опустил плечи, как будто перестав сопротивляться, и, потупив взор, тихо пробормотал:

— Прости, Юкона, мой вождь, и ты, ятаба, духовный лидер.

Ятаба выпустил его руку и подбоченился.

— Я нужен тебе и твоему народу, — сказал Гомба, не переставая смотреть в землю. — Ты не посмеешь меня прогнать. Впрочем, я все равно не уйду. А что до чужестранца Конана — он нам не нужен. Отпусти его, пусть идет своей дорогой! Если та, которая должна была стать моей женой, умрет, я никогда тебе этого не прощу.

— Она раниоба и, согласно нашим обычаям, вольна сама принимать решения, — ответил ятаба, потирая руку. Его лицо исказила гримаса, с помощью которой он надеялся пересилить боль.

— Как ты потом отмоешься от ее крови? Как? Сердце мне подсказывает, что ты отжил свои лучшие годы, как и Юкона. Это твой закат, ятаба. Солнце, что когда-то было твоим разумом, неумолимо клонится к горизонту. Но ты духовный лидер и все еще вершишь судьбы людей. — Гомба потер ладонь и встряхнул побелевшими пальцами. — Что ж, посмотрим, кто вернется скорее: наши враги или чужестранец, с которым, как ты сказал, связана наша последняя надежда на спасение.

Юкона не проронил ни слова, лицо его было каменным.

Взгляд ятабы блуждал по макушкам деревьев, что росли на краю деревни, да по черным клочкам неба, что проглядывали сквозь них. Он также ничего не ответил.

— В какую из Девяти Преисподен Зандру они провалились? — ворчал Конан, изучая окрестности родника. Утреннее солнце достаточно хорошо освещало руины, однако в условленном месте никого заметно не было.

Шейра ускорила шаг.

— Возможно, они спрятались от другого крадунчика.

Конан шагал по тропе, не оборачиваясь на башню. Разбрасывание булыжников отняло гораздо больше времени, чем он предполагал, заставив их прекратить поиски с наступлением сумерек. Перспектива провести ночь в башне добавила соли к и без того мрачным мыслям Ко-

нана. Однако настроение киммерийца заметно изменилось, когда в благодарность за все Шейра его поцеловала. Губы их слились в долгом поцелуе, предшествующем целой ночи страсти. Прекрасная ганакая охотница была весьма удивлена теми чувствами, которые пробудил в ней Конан.

Киммериец чувствовал себя этим утром немного помятым, впрочем, он все равно не смог бы уснуть. Несмотря на грубый комфорт башни, амурные приключения были как раз тем, чего ему так не хватало.

Шейра, в свою очередь, также казалась намного счастливее. Как только первые лучи солнца скользнули по стенам, они продолжили свои поиски и обнаружили атлангу под грудой щепок. Среди прочего хлама Конан наткнулся на несколько интересных объектов, которые тут же распахнул по карманам, предназначавшимся первоначально для рубинов. Узнав, что красные самоцветы являлись глазами самой богини Кали, Конан выбросил из головы свою затею. Такие сокровища носили на себе клеймо черной магии, и опыт подсказывал киммерийцу, что от таких трофеев нельзя было ждать ничего, кроме неприятностей. Возможно, когда-нибудь он вернется за ними, однако сейчас он вполне удовлетворился лишь несколькими вещицами из копей Джайоры.

Он откопал даже маленький сундук, кое-как восстановил его и набил теми немногими книгами, которые, на его взгляд, сохранились наилучшим образом. Беглое перелистывание манускриптов открыло несколько интересных фактов, что также положительно отразилось на настроении варвара.

Они аккуратно положили атлангу в сундук и для пущей безопасности обмотали «кусающуюся» рукоятку сожженными.

Шутя и посмеиваясь, они покинули башню, озаренные новой надеждой.

Только сейчас они столкнулись с неожиданной проблемой.

— Если бы с ними что-то случилось, они наверняка оставили бы знак, — предположил Конан утешительно.

Подойдя к роднику, они вдоволь напились, прежде чем отправиться на поиски женщин. Пока Шейра плескалась,

Конан внимательно изучил землю и поскреб в задумчивости подбородок.

— Никаких следов борьбы, но я вижу следы четверых, и они ведут к выходу из крепости.

— Четверых? — усомнилась Шейра, она стояла сейчас в нескольких шагах от Конана.

— Скорей за мной!

Они поспешили к сводчатым воротам и остановились, услышав за стеной шорох.

— Неужели они... — начала Шейра.

Конан жестом приказал ей замолчать.

Снаружи чернела тень... огромная тень слишком знакомой формы.

— Проход слишком узок для столь колоссальной твари. Здесь мы в безопасности, — прошептал варвар.

— Макиэла... Аврана... Канитра... — простонала Шайра. — Нет, не могу в это поверить!

— Я надеюсь на лучшее. Кем бы мог быть этот четвертый? — недоумевал Конан.

— Шейра? — раздался из-за стены голос.

Они оба чуть не попадали от удивления, когда в проходе показалась голова Макиэлы.

— Макиэла! — вскрикнула Шейра.

— Во имя Крома...

Великанша бросилась ей на шею, Аврана и Канитра бежали за ней.

— Не волнуйся, с нами все в порядке!

Тень, безо всяких сомнений принадлежавшая крадунчику, переместилась. Девушки весело направились к выходу, и Конан, ругаясь, отправился следом. Пока раниоба и ее охотницы обнимались, он изумленно разглядывал гигантского зеленого монстра. Меч инстинктивно оказался в его руке.

Верхом на чудовище сидела пожилая ганакская женщина с покрытым глубокими морщинами лицом. Тело ее не было покрыто обычным для ганаксов узором, хотя она носила ожерелье, похожее на то, что имела Шейра. Толстая седая коса спускалась до пояса; на ее конце красовалась белая цилиндрическая ракушка. Улыбнувшись, она повернулась, выставляя напоказ безобразное, лишенное руки левое плечо.

Шейра удивленно заморгала, в ее глазах читалось одновременно узнавание и недоверие.

— Ниона-раниоба?

— Да, крошка. Твои глаза остры, как и положено раниобе. Хотя, когда я видела тебя в последний раз, ты была ребенком с махоньким пучком волос. Давно ли это было? Думаю, что да. С тех пор чередование дня и ночи давно утратило для меня значение. Мне есть что вам рассказать, но сначала, — она ткнула пальцем в Конана, — я должна знать имя этого человека и название земли, из которой он пришел. Повесть моя для ганаксов, но не для ушей чужаков!

— Его зовут Конан, родом он из далекой Киммерии. И он не чужак! Он сражался вместе с нашими воинами, пил с ятабой куомо и спас меня и остальных более чем один раз, — заступилась Шейра и, посмотрев на Макиэлу, добавила ледяным тоном: — Как Макиэла должна была рассказать.

— У меня просто не было такой возможности! — запротестовала великанша.

— Правда! Ниона-раниоба явилась к нам с рассветом, — поддержали две другие девушки.

— Хватит, дети! Пусть говорит Шейра. Остальные попрдержите свои языки, — скомандовала старуха.

Конан сгорал от желания узнать, почему крадунчик попросту не сожрет их всех разом, однако боялся, что странная ганакская наездница не потерпит дальнейших прерываний. Он стоял с мечом в руке, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, пока Шейра вкратце перечисляла все недавние события, начиная с его появления на Араве. Время от времени Ниона останавливала ее для уточнения деталей. Старуха была удивительным образом информирована обо всем, что происходило в деревне, и особенно разбиралась в вопросах, касавшихся мертвых земель.

Пока они беседовали, киммериец внимательно изучал крадунчика. Он уже достаточно на них насмотрелся, однако возможности изучить их на досуге до сих пор не выпадало. Тварь стояла как вкопанная, ее темно-зеленые глаза, цвет которых делал ее не похожей на остальных собратьев, сверкали непостижимым разумом, от чего по спине у Конана пробежали мурашки. Он заметил, что

этот крадунчик имел узкие кожаные надкрылья и широкий веер вместо хвоста; последний был аккуратно сложен. Красные и белые пятна украшали короткие передние лапы. Киммериец готов был поклясться, что не видел у других подобного раскраса. Сноп коры был прикреплен в виде седла к толстой, как дерево, шее, верхом на которой восседала Ниона.

Из ее рассказа Конан понял, что та покинула деревню, когда Шейра была еще девочкой. Новая раниоба заняла ее место, которое потом унаследовала Шейра. Варвар до сих пор не мог разобраться в привилегиях раниобы, однако похоже, титул обеспечивал власть над определенной группой женщин, называемых охотницами, и был равен силе званию вождя у мужчин.

В конце концов Шейра удовлетворила любопытство старухи.

Ниона посмотрела на Конана и одобительно кивнула.

— Глаза и кожа твои — как у сына Киммерии. Однако силой и духом своим ты похож на ганака!

Киммериец был весьма польщен таким сравнением, но воздержался от благодарностей и вместо этого перехватил инициативу.

— Откуда же ты пришла? Уж наверняка не из этих трижды проклятых древних развалин!

Старуха засмеялась:

— Древних?.. Да! Эти камни помнят давние времена, столь давние, что ты не сможешь себе даже представить. Проклятых?.. Возможно, когда-то, но не навсегда. Ты уничтожил последнее и наихудшее из чудовищ, порожденных в войне между богами. Жизнь снова может процвести на этих камнях. Мертвые земли, как вы их называете, приютили меня. Но не здесь, я подчеркиваю, ибо вы видели лишь часть мертвых земель. В тех местах, откуда я пришла, не ступала нога ни одного ганака. Даже ананси избегают этих лесов.

Когда я была такая же, как Шейра, я мечтала увидеть старую деревню, как, впрочем, и многие до меня. Мы были наивны — все те, кто последовал по тропе Кулунги, — однако самонадеянны и горды. Как многие, я пала жертвой ананси. Они преследовали меня, пока я не уперлась в стену деревьев, недалеко отсюда. Это была ловуш-

ка! Нет... — Она усмехнулась, заметив, как Конан кивнул головой. — Нет, это не те деревья, что окружают рахамскую крепость. В тех местах, откуда я пришла, деревья толще и выше и растут так тесно, что между стволами нельзя просунуть ладонь. Попасть туда можно только сверху на спине мзури-вугунды, которого вы видите перед собой. В ту пору Разангва верхом на мзури пробиралась сквозь джунгли, она-то и спасла меня от ананси. Разангва была рахамкой... последней из своей расы.

— Тебя спасла рахамка? — Изумленный шепот Шейры вторил мыслям Конана.

— Фонтан богов наградил ее счастьем долголетия, или проклятием долголетия, как она сама это называла. Разангва была одной из немногих рахамцев, что сумели выжить в войне между богами Джайоры и их собственными богами. Им были известны многие секреты этого острова. — С этими словами Ниона подняла кончик своей косы и подула в ракушку. Вопреки ожиданиям Конана, никакого звука из нее не последовало, однако крадунчик приподнялся с земли и изменил позицию. — Мзури-вугунда, в отличие от остальных, подчиняется ветряным духам, что обитают в этой ракушке, если ее хозяин умеет их вызывать. Разангва обучила меня этому искусству.

Она спасла меня от смерти в лапах ананси, хотя те оторвали мне руку. Разангва забрала меня к себе и залечила рану. Тогда я дала обет-клятву никогда не выдавать ее ганакам и не покидать, пока она жива.

Теперь я свободна от этой клятвы, ибо двадцать раз лик Азузы появился на небе с тех пор, как Мухинго забрал ее к себе. Много лет она жила одна. Жизнь ее была пуста, наполняемая лишь воспоминаниями о тех, кого она когда-то любила. Я не хочу умереть такой смертью. Время вернуться!

Вечерами я прилетала в Ганаку, чтобы увидеть деревню. Я следила за вашим маршрутом по мертвым землям, однако не успела вовремя предупредить об опасности. Давакуба стара и не всегда умеет различить своих более агрессивных соплеменников, — с этими словами она похлопала крадунчика по спине. — К счастью, Конан сам убил того вугунду. Мзури редки, хотя и не охотятся друг

на друга, как остальные. Это ужасное зрелище: самка поедает самца на глазах у собственных детей.

Конан содрогнулся, представив себе подобную картину.

— Можешь ли ты научить нас управлять ветряными духами? Восседая на спинах мзури, мы бы быстро отбили у кезатти охоту наведываться в деревню.

Ниона покачала головой.

— Мальчишки сделаются мужчинами, прежде чем обучатся этому искусству. Однако вы можете рассчитывать на мою помощь. — Она дунула в свой свисток, и мзури, словно дрессированный слон, послушно опустился на землю; Макиэла, Канитра и Аврана проворно вскарабкались на его толстую и устланную пальмовой корой шею. Ни для Конана, ни для его сундука места не осталось.

Киммериец посмотрел на животное с сомнением.

— Я пойду впереди, — сообщил он остальным. Конан все еще питал к крадунчикам непроизвольную неприязнь; последнее приключение в башне было слишком свежо в его памяти.

Шейра вполне разделяла его чувства и поэтому старалась держаться от крылатой туши как можно дальше.

Ниона снисходительно улыбнулась.

— Мне знакомо это чувство. Не бойтесь, мзури никогда не нападают на людей. Мы с Давакубой вернемся за вами еще до вечера. Оставайтесь в крепости возле родника, там вы будете в безопасности. Только злейший вугунда может пересечь стены, да и тот не отважится опуститься на землю.

Конан взглянул на солнце: полдня они провели за разговорами. Впрочем, он не сомневался, что Ниона сдержит свое обещание: крадунчики продемонстрировали способность быстро летать. Вместе с Шейрой он видел, как старая раниоба беззвучно дунула в свисток, и мзури взвилась в небо. Вскоре они скрылись за макушками деревьев. Конан постарался не смотреть на Кахли, когда они снова вошли в крепость.

Шейра направилась напрямик к роднику и уселась возле воды, упиваясь прохладой. Когда Конан наклонился, чтобы умыться лицо, она шутя его подтолкнула. Вынырнув, киммериец схватил ее за руку и также затащил в воду.

— Во имя Крома, девочка, ты не должна вернуться грязной.

Шейра смеялась, брызгая его ладошками. Конан жмурился, уворачивался, мотая гривой мокрых волос. Капельки росы сверкали на смуглом лице раниобы, капая на упругие груди, наполовину спрятанные под водой.

Время, проведенное в ожидании Нионы, протекло незаметно.

Глава восемнадцатая

ДУЭЛЬ

Ночь была в полном разгаре, когда Конан закончил поглощение куомо и отправился на покой, как это сделали ятаба, Юкона и остальные ганаки. Гомба удивил всех, публично принеся ему свои извинения, которые, правда, показались киммерийцу насквозь фальшивыми. Шейра и ее женщины, которым по традиции употребление куомо воспрещалось, казались тем не менее такими же веселыми. Их благополучное возвращение из мертвых земель подарило ганакам новую надежду.

Ятаба выглядел весь вечер чрезвычайно рассеянным. Он избегал общества Нионы и уклонялся от ее взглядов; Конану с трудом удалось втолковать ему, что он не является избранным и что в предстоящем сражении атланга будет бесполезным оружием. Киммериец с удовлетворением заметил, что горстка ганакских воинов быстро поправлялась, не говоря уже о чудесном выздоровлении Гомбы.

Он также пообещал возглавить ганак в надвигающейся битве с кезатти. Ятаба и остальные были твердо уверены, что человек, столь любимый богами, неизбежно приведет их к победе. Эта вера опьяняла их как куомо, и, казалось, впервые за много дней туман безнадежного отчаяния, повисший над деревней, рассеялся.

Конан беспокойно ворочался, разглядывая потолок хижины Юконы. Вождь потребил невероятное количество куомо и теперь храпел, как коринфийский буйвол.

Киммериец понимал причину своей бессонницы: он с нетерпением ждал рассвета, когда ятаба должен был освободить его от заклятия, которое, словно невидимая язва, продолжало отравлять его мозг. В одной из многочисленных прорех на редкость дырявой крыши он видел луну. Сколько же времени прошло с той кошмарной ночи на борту «Мистрисс»? Луна казалась почти полной. Он отвернулся от нее, перевернувшись на живот и уткнувшись лицом в собственные руки. Ложе из листьев было далеко не самым комфортабельным, впрочем, ему доводилось спать и на кроватях похуже.

Закрыв глаза, Конан представил Шейру; она улыбалась и брызгала в лицо водой. Постепенно киммериец погрузился в легкую дремоту, которая перешла в тяжелый сон.

Конан продирался сквозь мокрые от духоты джунгли, зловонное дыхание вырывалось из его рта. В воздухе витали тысячи других запахов: листвы, дождя, жуков и змей, — запахи, которые он остро и инстинктивно различал, запахи его жертв. Он неумоимо неся вперед все быстрее и быстрее, пока не увидел зверя. Животное излучало страх, вызывая чудовищный аппетит. Слюна капала на грудь, глаза загорелись огнем. Не обращая внимания на ветви, нещадно стегавшие лицо, Конан бросился напролом.

Он мечтал о теплой крови, вырывающейся из разорванной глотки, выпотрошенного живота и все еще бьющегося сердца.

Схватив животное за заднюю ногу, он придавил его к земле, вкушая предсмертный крик. Острые когти вонзились в плоть. Содрогаясь в конвульсиях, животное повернуло к нему искаженное мукой лицо...

Конан с трудом подавил крик. Пот покрывал тело, словно мокрый пододеяльник, а сердце грозило выпрыгнуть из груди.

Лицо, увиденное в ночном кошмаре, принадлежало Шейре.

— Кром, — простонал киммериец, отдирая прилипшие листья. Теперь ему точно нельзя было спать. В сотый

раз он пожелал того, чтобы духи ракушек проделали свою работу ночью. Однако ятаба настаивал подождать утра, когда лик Азузы засияет в небе.

Храп Юконы содрогал избушку, наполняя ее кислым запахом куомо. Конан выскользнул наружу, вдыхая свежий воздух и стараясь не смотреть на луну. Он устало вытер лицо и зашагал к холму. Все, что он мог себе позволить, — это провести ночь на скамейке.

К его чрезвычайному удивлению, Шейра была именно там. Она держала цветок, перебирая лепестки, радостные оттенки которых в призрачном свете луны казались тусклыми. После такого кошмара Конан не очень-то хотел сидеть с ней бок о бок, однако она его заметила и поманила рукой.

Он опустился рядом и выдавил улыбку.

— Разве ты не рад, что ятаба излечит тебя завтра? — спросила Шейра, заглянув ему в глаза.

— Разумеется, рад, — проворчал киммериец.

— После того, как мы разобьем кезатти... ты вернешься в Киммерию?

— Скорее всего в Вендию, если в тех книгах, которые мы нашли... — Он неожиданно прикусил язык. Как же он сразу не распознал корня вопроса? Не будь он опьянен куомо и расстроен кошмарами — ни за что не допустил бы подобной ошибки.

Шейра продолжала, разглядывая свой цветок:

— Ты можешь оставаться с нами столько, сколько захочешь. Там, в крепости, я не думала, что буду по тебе так скучать.

Конан не знал, что ответить. Шейра действительно была сокровищем, сильной, решительной и в то же время чрезвычайно женственной. Взяв ее в жены, он стал бы чем-то вроде короля для этих людей. Избавившись от кезатти, Ганака превратится в сущий рай. Любой бродяга не раздумывая отдал бы правую руку за возможность пожить такой жизнью.

Но Конан не был простым бродягой и в то же время не собирался пока где-нибудь осесть. Домашняя жизнь в окружении сытых соседей — вот что пугало его больше всего. Кроме того, уничтожив кезатти, ганаки лишатся своего единственного стимула, до сих пор не позволявшего

им облениться и зажиреть. Возможно, со временем здесь возникнут ремесла и искусства, однако все это было не для него.

— Тебе необязательно сражаться за нас, — процедила Шейра.

— Только негодяй мог бы оставить вас в такую минуту, — возразил Конан. Он поклялся драться до конца, пока с лезвия его меча не стечет кровь последнего хищника. — Думаю, я задержусь у вас на какое-то время, — пообещал киммериец. После того, как ятаба избавит его от заклятия, несколько дней решительно ничего не изменят. Кроме того, изучение книг Джайоры и приготовление к плаванию также потребуют некоторого времени. В принципе, он даже подумывал вернуться в крепость и стащить-таки злосчастные рубины. Во имя Крома, сколько раз он подвергал себя смертельной опасности за награду куда меньшую.

Глаза Шейры блеснули лунным светом, и она улыбнулась. Конан заключил ее в свои объятия, приютив голову девушки на своей могучей груди. Тревожные мысли о предстоящем дне мигом рассеялись. Шайра подарила ему нежный поцелуй, однако киммериец отстранил ее от себя, услышав за спиной тихий звук.

Гомба стоял сзади, наблюдая за происходящим; каменное лицо застыло в безобразной маске. Руки сжимали весло так крепко, что могучие мускулы дрожали.

— Она моя, — процедил он сквозь зубы.

Шейра вскочила на ноги.

— Нет, Гомба! Не смей меня отстаивать! Когда-то я любила тебя, но сейчас ты меня не интересуешь. Эта драка ничего не изменит. Конан спас меня и...

— Ты... — прошипел огромный ганак, выплевывая слова, словно слюни. — Ты в этом виноват, чужестранец! Отправляйся к своим богам! — С этими словами он двинулся на Конана.

Конан немедленно принял стойку кулачного бойца, оплакивая то обстоятельство, что его собственный меч остался преспокойно лежать у стенки в хижине Юконы. Встав между Шейрой и Гомбой, он угрожающе сжал кулаки.

— Отойди-ка, девочка. — Поначалу он хотел простить Гомбе все нанесенные им обиды, однако теперь в его груди вспыхнула ярость, которую можно было потушить лишь кровью. — Твой Гомба никогда уже не прикоснется к женщине, разве что соблазнит в аду дьяволицу! — С этими словами Конан бросился на копые.

Смертоносное острие не нашло ничего, кроме воздуха. Варвар вцепился в древко и потянул на себя, надеясь вырвать из рук противника. Невероятным образом ганак удержался на ногах. Не в силах противостоять чудовищному напору, Конан выпустил весло, за что немедленно поплатился. Сокрушительной силы удар наверняка бы расколол череп человека менее сильного. Конан упал на колени, однако снова схватил копые. Началась отчаянная борьба, похожая на детскую игру в перетягивание каната. Неожиданно Гомба сменил тактику и надавил вперед.

Конан почувствовал, как острие скользнуло по его шее. Обманным движением ему удалось в конце концов опрокинуть своего врага на землю. Завладев веслом, он принялся колотить Гомбу плоским концом, словно дубинкой. Не обращая внимания на удары, разъяренный ганак вскочил на ноги и снова бросился на киммерийца.

Шейра застыла на месте, стоя с открытым ртом, не в силах оторвать глаз от яростного поединка.

Варвар обрушил на Гомбу чудовищный шторм ударов и тем не менее вынужден был отступить. Пятясь назад, он не заметил сундука, который так и продолжал стоять на том месте, где его оставил ятаба, и, споткнувшись, опрокинулся на спину. Гомба торжествовал.

Обретя наконец голос, Шейра завопила что есть мочи и встала между мужчинами.

— Назад! — прокричал ей Конан, когда в его голове созрел новый план.

Продолжая лежать, он подождал, пока Гомба разовьет достаточную скорость, и выставил вперед весло. Расчет оказался точен, однако инстинкты ганака, отточенные годами тренировок, не подвели. Он ловко уклонился от копья и одним могучим движением вырвал его из рук

Конана. Сломав его о колено и выбросив обломки, он бросился на распростертого киммерийца.

Варвар, который в приемах рукопашного боя разбирался не в пример лучше своего противника, тем не менее значительно уступал ему в силе. Избрав наиболее уязвимое место, он вцепился в его глотку и принялся давить с таким усердием, с которым, казалось, можно было задушить гиппопотама. Локоть Гомбы больно врезался в грудь, заставив задыхающегося киммерийца ослабить хват. Кашляя, он изловчился-таки пнуть Гомбу в пах. Ганак, который, по-видимому, не был знаком с такими приемами, скорчился в агонии. Воспользовавшись преимуществом, Конан пнул его снова, на этот раз в челюсть, которая омерзительно хрустнула.

Плюясь зубами и кровью, Гомба потянулся к сундуку, что-то лихорадочно нащупывая.

Конан ужаснулся, когда понял, что тот искал. Из-под крышки выдавшего виды сундука торчала сверкающая рукоятка атланги.

Варвар предпринял очередной сокрушительный удар, отчаянно пытаясь помешать Гомбе завладеть могущественным оружием. Как назло, в торопливом движении он подвернул себе ногу и, стиснув зубы от боли, рухнул на траву. Триумфальный рев великана оглушил распростертого киммерийца, не мешая, однако, заметить кусок черной смерти, занесенный над его головой.

— Нет! — вскрикнула Шейра.

Удивленные голоса ганаков донеслись из соседних хибарок, когда их хмельные обитатели повывлезли наружу.

Неожиданно Гомба замер. Он удивленно посмотрел на атлангу и отступил назад. Ко всеобщему изумлению, юноша упал на колени и сокрушенно зарыдал.

Не теряя ни минуты, Конан подбежал к ганаку и выбил оружие из его рук. Гомба не сопротивлялся.

— Да... убей меня! — хныкал юноша, его тело казалось безвольным. — Духи атланги... они сказали мне... я избранный.

Конан не верил своим ушам. Он расслабил побелевшие пальцы, хотя все еще продолжал сжимать горло Гомбы. Те голоса, что накричали на него в башне, едва

не отправив в ад... Значит, Гомба не соврал. Но почему Кулунга выбрал предателя?

Откашлявшись, юноша продолжал:

— ...Но они отказались служить человеку, помыслы которого нечисты.

В этот миг к ним подбежала группа ганаков во главе с Юконой. Воины, казалось, были крайне удивлены представшей их взору картиной.

— Во имя Азузы! Кто мне объяснит... — начал Юкона.

— Тс-с! — перебила его Шейра.

— Убей меня, чужестранец... Шейра твоя. Я не заслуживаю любви такой женщины. Я мог спасти свой народ, но моя глупость все испортила!

Конан заглянул в мокрые от слез глаза, потом разжал пальцы и молча отступил. Ветеран не одной сотни войн, он слишком хорошо знал этот взгляд — взгляд безнадежно отчаявшихся людей. И тем не менее Гомба выглядел возродившимся человеком — в этом киммериец не сомневался.

Взгляд Шейры выражал удивление.

— Неужели ты его пощадишь?

Конан кивнул:

— Я не палач. Пусть боги решат его судьбу и, если потребуется, сами прервут его ничтожное существование. Хотя, похоже, он ненавидит кезатти больше, чем кто-либо из нас, и будет драться до конца.

— В конце концов, объяснит ли мне кто-нибудь, что здесь произошло? — потребовал Юкона; он до сих пор выглядел нетрезвым и плохо выговаривал слова. — И куда девались ятаба с Нионой?

Конан и Шейра переглянулись, когда Гомба поднялся на ноги.

— ...Я не заметил вугунды у избушки ятабы. Думаю, они улетели поговорить с глазу на глаз туда, где их слова не будут услышаны... — Он и остальные растерянно замерли, когда Гомба поднял с земли атлангу и, не проронив ни слова, удалился с ней в темноту. Ганаки проводили его изумленными взглядами.

Шейра и Конан начали пересказ случившегося, и протрезвевший Юкона неожиданно понял, что его дочь была по уши влюблена в киммерийца.

Ятаба с Нионой этой ночью так и не вернулись.

Полоска густого индиго сменилась веселой лазурью, когда первые лучи солнца озарили восток.

Конан равнодушно жевал изрядный ломоть сырой рыбы, выплевывая кости на землю под праздничной крышей. Измученный разборкой с Гомбой, он мгновенно уснул и теперь чувствовал себя отдохнувшим. Грудь и бока болели; что ни говори, а в рукопашной эти ганаки были опасными противниками.

Юкона казался на удивление активным вопреки умопомрачительному количеству поглощенного куоמו. Он сидел рядом и любовался на восход. Хотя они и не обсуждали этой проблемы, однако от Конана не ускользнуло, что отсутствие ятабы его весьма беспокоило.

— Ты мог бы рассчитывать на мое благословение, если бы вы с Шейрой решили пожениться, — сказал он неожиданно.

Конан поперхнулся:

— Мы еще ничего не решили. Кроме того, она раниоба. Придется ли ей оставить этот пост, если она захочет иметь мужа?

Юкона кивнул:

— Таковы обычаи. Ятаба мог бы запретить ваш брак, ибо ты чужестранец. Однако я не думаю, что он станет возражать после всего того, что ты для нас сделал.

Конан отвернулся, разглядывая ганаков, которые уже приступили к своей утренней работе. Женщины и дети обрабатывали улов, раскрывая моллюсков и выковыривая мясо; покончив с этим, они натрясли кокосов и сцедили молочко. Подростки латали сети, используемые для рыбной ловли, а старики сновали у места собраний, иногда собираясь в кучки и что-то шумно обсуждая.

Одному раненому воину удалось-таки встать с постели, и он теперь неуклюже прогуливался в сопровождении жены. Остальные все еще тряслись в лихорадке, их сил хватало лишь на то, чтобы проглотить кусок рыбы или глоток воды.

Гомба сидел на широком камне и выстукивал новое весло. Юноша, казалось, обрел самообладание, однако держался замкнуто, всячески избегая взглядов Конана. Он был всецело поглощен работой, которая, по мнению киммерийца, действительно требовала большого усердия, особенно когда ракушки и камни являлись единственными инструментами, имевшимися под рукой. Атланга валялась рядом; то ли он счел ее непригодной для обработки дерева, то ли такие мысли вообще не приходили ему в голову.

Вспомнив, что его собственный клинок также нуждался в заботе, Конан положил его на колени и принялся скрестить подходящей по форме и размеру ракушкой.

Шейра, Макиэла, Аврана и Канитра показались из-за зарослей тростника, вернувшись из разведки. Благодаря разговорам ятабы, а также настоям из листьев ягнебы раненые девушки быстро поправлялись.

Юкона вопросительно посмотрел на дочь, однако та лишь покачала головой. Ганачки облазили все окрестности в поисках следов ятабы и Нионы, начиная от хижины вожда, но так ничего и не заметили.

Конан снова посмотрел на меч. Ракушка крошилась о закаленную сталь, и он выбросил ее прочь. От нечего делать варвар вытащил из сундука несколько книг и принялся их неторопливо разглядывать.

— Как, ты сказал, они называются? — также от нечего делать спросил Юкона.

— Книги, — бросил Конан, не отрывая глаз от крючковых иероглифов. С наступлением утра его настроение заметно ухудшилось.

Старик с любопытством посмотрел на пыльные тома, однако холодность собеседника удержала его от дальнейших расспросов.

Конан в раздражении вышвырнул четвертую книгу, которая, как и предыдущие, оказалась совершенно нечитаемой. Время и сырость превратили древние тома в кучу перепачканного и крошащегося пергамента, который, того и гляди, готов был рассыпаться в его руках.

Крик Макиэлы приковал к себе внимание селян. Поначалу Конан ничего не заметил, однако через минуту

небольшое пятно на горизонте обрело очертания крадунчика. Он пронесся над джунглями и устремился к месту собраний. Ганаки с разных концов деревни побросали свою работу и заспешили к холму, где только что приземлился Давакуба. Даже Гомба побрел за остальными, в руках он сжимал неизменную атлангу.

Ятаба выглядел немного растерянным, хотя обычная уверенность вернулась к нему, как только он ступил на твердую землю. Ниона продолжала восседать на своей крылатой горе, тревожно вглядываясь в небо. Крадунчик смотрел туда же, его антенны подергивались.

Глаза ятабы казались уставшими, свидетельствуя о бессонной ночи. Он поднял руку, требуя внимания.

— Прошу простить меня за задержку. Нам с Нионой-ранибой нужно было многое обсудить. Сейчас у меня нет времени посвящать вас в предмет разговора, ибо заклятые враги наши приближаются.

Толпа загудела.

— Мы видели кезатти издалека, но даже с такого расстояния небо было черным от их крыл. Однако не отчаивайтесь. Даже без атланги...

— Похоже, все-таки с атлангой, — перебил его Юкона.

— Что ты имеешь в виду, Юкона? Если у тебя есть что сказать, прошу тебя, не молчи!

Юкона пожал плечами, указывая на Гомбу.

— Он замахнулся атлангой на Конана и наверняка убил бы, если бы не духи, которые остановили его, сообщив заодно и о его избранности. Гомба — избранник Кулунги!

Ятаба прищурился:

— Что скажешь, Гомба?

Юноша побледнел.

— Я погубил все! Я был однажды избранным, но прогневил духов, и те отвернулись от меня. Позволь мне драться с кезатти и найти в бою смерть!

Конан заметил, что Ниона смотрит на Гомбу с любовью, неестественной для двух незнакомых людей. Все это было странно, однако строить на этом далеко идущие предположения было пока рановато. К тому же у него хватало своих проблем. Варвар мысленно простонал, осоз-

нав, что выполнение ятабой его части сделки на неопределенное время откладывалось.

— Хорошо, Гомба. — Голос ятабы как будто смягчился, хотя выражение лица по-прежнему оставалось непроницаемым. — Дети и старики должны спрятаться. Шейра, приготовь своих женщин. Скорее! Кезатти могут напасть в любую минуту. Ниона, кого ты выберешь себе в помощники?

— Нам не нужен никто. Давакубе тяжело будет нести двоих, — улыбнулась старуха.

Ятаба кивнул:

— Конан, я в долгу перед тобой. Если хочешь, мы сейчас же отправимся в мою избушку, и я попробую призвать духов. Ты сдержал свое слово, и я сдержу свое. Что скажешь?

— Сначала бой, — возразил киммериец, стиснув рукоятку меча.

— Бок о бок, как тогда! — подмигнул Юкона и поднял свое весло.

— Мы готовы, ятаба, — сообщила Шейра. Она и остальные запаслись изрядным запасом копий и спрятались в зарослях камыша.

Конан одобрил эту тактику. Он видел, с какой точностью и силой ганачки метали свои копья.

— Воин из Киммерии, я не заслуживаю такой чести, но я прошу вас с Юконой позволить мне драться вместе с вами... спиной к спине. Тогда дети Изата будут отлетать от нас кровавым дождем, — взмолился Гомба.

— Сражайся как знаешь. Мне все равно, пока ты рубишь шеи кезатти, а не кому-то еще.

Конан не ожидал, что окажется с Гомбой в одной упряжке, и теперь сожалел, что не успел преподать парню несколько уроков фехтования.

— Четверо будут стоять на холме! — торжественно прокричал ятаба. «Четверо против сотен», — подумал он про себя.

Ниона подула в ракушку и тут же взмыла в воздух. Она, как и остальные, будет прятаться в лесу, дожидаясь появления кезатти. Конан саркастически улыбнулся, по опыту зная, что крадунчики были непревзойденными мастерами засады. Он мог лишь гадать, сколько красноперых

голов полетит на землю, прежде чем кезатти одолеют-таки Давакубу. Аквилонский генерал променял бы legion пехотинцев, — да что там, целую конницу, — на одного такого союзника.

И только Макиэла не искала укрытия, она взобралась на самое высокое дерево и пристально вглядывалась в горизонт. Конан, который знал, что острый глаз ганачки заметит кезатти даже раньше, чем его собственный, молчаливо стоял на холме, дожидаясь ее сигнала.

Они стояли спиной к спине, образуя широкий квадрат. Слева и справа от Конана стояли ятаба с Юконой. Прямо за спиной киммерийца возвышался огромный Гомба. Ни щебет птиц, ни шелест деревьев — ничто не нарушало напряженной тишины, повисшей в утреннем воздухе.

После целой вечности ожидания раздался пронзительный свист. Макиэла соскользнула по стволу и быстро присоединилась к остальным. Тростник сомкнулся за ее спиной.

— Кром! — прошептал киммериец, ему показалось, что они сражаются с небом, затянутым грозowymi тучами.

В этот раз кезатти было в два или в три раза больше, чем тогда, на побережье скелетов. Но Конан не испытывал страха: «Лучше умереть в бою, чем на койке из гнилой соломы! Во имя Крома, никто не живет вечно!»

Сердце отчаянно заколотилось, заставляя кровь в венах петь. Горячая дрожь пробежала по телу. Тревоги и обиды немедленно испарились, словно холодные снежинки, растаявшие на груди. Широко расставив ноги и подняв над головой меч, Конан издал крик — боевой клич киммерийца.

Кезатти атаковали. Вытянув когти, щелкая клювами, они обрушились, словно крылатые молнии. Оглушительные крики зазвенели в воздухе, разрывая зловещую тишину. В самом центре красноперой массы Конан заметил фигуру, которая выглядела словно три или четыре кезатти. Однако мимолетное видение было тут же скрыто передним рядом атакующих хищников.

Град копий обрушился на кезатти, пронзив сразу дюжину. Умопомрачительный гомон раздался в центре, когда Давакуба врезался в самую толщу крылатых

демонов. Зеленые челюсти раздавили одну из тварей, в то время как стальные предплечья обезглавили двух других.

Не дрогнув, красноперое полчище обрушилось на бесстрашную четверку.

Лезвие Конана сверкнуло дважды, срубив голову одному из кезатти и выпотрошив брюхо другого. Весло Юконы взлетало рядом, круша шеи и пронзая тела. Ятаба проткнул одного из хищников, кричащая птица заскользила по древку, ее когти оставили на груди ганака кровавый след.

Пятеро демонов налетели на Гомбу. Он поднял атлангу, намереваясь защищаться. Это привело кезатти в настоящую ярость. Пронзительные крики поднялись на невыносимую высоту. Они отчаянно закружили, стараясь увернуться от оружия, лезвие которого вдруг засверкало сверхъестественной голубишной. Потрескивая, словно полено в костре, яркие дуги — крошечные молнии — засияли на острие атланги. Пять дымящихся трупов рухнули на землю, наполняя воздух запахом паленой плоти.

Гомба покачнулся. Молнии пропутешествовали вдоль всего лезвия и добрались до рукоятки, обжигая ладони ледяным огнем. Стиснув зубы, юноша стерпел боль, потрянул головой и снова поднял клинок.

Новая банда стервятников обрушилась на ятабу, опрокинув его на спину. Меч Конана выстрелил, как стальная кобра, обезглавив сразу двух кезатти. В тот же миг три других напали на киммерийца с разных сторон, вонзая когти в обнаженную спину и сдирая кожу с боков. Взревав от боли, варвар закружился волчком, раздавая удары направо и налево. Вырвав меч из тела одного, он схватил за тощую шею другого и сжимал кулак до тех пор, пока не раздался хруст.

Расправившись с последним стервятником, ятаба вышвырнул его прочь и поднял с земли весло, как раз вовремя, чтобы отразить новую атаку.

Новая волна кезатти оказалась еще страшней. Птицы истощенно кричали, оплакивая мертвых сородичей. В очередной раз Гомба поднял свою атлангу, испепеляя врага огнем.

Конан сражался сразу с шестью пернатыми. Гора мертвых тел доходила ему до бедер. Залепанное кровью лицо смотрело с леденящей улыбкой.

Наконец небесная орда начала понемногу редеть.

В небе Давакуба расчленил птиц с присущим всем крадунчикам хладнокровием. Ниона восседала на его шее, яростно отгоняя стервятников, которые так и норовили выцарапать мзури глаза. Прямо под ними Шейра и ее охотницы швыряли свои копья и ножи. Как бы то ни было, кезатти также собирали дань: поверх кучи поверженных птиц неподвижно лежала Аврана.

— Кром, — проворчал киммериец, он никак не ожидал от кезатти такой тактики. Там, на побережье скелетов, стервятники устремлялись вниз, дрались и снова взмывали в воздух, чтобы перегруппироваться. Сегодняшние же атаки казались бесконечными. Что заставляло птиц действовать так необдуманно? Однако размышлять над этим не было времени.

Разрубив грудь очередной твари, он махнулся мечом, чтобы встретить следующую... однако удивленно сморгнул.

Одно-единственное пятно парило высоко в воздухе, в то время как остальное небо было совершенно чистым. Кезатти были разбиты!

Шейра заспешила к холму, помогая Макиэле и Канитре, которые казались едва живыми. Остальные охотницы, слишком слабые, чтобы двигаться, оставались ждать в камышах. На красной от крови земле лежало несколько распростертых ганаков.

Юкона выбрался из груды выпотрошенных тел и покачнулся на неверных ногах. Гомба лежал на такой же горе, все еще сжимая атлангу. Из груди его вырывался стон.

Ятаба поднял его голову и что-то шепнул на ухо. Юноша удивленно открыл глаза. Он хотел было что-то спросить, но захлебнулся в собственном кашле. Ятаба улыбнулся Конану, в глазах старика читалась смертельная усталость. Позади них бесшумно приземлился Давакуба.

— Один кезатти жив, — предупредила Ниона, указывая на небо. — Он пролетел далеко от нас, а Давакуба слишком устал, чтобы пуститься в преследование. Это

необычная птица. Она специально держалась на расстоянии, чтобы остаться незамеченной.

Ятаба пожал плечами.

— Один-единственный враг — лишь маленькое облачко на горизонте победы. Кезатти нам не страшны по крайней мере в течение целого поколения. А к тому времени подрастут наши дети. — Несмотря на усталость, его голос звучал гордо. — Теперь, Конан, я готов выполнить свое обещание...

Огромная тень пронеслась над холмом столь быстро, что моргнул Конан глазом, и он наверняка ее не заметил бы. Порыв холодного ветра разметал за спиной волосы. Шейра вскрикнула, а Юкона вскинул руки, стараясь защитить глаза. Ниона прищипнула мзури и подула в свисток.

Он явился из ниоткуда, или по крайней мере это так выглядело. Кезатти, который только что казался пятном, несясь теперь на них с умопомрачительной скоростью. Конан почувствовал, как по его спине пробежали мурашки при виде крылатого монстра, втрое превосходившего любого из своих сородичей. Конан вспомнил, что уже видел его в самом начале сражения. Когти и клюв твари были под стать ее пропорциям. Живот ее был неестественно круглым, и варвара осенила тошнотворная догадка — кезатти была беременной самкой... возможно, их королевой.

Она молниеносно атаковала ятабу, прежде чем тот смог узнать об опасности.

Выйдя из оцепенения, Конан махнулся мечом, однако с таким же успехом можно было охотиться за вспышками молнии. Вцепившись в ятабу своими когтями, она стремительно взмыла в воздух, унося вождя на глазах у онемевших ганаков. Однако, отягощенная ношей, птица не могла лететь быстро.

— Конан, Шейра — сюда! Мы должны догнать их! — скомандовала Ниона.

— А я? — простонал Юкона.

— Эти двое — и без того непомерный груз. Но они самые легкие среди вас. Давакуба не поднимет больше. — С этими словами она дунула в ракушку, и мзури взлетел.

Хлопая могучими крыльями, он ринулся в погоню, унося их прочь от деревни и от Юконы, который так и продолжал стоять с открытым от изумления ртом.

— Иштар и Птеор! — выругался Конан, заметив, что кезатти постепенно набирает скорость. — Неужели этот крылатый дармоед не может лететь быстрее?

Ятаба неумолимо исчезал из виду, а вместе с ним исчезала и надежда киммерийца на избавление от заклятия шамана.

— Сможет, если ты спрыгнешь, — огрызнулась Ниона.

— Смотри! — прервала их Шейра, указывая вниз. — Это и есть побережье скелетов?

Конан немедленно узнал остров-полумесяц с грудями серых костей, доминировавшими на его конце.

— Да, — кивнул он через плечо. Давакуба летел быстрее, чем он полагал; с тех пор как они покинули деревню, прошло несколько минут — не больше.

Шейра, как зачарованная, смотрела на промелькнувший под ними островок.

— Ни одна охотница, даже раниоба, не покидала еще Ганаки.

— Почему? — не оборачиваясь, спросил варвар, его взгляд был прикован к исчезающей фигурке ятабы, который был теперь размером с муравья.

Шейра вздохнула, прежде чем ответить.

— У нас нет на это времени. Охота и рыбная ловля, изготовление копий и собирание ракушек, поиски ягод вануклы и разных лечебных трав занимают у нас все дни. Но все это может измениться, ибо с сегодняшнего дня мы стали еще и воинами.

— Мужчины и женщины Киммерии ведут подобный образ жизни. Редко, когда они покидают границы своего племени, и то лишь в тех случаях, когда кровная месть преследует их по пятам или же они сами кого-то преследуют.

— Однажды, когда все это кончится, я бы хотела увидеть те земли, о которых ты говорил.

Конан согласно кивнул. Любое место, где он задерживался подолгу, заставляло его почувствовать себя уни-

ком. Слишком часто он покидал города, преследуемый целыми армиями. Но если бродяга решает уйти, почему бы ему не пополнить карман или уж по крайней мере не освежить впечатлений?

Крадунчик начал терять скорость, вызвав на лице Нионы недовольную гримасу. Старая раниоба подула в ракушку, перебирая пальцами отверстия на ее ребристой поверхности. Однако старания ее не были вознаграждены: теперь крадунчик терял не только скорость, но и высоту.

— Давакуба устал. Похоже, мы потеряли ятабу, — сказала Ниона упавшим голосом.

— Нет! Кезатти опустилась на ту скалу... Если нам придется плыть, то, клянусь Кромом, я готов к этому!

Шейра и Ниона также ее заметили. Издали она показала небольшой, однако по мере их приближения реальные размеры скалы становились очевидными. Вчетверо меньше Ганаки, логово кезатти было скалистым островком, что поднимался над морем, словно каменная крепость.

Без малейшего предупреждения прозрачные крылья перестали биться. Конан успел набрать в легкие воздуха, прежде чем крадунчик и его оцепеневшие всадники нырнули в сверкающую воду.

Гребя так, как будто его преследовали все морские акулы, Конан поплыл к острову. Шейра старалась как могла, однако не поспевала за одержимым киммерийцем. Ниона осталась с Давакубой. Крадунчик был явно не в своей тарелке и лишь благодаря подбадривающему свисту продолжал держаться на воде.

Конан выскочил на берег, сжимая в руке меч. Укусы соли, разьедавшей раны, быстро прекратились, и хотя битва и заплыв давно изнурили бы любого, даже самого выносливого человека, усталость чувствовалась в его теле не дольше, чем капли воды на лице. С ловкостью горного архара он начал подъем на скалу. На полпути к вершине он посмотрел на Шейру, которая только что выбралась из воды.

Робко взглянув на стену, она поползла вверх. Ее восхождение не было столь же быстрым и гладким, впрочем, далеко не каждый человек на земле владел подобными навыками. Кроме того, безрассудная спешка

киммерийца была обусловлена крайней необходимостью: Малейшая проволочка, и все, что он найдет наверху, — это останки выпотрошенного ятабы.

Миновав последний отвесный участок, он очутился на вершине. Осторожно заглянув через край, Конан обнаружил кратер. В нескольких футах от него виднелись следы крови, а рядом на плоском камне сверкало черное ожерелье.

Внезапный крик Шейры заставил его обернуться. На какой-то миг он стал свидетелем удивительного зрелища: за считанные секунды, прямо на его глазах, голая стена поглотила девушку.

Чертова спешка! Он не должен был ее оставлять. Наверняка она выбрала другой маршрут и наткнулась на пещеру... доверху набитую кезатти!

Конан подхватил ожерелье, наскоро обмотал вокруг шеи и, не раздумывая, заспешил вниз, как раз к тому месту, где только что исчезла Шейра.

Как он и предполагал, в стене был проход — узкий черный туннель, едва достаточный, чтобы поместить человека; на каменном полу валялся ракушечный нож.

Конан ступил внутрь. Откуда-то издали доносились звуки возни. Слабый рассеянный свет проникал сверху, обеспечивая хоть какое-то освещение. Неровные уступы покрывали стены пещеры; проведя по ним рукой, Конан обнаружил гнезда. Неожиданное обстоятельство заставило его отшатнуться: шершавые стенки гнезд были вылеплены не из глины и соломы, как он предполагал, а из больших человеческих костей вперемешку с другими костями, наверняка принадлежавшими кезатти.

Плавнo повернув за угол, Конан понял, что туннель вел наверх: наверняка к тому самому кратеру, где он рассчитывал обнаружить ятабу.

Конан двинулся дальше, справа и слева от него простирались все те же пустые гнезда. Похоже, ятаба был прав: они уничтожили всех и самых последних представителей этой чудовищной расы.

Впереди коридор ширился и становился светлее. Конан замедлил шаг, держа наготове меч.

Туннель внезапно кончился, переходя в просторную комнату. Яркий свет струился из дыры в потолке — кра-

тера, что он заметил сверху. Увиденное заставило его похолодеть.

Пол устилали сотни, нет, тысячи уродливых яиц, каждое размером с пивную бочку. Красная скорлупа некоторых из них была частично надтреснута. Конан заметил, что одно из яиц задрожало, прежде чем окончательно расколоться. Сморщенная голова новорожденного высунулась наружу, щелкая пока небольшим, но тем не менее острым клювом.

Чуть дальше на полу лежали распростертые тела ятабы и Шейры. Грудь вождя слабо вздымалась, вмиг оживив надежды киммерийца. Шейра тоже дышала.

Рядом с ними, спиной к Конану, сидела огромная птица. Она тужилась, потом выпрямлялась, и с мокрым хлопком появлялось новое, вымазанное в помете яйцо.

Новорожденный осмотрел и разорвал оставшуюся скорлупу. Он был размером со взрослого орла, хотя крылья казались недоразвитыми. Неуклюже покачиваясь, птенец заковылял к свежему мясу, которое ему только что принесла мать.

Конан видел достаточно. Размахивая мечом и давя ногами яйца, он бросился к королеве кезатти.

Птица повернулась на шум. От одного лишь взгляда ее красных, непостижимо человеческих глаз Конан оцепенел. В этих зрачках таилось тысячелетнее зло, а ненависть, которую они излучали, была столь интенсивной, что пронзила варвара до самого сердца. Теперь он понимал, что смотрел не просто на раскормленного до чудовищных размеров кезатти, а на сущего демона, порожденного самым черным курятником зла.

Причина столь безумного самопожертвования стервятников была теперь ясна. Королева-мать заботилась о своем выводке, который надо было во что бы то ни стало кормить.

Мгновение истекло. Кезатти атаковала стремительно, метя когтистыми лапами в лицо киммерийцу. Конан отпрыгнул назад, пещера наполнилась его боевым кличем. Он бросил ракушечный нож, засадив его под одно из крыльев. Птица вырвала его клювом и, оглушительно кудахтая, бросилась на врага.

Она была столь громадной, что даже высоко поднятый меч не мог дотянуться до ее шеи. А зловеще вытянутые

когти были даже длиннее самого клинка. Когда она устремилась вниз, Конан бросился на пол, давя спиной яйца. Шейра заворочалась рядом и со стоном приподнялась на локтях.

Отчаянный взмах меча лишил кезатти лапы. От ее пронзительного крика у Конана чуть не полопались перепонки в ушах. Он ударил снова, отхватив на этот раз кусок красноперого бока. Это привело птицу в настоящую ярость!

Смерч крыльев и когтей пригвоздил Конана к стене. Не обращая внимания на раны, кезатти атаковала снова и снова, пока усталость и боль не заставили ее сдаться.

Злобно сверкнув зрачками, она поднялась в воздух и, тяжело махая крыльями, устремилась к отверстию в потолке.

Не давая королеве удрать, Шейра вцепилась в ее здоровую ногу и что было сил принялась тянуть к земле. Однако такова была сила кезатти, что, даже будучи раненной, она продолжила полет, увлекая девушку следом.

Извергая проклятия, Конан бросился вдогонку. Разбежавшись, он высоко подпрыгнул, поймав одной рукой лодыжку Шейры, другой же продолжая сжимать меч. Вопреки его ожиданиям, кезатти и не думала опускаться.

Выбравшись из пещеры, птица яростно затрясла ногой, пытаясь избавиться от непосильной ноши. Кровь лила с киммерийца дождем, и лишь благодаря могучему усилию воли он не позволял своим пальцам разжаться. Проплывая сквозь окно в потолке, он зацепился носком за каменный уступ, предотвратив тем самым дальнейшее вознесение.

Не в силах подняться выше или стряхнуть людей, кезатти изогнула шею, стараясь клюнуть Шейру в лицо.

Конан взревел. Он высвободил ногу из-под камня и замахнулся мечом. Лезвие сверкнуло на солнце, взбивая облачко перьев и разрубая кость. Клюв застыл в дюйме от Шейры, в последний раз щелкнув, прежде чем отсеченная голова покатилась к морю и скрылась в голубой воде.

Выпустив Шейру, Конан приземлился на краю скалы, отчаянно раскачиваясь, чтобы сохранить равновесие.

В агонии птица пронеслась мимо, острые когти скользнули по груди, срывая нить ракушек. Сверкая и переливаясь, ожерелье полетело в море.

Картина застыла перед его глазами...

Шейра парила над пропастью, руки молотили воздух, пытаясь ухватиться за скалу.

Внезапно выйдя из оцепенения, Конан поймал ее за пояс и вытянул наверх. Девушка была едва жива от ран и перенесенного шока. Склонившись над пещерой, он позвал ятабу, всем сердцем надеясь, что тот все еще был жив.

Ответа не последовало.

Спрыгнув вниз, он помог Шейре спуститься, с удовлетворением отметив, что девушка быстро приходит в себя. Пока Шейра возилась с ятабой, Конан топтал и крушил, и успокоился лишь тогда, когда убедился, что в пещере не осталось ни одного целого яйца. Вознаграждая старания Шейры, вождь открыл глаза. Плечи и спина его были сплошным кровавым месивом. Подхватив ятабу на руки, они двинулись обратно по коридору, пока не достигли отверстия в стене.

Ниона и Давакуба ждали их внизу. Крадунчик доедал кезатти. Конан отвернулся.

Должно быть, это справедливо, чтобы одно чудовище всегда оказывалось в брюхе другого.

— Не только вам нужно есть! — улыбнулась Ниона.

Ятаба откашлялся:

— Конан из Киммерии, я не могу выполнить своего обещания. Я и мой народ в долгу перед тобой. Все, что у нас есть, — твое! Мое ожерелье... оно...

— Ты имеешь в виду это? — В руке у Нионы сверкала нить черных ракушек.

Сердце Конана чуть не выпрыгнуло из груди:

— Ха! Клянусь Кромом, богам присуще чувство юмора.

— Я видела, как это упало в море, когда мы выбирались на берег.

Ятаба сиял.

— Теперь, Конан, мы не будем откладывать! — Важность и уверенность вернулись к нему, как только он прикоснулся к своему ожерелью.

Конан смахнул с лица волосы и посмотрел вперед, ерзая на неудобной спине крадунчика. Сначала он принял это за игру воображения, однако, проморгавшись, взглянул опять.

Земля! Он усмехнулся, глядя, как Ниона дует в ракушку, заставляя Давакубу спуститься. Руки Шейры покоились на его мускулистой пояснице, глаза девушки сияли предвкушением. Они полностью восстановились после того дня, когда был убит последний кезатти, — с тех пор прошло почти две недели.

После короткого отдыха Давакуба отнес Конана, Ниону, ятабу и Шейру обратно на Ганаку. В ту ночь вся деревня присутствовала на церемонии вызывания духов. Ритуал отнял немного времени: ятаба не нес чепухи, не выл и не жестикулировал, как это любили делать пиктские и кушитские шаманы. Закрыв глаза, насупив брови, он стиснул свое ожерелье и сосредотачивался до тех пор, пока пот не брызнул с его лица. Громкий гул вырвался из его кулака, вслед за чем воцарилась удивительная тишина.

Конан до сих пор содрогался при воспоминании о духах — прозрачных призраках, что закружились тогда вокруг него. Прежде чем он смог моргнуть глазом, они пронеслись сквозь его тело, выметая красный туман, который тут же рассеялся. Потом духи исчезли. Конан и изумленные ганаки вернулись к ятабе, который устало улыбался, выковыривая из ладони осколки ракушек. Потом он почувствовал боль, но она вскоре прошла. В ту ночь он не видел снов, хотя небо было безоблачным, и на нем сияла полная луна.

Две недели отдыха под опекой Шейры излечили раны и позволили изучить книги, унесенные им из башни. Среди них он нашел бортовые журналы Джайоры, которые и позволили ему в конце концов определить расположение Ганаки: самый юг Жемчужных островов, что один за одним тянулись вдоль западного побережья Вендии.

Гомба также оправился от ран и был возродившимся человеком. То ли близость смерти так на него повлияла, то ли духи атланги как-то его изменили, однако от его дерзости не осталось и следа. А на ее месте выросла личность, напомнившая Конану вождя, и это лишь укрепило подозрения киммерийца насчет связи между юношей, Нионой и ятабой. Во всяком случае, последние взяли его под свое крыло.

Шейра не встретила возражений Юконы относительно ее путешествия вместе с Конаном. По взаимному соглашению, Ниона должна будет вернуться за ней в следующее полнолуние.

Конан улыбнулся, глядя на такую заботу племени о своей дочери. Впрочем, он также был возрожденным. Свободный от заклятия шамана, с карманами, полными трофеев, с мечом на боку и в объятиях прекрасной дамы, — о чем же еще мог мечтать простой смертный?

Не успел Давакуба приземлиться, как они тут же оказались в окружении аборигенов. Конан ухмыльнулся, заметив, что одежда последних мало чем отличалась от его собственной. Как он и предполагал, они приземлились на острове, населенном гвадирийцами — самыми большими друзьями искателей жемчуга. Он выбрал этот остров из-за его близости к Ганаке: вряд ли крадунчик вынес бы более длительный перелет. Отсюда он сможет отправиться в Вендию.

Однако это была не единственная причина. Не так давно, опять же в Иранистане, он спас от страшной участи дочку гвадирийского предводителя...

Кстати, а вот и он!

Коренастый загорелый воин подбежал с копьем в руке.

— Конан из Киммерии? — Его глубокий голос прогремел удивленно.

— Авраук! — радостно прокричал киммериец. — Как там Нанайа?

— Она вышла замуж за воеводу Баджрисов. Однако я сгораю от нетерпения узнать, что это за прекрасная женщина рядом с тобой? И что это за жуткое чудовище? — Он недоверчиво покосился на Давакубу.

— О, это длинная история... пожалуй, ее лучше рассказать за чашей вина.

— У нас будут вино и обед, каких не встретишь у королей! Если б ты только знал, как я рад тебя видеть! Кстати, я забыл рассказать, что Баджрисы теперь наши друзья. Однако три племени Удвунги нам по-прежнему угрожают. Что скажешь, Конан? Приведи нас к победе, и я подарю тебе весь жемчуг, что только сможет унести твой крылатый зверь!

«От такого богатства никто бы не отказался!» — подумал киммериец.

— Почему бы и нет? С таким сокровищем я куплю себе целое королевство! Во имя Крома, была не была... Готовь своих воинов, полководец, да поспеши — мы прольем кровь Удвунги еще до заката!

Конан идет по следу РОМАН

ПРОЛОГ

...Жуткая тишина, царившая в скудно освещенном покое, была сродни густому туману в безлунной темной ночи. Трепетные огоньки свечей озаряли массивный, черный как смоль алтарь, довлевший надо всем в комнате. Перед алтарем, на полу, стояла коленопреклоненная женщина. Ее алебастрово-белую кожу резко оттеняли угольно-черные волосы и темно-малиновые одеяния. Глаза женщины багрово светились, точно угли в жаровне, но блестящие зрачки были по-змеиному холодны. Тонкие пальцы с черными ногтями откинули капюшон... Лицо женщины было неотразимо прекрасно и в то же время дышало злом, подобного которому человеческий рассудок просто не мог вместить. Влекущая красота, необъятное могущество — и хладнокровная решимость! Вот каково было это лицо.

Зловещий алтарь сплошь покрывали таинственные натеки. Гуще всего они были на плоском круглом верху, к основанию — редели. Один натек был совсем свежим и влажно блестел в неверном блеске свечей. С алтаря во все стороны разбегались ручейки, собиравшиеся лужицами на полу. В покое явственно ощущалось присутствие смерти.

Тяжелая бронзовая дверь заскрипела, поворачиваясь, и приоткрылась внутрь комнаты. За дверью виднелся темный коридор, устланный густым мягким ковром. Отблеск свечей пал на высокого худого человека, стоявшего на пороге. Его голова была совершенно голой, если не считать едва заметного намека на седую бородку. Бледную кожу иссекли бесчисленные морщины. В левой руке он держал кольцо с ключами, правая лежала на резной

деревянной ручке двери. Отпустив ее, человек преклонил колени там же, где стоял, — на пороге, — и почтительно потупился. Когда он заговорил, голос у него оказался мелодичным и тонким, а вкрадчивость тона вполне соответствовала шелковым бледно-голубым одеяниям:

— О высокочтимая жрица Азора, тебе было угодно позвать меня, и я пришел.

Женщина медленно поднялась с пола и повернулась в сторону двери. Взгляд, обращенный на вошедшего, дышал плохо скрытым презрением.

— А, это ты, Ламици... Скоро, уже совсем скоро я завершу последний обряд. И тогда я щедро награжу тебя, евнух.

Она выделила голосом последнее слово, как бы для того, чтобы лишний раз напомнить ему о его положении. Голос у Азоры был глубокий и звучный. Он наполнил все пространство чертога и вызвал едва заметное эхо.

Кивком головы она указала евнуху на алтарь:

— Можешь забирать эту пададь.

— Сейчас, о высокочтимая жрица.

Ненадолго отступив в коридор, Ламици вернулся с большим кожаным мешком. Он помешкал, с очевидным отвращением глядя на алтарь. Азора наблюдала за ним, забавляясь. «Слабак, трус и глупец!» — думалось ей. Слово почувствовав это, евнух решительно подошел к алтарю и потянулся вверх.

С потолка вверх ногами свисало обнаженное тело некогда прекрасной молодой женщины... Ржавые кандалы безжалостно стискивали нежные лодыжки. Тяжелые цепи тянулись к толстым кольцам, вделанным в потолок. Длинные золотые волосы молодой женщины свисали вниз, почти касаясь залитой кровью поверхности алтаря. На тонких запястьях поблескивали серебряные браслеты, украшенные самоцветами, с шеи свешивалась сверкающая серебряная цепочка. На теле не было заметно никаких признаков насильственной смерти, — и это при том, что по полу лужами растекалась кровь. Кожа мертвой отличалась жуткой, бескровной белизной. Рот и глаза были широко распахнуты, навсегда сохранив выражение невыносимого ужаса...

Ламици натянул на безжизненное тело свой мешок. Он тщательно избегал соприкосновения с кровавыми пятнами на алтаре и полу. Завязки мешка сомкнулись чуть повыше изящных лодыжек. Взяв жертву за ногу, евнух достал ключ и отомкнул кандалы. А потом, выказывая неожиданную силу, взвалил мешок на плечо и вынес его в коридор. И тщательно притворил за собой толстую бронзовую дверь.

Вновь повернувшись к алтарю, Азора закрыла глаза, вытянула перед собой руки и завела медленную, ритмичную песнь. С ее губ слетали слова языка, который был древен еще во времена затопления Атлантиды. Повинуясь им, свечи ярко вспыхнули багровым огнем. Кровавые лужи на полу пришли в движение и ручейками потекли к жрице. Руки с черными ногтями вобрали в себя этот страшный поток. Когда он иссяк, завершилась и песнь. Огоньки свечей вновь обрели свой обычный желтоватый цвет.

Азора открыла глаза и отступила от алтаря. Она чувствовала, как новая энергия растекается по ее телу. Ее мысли, ее рефлексы и так уже были гораздо острее, чем у любого из смертных. Скоро, скоро она обретет достаточно силы, чтобы привести в действие древние заклинания! А к следующему полнолуннию дойдет черед и до последнего ритуала. С самой юности Азора внимательно изучала пухлые фолианты, сохранившиеся еще со времен эмелюдей Зурии. Глупцы верили, будто эти колдовские книги давным-давно погибли либо пропали. На самом же деле они сохранились и сберегли могущественные чары, способные продлить жизнь и подарить неограниченную власть над смертными...

Азора жаждала власти. Власти, достаточной, чтобы подчинить своей воле могущественнейших земных королей. Скоро, о, совсем скоро сильные мира сего станут побитыми псами ползать у ее ног!.. Ее судьба — сделаться равной величайшим зурийским жрицам былых времен. Ибо она была *мутари*, то есть сверхчеловеком.

Она предвкушающе улыбнулась, обнажая в улыбке кошмарные ряды по-змеиному загнутых, бритвенно-острых черных зубов...

В кольце защитных стен города Пайрогии, столицы Королевства Бритуния, бурным ключом была ночная жизнь. Толпы белокожих, светловолосых бритунийцев заполняли улицы и площади. Одни делали свою работу, другие искали развлечений. Из многочисленных таверн то и дело вываливались на узкие улочки группки хохочущих кезанкийских горцев. Суровые воины городской стражи с неодобрением посматривали на шумных выпивох, но трогать не трогали. Эльдран, король Бритунии, сам был по происхождению кезанкийцем. Вряд ли он придет в особый восторг, если ему сообщат, что городская стража обижала его земляков!

К хаотически проложенным мощеным улицам, где толпился народ, примыкали плохо освещенные переулки, заваленные мусором и кипящие крысами. По ним, хрипло бормоча себе под нос, шлялись нищие и пропойцы. Они жадно поглощали дешевое кислое вино, и немного попозже оно сделает свое дело: люди городского дна завалятся спать до утра там же, в родных переулках. А кое-кто так больше и не проснется.

Следовало, однако, отдать должное городской страже: даже в самых мерзопакостных закоулках Пайрогии было безопаснее, нежели на центральных улицах большинства других больших городов. Тем не менее любому здравомыслящему человеку, вздумавшему в одиночку пробираться столичными заулками, следовало держать одну руку вблизи кошелька, а другую — на рукояти меча.

Вот в такой переулок свернул с малолюдной улицы невысокий смуглокожий мужчина. У него были черные волосы до плеч, а глаза — еще чернее волос. Черты узкого лица носили печать жестокости, и улыбка, кривившая губы, ничуть не украшала его. Прячась в потемках, человек с кошачьей ловкостью пробирался вперед. Вот он легко перешагнул через храпевшего пьяницу, распростертого в пыли, и остановился перед тяжелой дубовой дверью кирпичного дома. Прямо над дверью был вмурован в стену большой двуручный меч, так что наружу торчал лишь эфес.

Мужчина гибким движением извлек из ножен кинжал и резко стукнул в дверь рукоятью. Изнутри немедленно ответили — кто-то приглушенно ругался на ломаном бритунийском.

— Грязный попрошайка! — донеслось из-за двери. — А ну убери с моей двери свои поганые лапы! Все равно не будет тебе никакого вина, пока не покажешь монеты!

Это развеселило пришельца.

— Имманус! — окликнул он густым голосом на чистом заморийском языке. — А ну живо открывай, облезлый кобель! Это я, Хассим! Давай тащи свою толстую задницу к двери и отпирай побыстрей!

Громко лязгнув засов, и Имманус отворил тяжелую дверь внутрь. Хассим, пряча кинжал в ножны, спокойно и неторопливо вошел. Чувствовалось, что он посещает заведение далеко не в первый раз.

Таверна, именуемая «Эфес», была освещена навряд ли лучше переулка, который вел к ее двери. По углам исходили жирным дымом несколько отчаянно коптивших масляных ламп. В дымной полутьме трудно было что-либо отчетливо рассмотреть, только замызганные деревянные столы да скамейки. В дальнем конце смутно виднелась стойка и рядом с нею — обшарпанная кирпичная лестница наверх.

А за столами сидели посетители «Эфеса», — без преувеличения, негодяй на негодяе. Причем публика была в своем роде отборная.

В одном углу восседал известный работорогвец из Немедии. Он и его подручные хлестали густое темное пиво из толстых глиняных кружек, выкрикивая шумные тосты и расплескивая напиток. Пиво лилось торговцу на бороду и на далеко не первой свежести рубашку. Он не обращал на это никакого внимания, лишь знай громогласно обращался к слуге за стойкой, то и дело требуя добавки.

Неподалеку от него расположились двое кофитцев. Глаза у обоих плутовски бегали по сторонам. Они что-то обсуждали вполголоса, неторопливо потягивая вино из бокалов, — вне сомнения, против кого-то сговаривались, строили козни.

Посредине комнаты веселилась орава кезанкийцев, скорее всего давно объявленных вне закона. Они вовсю лапали шлюх, громко распевая непристойную песню.

Через несколько столиков от них можно было заметить весьма экономно одетую бритунийку, явно обладавшую неукротимым темпераментом. Ее спутник, светловолосый юноша, нашептывал ей на ушко нечто такое, от чего девица беспрестанно хихикала. Юноша был хорошо одет: не исключено, что он приходился сыном какому-нибудь вельможе. Почему бы, собственно, отпрыску знатного рода и не провести ночь в обществе отнюдь не возражающей против этого куртизанки? Он шептал и шептал, не забывая поглаживать ее оголенное бедро...

А возле двери громоздился покрытый темным загаром великан: сам Имманус. Он был одет в бурюю кожаную безрукавку и облегающие штаны. В мочке одного уха покачивался массивный золотой обруч, на лысом черепе играл мутный отблеск светильников. На груди великана перекрещивалось множество старых рубцов, с широкого черного кожаного ремня свисал трехфутовый ятаган. Жестом пригласив Хассима войти, Имманус одной рукой без видимого усилия прикрыл тяжеленную дверь. Этот человек представлял собой сущую гору плоти, причем большей частью — мышц. Мягким было только выпирающее круглое брюхо. Имманус повернулся к Хассиму и, наклонившись, тихо зашептал ему на ухо:

— Ты уверен, что за тобой не следили?..

— Если бы за мной следили, я уже чистил бы кинжал, — не без некоторой обиды ответил Хассим.

Имманус оставил его тон без внимания. Мясистым указательным пальцем он постучал себя по толстокожему лысому черепу:

— Знаешь, Хассим, кто это? Я тебе скажу. Это мой лучший друг. Пока я забочусь о нем, мы с ним не расстанемся. Но если я потеряю бдительность...

Имманус провел ребром ладони поперек своего горла и хихикнул, хотя шутка вышла мрачная.

Хассим нахмурился, не находя в его словах ничего смешного. Запустив руку в поясной кошель, он ощупывал небольшой, плотно обвязанный сверток.

— Ну что, — спросил он, — варвар здесь? Мы с ним уговаривались вчера вечером, но мозги слабоумного дикаря были так пропитаны вином, что я вовсе не удивлюсь, если он попросту забыл о назначенной встрече...

— Не суди по первому впечатлению, — покачал головой Имманус. — Он, может, и варвар, но я, знаешь ли, имел дело с этой породой, киммерийцами. Это народ жесткий, хитрый и себе на уме. Не стоит с ними шутки шутить! Немало глупцов, у которых хватало ума бросить мне вызов, умерло от моей руки. Но, окажись я один на один с киммерийцем, я был бы отнюдь не уверен в успехе...

Имманус пристально посмотрел на Хассима, словно ожидая, чтобы тот ему возразил. Потом великан расхохотался и огрел Хассима по спине так, что человека более слабого бросило бы на колени. Хассим из рук в руки передал ему небольшой кошелёк. Когда Имманус убрал его в карман безрукавки, из кошелька послышался тихий перезвон монет.

— Ты найдешь варвара наверху, — сказал он Хассиму. — Он только что прикончил первый кувшин вина. Он играет в кости, и ему сегодня везет, хотя... хотя, чуёт моя душенька, удача вот-вот должна оставить его!

Скрытый смысл этой последней фразы был понятен только им двоим.

Хассим направился к лестнице, ловко лавируя между подвыпившими гуляками. Он чуть задержался у стойки, чтобы купить стакан дешевого вина. Хлебнув этой отравы, он погнался за ней во рту и выплюнул на каменный пол, подумав: «Ну и дерьмо!.. Хотя бы эти бритунийцы поучились у кого-нибудь виноделию!..» Ладно, мучиться осталось недолго. Сегодня же ночью он покинет этот свинарник, по ошибке именуемый городом, и вернется в Замору. Оставалось только продать варвару некий предмет. Самый последний. Хассиму до того не терпелось избавиться от этого предмета, что он торговался о цене только для виду.

Поставив стакан, он снова запустил руку в кошель и ощупал гладкое серебро отделанного самоцветами браслета. Награда, которую обещали указавшему городской страже местонахождение этого браслета, стократ превзойдет жалкие гроши, за которые он сейчас толкнет его глупому киммерийцу. Может, северные дикари в самом деле хитры, но палаческого топора парню не перехитрить!.. Хассим забрал стакан и улыбнулся собственным мыслям. Поднявшись, он направился по лестнице вверх.

Верхний этаж «Эфеса» был не так просторен, как нижний, зато освещен не в пример лучше. Из мебели здесь стояло только несколько грубо сколоченных деревянных столов и скамей. Главенствовал же в помещении обширный стол для игры в кости. Игроки теснились кругом него локоть к локтю. Каждое метание костей сопровождалось громогласными воплями. Потом раздавались стоны проигравших и ликующие крики выигравших. Шум, разговоры, разноязыкая ругань... стороннему человеку вполне могло показаться, будто он забрел не в таверну, а на базар.

Как раз когда Хассим достиг верхней ступеньки лестницы, от толпы игроков отделился один, заметно выделявшийся ростом и могучей статью. Он сжимал в огромном кулаке изрядную горсть выигранных монет. Подойдя к одному из столиков, мужчина высыпал деньги в кошелек, висевший на поясе. Густая грива черных, ровно подстриженных над бровями волос обрамляла бронзовое лицо. Лицо было молодое, но говорило о немалом жизненном опыте его обладателя. И даже в полумраке на нем выделялись глаза — ярко-синие, словно светившиеся холодным огнем. Могучие жилистые руки были испещрены десятками тонких, длинных шрамов. Черная кожаная безрукавка, распахнутая на груди, почти не скрывала отменно развитых мышц. Наряд молодого человека дополняли темно-синие штаны, потрепанные, но вполне крепкие сандалии и широкий пояс. На ремне висел длинный прямой меч, причем широкий серебристо-голубой клинок был обнажен и переливался на свету. Одним словом, парень был воином. И в этом воровском притоне он был точно так же не на своем месте, как, скажем, волк посреди стаи крыс.

Да что говорить! Конечно, Конан-киммериец был здесь не на своем месте. Ведь он родился на поле битвы, а рос и мужал среди мерзлых пустошей Киммерии — далекой северной страны своего народа. Он не слишком жаловал так называемых цивилизованных людей и не особенно доверял их укрепленным городам, выстроенным из камня и дерева. И у него были на то веские причины. Самое первое столкновение с цивилизацией кончилось для него цепями и рабством у гиперборейцев. С того времени, как он сбежал из неволи, минуло менее десяти лет; воспоми-

нания были еще свежи и по-прежнему заставляли Конана клокотать от ярости.

Стоит ли удивляться, что киммериец не испытывал особых угрызений совести, когда помогал некоторым горожанам расставаться с богатством, заработанным неправедными путями! Так, в настоящий момент до него дошел слух, что в государстве Замора было чем поживиться ловкому вору; туда-то Конан и направлялся через Бритунию. В Заморе, в городе Шадизаре, он раздобудет несметные сокровища. По крайней мере достаточные, чтобы окружить себя прекрасными женщинами и вкушать драгоценные вина. Запросы у Конана были простые, зато способностей и возможностей — хоть отбавляй. Его отец был кузнецом, и от него Конану досталось крепкое сложение, выносливость и огромная сила. Вдобавок молодой человек обладал быстрой сообразительностью и острым умом, а верный меч при бедре был и того острее. А если добавить к этому его немалый талант вора, то можно было не сомневаться: изрядная часть достояния шадизарских богатеев очень скоро перейдет в его кошелек!

Девушка-прислужница поставила перед ним кувшин вина. Взяв его, Конан наполнил свою кружку, отпил и бросил на стол серебряную монетку. Он заметил появившегося Хассима и проследил взглядом за тем, как тот приближался. «Ну и пролаза, — думалось киммерийцу. — Сущий хорек! Ни в коем случае нельзя ему доверять!»

В то же время он понимал, что договорился с этим самым Хассимом насчет весьма выгодной сделки. На самом деле товар стоил раза в три дороже оговоренной цены.

Естественно, вещица была краденая. Киммериец ничуть в этом не сомневался с того самого мгновения, когда Хассим впервые показал ему серебряный браслет с цветными камешками. Где его стибрили, у кого — до этого Конану не было ни малейшего дела. Он только знал, что это будет неплохой прощальный подарок для Ивэнны, бритунийской девушки, с которой Конан познакомился здесь, в Пайрогии. Да, поистине удача ему улыбалась! Сегодняшняя игра в кости принесла немалый доход, можно будет заплатить за игрушку, не слишком опустошая кошелек. Ивэнна была девчонкой что надо. Такая фигуристая, ласковая... А ее светлые, пахнущие свежестью волосы!.. Выпитое вино и

сладостные воспоминания заставили Конана размечтаться. Итак, еще одна ночь любви!.. А на завтра он вручит ей браслет и отправится дальше. В Шадизар.

...Хассим опустился за столик напротив Конана и вытащил из кошелька аккуратно обмотанный маленький сверток. При этом вор нервно поглаживал редкие усы, косясь на бронзовокожего великана.

— Приветствую тебя, Конан, — сказал он киммерийцу. — Как нынче игра?..

— Да ничего, Хассим. — Конан мотнул головой в сторону толпы у игорного стола: — Удачнее, чем у многих из них.

Он недавно освоил заморийский язык и говорил хотя и с грубым акцентом, зато понятно и бегло.

— Ну, значит, тебе не составит труда заплатить, — сказал его собеседник. — Сорок серебряных ноблей. Или два золотых. Как договаривались!

— Все верно, Хассим. Я бы только хотел сперва еще раз взглянуть на товар.

Хассим не возражал. Конан заслонил сверток широкой ладонью от посторонних глаз, частично развернул тряпку и пристально оемотрел браслет. Надо же убедиться, что бесчестный заморец не подсовывает ему грошовую побрякушку! Он даже поскреб самоцветы ногтем, проверяя, не наклеены ли они.

Хассим изобразил благородное негодование:

— Уверяю тебя, киммериец, он настоящий! Что было бы с моей репутацией, вздумай я мошенничать? Да и потом, воин вроде тебя в два счета прикончил бы меня за обман! Зачем Хассиму весь остаток своих дней оборачиваться через плечо?..

— Не надо! — сказал Конан. — А то будто не знаю я вас, заморийских воров. Ты свою матушку вон тому работягавцу продашь, если тебя устроит цена. Держи, вот твои деньги.

Резкая отповедь варвара вывела Хассима из себя. Допустить, чтобы с ним таким образом разговаривал какой-то дикарь!.. «Ну ничего, пес, — подумал Хассим, — ты тоже свое получишь. Еще до утра». Он протянул руку и взял предложенные ему золотые. Потом насмешливо поклонился, встал и направился к игорному столу.

Конан остался приканчивать свое вино. Он улыбнулся, подумав об Ивэнне. Сверток с браслетом уже лежал во внутреннем кармане его безрукавки. Где, хотелось бы знать, Кром носит девчонку?.. Она обещала прийти сюда спустя несколько часов после захода солнца, сразу как завершится ее последний танец в гостинице «Золотой Лев»... Конан опустошил стакан и вновь наполнил его. Он был слишком занят своими мыслями и не заметил, что Хассим потихоньку вышел из комнаты.

Прошло еще полчаса, и кувшин, стоявший перед Конаном, совсем опустел. Киммериец был далеко не пьян, но, конечно, выпитое не прошло для него бесследно. Ивэнна по-прежнему не показывалась, и он начинал терять терпение. Может быть, поиграть еще немного в кости, а потом махнуть рукой на девчонку — и в путь?.. Пока он взвешивал различные возможности, на нижнем этаже поднялся подозрительный шум. Слуха киммерийца достиг оглушительный треск, а потом — очень хорошо знакомый ему звон. Этот звон могли производить только сшибающиеся мечи. Винные пары, бродившие у Конана в голове, мгновенно улетучились. Инстинкт воина, привыкшего к постоянной опасности, заставил его насторожиться. Широкая ладонь легла на рукоять меча. Другие посетители, в гораздо большей степени пребывавшие под мухой, попросту игнорировали переполох. Драки и безобразия в «Эфесе» были делом привычным и происходили почти каждую ночь. Понимая это, Конан немного расслабился, однако продолжал держать ухо востро.

Прошло совсем немного времени, и долетел еще один безошибочно узнаваемый звук: топот сапог по лестнице. Конан сейчас же определил, что приближался патруль городской стражи, ведомый каким-нибудь офицером. Вот стражники достигли верхнего этажа, и Конан понял, что не ошибся. В самом деле стражники с офицером, да с каким! Этот человек не имел ничего общего с изнеженными и трусоватыми горожанами, занимавшими в Пайрогии большинство сколько-нибудь значительных постов. Киммериец с первого взгляда определил в нем человека опытного, решительного и закаленного. Вряд ли он вообще был бритунийцем. Ростом он был почти с самого Конана, а в плечах, возможно, даже пошире. Мускулистый

торс, обтянутый кольчужной рубашкой, свидетельствовал о недюжинной силе. Суровое лицо обрамляли черные как смоль, коротко подстриженные волосы, густые усы и ухоженная борода. В правой руке офицер держал кривой меч. Темно-карие глаза пристально бежали присутствующих. Он явно высматривал кого-то, кого городской страже было приказано захватить любой ценой и немедленно.

В комнате сразу воцарился самый настоящий хаос: большинство посетителей тотчас решило, что стража пришла за ними. Кто-то попытался прикрыть лицо, словно это могло помочь остаться неузнанным. Кто-то сполз под стол, пытаясь хотя бы так укрыться от взгляда чернородого великана. Большинство бросало нервные взоры на большое, безобразно грязное окошко, выходившее в переулок...

В это время снизу долетел громкий негодующий рев. Вверх по лестнице взлетел Имманус. Трех стражников, попавшихся ему на дороге, отмело в сторону, словно подхваченные ветром соломинки. Выскочив в комнату, Имманус оказался носом к носу с офицером в кольчуге. Одна рука его готова была выхватить ятаган, другая была сжата в чудовищных размеров кулак. Смуглое лицо покраснелось то ли от бега по лестнице, то ли от ярости по поводу неожиданного вторжения.

— В чем дело, Сальворас? — проревел он. — Мы исправно платим все налоги и пошлины и всячески стараемся, чтобы стража нас не цепляла!.. Неужели тебе охота ссориться со своим начальником, капитан?

— Может, ты и подкупил полководца, Имманус, но лично мне он об этом ничего не рассказывал. Ну а я тебе особо ничем не обязан. Да и нет мне дела до этой выгребной ямы, которую некоторые по недоразумению считают таверной. Равно как и до того дерьма, которое в этой яме плавает! А уж ты мне нужен всех менее. Я здесь по королевскому приказанию, и меня интересует один-единственный человек. Так что лучше не путайся у меня под ногами, иначе будешь иметь дело и со мной, и со всеми моими людьми. Что?.. Ты чем-то недоволен?..

Зарывав, Имманус расправил кулак и ткнул мясистым указательным пальцем в кольчужную грудь Сальвораса:

— Не смей оскорблять меня, ты!.. Королевский дворец далеко от «Эфеса», а у нас тут по ночам в переулках знаешь что порою случается? Так что ступай-ка отсюда подобру-поздорову, не то твоему королю не будет с тебя больше никакой службы, а переулочные крысы, чего доброго, набьют тобой животы!

Лицо Сальвораса окаменело. Он атаковал со скоростью, которую трудно было ожидать от человека его телосложения. Мускулистая левая рука выстрелила вперед и, стиснув глотку Иммануса, пригвоздила толстяка к стене. Едва не задохнувшись, Имманус пустил в ход обе руки, чтобы оттолкнуть офицера, потом выхватил ятаган. Изогнутое лезвие зловеще засияло, отражая огоньки светильников. В комнате воцарилась тишина. Все глаза были устремлены на двоих мужчин, которым, по всей видимости, предстояло вот-вот схлестнуться в смертельном поединке. Зрители, еще торчавшие у игорного стола, начали заключать между собою пари, гадая, чья возьмет.

Сальворас чуть отодвинулся назад, и его меч звонко сшибся с ятаганом, высекая синие искры. Имманус отразил удар и сам сделал выпад, но его ятаган лишь скользнул по кольчуге стражника. При этом он на миг потерял равновесие и был немедленно за это наказан: Сальворас мгновенно рубанул по его руке сверху вниз. Ятаган полетел на пол, и с ним несколько отсеченных пальцев. Развернувшись, Сальворас еще и двинул левым кулаком Имманусу в челюсть. Тошнотворный треск раздробленной кости заглушил вопль боли, вырвавшийся у толстяка. Имманус скорчился на полу, зажимая здоровой ладонью окровавленные обрубки пальцев. За игорным столом из рук в руки поплыли деньги. Те, кто не бился об заклад, просто молча смотрели на Сальвораса, потрясенные быстрой расправой, которую тот учинил над могучим Имманусом.

Конан сузившимися глазами наблюдал за короткой схваткой. Первое впечатление оказалось правильным: этот капитан был опытейшим рубакой. Не каким-нибудь там хлюпиком с воинским званием. Так или иначе, Конан не знал за собой никаких преступлений и был уверен, что капитан пришел не за ним. Может, это Хассим, заморийский хорек, чем-нибудь прогневал короля Эльдрана?.. На всякий случай Конан поискал его взглядом и тут только

заметил, что воришка исчез. Киммериец решил про себя, что Хассим, верно, струсил и подобру-поздорову рванул прочь, пока Сальворас разбирался с Имманусом.

Между тем Сальворас вытер меч о штаны поверженного противника и напрямик проследовал к столику, за которым сидел киммериец. Левая рука Конана спокойно лежала на столе, зато правая оставалась вблизи рукояти меча. Капитан еще тяжело дышал после быстротечной схватки.

— Ты — Конан из Киммерии, — прямо обратился он к варвару. Это было скорее утверждение, а не вопрос.

— Я никому не сделал ничего дурного, — ответил Конан. — Что тебе до меня?

— Ты пойдешь со мной во дворец, — непререкаемым тоном ответил Сальворас. — Там тебя ждут для допроса. Если, как ты говоришь, ты ни в чем не замешан, ты будешь опущен с миром.

— В чем хоть меня обвиняют? — не торопясь вставать, спросил киммериец. — Я у вас тут, в Пайрогии, еще недели не прожил. Говорю тебе — я просто путешественник и никого не обижаю. Оставь меня в покое!

— Моему терпению приходит конец, киммериец, — проворчал Сальворас. — Если не пойдешь сам, тебя потащат силой. Ты видел, надеюсь, чем кончил Имманус. Я не собираюсь причинять тебе вред, но ты должен быть непременно допрошен.

Терпение Конана тоже было на исходе. У себя дома, в Киммерии, он давно пристукнул бы человека, вздумавшего облыжно обвинять его неведомо в чем. Однако он успел уже усвоить, что цивилизованные люди порою вели себя более чем странно. Он не бросится на этого малого, пока тот окончательно не выведет его из себя. Но и ни на какой «допрос» с ним не пойдет. Еще не хватало — на месяцы, а то и на годы застрять в каком-нибудь вонючем бритунийском тюремном подвале!..

— Скажи, в чем меня обвиняют, — повторил он. — Тогда я решу, идти мне с тобой или не идти.

— Мне надоели эти игры, пес! — взорвался Сальворас. — У тебя в кармане, завернутый в тряпку, лежит похищенный тобою браслет! Этот драгоценный браслет ранее принадлежал дочери короля, которую ты злодейски

убил вчера ночью! Чтобы так зверски изрубить ее тело, как это сделал ты, варвар, нужно быть демоном, а не человеком! Да если бы не приказ, я бы прямо сейчас воздал тебе по заслугам!..

Конан был попросту потрясен. Кром!.. Как же вышло, что слишком низкая цена, на которую согласился Хассим, не вселила в него подозрений?!.. Стало быть, заморийский подонок сдал его городской страже — то ли просто из вредности, то ли рассчитывая на награду!.. Ну да теперь не время было об этом гадать. Кто поверит клятвам странствующего киммерийца?.. А значит, выход оставался только один — быстренько уделать этого капитана и рвать когти из города.

Увы, это решение пришло слишком поздно. Сальворас успел воспользоваться мгновенной растерянностью молодого киммерийца и перехватил его запястье. Хватка у капитана была как тиски. Конан заворчал и попытался стряхнуть его руку, но пальцам капитана не смогли противостоять даже кости. Запястье отвратительно хрустнуло...

Придя в окончательную ярость, Конан левой рукой стрег пустой кувшин из-под вина и хватил им капитана по голове, словно дубинкой. Тяжелый сосуд обрушился прямо в лицо офицеру и раздробил ему нос. Из обеих ноздрей гейзером брызнула кровь, и Сальворас выпустил покалеченное запястье киммерийца. Конан размахнулся и вдругорядь шарахнул капитана кувшином — на сей раз в висок. Толстое стекло наконец разбилось, осыпав осколками заплеванный пол. На виске Сальвораса осталась рваная рана.

Кровь и ярость изуродовали лицо стражника. Бешено матерясь, он тряхнул головой, разгоняя туман перед глазами, и ударил мечом, целя Конану в шею. Тот, уходя от смертоносного замаха, скатился со скамьи на усыпанный осколками пол и, не обращая внимания на порезы, здоровой рукой выдернул из ножен свой меч. Отбив новый выпад Сальвораса, он вскочил на ноги и в свою очередь попытался снести противнику голову. Капитан чуть-чуть опоздал с обороной, — наверное, сказались уже полученные удары. Меч Конана плашмя обрушился на его голову, и Сальворас, потеряв сознание, враспашку рухнул на пол.

Конан перелетел через распластанное тело и ринулся к лестнице. Стражники, напуганные неожиданным поражением непобедимого Сальвораса, налетали один на другого, спеша расчистить путь грозному киммерийцу. Так что Конану понадобилась всего пара пинков, чтобы пробиться к лестнице. Входная дверь таверны была сорвана с петель, — не иначе, Сальворас с ребятами постарался. Конан стрелой пролетел мимо перепуганных пьянчужек, еще толпившихся внизу, и выскочил в переулок.

И первым человеком, которого он там встретил, была... Ивэнна! Киммериец едва не налетел на нее. И надо сказать, что даже в такой напряженный момент он не удержался и окинул восхищенным взглядом ее сильное, гибкое тело танцовщицы.

Лунный свет, заливавший переулок, выгодно подчеркивал тонкую талию и роскошную грудь девушки. Губы цвета красного вина округлились от изумления, волосы, напоминавшие золото, освещенное солнцем, разметались по плечам. На ней было шелковое платье весьма смелого покроя, почти ничего не оставлявшее для игры воображения. Однако с изящного пояса свешивался длинный, тонкий стилет. Второй такой же виднелся за сапожком.

— Кром! — выдохнул Конан. — Девочка моя, где ты была? Я тебя несколько часов ждал!

Ивэнна между тем обводила взглядом растерзанного киммерийца, и глаза у нее расширялись все больше. Он был с ног до головы заляпан кровью Сальвораса и своей, кое-где из порезов на руках и лице еще торчали осколки стекла. Меч Конана был окровавлен, и он держал его в левой руке. Сломанное правое запястье на глазах синело и распухало, кисть руки торчала под неестественным углом. Более слабый человек уже лежал бы пластом и только постанывал от мучительной боли. Конан на свои раны попросту не обращал внимания.

Ивэнна наконец обрела дар речи:

— Конан... Твоя рука! Что произошло? С кем ты дрался?..

— С каким-то идиотом, капитаном стражников. Этот недоумок вздумал обвинять меня в гнусном преступлении, к которому я ни малейшего отношения не имею. Я ему пытался втолковать, что королевскую дочку, верно, заре-

зал и ограбил Хассим, но этот безмозглый... как его там? — Сальворас, он не стал меня даже слушать и попытался силой оттащить во дворец. Знаешь, надо бы мне сматываться, пока его приспешники не вызвали подмогу! Если я вообще что-нибудь понимаю, завтра же вся городская стража будет на меня охотиться, как на бешеную собаку...

— Но как же ты убежишь? Твоя рука!.. Вот что: я тебя спрячу, пока она не заживет. Я знаю местечко, которое стражники никогда не додумаются обыскать. И я приведу целителя, который займется твоим запястьем. А потом, когда все уляжется, ты сможешь спокойно уйти...

Конан покачал головой:

— Спасибо, девочка, только ничего из этого не получится. Моя внешность сразу меня выдаст. Киммерийцы здесь не часто встречаются, так что меня любой дурак опознает. Да и телосложение никакими переодеваниями не спрячешь. Вот что я сделаю! Я разыщу эту падаль, Хассима, и выколочу из него правду. А потом сам отдам его стражникам. Из рук в руки. Иначе покоя мне не видать! К тому же мужчины моего народа не привыкли отсиживаться по углам, когда угрожает беда. Не говоря уж про то, что Хассим мне задолжал!

И он приподнял изуродованное запястье, а синие глаза горели убийственной яростью. Оглядевшись по сторонам, Конан нагнулся и сдернул замызганный плащ с какого-то нищего, что спал лицом вниз на мостовой в двух шагах от распахнутой двери таверны. Киммериец накинул одеяние себе на плечи, не обращая внимания на исхудавший от него затхлый запах блевотины.

— Пока сойдет, — сказал он. — Пошли отсюда. Напоремся на кого — притворимся парочкой пьяных любовников...

Ивэнна понюхала грязный плащ и брезгливо сморщилась нос:

— Вот уж навряд ли кому-то захочется подходить к тебе вплотную...

Конан обнял девушку здоровой рукой, и они быстрым шагом направились по переулку прочь. Они осторожно пробирались лабиринтами боковых улочек, держа направление к западной стене Пайрогии, где обитала Ивэнна.

Идя рядом с подругой, Конан все размышлял о пренеприятнейшей истории, в которую его угораздило влипнуть. Надо было ему предвидеть, что удивительное везение при игре в кости будет уравновешено крупной пакостью от судьбы!.. Однако что произошло, то произошло, и не таков был киммериец, чтобы преисполняться жалостью к себе. Когда перед тобой возникают препятствия, следует всю энергию направить на их преодоление, а не заниматься самокопанием и жалеть о прошлых поступках. Ко всему прочему везение не до конца еще его покинуло. Пока они шли к дому Ивэнны, навстречу им не попался ни один стражник.

Ивэнна жила в большом доме, сложенном из глиняного кирпича и грубо, но прочно крытом смолеными досками. Дом делился на несколько частей, по числу обитателей. Ивэнна сама проверила, не следил ли кто за входом, потом махнула рукой своему спутнику. Они проскользнули внутрь незамеченными. Обиталище Ивэнны состояло из двух малюсеньких комнаток с очень простой мебелью. Содержала она свое жилье в образцовом порядке и чистоте. Выступления с танцами в «Золотом Льве» приносили девушке неплохой доход. Ей очень нравилась ее работа, и, что еще важнее, посетителям гостиницы неизменно нравились ее танцы.

Там, в «Золотом Льве», несколькими днями ранее она познакомилась с Конаном. Вначале ее привлек его взгляд. Киммериец резко выделялся из толпы мужчин, любовавшихся ее танцем. Он был моложе большинства из них, но притом до того серьезен!.. А в некоторых вещах — так удивительно наивен!..

Кончая свой танец, Ивэнна уже знала: зазывные движения ее гибкого тела пробудили в нем пламенную страсть. Хотя он просто спокойно сидел на своем месте и внимательно смотрел на нее. Не вопил, не хохотал и не хлопал, как большинство зрителей.

Потом она встретила его в общей комнате «Золотого Льва», и ей захотелось побольше узнать об этом немногословном молодом великане. Сообща прикончив бутылочку вина, они решили провести вечер вместе и посмотреть на ночную жизнь Пайрогии. Как и следовало ожидать, прогулка окончилась в доме Ивэнны. Киммериец был по-зве-

риному неукротим в своей страсти и в то же время очень по-человечески нежен с возлюбленной. Ивэнна долго не могла прийти в себя от счастливого изумления. Еще ни с одним мужчиной у нее не было так, как с этим загадочным варваром!

И вот теперь она извлекала у него из-под кожи осколки стекла, а он по порядку рассказывал ей обо всем, что случилось за вечер. Ивэнна промыла ему раны, но бесформенная лиловая опухоль вокруг сломанного запястья приводила ее в ужас. Нужен был лекарь. И как можно быстрее. Не то, очень может быть, киммериец до конца дней своих не сможет нормально двигать рукой. Ухаживая за Конаном, Ивэнна про себя поражалась его стоической выдержке. Она понимала, что поневоле причиняет ему невыносимую боль, но он ни разу даже не вздрогнул. Кончив свой рассказ, он замолчал и просто сидел, о чем-то размышляя.

Когда девушка сделала все, что было в ее силах, он потянулся за своим мечом и опустил на кучу пушистых мехов, служившую Ивэнне постелью. И задремал, не снимая здоровой руки с потертой рукояти оружия. Ивэнна знала, насколько чутко он спит, и вышла вон невесомой походкой танцовщицы, чтобы не тревожить его. Выбралась на улицу — и побежала за лекарем. По счастью, она знала человека, как нельзя лучше подходившего для столь деликатного дела...

Глава вторая

ПАУТИНА ЗАГОВОРА

— Недоумок несчастный!..

Дело происходило во дворце, в одном из богато убранных приемных покоев. Багровый от гнева полководец Вальтреско «вставлял фитиль» виновато понурившемуся капитану Сальворасу. Полководец бритунийской армии немного уступал Сальворасу ростом, но был сложен куда изящней его. Борода, усы и редеющие светлые волосы военачальника густо подернула седина. По этим признакам ему можно было дать лет пятьдесят с лишком.

Однако на моложавом красивом лице возраст почти не отражался.

На полководце был идеально подогнанный по фигуре стальной нагрудник, богато и замысловато украшенный. К нагруднику крепились кольчужные подмышники, прикрывавшие верхнюю часть рук. Ниже находились опять таки кольчужные, великолепной работы перчатки с рельефными стальными накладками. На ногах Вальтреско красовались толстые кожаные сапоги, прошитые железными заклепками и достигавшие колен. Штаны у полководца тоже были кожаными, красновато-коричневыми: толстые и прочные, они тем не менее не стесняли движений. При бедре висел длинный тонкий меч с вычурной рукоятью. Меч покоился в ножнах, богато выложенных золотым и серебряным листком. Вся фигура Вальтреско дышала силой и властью, и он сам прекрасно это сознавал. Его манера держаться была одновременно деловой, снисходительной и напыщенной.

Что до бедняги Сальвораса, то он нынче выглядел далеко не так внушительно, как его командир. Его лицо представляло собой сплошное месиво синяков и кровоподтеков. Лекарь еще не касался рваной раны чуть пониже виска, и оттуда, склеивая черные волосы капитана, продолжала сочиться кровь. Сальворас стоял по стойке «смирно» и молча внимал начальственному разносу, только на лбу выступил пот. Капитан очень нервничал, хотя и старался этого не показать.

Вальтреско между тем продолжал свою речь. Он пребывал в такой ярости, что на висках вздулись жилы.

— Твоя неуклюжесть, — кричал он, — сделала стражников посмешищем всего города! Дикарь был у тебя в руках, но ты умудрился дать ему улизнуть! Если бы ты действовал не кулаками, а головой, гнусный убийца любимой дочери Эльдрана уже сидел бы в цепях и слушал, как палач острит свой топор! А ты? Ты возвращаешься с пустыми руками и лепечешь жалкие объяснения! С тобой было шестеро молодцов! Уж не хочешь ли ты сказать мне, будто один человек одолел всех шестерых? Да еще со сломанной рукой, — если только ты не врешь, утверждая, будто сломал ему руку! О боги!.. Однорукий варвар оставляет с носом полдюжины отлично натасканных

стражников во главе с Сальворасом, героем пограничных войн!..

Сальворас выслушивал вариации на данную тему вот уже четверть часа, и терпение его истощилось.

— Со всем моим почтением, полководец, — проговорил он наконец, — этих ребят ну никак нельзя назвать отлично натасканными. Свидетели клянутся, что желтобрюхие трусы чуть не затоптали друг дружку, освобождая путь удирающему киммерийцу. Иные переулочные крысы и то храбрее этих так называемых стражников, с которыми меня послали брать негодяя! Они, может, годятся на то, чтобы растащить уличную драку или там успокоить каких-то пьянчужек, но против такого врага, как этот Конан, у них кишка тонка. Тут ведь и мужество нужно, и боевая выучка! Если бы со мной были мои парни, с которыми я на границах Немедии воевал, честное слово, было бы в дворцовых подвалах нынче одним обитателем больше! Во имя Митры!.. Я еще не видел равных этому варвару по силе и скорости! И это при том, что девушка-служанка рассказывает, будто он выхлебал два кувшина вина! Ты ведь сам говорил мне, господин полководец: справный командир никогда не станет недооценивать врага...

— Жаль, что столь блестящая мысль не посетила тебя до того, как ты отправился за варваром, — язвительно перебил Вальтреско. — Надеюсь, ты хотя бы не повторишь этой же ошибки во второй раз. Сальворас, я был добрым другом твоему отцу, да оградит Митра его душу! Когда я прослышал о твоих деяниях на границе, я представил тебя к высокому званию и добился твоего перевода в столицу. И что же? Ты не прослужил здесь еще и месяца, а я уже начал разочаровываться в тебе! Только из уважения к памяти твоего отца я дам тебе возможность исправиться. Разыщи варвара! Теперь мы абсолютно убеждены в его виновности: она полностью доказывается его реакцией на твои обвинения. Ступай и доставь его живым или мертвым. Быть может, король хоть немного утешится тем, что язычник, виновный в чудовищном злодеянии, понесет достойное наказание. Можешь послать за своими пограничниками, если считаешь, что это поможет делу. Пускай в ход любые средства. Киммериец не должен избежать наказания!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой полководец!

Сальворас отсалютовал, повернулся и быстро вышел из комнаты. Какое облегчение — оказаться вне досягаемости ядовитого красноречия Вальтреско! Правду говорят люди — этот тип своим языком может ранить человека больней, чем мечом!

Шагая каменными коридорами дворца, капитан размышлял о событиях последнего месяца. Незадолго перед этим он успешно разгромил войско немедийского барона, вздумавшего наложить лапу на порядочный кусок бритунийской земли в излучине Желтой реки. Он был тогда всего лишь старшиной. Его капитана убили при первой же стычке, и Сальворас волей-неволей остался во главе отряда стражей границы, численностью пятьсот человек. Враги в три раза превосходили их числом, но Сальворас удерживал берег в течение целой недели, пока наконец не прибыло подкрепление. Вот этим мечом он отправил в мир иной не менее сорока немедийцев. А сам почти не получил ран. Мудрено ли, что стражи границы равнялись на своего командира, черпая мужество в его славных деяниях!

Пока длилась заваруха, Сальворас был слишком озабочен тем, как бы сберечь своих людей и отбить очередную атаку. Ему некогда было задуматься, что будет с ним самим, когда все оттремит. Однако потом немедийский монарх торжественно заявил, будто не имеет ничего общего со случившимся на границе (врал, конечно), и прислал караван с богатыми подарками для умиротворения соседней державы.

Вот когда Сальворас попал в герои!.. Приятно вспомнить. Сам король Эльдран лично поблагодарил его и задал пир в его честь...

Когда Вальтреско предложил ему завидную должность капитана городской стражи Пайрогии, он, дурак, с радостью согласился. А теперь все больше жалел о тогдашнем своем торопливом решении. Он сам понимал, что место ему было в действующем войске. Эх, граница!.. Только постоянные тяготы и опасности, которыми изобилует жизнь на неспокойном порубежье Бритунии, давали ему настоящее ощущение полноты жизни. Здесь, в городе, тоже хватало опасностей, только были они особого свой-

ства. Совсем не такие, как те, к которым он привык. И методов требовали опять-таки непривычных. Верно, риска здесь было вроде поменьше, а платили не в пример больше. Однако Сальворас никак не мог себя убедить, что нынешний пост был как раз по нему. Все-таки сюда лучше подошел бы человек, может, не столь искусный с мечом, но более сведущий в политике...

Он, правда, еще не собирался отказываться. Вальтреско, между прочим, начинал в том же самом пограничном гарнизоне, что и он, Сальворас. И наверняка в свое время преодолевал те же самые трудности. А посмотрите-ка, чего достиг!.. К тому же Сальворас был обижен и намеревался доказать, что годился кое на что. Может, однажды он еще и заменит Вальтреско в должности верховного полководца бритунийского войска. Конечно, войско это было не бог весть как велико, если сравнивать с такими великими королевствами, как Аквилония, Офир или Шем. Но титул есть титул: звание «Полководец Бритунии» уходило во глубину веков, и всегда ему сопутствовала аура чести и славы...

Раны, нанесенные Сальворасу киммерийцем, немилосердно саднили, но он решил, что займется ими попозже. Он уже разослал все наличные патрули, строго приказав не спускать глаз со всех возможных выходов из города. Старшинам же было велено собраться в стражницу. Сальворас уже приготовил план, как захватить киммерийца. Капитан не намеревался отдыхать, пока не запустит этот план в действие.

Сальвораса ни разу еще не побеждали в схватке один на один. Он был слишком силен и слишком искусен в обращении с оружием. Да. Его ни разу еще не побеждали. До сегодняшнего дня... Капитан осторожно пощупал перебитый, облепленный кровавыми корками нос. И подумал: как бы не оказался этот самый Конан труднейшим испытанием всей его жизни...

...В это же время полководец Вальтреско рассказывал взад и вперед по комнате, из которой только что вышел Сальворас. Он рассказывал, склонив голову, и то и дело скреб бороду, по-видимому пребывая в очень глубокой задумчивости. Спустя некоторое время он остановился и выпрямился. А потом подошел к полированному дубовому

столу, занимавшему угол комнаты. На столе стоял небольшой гонг. Вальтреско взял лежавший подле него молоточек и с силой ударил в гонг.

Через несколько минут в дверь негромко, но настойчиво постучали.

— Не заперто. Входи! — нетерпеливо отозвался Вальтреско.

Дверь тихо отворилась. Вошел светлокожий, тонкий в кости старик, облаченный в голубые шелковые одежды. Он слегка поклонился полководцу и прикрыл за собой дверь.

— Похоже, Ламици, у нас неприятности, — приглушенным голосом сказал ему Вальтреско. — Я, помнится, дал тебе строжайшие указания относительно того, как следовало избавиться от тела. Как вышло, что бездельюшка принцессы оказалась в руках у западного проходивца?..

— Уверю тебя, я все сделал в полной тайне и с надлежащей осторожностью, — своим тихим мелодичным голосом отвечал главный евнух. — Не меня же ты подозреваешь в ограблении мертвой?

— Нет, конечно, но кто-то же это сделал! Браслеты и ожерелье были подарены принцессе еще в детстве. Она никогда не снимала их, так что, когда она выросла, это стало просто невозможным. Таков обычай всех знатных бритуниек. Вору пришлось отрубить мертвой и руки, и голову, чтобы добраться до побрякушек. Ничего удивительного, что тело нашли в таком отвратительном состоянии! Если бы я был вчера в городе, я бы сумел как-нибудь загладить дело, не поднимая по тревоге всю городскую стражу. Но королю уже донесли, и за поимку или хотя бы выдачу местонахождения преступника объявили награду...

— Я послал за тобой сразу, как только прослышал, что стражники обнаружили тело. Удивительно, как быстро дошло мое послание!

— Быстро!.. — фыркнул Вальтреско. — На наше счастье, доверчивый простак Сальворас поверил, будто варвар вправду виновен. Кроме нас, истину знает еще один человек. По словам Сальвораса, о том, где и у кого находится браслет, он проведал от некоего заморийца по имени

Хассим. Наш brave капитан сейчас же помчался туда, точно пес, спешащий угодить хозяину. Если бы ему еще и удалось убить киммерийца!..

— Ах, мой полководец, — вздохнул Ламици. — Я слышал об этом Хассиме. Это же заморийский вор, крыса, живущая в нужнике, и совести у него ни на грош. Такие люди бывают очень полезны, но доверять им ни в коем случае не следует. Получил ли он уже награду за то, что навел на преступника стражу? Насколько я помню, за это было обещано две сотни золотых. Уж, верно, Хассим не пройдет мимо золота. Быть может, ты пошлешь за бродягой Сальвораса? Мы бы с тобой по достоинству наградили его...

— Предоставь мне разбираться с ним, евнух, и ни о чем не волнуйся. Значит, вздумал приторговывать краденым?.. Ну, получит он у меня награду. Да такую, о которой и мечтать не смел. Уж я вызнаю, что там у него за свидетельства виновности киммерийца...

— М-м-м... Я почему-то не сомневаюсь: мерзавец знает намного больше того, что рассказал капитану. Вероятно, при соответствующем убеждении можно будет добиться от него и всей правды?

Лицо Вальтреско ожесточилось, глаза холодно заблестели, как два мокрых сапфира. Он палачески усмехнулся и многозначительно сжал кольчужный кулак.

— Если он хоть что-нибудь знает, он мне это расскажет. А теперь оставь меня, Ламици. Держи глаза и уши открытыми. Я должен знать все, что говорят королю!.. — И добавил, перейдя на едва слышный шепот: — Азора знает об этом?..

Старый евнух опустил глаза, глядя в пол.

— Лично я, — сказал он, — ничего ей не сообщал. Я не виделся с ней с тех пор, как... со времени ритуала две ночи назад. Однако ты сам знаешь, ей ведомо многое из того, о чем не говорят вслух. Если бы это дело касалось ее, она бы не замедлила меня вызвать.

— Мы должны быть уверены, что она не вызовет тебя по этому делу. Я не боюсь ни единого человека, но совсем не хотел бы, чтобы ее магия оказалась направлена против меня. Итак, я позабочусь о нашем друге Хассиме. А потом мы обсудим, что получилось.

Ламици вновь поклонился и вышел так же тихо, как и вошел. Несмотря на внешнее спокойствие, с которым он держался в присутствии полководца, в голове евнуха вихрем проносились крайне беспокойные мысли. В частности, ему не хотелось даже гадать, какая судьба ожидала его, если бы выяснилась его причастность к гибели принцессы. Какая жалость, что тело все-таки нашли. Ламици не мог понять, как же это все-таки произошло. Сам он, конечно, отнюдь не грабил покойницу, но Вальтреско его, по-видимому, в чем-то подозревал. Ламици всегда восхищался Вальтреско. Он сам наблюдал за тем, как тот превращался из честолюбивого, наделенного сильной волей юнца в справного и весьма тяжелого на руку предводителя воинов. Вальтреско представлял собой идеального бритунийского вельможу, каким тот виделся евнуху. Он был сыном барона и потомком многих поколений чистокровных бритунийцев. Вот кого следовало бы избрать королем, когда предыдущий монарх умер, не оставив наследника!

Долгих двадцать лет Ламици прослужил прежней династии и ее последнему представителю — королю Кулану. Вот кто был чистокровным бритунийцем! Не то что его преемник на троне, этот, с позволения сказать, король — Эльдран. Ламици не мог без возмущения думать о том, что в жилах нынешнего монарха текла непотребная смесь бритунийской, кезанкийской и, страшно вымолвить, гиперборейской крови. Кезанкийских горцев традиционно считали бритунийцами, однако, с точки зрения Ламици, это были всего лишь крестьяне, годные только пахать поля и разводить коз. Евнух без устали проклинал тот день, чуть более года назад, когда ничтожного козопаса выбрали королем.

Справедливости ради следовало заметить, что Эльдран был безупречным солдатом, а потом — воеводой на границе. Но кровь, кровь!.. Недопустимо, чтобы такой человек правил страной. Уже сбывались худшие опасения Вальтреско: Эльдран предпочитал не воевать, а вести переговоры и торговать с соседними странами. Этот человек вел себя так, словно земли и народ его королевства были товарами, которые выторговывают на рынке! Видимо, у него не хватало мужества держаться с венценосными со-

седями на равных. Он предпочитал прятаться за никому не нужными перемириями и пустыми словами переговоров, точно последний бесхребетный трус!..

Нет, для трона требовалась сильная личность, и притом ничем не замутненных, самых что ни есть благородных кровей. Только такой человек сумеет объединить бритунийский народ и вернуть державе ее бывшее могущество.

Когда Ламици был маленьким мальчиком, его бабушка служила правящему Дому того времени. Бабушка немало рассказывала ему о былых годах и о том, какой влиятельной и могучей была Бритуния прежде. Как горд был Ламици, когда его выбрали старшим королевским евнухом! Поистине, утрата мужского достоинства была невеликой платой за столь высокую честь, как служба королевской семье!..

Шли годы, и он стал безмолвным свидетелем постепенного бесславия и упадка бритунийского трона. Мало-помалу дошло до того, что сама страна готова была распасться на несколько грызущихся между собой княжеств. Сменялись поколения, и некогда просвещенный и гордый народ все больше скатывался к варварству. Нашествия из сопредельных стран перестали быть чем-то необычным. Соседи-монархи не воспринимали всерьез королей Бритунии. Для них это были *шуты, правившие деревенщиной*. Однажды услышанная от кого-то язвительная фраза так и горела в сердце Ламици. Как бы он хотел заставить тех, кто ее произнес, подавиться пакостными словами!

Вальтреско!.. Вот кто сможет воплотить его мечту в жизнь. Уж он-то не потерпит «случайных» наскоков на границы Бритунии, которые все чаще совершали соседние державы. Не-ет, он соберет достойное ополчение и отодвинет западную границу за Желтую реку. А восточную — далеко в Коринфию!

Король Вальтреско!..

Вот с кем для народа Бритунии начнется новая эра. Эра империи. Предел которой положит только великий Западный Океан!..

Ламици уже воочию видел сверкающие города, а над ними — гордо реющие в небе знамена Бритунийской Империи...

Вот уже много месяцев евнух строил всевозможные планы, обдумывая, как бы свергнуть ненавистного козопаса. С тем же успехом можно было доставать луну с неба. Короля день и ночь охраняли свирепые, беспредельно преданные ему кезанкийские горцы. Каждый из которых почитал величайшей честью умереть, защищая Эльдрана. Их мечи были острее острого, их бдительность ничто не могло притупить...

В довершение всех бед какой-то безмозглый, но жаждущий власти барон из юго-западной Бритунии совсем недавно нанял убийцу и поручил ему отравить короля. Увы, дурацкий план вельможи пошел прахом, и возмущенный народ спалил заговорщика живьем в его собственном замке. Схваченному убийце отрубили голову — обычная казнь за государственное преступление. Король оказался подозрителен, и теперь даже наиболее опытный наемный убийца не мог гарантировать успеха. А рисковать Ламици не мог. Случись королю заподозрить его, и последним, что он в своей жизни увидит, станет отточенное лезвие палаческого топора. Евнух с жаром молился богам, упрашивая их помочь...

И вот поздним вечером три недели назад его страстные молитвы наконец были услышаны. Он отправился за покупками в город, и на улице его окликнула некая молодая женщина, откуда-то знавшая его имя. Она попросту вышла из какого-то ничем не примечательного переулка и заговорила с ним, назвавшись Азорой. Помнится, на ней был бурый бесформенный плащ, доходивший до щиколоток, а на руках — тонкие кожаные перчатки. На голову был наброшен капюшон, не дававший рассмотреть ни лба, ни волос. Он вообще сперва заметил только глаза: они багрово светились в вечерних сумерках, словно рубины при факельном свете. Он удивленно сморгнул и посмотрел снова: нет, глаза у женщины были самые обыкновенные, карие. Она сказала ему, откуда она родом, но теперь он почему-то не мог припомнить названия места. И вообще вся эта встреча прошла для него точно во сне. Он запомнил немного, только сохранил впечатление, что длилась встреча долго. Наверное, несколько часов.

Почему-то (а в самом деле, почему? Вспомнить бы причину!) он последовал за Азорой в безлюдную старую

часть города, которую ему никогда прежде не доводилось посещать. Там стояли сооружения незапамятной древности; они были гораздо старше города, разросшегося вокруг. Суеверный народ обходил развалины стороной. Их давно объявили запретными, и городская стража зорко следила за тем, чтобы туда не совались ни бродяги, ни любопытные. Но в тот вечер Ламици с Азорой незамеченными миновали патруль. Стражники смотрели куда-то сквозь них, точно они были пустым местом. Ламици было очень не по себе, однако он шел.

Азора провела его в полуразвалившееся старое здание. Без сомнения, здесь когда-то был храм — аскетически простой, без украшений и какой-либо обстановки. Азора произнесла несколько слов, и тяжелый каменный блок у дальней стены стал поворачиваться, открывая проход в извилистый коридор. Ламици сразу поразили резкий контраст между роскошным убранством коридора и скудостью внешнего покоя. Серый каменный пол здесь покрывали пышные ковры цвета запекшейся крови, а на стенах виднелись более чем странные факелы. Они горели ровным зеленым огнем и совсем не давали дыма. Ламици проследовал за Азорой к двойным бронзовым дверям высотой почти в два его роста. Деревянные ручки, покрытые невиданной резьбой, соединял увесистый замок. По слову Азоры замок открылся, и двери разошлись, как если бы изнутри их распахнул невидимый великан...

...И евнуха окатила волна невыносимого смрада, хлынувшего из-за двери. Желудок Ламици едва не вывернулся наизнанку прямо перед порогом, так разило из-за дверей смертью и разложением. Ему захотелось бежать, немедленно бежать прочь... Он не побежал, потому что более не был хозяином себе самому. Он вошел следом за Азорой во тьму, лежавшую за порогом. Странная женщина зажгла несколько дюжин свечей, расположенных ровным рядом вокруг массивного предмета, занимавшего середину чертога. Когда глаза Ламици привыкли к сумрачному полусвету, он рассмотрел, что таинственный предмет был алтарем и что он-то и являлся источником омерзительной вони. Щурясь, он попытался разобрать непонятные символы, высеченные на его поверхности, но тут Азора повернулась к нему и заговорила.

— Я знаю, евнух, кто ты такой и чего ты желаешь, — сказала она. Ее прекрасный, полнозвучный голос отдавался под сводами неестественным эхом. — Я знаю все это, ибо я — жрица мутари высокого посвящения. Я привела тебя сюда, ибо ты можешь доставить мне нечто такое, в чем я нуждаюсь. Если ты это сделаешь, я употреблю свое могущество для свержения нынешнего короля и замены его другим, по твоему выбору.

— Ты в самом деле настолько могущественна?.. — изумленно спросил он и сразу пожалел о вырвавшихся словах. И поспешно спросил: — Как... как же я могу послужить тебе?..

— Король тебе доверяет, — ответила мутари. — Ты имеешь свободный доступ во дворец. Более того, король поручил тебе заниматься образованием его дочери. Я дам тебе мазь: если втереть ее в кожу женщины, она крепко заснет. Коснись этой мазью тела принцессы. Когда она заснет, ты доставишь ее сюда ко мне.

— Но если меня увидят?.. И почему ты, при твоей волшебной силе, не...

— Не сделаю этого сама? — перебила она. — Дело в том, что от женщины невозможно скрыть мое истинное лицо. К сожалению, природа мутари накладывает некоторые ограничения.

— Твое... как ты сказала? Твое истинное лицо?.. — пробормотал он потрясенно.

Вот тогда-то это и произошло. Она откинула капюшон и стащила с рук перчатки. А потом улыбнулась, показывая ряды угольно-черных зубов. Еще Ламици понял, что первое впечатление было верным: ее глаза действительно светились, прямо полыхали оранжево-алым, как горячее железо, только что вынутое из горна. Ногти жрицы тоже оказались черными как сажа. Это при том, что кожа у нее была нежнейшей белизны...

Евнух навсегда запомнил охвативший его ужас. Он едва не обмочился тогда, словно перепуганный младенец.

— Теперь ты знаешь, евнух, что я такое, — говорила между тем жрица. — Никто не должен видеть меня. Жрецы Митры — истонные враги мутари, а мне некогда тратить на них время. Знай еще: дела этой страны меня не касаются. Мне все равно, кто станет пасти стада двуногих

овец. Меня заботят совсем другие дела, которых ты, с твоим убогим человеческим рассудком, не поймешь все равно. Все, что ты должен сделать, — это доставить мне девушку. Целую и невредимую. Долго, очень долго ждала я такой возможности... Белокожая, золотоволосая девственница, дочь короля, правящего этим городом! Так написано, и пророчество не обмануло!..

Знай же, евнух: если ты будешь слушаться меня, никто не увидит тебя и никакое подозрение тебя не коснется. Приведи ее ко мне. Когда я с ней покончу, распорядись ее телом так, как сочтешь нужным. А потом я устрою так, что король скончается от изнурительной болезни. От тебя ничего больше не потребуется. Ничто не сможет его излечить, в том числе и бессильные молитвы полоумных жрецов Митры к их смехотворному божку. Эльдран умрет, и народ выберет себе нового короля...

Объяснив Ламици свой план, Азора дала ему два ключа. Один приводил в действие механизм, отодвигавший каменный блок в помещении храма. Другой подходил к замку в дверях, что вели в алтарный чертог. Еще она вручила ему небольшую баночку мази. Когда Ламици наконец выбрался из развалин и вернулся во дворец, час был очень поздний, и голова у евнуха раскалывалась от боли. Проснувшись на следующее утро, он готов был решить, что вчерашнее ему попросту приснилось. Но баночка и ключи лежали на ночном столике — зримое свидетельство реальности жрицы мутари. Он поспешно спрятал то и другое в тайник — за кирпич, вынутый из стены спальни...

Теперь, по прошествии нескольких недель, его часть сделки была исполнена. Теперь настал черед Азоры исполнить обещанное. Стоя у дворцового окна, Ламици смотрел на огромное золотое солнце, встававшее из-за далеких гор на востоке. Теплые утренние лучи ласкали в небе пухлые белые облака. «Вот он, — думал Ламици. — Вот он, долгожданный рассвет новой эпохи. Эпохи, когда имя Бритунии прогремит по всей земле. Наконец-то мои старые глаза узрели этот рассвет...»

Улыбнувшись готовой сбыться мечте, евнух отвернулся от окна и поспешил по коридору к личным покоям Эльдрана. Как-то чувствует себя нынче его величество, не заболел ли ненароком?..

Конан проснулся от едва слышного звука закрывающейся двери. Он проспал несколько часов, но пробуждение было мгновенным и полным. После того, что ему выпало перенести минувшим вечером, большинство цивилизованных людей очнулось бы, что называется, с глазами в кучку. Конан был свеж и готов к немедленному действию, как лесная пантера.

Его рука привычным движением нащупала рукоять меча: мало ли что могло приключиться в следующий момент! Он слегка вздрогнул, попытавшись сжать кулак. Пальцы не повиновались ему, казалось, ниже локтя висел сплошной ком тупой, глухо пульсирующей боли. Голова тоже болела, но эта боль была привычной и понятной: не зря же он давеча осушил два кувшина вина. Зато во рту было сухо, точно в заморийской пустыне.

Напрягшийся варвар отчасти успокоился, когда понял, что шум, разбудивший его, был порожден возвращением Ивэнны: по всей видимости, девушка привела лекаря. Мужчина, вошедший с нею вместе, был одет как жрец Митры, но казался гораздо моложе большинства жрецов, которых Конан до сих пор видел. Одежда его выглядела потрепанной в дальнем пути, но чистой, на ногах были чиненные-перечиненные сандалии. Серьезное светлокоее лицо обрамляли длинные рыжевато-русые волосы, густая борода и усы красиво курчавились. Он держал в правой руке тяжелый, окованный железом березовый посох, а с левого плеча свисала большая кожаная походная сумка. Жрец был подпоясан веревочным кушаком, и никакого оружия при нем не было заметно.

Конан неторопливо слез с мехового ложа и прошел в угол комнаты, где стоял большой кувшин с водой. Прислонив меч к стене, он поднял кувшин здоровой рукой и напился.

— Конан, — озабоченно обратилась к нему Ивэнна, — это Мадезус, тот самый целитель, о котором я тебе говорила вчера. Ему можно доверять: он никому не расскажет, где ты находишься.

Варвар с большим подозрением оглядел молодого священнослужителя.

— Значит, Мадезус, ты жрец? — спросил он, кивая на его облачение.

— Я был жрецом, — прозвучало в ответ. — Три года назад в Коринфии я действительно служил в храме Митры. Теперь я — просто Мадезус, именуемый также Целителем. Я ношу эти одеяния по праву и по своему свободному выбору и по-прежнему являюсь верным поклонником Владыки Света... — Ему явно не хотелось пускаться в дальнейшие объяснения, и он переменял тему: — Твое запястье... Перелом очень скверный. Позволь мне заняться им, и я не буду надоедать тебе больше, чем необходимо. Ивэнна совершенно права: я никому не выдам тебя. Я целитель, меня учили помогать страждущим, а не допрашивать и выдавать.

Он расстегнул свою сумку и принялся расставлять на столике всевозможные пузырьки, коробочки, баночки и еще множество непонятных предметов. Попросив Ивэнну налить из кувшина воды, жрец нашел в сумке несколько свечей и зажег их.

Конан недоверчиво хмурился, но помалкивал. Если целитель обманывал, все равно поздно было что-то предпринимать. Да он и так собирался как можно скорее уносить отсюда ноги. Шут его знает, со стражников станется перервать весь хренов город в поисках мнимого убийцы принцессы. А вылечит его или нет этот молодой жрец, особого значения не имело. В любом случае, с одной рукой или с двумя, он отыщет Хассима и рассчитается с ним за паскудство. Отправит его торговать краденым в преисподнюю...

Киммериец вновь посмотрел на стол, где Мадезус как раз смешивал какое-то тошнотворного вида снадобье. Запашок у зелья был еще тот.

— Пожалуйста, протяни руку... нет, не так, ладонью вверх... — Мадезус натер приготовленной мазью распухшее, обезображенное запястье, потом взял его в ладони. Закрыв глаза, склонил голову и начал: — Отче Небесный, Даритель Света и Жизни, Защитник Правды, услышь молитву смиренного слуги Твоего...

Несколько минут он нараспев произносил священные слова молитвы. Вскоре Конан ощутил странное покалывание в предплечье, и волосы у него на затылке

непроизвольно зашевелились. Варвар никогда не доверял сверхъестественному и, вообще говоря, побаивался его. Ему до смерти захотелось выдернуть у целителя руку и послать его подальше со всеми его штучками. Он удержался, хотя и не без труда. Он ничего не имел ни против Митры, ни против его почитателей. У самого у него был совсем другой бог — угрюмый Кром, обитавший под стылыми серыми кряжами Бен Мора, что в Киммерии. Его народ редко беспокоил Крома молитвами. Кром давал своим детям при их рождении один-единственный подарок: волю сражаться и убивать. Молить свирепого бога о чем-либо еще считалось недопустимым признаком слабости. Конан весьма сомневался, что Кром вообще обращал внимание на молитвы...

Наконец Мадезус завершил молитву и выпустил запястье киммерийца. Лоб жреца усеяли крупные бисерины пота; он вытер лицо ладонью, и было заметно, как дрожала его рука. Вылив в чашку с водой содержимое небольшого фиала, Мадезус выпил. Скоро его руки перестали дрожать. Заметив озадаченное выражение на лице Конана, священнослужитель улыбнулся и ободрил его:

— Исцеляющая молитва коротка, но отнимает немало сил. Попробуй пошевелить пальцами, друг мой.

Конан послушно сжал правую руку в кулак, потом расправил ладонь. Пальцы, хотя и неохотно, все же повиновались. Запястье было все еще багрово-синим и вздувшимся, но опухоль быстро спадала. Конан решил про себя: что бы там ни представлял собой этот жрец, шарлатаном он не был уж точно. Он ворчливо поблагодарил Мадезуса, а потом спросил:

— Чем заплатить тебе за лечение?

— Лично я, — был ответ, — не могу принять никакой платы. Однако ты должен вручить мне нечто для приношения в храм. За подобную услугу, оказываемую иноверцу, жрецы обычно берут три золотых. К сожалению, воздействие молитвы скоро прекратится, если я не получу ничего.

Конан хотел было возразить, но вовремя прикусил язык. Жизнь уже приучила его не пускаться в споры со священниками и колдунами. К тому же накануне он вы-

играл в кости вполне приличную сумму. Его кошелек всегда пустел с той же легкостью, с какой и наполнялся. Дай только время, и скоро в нем опять зазвенит золото. Киммериец потянулся к поясу... и потрясенно осознал, что кошелька нет на месте. Он быстро обежал комнату взглядом, надеясь, что попросту уронил его накануне. А может, это Ивэнна сняла его, когда промывала ему раны?..

— Мой кошелек! — сказал он. — Ивэнна, ты его не видала?

Девушка непонимающе уставилась на его ремень, где полагалось висеть кошельку. Теперь на этом месте болтались лишь потертые ремешки.

— Наверное, — предположила она, — ремешки оборвались, когда вчера ты дрался с... то есть я хотела сказать, во время того несчастного случая, — неловко поправилась она, поймав предостерегающий взгляд Конана.

— Понятно, — сказал Мадезус и покачал головой: — Увы, если в самом скором времени я не сделаю приношения...

— погоди! Возьми вот это, целитель. Эта штука стоит гораздо больше трех золотых, но дьявол с ней, с ценой, я благодарен тебе за помощь, — с этими словами Конан вытащил завернутый в тряпку браслет, по-прежнему надежно сохранявшийся во внутреннем кармане его безрукавки. Он покупал его для Ивэнны, но, если учесть историю, связанную с этим браслетом, девчонка все равно не сможет носить его открыто. А если учесть, что Конан заплатил за него всего два золотых, он оставался еще и при выгоде. Развернув украшение, он передал его жрецу. Мадезус взял браслет... и тотчас же, издав невнятное восклицание, выронил его, словно ядовитую змею.

— Да оградит нас Митра!.. — вырвалось у него. Вновь подобрав браслет, он внимательно и с любопытством осмотрел изящную вещицу. Потом пояснил: — От этого браслета исходит аура страшного бесовского зла! Аура уже померкла, но я сразу почувствовал ее, как только взял браслет в руки. Тот, кто последним носил украшение, умер чудовищной, неестественной смертью. И, судя по силе ауры, это случилось совсем недавно... Как попала к тебе эта вещь?

Мгновение Конан раздумывал, как бы поубедительнее соврать, но потом решил, что, если он расскажет целителю правду, хуже, чем есть, уже всяко не будет.

— Я купил его вчера вечером у заморийца по имени Хассим. Он продавал браслет за бесценок, и потому я не очень-то расспрашивал, где он сам его раздобыл. Я решил, он скорее всего украл его. Или выманил у кого-то обманом...

Пока Конан говорил, Мадезус смотрел ему прямо в глаза, словно пытаясь решить, правду ли говорит ему киммериец. Лицо целителя было очень озабочено и серьезно.

— А не подсказжешь ли, — спросил он, — где можно отыскать этого Хассима? Боюсь, здесь, в этом городе, пробудилось древнее зло! Если вовремя не отыскать и не обезвредить его источник, оно может набрать столь страшную силу, что никто уже не сможет ему противостоять! Да убережет нас от этого Митра!..

Руки у него опять задрожали. Он вновь вытряс в чашку содержимое какого-то пузырька и проглотил жидкость.

Конан и Ивэнна с большим сомнением поглядывали на молодого жреца — часом не свихнулся ли парень? Что еще за такое древнее зло, о котором он толкует? По глупокому убеждению Конана, Хассим был самый обычный лгун и мошенник, притом вконец опустившийся. Могло ли за ним в самом деле стоять нечто значительное?

— Желтобрюхий подонок теперь, скорее всего, удирает в сторону заморийской границы, — проворчал наконец варвар. — А что это за зло, которым ты нас пугаешь? И как ты сумел ощутить его присутствие, просто прикоснувшись к безделушке?

— Нас, жрецов Митры, с самых начальных ступеней научают распознавать следы и знаки присутствия Врагов Света, — ответил Мадезус. — Позже вырабатывается особого рода чувствительность к предметам и даже местам, вблизи которых недавно побывали создания Тьмы. При этом чем сильнее зло, тем проще распознать его след. Мы называем эти невидимые простым глазом следы «аурой». Аура ощущается только путем прикосновения к предмету. Как опытный охотник различает зверей по отпечаткам их лап, так и искусный жрец узнает своего врага по его

ауре. Священство, редко покидающее храмы, со временем утрачивает эту способность. Им ведь редко приходится встречаться со Злом лицом к лицу.

Что до меня, то по меркам жречества я совсем молод. Но в своих странствиях я сталкивался с таким количеством бесовских созданий, какое и не снилось седобородым старцам, живущим в безопасности своих храмов. И я утверждаю: этого браслета касалась злая Сила неведомой мне природы. Я чувствую ее смертоносную мощь, ее ненависть ко всем живым существам, ее жажду уничтожить и калечить. Я буду молиться, и, может статься, Небесный Отец сочтет возможным поведать мне, что это за Сила. Если же нет, я восприму это как Его указание не вмешиваться...

Теперь мне пора, друзья мои, но позвольте предупредить вас: берегитесь Хассима! Он может оказаться всего лишь пешкой в руках Зла, но кто поручится, что за ним не стоят неведомые и страшные Силы? Кто-то тклет паутину: остерегайтесь запутаться в ней так, что потом не сможете выбраться!..

Голос Мадезуса становился все громче, а последние слова он для убедительности сопроводил ударом подкованного посоха в пол. Поднявшись, он собрал свою потертую сумку, завернул браслет в белую тряпочку и бросил его внутрь.

Конан не слишком серьезно воспринял предупреждение целителя. Весь этот бред сивой кобылы насчет каких-то там аур и колдовских паутин у него в голове обычно не задерживался. Пусть ими и прочей потусторонней белибердой занимаются жрецы и им подобные. Конана интересовали понятные, земные материи. Хассим, например. Хассим, по крайней мере, был человеком из плоти и крови, а значит, эту плоть можно было проткнуть мечом и не сомневаться, что потечет кровь. Пускай безумный Мадезус гоняется за колдовскими заговорами и прочей чепухой. Его дело. Пускай только не становится у Конана на дороге и не мешает ему мстить. Варвар кивком попрощался с целителем и пристегнул к поясу меч, поразившись при этом, насколько быстро выздоравливало запястье.

Лекарь был прав в одном: Конану следовало соблюдать предельную осторожность. На всех воротах будет стоять стража, получившая его приметы. Что ж, он извлечет из

этого выгоду: если все кинутся следить за воротами, значит, меньше стражи будет околачиваться в городе, а именно там он и планировал начать охоту за Хассимом. Ивэнна подтвердила, что не далее как вчера было объявлено о крупной награде за розыск браслета; навряд ли заморийский мошенник не явится за деньгами! Конану оставалось только где-нибудь спрятаться и понаблюдать за входом во дворец. Ивэнна, со своей стороны, будет держать ушки на макушке и внимательно слушать все новости, касавшиеся вчерашнего происшествия. Тем более что все городские пересуды и сплетни неизбежно стекались в «Золотой Лев». Распространялись же слухи быстрее удирающих крыс.

Конан молча сидел и строил какие-то планы, Ивэнна же принялась готовить еду: тушеное мясо с пряностями, козий сыр, пастушеский хлеб с толстыми корками...

Отклонив приглашение Ивэнны отобедать, Мадезус рассеянно побрел улицами к древнейшему и самому бедному из трех городских храмов, посвященных Владыке Света. Жрец был уверен, что всей правды Конан ему не сказал. Навряд ли, однако, варвар имел хоть какое-то отношение к тому злу, которое он ощутил сразу, как только прикоснулся к браслету.

Увы, парень и девушка не отнеслись к его предупреждению с должной серьезностью. Что ж! Его дело — отыскать источник зла и истребить его, если хватит сил. Митраитское священство больше не признавало его настоящим жрецом, но Мадезус не считал для себя возможным трусливо отворачиваться от проявлений Зла и притворяться, будто их вовсе не существует. Взял след — разыщи и сразись, хотя бы это принесло тебе гибель. Так наставлял молодого жреца его Учитель, Калетос. Несколько лет назад, перед его уходом из Коринфии, между ними состоялась заключительная беседа, и сказанное Учителем навсегда запало в сердце Мадезуса.

«Запомни мои слова, — говорил Калетос, — и моли Митру, чтобы тебе никогда не пришлось воспользоваться тем, что ты сейчас услышишь. В мире присутствует великое Зло, и далеко не все оно коренится в сердцах самих людей. Никто не рождается прислужником этого

Зла: оно проникает в душу и разлагает ее изнутри. Человека, предавшегося Злу, можно убить, но Зло, овладевшее им, от этого не исчезнет. Проклинаемый людьми бог-Змей Сэт — всего лишь одна из недобрых Сил древности, что до сих пор делают свое черное дело, таясь от света в бессолнечных недрах земли. Эти Силы бессмертны. Они могут спать столетиями, а потом пробуждаются и начинают ткать свои сети, улавливая души людей. Алчные и слабые духом куда как падки на их посулы и лживые обещания. Это — готовая пища для Сил Зла! Оно пожирает их и отбрасывает за ненадобностью, и слишком поздно осознают они ошибочность избранного пути!

Но есть среди людей и такие, кто предназначен выискивать и уничтожать Первородное Зло, ищущее нашей гибели. Мой Наставник был из таких, и в тебе, Мадезус, я чувствую то же самое. На смертном одре Наставник передал мне могущественный амулет и научил молитвам, позволяющим прибегать к его силе. И вот, Мадезус, пришел час передать его тебе и с ним совет: используй амулет только в час крайней нужды! Ты становишься на путь, который не многие дерзают избрать. Отныне ты не сможешь называться жрецом Митры, по крайней мере в обычном понимании этого слова. Ты оставишь храм и пойдешь в мир. Ищи же Зло, которое ждет тебя там, и без устали изгоняй его с лица земли! Только не забывай при этом о своем долге по отношению к другим людям и об искусстве исцеления, которое я тебе преподавал. И помни: амулет не откликается на молитвы людей, которые желали бы использовать его в своих корыстных целях. Поэтому да будут твои побуждения всегда чисты и неизменно направлены на добро. Я же буду молить за тебя Митру, храмы Которого навсегда останутся для тебя родным домом...»

...Мадезус покинул Коринфию три года назад. Покинул с надеждой когда-нибудь возвратиться и поведать Калетосу о своих путешествиях. Он знал, что его Учитель был прав. Служение богу Света в коринфийском храме — это не для него. Его предназначением было защищать людей от Врагов, против которых сами они, со всем их оружием, были бессильны.

Поднеся руку к груди, он ощупал сквозь поношенную одежду свой амулет — звезду о семи лучах, висевшую на шее. Он чувствовал, что Зло, оставившее свой след на браслете, таилось где-то здесь, в городе. Быть может, он, Мадезус, забрел в Пайрогию совсем случайно. А может быть, его *направили*. Браслет — вот его зацепка в розысках неведомого Зла. Он определит, где оно прячется, и даст ему бой.

Он поднимался по ступеням, что вели в храм, и лицо его было решительно и угрюмо.

— Эй, ты, стой!.. Стоять, кому говорю!..

Громогласный приказ закованного в латы стражника сопроводил взмах выдернутого из ножен длинного обоюдоострого меча.

Конан бросил на кричавшего кровожадный взгляд, потом покосился через плечо в переулок. Как назло, в переулке громоздилась куча каменных обломков: дома ветшали и постепенно разваливались. Киммериец был не вполне уверен, что успеет перемахнуть через завал прежде, чем стражники до него доберутся.

Вот уже некоторое время он со всей осторожностью пробирался в направлении дворца, тщательно избегая людных больших улиц. До сего момента ему действительно не попалось ни единого патруля. Зато теперь, похоже, влип как следует. Вот что значит — не повезло! И ни тебе боковых дверей или хоть окошек, куда можно было бы юркнуть.

«Ладно, — сказал он себе, вытаскивая меч. — Я не напрашивался». Если эти недоумки в самом деле решили его задержать, пускай не обижаются. Конан крутанул на месте и молча ринулся прямо на подходивший патруль. Самое обидное, что, приблизившись, он узнал в одном из стражников старшину Эккара, частого посетителя «Золотого Льва».

Очнувшись от мгновенной неожиданности (ждал, что Конан кинется наутек), Эккар остановился и принял боевую стойку. Остальные патрульные тоже выхватили оружие. В отличие от предводителя, на них были только кожаные камзолы и железные шлемы.

— погоди! Я не хочу тебя убивать! — прокричал Конан. — Обвинение ложное, я ни в чем не виновен!

— Не трать силы на болтовню, варвар! — был ответ. — А вранье свое побереги для ушей капитана! И если ты сейчас же не бросишь меч и не пойдешь с нами сам, мы с ребятами ветчину из тебя сделаем!

— Бросить меч? — зарычал Конан. — Лучше уж я его воткну в твои вонючие кишки!

Старшина заворчал и подступил ближе. Он двигался осторожно и уверенно — опытный фехтовальщик. Вскинув меч, он лягнул им по мечу Конана и сделал быстрый выпад, намереваясь покончить с варваром раз и навсегда. С таким же успехом он мог бы атаковать каменную стену. Киммериец попросту отшвырнул его меч и сам сделал выпад, да такой, что Эккар, скакнувший навстречу, едва не напоролся на клинок, как на вертел. Старшину спасла быстрота: он успел отскочить, и меч Конана лишь откромсал от его кольчуги изрядный лоскут. Варвар заметил, как на лице его противника мало-помалу начал проявляться страх. Тем не менее стражник продолжал бой. Он осторожно двинулся в сторону, пытаясь дать место своим людям. И точно, один из патрульных занес меч и шагнул вперед. Но переулок оказался слишком узок, для троих в нем уже не было места.

Эккар, тяжело дыша, принялся отдавать распоряжения:

— Фелг, живо за подмогой! Юранд, беги квартал и нападай с другой стороны!

А сам тем временем отскочил на два шага прочь и поднял меч, готовясь отражать выпад киммерийца. Конан понимал: если он не прорвется прямо сейчас, очень скоро переулок будет кишмя кишеть стражниками, и те его попросту сомнут числом. Он рубанул по мечу Эккара, пустив в ход всю свою немалую силу. Клинок старшины разлетелся вдребезги. Меч Конана рассек и его, и кольчугу, и несколько ребер под ней. Удар отшвырнул Эккара назад и опрокинул его навзничь. Из раны в груди била багровая струя. Он еще успел открыть рот, как бы пытаясь что-то сказать, но вместо слов изо рта потоком хлынула густая алая кровь.

Фелг с Юрандом перескочили через поверженное тело своего командира и кинулись мстить. Один из них замахнулся на Конана широким кривым ножом, другой нацелил

ему в голову лезвие длинного ятагана. Киммериец нырком ушел от удара, вышиб у Фелга из руки нож и мгновенным движением меча выпустил стражнику кишки. Юранд не уключе защищался. Пятясь перед сокрушительным натиском киммерийца, он едва не упал, запутавшись ногами в Фелговых внутренностях.

Конан продолжал наседать. Обманный бросок, режущий удар в незащищенный бок противника... Бритвенно-острая сталь легко вспорола кожаную куртку и глубоко вошла в тело. Юранд издал нечеловеческий вопль и выронил ятаган, между тем как Конан рывком выдернул свой меч из его бока. Стражник рухнул наземь, зажимая ладонями страшную рану.

Киммериец стряхнул с меча кровь и быстро огляделся, высматривая, не бежит ли кто сзади. Никого! Он единым духом взлетел на кучу мусора и спрыгнул по ту сторону. В это время сзади раздались крики. Стражники! Принесла же нелегкая. Конан во весь дух помчался по переулку, надеясь оторваться от погони. Узкий проход завернул направо...

...И неожиданно кончился глухим тупиком.

Перед Конаном была высокая кирпичная стена без каких-либо признаков окон. Виднелась только толстенная деревянная дверь, укрепленная массивными железными полосами, каждая длиной в его руку. И запертая, конечно.

Размышлять было некогда. Конан разбежался и что было силы ударил в дверь ногой. Дверь затрещала и чуть подалась, железные полосы закрипели. Конан разбежался снова и ударил еще раз, уже плечом. Кто угоднo другой при этом переломал бы себе все кости, но Конан выдержал. А вот дверь — нет. Заклепки начали выскакивать, одна из полос заметно согнулась. Конан сейчас же схватил ее, уперся и потянул на себя так, что на могучих руках вздулись жилы. Толстая полоса начала медленно отходить, заклепки с треском рвались. Их оставалось всего лишь две, когда из-за угла показалась погоня.

— Кром!.. — вырвалось у Конана. Имя бога, произнесенное в качестве ругательства, придало ему сил. Еще одно предельное напряжение мышц — и железная полоса была сорвана. Конан размахнулся ею, как дубиной, и

шарахнул по голове первого же стражника. Тот свалился с раздробленным черепом, не издав ни единого звука.

Конан запустил железной полосой, как копьём, в следующего и выхватил меч, издав при этом леденящий душу киммерийский боевой клич. Между тем импровизированное копье угодило стражнику в живот и отшвырнуло его прочь, прямо на сотоварищей. Однако из-за угла появлялось все больше и больше вооруженных людей, и многие были в кольчугах, а один уже прилаживал стрелу к тетиве короткого лука.

По-дурацки лезть под град стрел Конану совсем не хотелось. Он воспользовался недолгим замешательством стражников и снова пнул дверь. Что-то затрещало с той стороны, и дверь тяжело обрушилась внутрь здания. Конан бросил быстрый взгляд внутрь... и выругался снова. Здание оказалось складом. И притом набитым до потолка бочками с вином.

Делать нечего, Конан схватил одну из бочек за оба конца и взметнул над головой. Бочка попалась тяжелая — на руках и торсе киммерийца вспухли узлы мышц. Однако он справился, и в следующий миг бочка полетела в наседавших стражников. Тяжелый «снаряд» прихлопнул сразу троих и еще нескольких сбил с ног. От удара о мостовую с бочки слетели обручи, и нападавших окатила волна дешевого вина. Конан тем временем выкатил в переулок еще несколько бочек, загромоздив стражникам путь.

Юркнув внутрь, молодой варвар проворно вскарабкался на самый верх и скользнул в глубину, протиснувшись между верхним рядом бочек и потолком. Добравшись до противоположного конца помещения, он спрыгнул на пол. Надтреснутое, замызанное окошко давало относительную возможность рассмотреть, что делалось на улице. Холера, опять стражники!.. Что ж, другого выбора, кроме как прорываться, у него не было. Если не удастся от них убежать, он по крайней мере отправит в преисподнюю некоторое число врагов, прежде чем они его свалят...

Конан уже нацелился вышибить переднюю дверь, когда его ноги коснулось дуновение прохладного воздуха из щели в деревянном полу.

Отпихнув в сторону мешавшую ему бочку, киммериец обнаружил в полу остроумно замаскированный люк. Надо

полагать, под ним был проход, который куда-то вел, иначе откуда бы взяться сквозняку? Пустив в ход кончик меча, Конан поддел тяжелую крышку, откинул ее и заглянул в открывшийся лаз.

Под крышкой была дыра, уводившая вертикально вниз, в темноту. В стенке ее торчали грубо сработанные скобы. Снизу шел резкий запах выгребной ямы, но в воздухе не было затхлости, присущей замкнутому пространству. Значит, где-то был и выход.

Пока Конан соображал, как тут быть, передняя дверь склада затрещала и дрогнула, а сзади послышалась ругань стражников, карабкавшихся на бочки. Решившись воспользоваться лазом, Конан подтащил к себе ближайшую бочку и спустился в дыру, надвинув за собой на люк крышку вместе со стоявшей на ней бочкой. С внутренней стороны толстой деревянной крышки был еще и запор, предохранявший лаз от нежелательного проникновения сверху. Конан с лязгом задвинул его.

Глаза киммерийца уже начинали понемногу привыкать к темноте. Откуда-то снизу исходило слабое свечение, так что в колодце царил не то чтобы уж совсем полный мрак. Конан стал спускаться, осторожно пробуя ногой каждую очередную скобу. Судя по количеству паутины, колодцем не пользовались уже несколько лет. Пауки разбегались во все стороны, недовольные неожиданным вторжением человека.

Достигнув дна, Конан убедился, что попал в перекошенный тоннель городской канализации. Отблеск света, который он заметил еще сверху, исходил из уличного зарешеченного люка. Издалека доносился гнилостный смрад, впереди был слышен крысиный писк. Что-то зашепотало Конану шею, и он с содроганием убедился, что все его тело облеплено паутиной, а в ней копошится множество пауков. Киммериец принялся смахивать восьминогих тварей и давить их на полу. Пауки кусались, но ядовитых среди них, видимо, не было.

Заметив, что малосимпатичными тварями кишел не только колодец, но и сам тоннель, Конан поспешно устремился вперед. Чувство направления его еще не покинуло, и он старался пробираться в сторону дворца. Стражники более не внушали ему опасения. Даже если они и

последуют за ним в подземелье, в путанице тоннелей он легко уйдет от погони. Он прислушался. Судя по всему, они не нашли потайного люка в полу: если бы нашли, то попытались бы выломать, и он бы это услышал.

Еще не отошедший от возбуждения битвы и окрыленный новой надеждой, Конан зашагал вперед извилистыми ходами, проложенными в городских недрах...

Глава четвертая КОРОЛЬ ЭЛЬДРАН

Король Эльдран утер с бледного чела пот и невесело посмотрел на свое отражение в зеркале, висевшем на стене скромно обставленной спальни. Увиденное его совсем не обрадовало. В это утро он выглядел гораздо старше своих сорока пяти лет. Накануне вечером он ощутил первые признаки какой-то хвори и на всякий случай заварил себе кезанкийских трав, укрепляющих силы. Он думал, что за ночь все пройдет, как то обычно и бывало, однако ошибся. Утро принесло с собой явное ухудшение.

При других обстоятельствах Эльдран предположил бы, что его отравили, но после последнего покушения на свою жизнь он стал самолично наблюдать за тем, как готовилась для него пища. Вот и вчера вечером он присутствовал на кухне при тушении мяса. А потом вся его стража ела вместе с ним из одного блюда, благо вкусы у короля и телохранителей были одинаковые — и он, и они предпочитали простую пищу, к которой с детства привыкли. Король Эльдран во всем по возможности придерживался простоты. И в одежде, и в убранстве покоев, и в манере править страной. Он отлично знал, что это отвратило от него многих вельмож. Отпрыски благородных родов считали его деревенщиной на троне, коронованным козопасом. Зато простой народ по достоинству ценил своего короля. Эльдран, конечно, не был красноречивым и изворотливым дипломатом. Когда ему случалось говорить с народом, он говорил правду — честно и без обиняков. И это расположило к нему множество сердец по всей стране.

Там, где требовались тонкости придворного этикета и цветистые речи, король полагался на своего старшего внука — Ламици. Ламици долго служил правящему Дому именно в таком качестве. Самого внука Эльдран не больно-то жаловал — уж слишком услужливо он улыбался и гладко говорил. Такие люди были королю не по душе. Однако упрекнуть Ламици было не в чем, да и род его поколениями верно служил бритунийским монархам...

Эльдран подошел к окошку и посмотрел на восходящее солнце. Главный евнух вот-вот должен был войти к нему с ежеутренним визитом, дабы обсудить безотлагательные политические дела...

Король потер руками лицо и помотал головой, сияясь разогнать пелену, застилавшую зрение. «Не дело, — решил он. — Если к полудню не полегчает, пошлю за лекарем».

Эльдран когда-то служил в пограничных войсках и многое там перенес — и ранения, и болезни. Оставалось надеяться, что ничтожная хворь не сумеет уложить его за смертью, как какого-нибудь старого нищего, склонного жаловаться на каждый сустав.

А может, это сказывалось горе, постигшее его так недавно?.. Король тяжело переживал внезапную гибель своей любимой дочери — Эльспет. Ко всему прочему он видел в случившемся и свою вину. Вне всякого сомнения, несчастная принцесса пала жертвой заговора, направленного против него самого. Первое время после ее гибели он пребывал в ярости и жаждал отмщения. Теперь гнев улегся, оставив лишь страшное чувство опустошенности. Как прекрасна была его любимица Эльспет!.. И как похожа на свою мать, Кассандру!..

До чего жесток этот мир, огнявший у Эльдрана сперва жену, а всего через несколько лет — и горячо любимую дочь... Как раз когда король только-только успел свыкнуться с печальной долей вдовца, благо воинская служба помогала ему забываться...

Эльспет, Эльспет!.. Ее улыбка, ее смех, золото волос, веселый и вспыльчивый нрав...

Эти воспоминания были главными сокровищами опустошенного короля. Самым дорогим, что у него в жизни осталось.

Грустно улыбнувшись, Эльдран натянул темно-серый камзол, потом черные шерстяные штаны и, наконец, сапоги, сделанные из толстой и прочной, но притом очень мягкой кожи редкостного черного носорога, водившегося в стране Коф. Застегнув на талии потертый пояс с мечом, король определенно почувствовал себя лучше. Кезанкийский меч при бедре перешел к нему от отца. Его привычный вес добавлял уверенности, успокаивал. Эльдрану даже показалось, будто тяжелый стальной клинок ластился, прижимаясь к ноге.

Утреннее солнце заливало потоками света крепкую, подтянутую фигуру короля. В действительности Эльдран выглядел куда более царственным, чем сам предполагал. Коротко подстриженные темные волосы густо запорошила седина. Бороду он по давней привычке тоже стриг коротко. Серо-стальные глаза, которые рассвет подкрашивал голубизной, отражали сущность этого человека, наделенного железной волей, цельным, нестигаемым характером, честностью, силой и простотой. Годы, проведенные в постоянных боях на северо-восточной границе Бритунии, наградили короля внушительной мускулатурой, и знающие люди подтверждали, что он был необыкновенно ловок с мечом. Суровое лицо, отмеченное шрамами и печатью прожитых лет, оставалось по-мужски привлекательным.

Неизменное дружелюбие Эльдрана и его уважение к другим людям снискали ему множество горячих сторонников. Войско, а потом и весь народ привыкли видеть в нем находчивого и заботливого предводителя. Он сделал в не столь многочисленной бритунийской армии стремительную карьеру, но умудрился при этом почти не нажить себе завистников: каждое очередное продвижение по службе было заработано героическими и самоотверженными деяниями, а не подсиживанием и интригами. На границе, во время каждодневных стычек и засад, ему порою случалось выручать из беды собственных телохранителей. И даже личное горе только укрепило его, закалило, как стальной клинок под молотом кузнеца.

Его произвели в полководцы почти в то же время, что и его давнего друга — Вальтреско. Они с ним много лет сражались бок о бок, защищая восточное пограничье

Бритунии, только войско Эльдрана стояло дальше на север, а Вальтреско командовал южнее, ближе к столице. Но если приходило время отражать очередной набег из Гипербореи или Турана, друзья-полководцы всегда действовали сообща.

Когда войсковые офицеры и знать Бритунии потребовали, чтобы он воссел на трон вместо усопшего короля, изумлению Эльдрана поистине не было предела. Если уж на то пошло, при отсутствии законного наследника бритунийские монархи действительно избирались обычно из военной среды. Но до сих пор это были люди гораздо знатнее Эльдрана. Когда король Куллан присоединился к сонму предков, не оставив детей, Эльдран почти не сомневался, что новым правителем страны станет Вальтреско. Когда последовало неожиданное предложение, он даже подумывал отречься в пользу Вальтреско. Ну какой из него, в самом деле, король?..

Тем не менее после тягостных раздумий он все-таки принял корону. И не в последней степени потому, что представители сразу нескольких известных бритунийских семейств заявили ему — только его восшествие на престол могло, мол, предотвратить между ними кровавую свару из-за власти. Не приведи боги, если воцарится представитель одного из этих родов, смертельно оскорбив тем самым все остальные!..

И первое, что он сделал, — это назначил Вальтреско верховным полководцем всех армий Бритунии. Эльдран опасался, что обойденный Вальтреско затаит обиду, но тот не выказывал никакой ревности, никакого недовольства.

Между тем Эльдран явился первым монархом в своей древней династии, которого с энтузиазмом поддерживали кезанкийские горцы. Вот это обстоятельство и подтолкнуло его к окончательному решению. Прежние короли Бритунии относились к горцам безо всякого уважения. И в самом деле, за что им было особо уважать небогатый и строптивый народ, всегда державшийся особняком?

Вот Эльдран и решил, что, приняв корону, сумеет объединить бритунийский народ в сплоченную нацию и положить конец беспрестанным наскокам не в меру во-

инственных соседей. Ни о каких империях Эльдран не мечтал. Начать с того, что у Бритунии не было денег для снаряжения большой армии, способной завоевать могущественные сопредельные страны. Да и самого Эльдрана слава завоевателя ничуть не прельщала. Он слишком дорого ценил человеческую кровь, чтобы платить ею за лишние клочки земли для своей державы. Пределом его мечтаний была мирная и спокойная страна, народ которой смог бы чувствовать себя в безопасности. Вот потому-то он и вел бесконечные переговоры с государствами Заморы, Коринфии и могучей Немедии. И относились они к нему, надо сказать, гораздо уважительнее, чем к кому-либо из его венценосных предшественников. Хотя бы потому, что народ, верный Эльдрану, чуть что — выставил бы весьма серьезное и грозное войско.

Конечно, стычки на границах происходили каждый божий день. Естественно, соседи спешили объявить их «вылазками» каких-то там «отщепенцев». Эльдран хорошо понимал, что в действительности его пробовали на зуб. Всякий раз Вальтреско весьма убедительно доказывал мощь и решимость бритунийской армии и ее полководцев. А чем больше набегов получало сокрушительный отпор, тем лучше двигались переговоры.

Оставалось только сожалеть, что некоторые сопредельные страны, особенно Немедия и Замора, видели в царствовании Эльдрана угрозу собственной безопасности. Именно оттуда исходили постоянные, до сих пор безуспешные попытки уничтожить его лично. Положить конец этим поползновениям не представлялось возможным. Поразмыслив над ними, Эльдран пришел к выводу, что его планы, по-видимому, медленно, но верно приобретали черты реальности. Иначе сопредельные короли навряд ли стали бы искать его смерти.

Последняя попытка отравления только научила его еще большей осторожности. Он терпеть не мог находиться под постоянным надзором охраны, но понимал, что иначе просто нельзя. Слава богам, его личная стража состояла из горцев, многие среди которых воевали с ним бок о бок в прежние времена: король рад был проводить время в обществе старых товарищей, к тому же близких

ему по крови. Вот если бы еще ему удалось должным образом оградить Эльспет...

Эльдран решительно прогнал горькую мысль прочь, сказав себе, что теперь все равно слишком поздно. А значит, нечего и грызть себя за бывшие просчеты. Лучше попытаться сосредоточиться на последних нюансах взаимоотношений с соседними королевствами...

Эльдран вновь посмотрел в окошко. Наверное, Ламици сообщит ему, как ответил заморийский принц на его последнее предложение по части использования порубежных земель.

Стоило подумать об этом, и за дверью протопал сапожищами Кейлаш — кезанкийский вождь, ближайший друг и телохранитель Эльдрана.

— Евнух Ламици ждет у порога, государь, — прогудел низкий голос могучего горца. — Во имя Эрлика, Эльдран, и как только ты терпишь этого типа? Я так скорее бы полез купаться с кхитайскими водяными гадуками, чем слушать его советы!.. От одного его голоса и то уши вянут!

— Спокойно, дружище, — улыбнулся король. — Я от Ламици тоже не в особом восторге, но что делать? Он служит стране и людям, точно так же как ты или я. Королевство складывается из тьмы-тьмущей людей, от великих до малых, и у каждого свое дело на этой земле... Кто возьмется судить, какой человек важен, какой нет? Мало ли кого я в этом городе терпеть не могу, но делать нечего — уживаюсь... Не в первый раз мы с тобой обсуждаем это, Кейлаш, но, по-моему, ты никогда не изменишься. Ты упрям, как те серые горные козлы, которых разводит твой брат. Ладно, зови сюда Ламици... Нам с ним... — Эльдран неожиданно умолк и вновь вытер покрывшийся испариной лоб. — Нам с ним, — закончил он с видимым усилием, — надо многое обсудить.

Кейлаш озадаченно прищурился, всматриваясь в лицо друга:

— Никак ты захворал, государь? Что-то бледный совсем...

— Что?.. А, пустяки, скоро пройдет. Все-то ты кудахчешь надо мною, Кейлаш! Тоже нянька выискалась!..

Отправь-ка лучше людей завтракать, а я уж как-нибудь сам о себе позабочусь. Дапусти наконец евнуха, не то мы с тобой целое утро попусту проболтаем!

— Сейчас, государь! — Кейлаш расплылся в улыбке и со смехом хлопнул короля по спине. Тяжеловесная дружеская ласка заставила Эльдрана болезненно вздрогнуть, но Кейлаш не заметил: он уже спешил к внешней двери, за которой дожидался Ламици.

Король подошел к массивному каменному столу, занимавшему большую часть комнаты, и опустился в одно из обтянутых простыми чехлами кресел, расставленных вокруг. Перед ним была карта Бритунии и соседних держав. Эту карту Эльдран знал наизусть.

— Доброе утро, государь! Какой чудесный сегодня рассвет!..

В голосе Ламици звучало воодушевление, но глаза смотрели холодно, безо всякого выражения. Подойдя к столу, он поклонился и встал перед королем, выпрямившись в струнку. Эльдран жестом предложил ему сесть, потом заметил, что евнух разглядывает его с обостренным вниманием.

— Мой государь, — тут же сказал Ламици, — прости, но мне кажется, сегодня ты что-то не в себе! Прикажешь послать за лекарем, который осмотрит тебя?

— Не надо, Ламици, — несколько раздраженно отозвался Эльдран. Ему начали уже надоедать бесконечные расспросы о его здоровье, тем более что он и в самом деле чувствовал себя скверно. — Есть ли новости от заморийского принца?

— Гонец еще не вернулся, государь. Он отправился в путь две недели назад, однако дороги... — начал было объяснять Ламици, но король перебил:

— Да, дороги кишат опасностями. Мы с тобой это уже обсуждали. Тем не менее за это время гонец успел бы прогуляться в Вендию и назад! Я отправлю разъезд с наказом выяснить, что его... задержало... — Эльдран в который раз смахнул со лба пот: капли становились все крупнее. Зря все-таки он повысил голос на евнуха. Это все проклятая болезнь. И горе по бедной Эльспет. — Знаешь что, Ламици, — сказал он, — давай отложим нашу беседу. Ты прав: я в самом деле что-то плоховато себя

чувствую. Я скверно спал ночью и должен еще отдохнуть, прежде чем заниматься делами.

— Государь... это все из-за принцессы, не так ли? Народ скорбит вместе с тобой, повелитель. Прости, если я вмешиваюсь в твои личные дела, но... если я хоть чем-то могу утешить тебя, ты только скажи. Я, кстати, узнал, что Вальтреско доподлинно выяснил, кто совершил мерзостное злодеяние, и вот-вот схватит преступника. Палач острит топор, государь! Хотя, на мой взгляд, быстрая смерть — слишком легкое наказание за столь чудовищное убийство...

— Казнь не доставит мне удовольствия, — ответил король. — Голову преступнику мы, может быть, и отрубим, но Эльспет все равно не вернешь. Другое дело, что мерзавцу, кто бы он ни был, самое место в преисподней: там его постигнет воистину справедливый суд и возмездие куда хуже всего того, что могли бы причинить ему люди. Скажи мне только, как звать этого человека? Я должен знать, кто причинил мне такое жестокое горе...

— Его зовут Конан, мой государь. Бездомный бродяга-варвар убил принцессу, позарившись на ее драгоценности. Его голова уже скатилась бы с плахи, если бы не досадная оплошность капитана Сальвораса, упустившего варвара вчера вечером...

— Сальворас?... Ах да, тот молодой офицер с юго-западной границы. Отменный воин, между прочим. Несколько лет назад он со своими людьми геройски удерживал переправу через Желтую реку, хотя проклятые немедийцы намного превосходили их числом. Жаль, что он так просыпался с этим Конаном. Наверное, варвар далеко не промах, если уж сумел уйти от Сальвораса! Распорядись, чтобы стражники проявляли крайнюю осторожность, когда другой раз пойдут его брать. Человек, способный поднять руку на дочь короля, может быть исключительно опасен для жителей города... Если окажется, что его не взять живьем без лишних потерь, пусть расправятся с ним на месте. Подготовь указ о его казни, Ламици. Я немедленно подпишу.

Евнух тотчас развернул и подал королю принесенный с собой пергамент. Эльдран просмотрел его, не спросив,

почему указ оказался уже подготовлен, потом приложил к нижней части листа перстень со своей печатью. Ламици тем временем с величайшим удовлетворением отметил, что король весь в поту, часто дышит и дрожит, точно в легком ознобе. Эльдран был очень бледен и едва совладал с собственной рукой, когда прикладывал печать. Отлично! Азора держала слово. Скоро, очень скоро коронованному козопасу настанет конец.

Зрелище страданий царственной деревенщины доставляло Ламици истинное наслаждение. «Если бы ты еще знал, дубина, какой именно смертью умерла твоя распутница дочь!.. Вот бы дать тебе послушать ее предсмертные крики, горе-король!.. Ничего: совсем скоро вы с ней встретитесь в преисподней...»

— Вальтреско лично заверил меня, что злодей будет вот-вот разыскан и должным образом наказан, государь. Быть может, я могу еще как-нибудь?..

— Нет, Ламици, благодарю. А сейчас оставь меня, пожалуйста, одного. Мне надо многое обдумать. Я позову тебя, когда буду готов. Если явится гонец из Заморы, немедленно сообщи. Ступай, Ламици.

— Слушаюсь, государь. Надеюсь, скоро ты почувствуешь себя лучше... — Ламици потребовалось все его искусство, чтобы это прозвучало искренне. Он поклонился и вышел, бесшумно ступая мягкими туфлями по толстым коврам, покрывавшим каменный пол.

Эльдран медленно поднялся с кресла и позвал Кейлаша. Попытавшись справиться со слабостью и головокружением, король понял, что дело, кажется, и впрямь худо. Кое-как он добрался до постели и лег. Кейлаш стремительно влетел в комнату.

— Я уже послал за лекарем, государь, — проговорил он обеспокоенно. — Прости, что не стал дожидаться твоего распоряжения, но я слишком хорошо тебя знаю. С твоим кезанкийским упрямством ты не позовешь врача, пока не свалишься в предсмертных судорогах!.. — Кейлаш изо всех сил пытался шутить, но мало что получалось. — Думаешь, я не помню, как девять лет тому назад, когда мы бились в Граскаальских горах, ты отмахал десяток лиг с гиперборейской стрелой в животе? Той ночью было темнее, чем в стигийской гробнице, так что

никто и не знал, что ты ранен, пока ты попросту не завалился лицом вниз!..

Эльдран слабо улыбнулся:

— Верно, мы с тобой всякого хлебнули в те времена... Однако ты преувеличиваешь, приятель. Насколько я помню, я тогда протащился всего две или три лиги... Ладно, дай отдохнуть. Каким образом, по-твоему, я должен поправляться, если ты все время реवेशь мне в ухо, точно осел?.. — Король понюхал воздух и сморщился: — Не говоря уже о том, что и пахнет от тебя, как от осла... Не беспокойся, дружище ослик... я скоро выздоровлю...

Эльдран пытался бодриться, но сам видел, что обмануть Кейлаша не удастся. Он закрыл глаза и скоро погрузился в дремоту.

...Почти сразу его посетил очень странный и страшный сон. Он увидел людей, многие из которых были его близкими друзьями. Все они стояли кругом странного каменного алтаря и смотрели на его макушку. Где-то на заднем плане король заметил Ламици. Евнух держал в руках лиру и наигрывал на ней погребальную песню. Здесь же стоял и Вальтреско, но, когда Эльдран попробовал обратиться к нему, полководец молча отвернулся. Король стал пробираться сквозь толпу, спрашивая каждого, по ком все плачут. Никто не пожелал ответить ему, даже Кейлаш: верный горец попросту смотрел сквозь своего сюзерена, словно не узнавая его. Добравшись наконец до алтаря, Эльдран разглядел черноволосую женщину необыкновенной, дурманящей красоты. Она протянула ему руку, и он без усилия взобрался к ней на алтарь. Бывшие вокруг начали поворачиваться и уходить прочь.

Незнакомка тем временем обняла его и страстно принялась целовать. Изумленный король попытался высвободиться из ее объятий, но не сумел. Потом, посмотрев через ее плечо, он заметил свою жену и дочь, молча стоявших у алтаря. Ламици продолжал наигрывать похоронный мотив. Пальцы евнуха так быстро летали по струнам, что сливались в одно мутное пятно.

Потом в чертог ворвался могучий мужчина с горящими синими глазами. Он яростно размахивал длинным прямым

мечом западной работы. Он кинулся прямо на дочь и жену Эльдрана, занося блестящий клинок!.. Перед ним возник Вальтреско, но полководец был безоружен. Подняв голову, Вальтреско посмотрел на Эльдрана, взглядом умоляя его дать ему меч. Король выхватил из ножен отцовский клинок и бросил его полководцу — тот подхватил меч с легкостью и изяществом жонглера. А потом рубанул наседавшего варвара, не давая ему добраться до беспомощных женщин.

От прикосновения кезанкийского лезвия черноволосый гигант рассеялся, словно горстка пыли. А Вальтреско... безо всякого предупреждения повернулся к дочери и жене короля и проткнул мечом сначала одну, потом и другую!.. Эльдран отчаянно закричал, но с его уст не сорвалось ни звука. Ламици все так же терзал лиру, что-то вполголоса напевая. Теперь он играл старую бритунийскую танцевальную песню, часто звучавшую, когда праздновались победы.

Странная незнакомка, по-прежнему сжимавшая Эльдрана в железных объятиях, запрокинула голову и торжествующе расхохоталась, показывая жуткие ряды поземейному острокопечных черных зубов. Вот ее голова вновь качнулась вперед... и змеинные клыки впились прямо в его беззащитное горло. Король судорожно забился, но силы быстро оставляли его. Женщина пила его кровь, словно огромная двуногая пиявка. Он почувствовал, что теряет сознание...

Эльдран очнулся в поту, сотрясаемый жестоким ознобом. В его жилах бился огонь. Он закричал бы, если бы мог совладать с собственным горлом, перехваченным неведомой силой. Он чувствовал страшную слабость, туман перед глазами то рассеивался, то сгущался. Сколько он проспал?.. Он смутно помнил кошмарный сон: какая-то женщина... черный алтарь... Воспоминание быстро погасло в охваченном лихорадкой мозгу. Он кое-как разглядел рядом с собой лекаря и Кейлаша. Они тихо переговаривались у его постели. Эльдран хотел приподняться, но тело было чужим. Лекарь вытер лоб короля прохладной влажной тряпицей. Он что-то говорил Кейлашу, но сознания Эльдрана достигали только бессвязные обрывки слов.

— Внезапное пробуждение... да, вчера он... травы... колдовство... метался в бреду... нужен жрец...

Лекарь вышел из комнаты. Кейлаш склонился над другом, с бесконечной заботой вглядываясь в его лицо, потом положил мясистую лапищу ему на плечо. Он заговорил, но Эльдран едва его слышал.

— Держись, дружище, лекарь скоро вернется... Мы разыщем...

Краски мира вновь померкли для несчастного короля. Эльдран закрыл глаза и опять погрузился в сон, где снова и снова раскручивался все тот же кошмар. Безумное представление, разыгранное на подмостках глубочайших бездн преисподней...

Кейлаш выпустил плечо друга и беспокойно заходил по опочивальне. Ему приходилось видеть Эльдрана, как говорится, во всех видах. И пьяным, и мечущимся в лихорадке из-за ран, полученных в битве, и смертельно усталым, и страдающим от солнечного удара. Но чтобы он вот так в мгновение ока поддался непонятной болезни?.. Такого с ним никогда еще не бывало. Правду сказать, вчера король выглядел бледноватым, но сейчас он был попросту похож ни привидение. Теперь он спал, но сон не освежал его, а скорее мучил: Эльдран вскрикивал и метался на ложе. Лекарь не смог ни разбудить его, ни унять боль. Временами король открывал глаза, но почти сразу вновь опускал веки. Ни о пище, ни о питье не было речи. Они попытались было его накормить, но кончилось тем, что он чуть не задохнулся.

Кейлаш подозревал, что дело не обошлось без колдовства. Было очень похоже на то, что какой-то нечистый дух, вызванный из глубин ада, пытается сокрушить душу и тело Эльдрана. Потому-то и бесполезно было искусство самых лучших врачей. Только жрец или волшебник мог спасти вождя и друга Кейлаша. Он уже послал троих самых стремительных своих наездников за кезанкийским шаманом. Но даже если бы парни не скакали на лошадях, а неслись на крыльях, путешествие заняло бы много дней. Слишком много.

— Держись, друг!.. — утешал короля Кейлаш. — Гони демона, впившегося в твое сердца! Клянусь Эрликом, ты сумеешь его одолеть!..

Он ходил и ходил по комнате, гадая, сколько еще времени отпущено Эльдрану. Всем своим существом горец чувствовал, как покидала короля жизненная сила. Неведомый враг высасывал ее капля за каплей, а он, Кейлаш, ничего поделать не мог...

Глава пятая

КРОМЕШНЫЙ УЖАС

Конан только раздраженно ворчал, время от времени наступая на что-то мокрое, скользкое и волосатое, стремительно удиравшее из-под обутых в сандалии ног. Вот уже несколько часов он плелся куда-то старинными канализационными тоннелями, и мерзкая жижа, местами достигавшая колен, успела смертельно ему надоесть. Не говоря уже об отвратительном запахе, который она источала! Конан задыхался, кое-как сдерживая тошноту. Время от времени ему начинало казаться, что измученное обоняние милосердно отказывалось служить. Но запах постоянно менялся (причем, конечно, в худшую сторону), и он убеждался, что, к сожалению, не потерял нюх.

Оставалось только радоваться, что забытой канализацией во многих местах почти не пользовались. Иначе ему пришлось бы еще покруче теперешнего.

Киммериец все поглядывал на потолок, надеясь разглядеть очередной лучик света, но тщетно. Слишком давно наверху не попадалось уличных решеток. Тем не менее Конан был уверен, что по-прежнему движется по направлению ко дворцу.

Около часу назад, добравшись до места, где тоннель разветвлялся на трое, он довольно долго раздумывал, какой путь избрать. Проход, уводивший в сторону дворца, слегка понижался, и ему это весьма не понравилось. Конан, однако, полез именно туда, ибо не желал уподобляться маленькому ребенку, боящемуся темноты. Чем дальше он уходил, тем быстрее мерк едва сочившийся свет, пока не сменился вовсе уже чернильной темнотой, едва проницаемой даже для его острых глаз, привыкших к темноте подземелья. «Кром!.. Хватит с меня!» — решил он наконец.

Повернулся и зашагал назад, намереваясь вновь выйти к разветвлению тоннелей и попробовать другой путь.

На всякий случай он ощупывал рукой стену, и каменная кладка, по которой скользили его пальцы, казалась ему более чем странной. В нем пробудилось невольное любопытство... и почти сразу же кусок камня легко отделился от стены, оставшись у него в руке. С одной стороны торчали острые сколы, другая была закруглена, как... вот именно! Как человеческая кость!..

Конан с отвращением отшвырнул «камень», в самом деле оказавшийся костью. И ускорил шаг, стремясь поскорее покинуть зловещее место. При этом он продолжал касаться рукой стены и постепенно осознал нечто такое, от чего волосы у него слегка поднялись дыбом: *вся стена состояла из плотно сбитых вместе звериных и человеческих костей!*.. Отбросив всяческую осторожность, Конан помчался по тоннелю бегом, кое-как выдирая ноги из вонючей слизистой грязи. Теперь он понимал, почему здесь стоял такой смрад, далеко превосходящий ставшие уже привычными миазмы канализации. Это был запах смерти и трупного разложения. Коридор, по которому бежал Конан, представлял собой самый настоящий склеп.

Споткнувшись, он не удержал равновесия и лицом вниз полетел в отвратительно смердевшую лужу. Пока он поднимался на ноги и пытался хоть как-то оттереть с себя липкую мерзость, послышалось влажное чавканье и следом — неестественный булькающий визг. Инстинктивным движением Конан выхватил меч, и весьма вовремя. Из гнусной жижи начало возникать кошмарное Нечто.

Тварь была громадна. Слизистая туша заполняла собой все пространство тоннеля. И она шлепала прямо к Конану, чавкая, булькая и непристойно визжа. Варвар попытался, до последнего стараясь избежать столкновения. Ему едва удавалось разглядеть в потемках внешний облик чудовища: очертания шишковатого грибообразного тела с дюжиной длинных щупалец, волосатых сверху, а снизу усеянных губчатыми присосками. Одно из этих щупалец вдруг метнулось вперед, точно кнут. Конан взвился в прыжке, не давая опутать себя. Увы, от неожиданности он забыл, что находится в низком тоннеле, и с маху врезался головой в потолок, вызвав небольшой обвал камней пополам с

костьми. Удар почти оглушил его. На некоторое время киммериец потерял ориентировку, и сразу несколько щупалец словно тисками сдавили его ногу и тело.

Тем временем непрочный потолок продолжал рушиться, низвергая потоки булыжников и обломков чьих-то скелетов. Краем глаза Конан подметил слабый луч света, неожиданно пробившийся сверху. Оказывается, он находился гораздо ближе к поверхности, чем предполагал. Сверху, хотя и очень слабо, проникал самый настоящий солнечный свет.

Этот свет помог Конану получше рассмотреть схватившее его чудовище. Морщинистую бело-розовую пупырчатую кожу покрывали клоки грубой шерсти разных оттенков ржаво-бурого цвета. Там и сям виднелись тошнотворные наросты зеленой плесени. Беззубая пасть, способная целиком поглотить человека, издавала жуткое чавканье и истекала гнилой слюной...

Щетинистое щупальце, обхватившее Конана поперек тела, неожиданно напряглось еще больше, порываясь расплющить киммерийца насмерть. Он почувствовал, как выдавливаются из легких последние остатки воздуха, как десятками жадных ртов впиваются в тело присоски. Кровообращение в левой ноге, перекрытое чудовищным нажимом, грозило остановиться совсем. Однако варвар уже оправился от удара о потолок. Яростный взмах меча — и острое лезвие почти пополам перерубило щупальце, обхватившее его вокруг пояса. Тварь взвыла, отдергивая поврежденную конечность, и вдруг с силой рванула Конана за ногу.

Киммериец вновь оказался на полу и уже во второй раз сильно ударился затылком. Если бы не крепкие шейные мышцы да не инстинкт, заставивший в последний миг прижать подбородок к груди, лежать бы ему с раздробленным черепом. Хуже было то, что из руки выбило меч. Конан принялся шарить впотьмах, извиваясь и лягая щупальце, безжалостно дробившее его левую ногу...

Чудовище не только не думало его выпускать — наоборот, оно принялось еще и подтягивать его к жадно раззявленной пасти. Оттуда сочился черный ихор, и там, где он капал на пол, слышалось шипение и завивались струйки дыма. Потом над пастью приподнялась кожная складка и

появился единственный глаз: злобещий, выпуклый, темно-багровый. В щелевидном зрачке, устремленном прямо на Конана, светился ужасный нечеловеческий разум.

Киммериец судорожно пытался дотянуться до меча, но увы! Тот лежал совсем рядом, однако вне досягаемости. Упираясь свободной ногой в стену, Конан как мог пытался противостоять жуткой силе, затягивавшей его в смертоносную пасть. Он пытался хоть за что-нибудь зацепиться руками, но опоры не находил: вокруг были лишь кости и камни, свалившиеся с потолка. В отчаянии варвар подхватил обеими руками увесистый булыжник и запустил им в монстра, целя прямо в его единственный глаз. Запустил со всей силой, на которую были способны его мускулистые руки. Камень попал прямо в цель... раздался звук, как будто лопнул омерзительный гнойный нарыв. Камень пробил оболочку глаза и глубоко вошел в податливые недра чудовища. Рана оказалась смертельной. Тварь забилась в агонии, щупальца беспорядочно корчились и хлестали...

Скользкий пожиратель так и не выпустил схваченную ногу киммерийца. Наоборот, он только усилил судорожный нажим, и Конан отчетливо понял: еще чуть-чуть, и левое бедро превратится в кровавую кашу. Монстр взметнул Конана в воздух и принялся хлестать им по полу, по стенам и потолку. Отовсюду сыпались кости и обломки камней; казалось, дрожала сама земля. С шумом обрушилась новая часть потолка. Обвал придавил чудовище, и оно наконец затихло совсем. Щупальце, терзавшее ногу Конана, постепенно обмякло, убийственные кольца разжались.

Запаленно дыша, молодой варвар на четвереньках отполз подальше от страшилища, едва его не убившего. Каким-то чудом его нога осталась цела, кровь болезненно покалывала в ней, возвращаясь. Последний обвал расширил дыру наверху, так что в тоннеле стало почти совсем светло. Конан осмотрел себя и увидел на бедре и на талии множество сочившихся красных кружков: присоски действительно пытались выпить его кровь. Кроме того, повсюду уродливо багровели ожоги, оставленные прикосновением ядовитой щетины. Вся средняя часть тела мучительно ныла. Еще бы, ведь чудовище едва не пережало его пополам!.. Да, даже дыба палача была милосерднее

людоеда, таившегося в сточных тоннелях. Каждый дюйм тела Конана был покрыт кровоподтеками и синяками, и немудрено — ведь им колошматили, точно дубинкой, по стенам и потолку!

Киммериец разыскал меч и с трудом, хромая, поднялся на ноги. Задрав голову, он увидел, что оползень открыл дыру, достаточно широкую, чтобы мог вылезти человек. Какое счастье, что потолок не обрушился совсем и не похоронил его в зловонном тоннеле вместе с ползучим ужасом, который он одолел в столь страшной борьбе!.. Слава богам, изначальная кладка была сработана на совесть. Лезть вверх предстояло футов восемьдесят, если не все девяносто. Но для киммерийского горца это было что-то вроде легкой прогулки. Конану еще в детстве случалось одолевать более отвесные и гладкие стены.

Он осторожно пополз вверх, стараясь по возможности избежать новых обвалов. Оставалось только уповать, что на поверхности его не поджидали бдительные стражники. Как знать! Схватка в подземелье вышла довольно шумной, уж, верно, кто-нибудь да услышал. Избитое тело не очень-то годилось для новых боев, но все-таки звериная живучесть Конана позволяла надеяться на равную схватку с тем, что могло встретиться ему наверху. Другой человек на его месте неминуемо бы погиб, либо сошел с ума, либо, самое меньшее, еще много дней приходил в себя от страшного потрясения. Киммериец выдержал все и был почти готов к новым сражениям.

Подъем занял больше времени, чем он рассчитывал поначалу. Камни то и дело учиняли очередной оползень, и варвар съезжал на несколько футов вниз, прежде чем ему удавалось вновь обрести опору и продолжить свое движение вверх. Все же, видно, в этот раз он слишком многого требовал от своего истерзанного тела: схватка с чудовищем сильно сказалась на его ловкости и проворстве. Тем не менее спустя время упорство Конана было вознаграждено. Он перевалился через край дыры и оказался в относительной безопасности, на твердой земле.

Киммериец сразу обратил внимание, что солнце стоит гораздо ниже, чем он предполагал. Инстинкт времени основательно его подвел: блуждания по темным тоннелям заняли порядочную часть дня. Зато чувство направления

не подкачало, безошибочно выведя его ко дворцу. Оставалось преодолеть всего несколько сотен шагов. Конану повезло выбраться на поверхность в одном из просторных парков, окружавших дворец. Запертые ворота тщательно охранялись, с них не спускала глаз недреманная стража. А вот в парках патрулей, как правило, не было. Все-таки варвару крупно повезло в этой игре.

На всякий случай он удалился на почтительное расстояние от небольшого кратера, порожденного оседанием земли, и спрятался в гуще аккуратно подстриженных колючих деревьев. Его ищущий взгляд пристально обжегал окрестности: не случилось ли кому-нибудь обнаружить его неожиданное появление в саду?.. Все было спокойно. Никто не мчался хватать незаконно проникшего на дворцовую территорию. Лишь поодаль, у бронзовых ворот, переминалось несколько стражников. Но расстояние было слишком велико, и Конана они не заметили.

Это были внутренние ворота, ведущие непосредственно во дворец. Внешние возвышались в противоположной стороне, в нескольких сотнях шагов. По верху гигантских каменных бастионов могли ходить разом два человека. В высоту стены более чем втрое превышали человеческий рост. Железные ворота, надежно вмурованные в каменную толщу и окруженные контрфорсами, были поистине несокрушимы. И стены, и ворота были воздвигнуты много веков назад, — ни сказитель, ни даже пыльные тома исторических хроник не упоминали о тех, кто их выстроил. Сколько таранов безо всякого толку раскрошилось в щепы об эти ворота! А камень, из которого были сложены стены! Этот камень был особой породы: сколько ни осаждали королевский дворец, тяжелые снаряды из вражеских катапульти отлетали от него, как безобидный горох.

Конан недовольно нахмурился, понимая, что угодил в своего рода ловушку. Надо будет где-нибудь спрятаться до темноты; ночью он уж как-нибудь переберется через стены, оставшись незамеченным. Его тело сплошь покрывала корка засохшей грязи, мешавшая рассмотреть его в чаще кустов. Как ни хотелось ему поскорее отмыться, лучше с этим несколько подождать!

Он продолжал внимательно осматриваться, ища надежное укрытие, и наконец решил, что удача ему улыб-

нулась. Шагах в пятидесяти от зарослей стояла безо всякого присмотра тележка с сеном. Сено, по всей видимости, предназначалось для королевских конюшен. Если спрятаться в нем и припасть лицом к щелке между деревянными планками, можно будет со всеми удобствами обозреть вход во дворец. Тележка стояла на самой обочине дороги; никто не сумеет пройти мимо, не попавшись Конану на глаза. В том числе и заморийский подонок, благодаря которому киммерийцу за последние сутки не раз и не два пришлось целоваться со смертью.

Конан перебежал к повозке крадущимся шагом, сгибаясь в три погибели, чтобы не заметила стража, топтавшаяся у ворот. Достигнув наконец своей цели, он закопался в сено, так что его сделалось невозможно заметить снаружи. Очень хорошо! Можно и телу дать отдых, и за входом во дворец проследить...

Вскороости после того, как он занял свой наблюдательный пункт, железные ворота во внешней стене разошлись в стороны, пропуская патруль городской стражи и нескольких богато одетых жрецов Митры, шедших следом за воинами. Странноватая процессия проследовала к внутренним воротам и была незамедлительно впущена. Потом наружу проскакал гонец верхом на резвом скакуне аквилонской породы. Наверное, решил Конан, повез какие-то очень важные вести! Киммериец нюхом чуял, что во дворце происходило нечто неладное. Он никогда еще не видел, чтобы важные жрецы едва не бежали бегом.

Как бы в подтверждение его умозаключений, наружу из дворца высыпала целая толпа служителей какого-то бога. Их темно-зеленые ризы украшали неведомые Конану символы. Они возбужденно переговаривались и от волнения даже размахивали руками. Возле внешних ворот на жрецов чуть не налетел одинокий всадник на рослом вороном коне. Ярко-алый плащ развевался за его плечами, как знамя на ветру. Конан обратил внимание на полированный стальной нагрудник, кольчужные подмышники и темные кожаные штаны. Сапоги военачальника (ибо это был, вне всякого сомнения, военачальник) усеивали блестящие заклепки, он крепко сжимал поводья руками в латных перчатках. Вдоль бедра висел длинный тонкий меч с замысловато украшенной рукоятью. Шлема на голове не

было, и седеющие светлые волосы развеивал ветер. Эмблема на нагруднике была та же, что рисовали на своих щитах воины городской стражи.

Жрецы едва успели шарахнуть из-под копыт, а неучтивый всадник поскакал ко внутренним воротам дворца. Конан никогда прежде с ним не встречался, но с первого же взгляда невзлюбил воинственного вельможу. Он проводил его взглядом и продолжал свои наблюдения.

Миновало несколько часов, люди входили и выходили, но ничего заслуживавшего внимания так и не произошло. День угасал, небо постепенно темнело. Близились сумерки.

Придя к выводу, что предатель Хассим так и не объявится, Конан еще раз посмотрел в сторону ворот... и молча оскалил зубы. В ворота входил отряд стражников, возглавляемый не кем иным, как его знакомцем, капитаном Сальворасом. А рядом с капитаном шагал тот, кого выслеживал Конан, — заморийская собака Хассим. У варвара отчаянно зачесались руки всадить в подонка парочку футов хорошо отточенной стали, но драться с целым патрулем перед входом в королевский дворец — это было проблематично даже для Конана. До сих пор у него хватало терпения, хватит и еще ненадолго. Надо думать, Хассим не задержится во дворце и скоро пойдет обратно. Вот тогда-то Конан за ним и последует...

И тут его посетила новая идея. Вот бы облачиться в одежду и шлем городского стражника! Тогда можно было бы выйти за Хассимом прямо в ворота, никто и не подумает останавливать. Трудность заключалась только в том, чтобы поймать и раздеть стражника достаточно мощного телосложения.

Начинало смеркаться, по парку пролегли длинные тени. Конан осторожно выбрался из повозки, залез под нее и скорчился у колеса, ближайшего к дороге. Очень скоро мимо проследовал небольшой патруль. Конан нацелился было на замыкающего, но тот оказался маловат ростом.

Киммериец терпеливо дожидался, чтобы мимо прошел стражник повыше, но судьба распорядилась иначе. К повозке приблизился рослый мужчина, ведущий за собой коня. Присмотревшись к его заляпанной грязью одежде, Конан решил, что перед ним был садовник или во всяком случае работник, трудившийся в парке. Малый был из-

рядного роста и широкоплечий, почти как сам Конан. Голова у него была повязана простым полотном, как делают горцы, уберегаясь от лучей жгучего солнца. Варвар усмехнулся про себя и переменял свои планы. В самом деле, после путешествия по сточным тоннелям он куда больше походил на садовника, чем на стража порядка.

Мужчина подошел к тележке и стал запрягать лошадь. Он стоял спиной к невидимому в сумерках киммерийцу. Подгадав удобный момент, Конан неслышно вырос у него за спиной и сгреб садовника в охапку, зажав ему одной рукой рот, чтобы заглушить возможные крики. Он свалил его наземь и хотел слегка пристукнуть, чтобы тот лежал неподвижно, но садовник оказался непрост. Он гибко вывернулся у киммерийца из рук, так что в результате лицом в пыль приземлился не он, а сам Конан. Садовник же мигом взвился на ноги и завопил что было мочи, призывая на помощь стражников, стоявших у дворцовых ворот.

— Кром!.. — выругался Конан, выплевывая набившуюся в рот землю. Схватив садовника за ногу, он вновь свалил его наземь. Падая, тот ударился головой о передок тележки и свалился оглушенным. «Вот и замаскировался», — зло подумал Конан, вскакивая и обнажая меч, чтобы схватиться со стражниками, уже спешившими навстречу. В это время лошадь, привязанная к передку, испуганно рванулась вперед. Угол тележки больно ударил Конана в плечо, выбив из руки меч. Повозка остановилась, повод лошади соскользнул с передка... Конан нагнулся поднять меч и угодил ногой в петлю сбруи.

— Чтоб тебя разорвало, подлая тварь!.. — только и успел он выдохнуть, когда ременная петля натянулась струной, и земля выскочила у него из-под ног. В следующий миг Конану стало не до меча. Лошадь понесла во весь дух, и даже дотянуться и высвободить из петли ногу стало непосильной задачей.

Испуганное животное мчалось бешеным галопом, таща варвара по камням, кочкам и колючим кустам. Конану стало казаться, что ногу вот-вот выдернет из сустава, не говоря уж о том, что каждый скачок лошади приближал его к стражникам. Киммериец отчаянно пытался высвободиться, но ничего не получалось, пока он не заметил впереди негустой ряд деревьев. Он ждал, что жеребец

шарахнется прочь, но ошибся: конь устремился между деревьями.

Извернувшись что было сил, Конан вытянул руки и мертвой хваткой вцепился в ствол, мимо которого его волокло. Рывок оказался страшным. Конь замер на всем скаку, а у варвара чуть не порвались разом все жилы. Однако ему повезло: потертый ремень сбруи не выдержал и лопнул.

Конан обессиленно поник наземь... Его руки продолжали судорожно обнимать древесный ствол: он не мог их расцепить. Кое-как заставив себя двигаться, он все-таки выпустил дерево и поднялся на ватные ноги. Помятая щиколотка отказывалась служить. Он не рисковал полностью на нее опираться и отчаянно хромал. Шатаясь, он заковылял обратно к повозке, где остался лежать его меч. Глаза застилала багровая пелена. Спустя некоторое время он понял, что это была просто кровь, стекавшая с рассеченного лба.

Утерев лицо, он проморгался как раз вовремя, чтобы заметить: очнувшийся садовник шел ему навстречу, держа наготове сжатые кулаки. Конан хотел заслониться от удара, но руки и ноги словно налились свинцом и двигались слишком медленно. Кулак садовника, увесистый точно кувалда, грянул ему прямо в лицо. Зубы Конана клацнули, голова запрокинулась: удар был что надо. Он растянулся на земле, и сознание окутала тьма...

Глава шестая

ЯД И ПРЕДЕТЕЛЬСТВО

Хассим сидел в приемной Вальтреско. Он притулился в резном деревянном кресле возле двери, и от волнения по его лицу обильно тек пот. Полководец, багровый от гнева, расхаживал туда и сюда и поносил заморийца на чем свет стоит.

— Жадность не порок, Хассим, пока она не оборачивается глупостью! Я тебе где велел продать безделушки? В Шадизаре! Там, где их путь никто не смог бы проследить! А ты занялся этим прямо здесь, в Пайрогии!

Вздумал толкнуть варвару браслет и получить награду, наведя на него стражу!.. Неужели ты в самом деле воображал, будто я не дознаюсь? Ты должен был убраться из города еще две ночи назад! Я всегда знал, что вы, заморийские воры, кого угодно способны продать с потрохами. Но чтобы жадность уже вконец лишила тебя разума?..

— Со всем почтением, государь полководец, ты неверно истолковываешь мое поведение... — Хассим только что родил план, как выпутаться, и спешил воплотить его в жизнь. Он в самом деле думал вчера вечером рвануть в Замору, но городские ворота неожиданно позакрывали, чтобы не выпустить прятавшегося где-то в городе киммерийца. Сальворас же велел ему явиться за наградой на следующий день. Откашлявшись, Хассим проговорил по возможности ровным голосом:

— Мой господин, я предоставил тебе отличного козла отпущения — презренного иноплеменника Конана. Все сразу поверили, что виновен именно он, в том числе и твой поборник справедливости, капитан Сальворас. Если случится разбирательство, варвару не отпереться: уж я позаботился, чтобы он наилучшим образом подпал под обвинение. Без него гибель принцессы так и останется неразрешимой загадкой. Твой безупречный послужной список окажется замаран, да и перед Эльдраном ты останешься виноват. Дерзаю даже думать, мой господин, обещанная награда — это самое меньшее, что я заслужил за труды. Конечно, я как можно скорее возвращусь в Шадизар. И ты совершенно прав: я не настолько глуп, чтобы пытаться тебя обмануть. Мне просто казалось, ты по достоинству оценишь мое маленькое дополнение к твоему блистательному плану...

Вальтреско перестал хмуриться и неожиданно рассмеялся:

— До чего ты забавен, Хассим! Даже когда врешь. Восхищаюсь твоей изворотливостью, но на будущее хочу предостеречь: действуй поосмотрительнее и почаще советуешься с теми, кто стоит выше тебя. Дольше проживешь!

Оборвав смех, он подошел к шкафчику с прозрачными хрустальными дверцами. Раскрыв шкафчик, он вытащил

пыльную бутылочку и два серебряных, великолепной работы бокала. Потом извлек из стоявшего поблизости сундука небольшой кошелек.

— Хватит обсуждений, — сказал он. — Я вполне удовлетворен. Давай-ка лучше пригубим славного киросского вина. Выпьем за гибель злодея киммерийца! Ты, Хассим, сослужил городу отличную службу. Если бы король получше чувствовал себя сегодня, он лично засвидетельствовал бы тебе свою благодарность...

Его глаза поблескивали насмешливо и жестоко. Щедрой рукой разлив вино по бокалам, он вручил один из них Хассиму.

Замориец недоверчиво понюхал вино, но Вальтреско, не обращая внимания на его подозрительность, поднял бокал, провозглашая:

— Итак, за гибель варвара — убийцы принцессы!

Он стал пить, и Хассим, несколько успокоившись, последовал его примеру. Вино в самом деле было отменное. Недаром оно происходило из страны, славившейся виноградарством.

Вальтреско удовлетворенно улыбнулся и бросил кошелек на пол к ногам Хассима. Послышался мелодичный звон монет, между разошедшимися завязками блеснуло золото. Хассим нагнулся за кошельком... и вдруг закашлялся, хватаясь за горло.

— Б-б-бритунийская собака... — прохрипел он, роняя бокал. Неверной рукой он потянулся к поясу и кое-как извлек из ножен кинжал. Вальтреско тотчас выхватил меч...

В этот момент в дверь громко постучали.

— Мой полководец, я услышал, тут вроде что-то случилось... — сказал Сальворас, подбежавший с другого конца обширного зала перед приемной Вальтреско. Вельможа думал, что заперся с Хассимом, но щеколда замкнулась неплотно и соскочила от прикосновения могучей руки капитана. Вальтреско, впрочем, не растерялся. Шагнув вперед, он с силой пнул Хассима в лицо сапогом. Полетели выбитые зубы, брызнула кровь: замориец без сознания растянулся на каменном полу.

— Сальворас!.. — выдохнул полководец, указывая на валявшегося Хассима. — Я только что выяснил, что этот

мерзавец был в сговоре с киммерийцем! Он и сдал-то нам этого Конана, поссорившись с ним при дележе драгоценностей, снятых с несчастной принцессы! Глупец, он попытался зарезать меня!.. Займись им, Сальворас. Если этот недочеловек еще жив, оттащи его в подземелье и посади там на цепь. Завтра на рассвете палач отрубит не одну голову, а сразу две!

Капитан склонился над заморийцем, а Вальтреско улыбнулся у него за спиной, поздравляя себя с гениальной импровизацией. Час назад он принял особое масло, предохранившее его от действия яда. Впрочем, снадобье, подмешанное в вино, и ядом-то назвать было нельзя. Кхитайский торговец, у которого он его приобрел, уверял, что зелье всего лишь на некоторое время перекрывало доступ воздуха в легкие, — достаточно, чтобы человек потерял сознание, но не умер.

Очень хорошо! Завтра под топором палача навеки замолчит последний из тех, кто мог бы связать его, Вальтреско, имя с убийством принцессы. Отныне только он сам и Ламици будут знать правду.

Подумав так, полководец с неодобрением покосился на свои начищенные сапоги. Какая жалость, что пришлось пачкать их об окровавленную рожу Хассима. Его бесило, что лживый безбожник вздумал его обманывать. Вальтреско нанял ловкого вора, чтобы тот шпионил за Ламици. Он хотел убедиться, что евнух поступит с телом принцессы согласно договоренности и не попытается подставить его, Вальтреско. Хассиму было щедро заплачено за это дело.

Полководец не впервые использовал заморийца для своих целей, и тот неизменно оставался надежен. На сей раз платой за слежку за евнухом должны были стать драгоценности принцессы — амулет и браслет. Хассиму предписывалось продать их в далеком городе Шадизаре и взять выручку себе. Когда Вальтреско прознал, что изолгавшийся замориец нарушил уговор, он понял, что наступила пора разыскать его и заставить умолкнуть навеки.

И вот он молча следил за Сальворасом, пытавшимся выяснить, жив ли еще Хассим.

Первым делом могучий капитан собрал многочисленные кинжалы, с которыми никогда не расставался заморийский мошенник, потом поднял Хассима и взвалил его

на плечо. Про себя Сальворас находил весьма странным, чтобы киммериец стал работать на пару с этаким хорьком. Еще более странным казалось ему, что Хассим вздумал нападать на Вальтреско в собственных покоях полководца. Отчаявшись что-либо понять, Сальворас сказал себе, что, в конце-то концов, слишком мало общался как с киммерийцами, так и с уроженцами Заморы. Мало ли на какие штучки они способны. Да и здесь, в городе, при всей краткости его нынешней службы он чего только не повидал. Повсюду творились странные и труднообъяснимые вещи. Одной больше...

Сальворас спускался в малосимпатичные недра дворцовых подземелий, неся на плече обмякшего, бесчувственного Хассима. Капитану не нравилось посещать застенки. Он спускался туда, только если начальственный приказ возлагал на него персональную ответственность за того или иного узника.

Часом раньше он оттащил туда Конана и надежно приковал его к стене в одной из крохотных, заросших гнилой плесенью камер. Богатырская статья молодого варвара снижала невольное уважение капитана. Похоже, эти киммерийцы в самом деле были серьезным народом! Могучий Сальворас сумел без посторонней помощи взвалить его на плечо, но к тому времени, когда он добрался до подземелья, руки и плечи начали жаловаться.

Сальворас никогда еще не встречал человека сильнее себя. Самой своей воинской славой он был обязан крепости тела, позволявшей совершать подвиги, немыслимые для других.

Его отец был каменотесом. Сальворас с юности помогал ему, перетаскивая и ворочая неподъемные глыбы. Ему нередко случалось держать на весу каменные блоки, пока мастера делали какой-нибудь особенно заковыристый вырез или скол. Позже Сальворас работал в каменоломне, доставляя строительный материал повсюду, где какой-нибудь вельможа возводил дом или крепость.

Возмужав, он подался в солдаты. Отчасти из любви к приключениям, но больше ради того, чтобы отплатить за горе и ущерб, который в свое время причинили его семье набеги захватчиков. Однажды, когда они с отцом были в каменоломне, мать Сальвораса похитили работорговцы.

Отец после этого превратился в настоящий живой труп. Он впал в мрачное безразличие, из которого его целых восемь лет, до самой смерти, ничто не могло вывести. Ни братьев, ни сестер у Сальвораса не было. Его семьей надолго стало бритунийское войско.

Что же касается женщин... Бравый молодой солдат никогда не был обижен вниманием и лаской полногрудых, обольстительных бритунийских красоток. Однако воинская жизнь не позволяла ему особо задерживаться на одном месте, так что любовные увлечения не успевали перерасти в долговременные привязанности. Он так и не нашел той, с которой ему захотелось бы устроить семью. Не было и близких друзей: быстрое продвижение по службе бросало Сальвораса из одного гарнизона в другой, от одного военачальника к другому. Те, кого он мог бы называть своими друзьями, остались на границе, в легионе, которым он прежде командовал. Со своими нынешними подчиненными, городской стражей Пайрогии, Сальворас общего языка покамест не находил. Это в большинстве своем были люди, устроенные на «тепленькие» местечки отнюдь не за боевые заслуги. Половина была как-то связана со знатными семействами, остальных устроили сюда вельможи, чем-то им обязанные...

«Да, — невесело думал Сальворас, — видно, так я и помру одиночкой». Здесь, в Пайрогии, у него было подружек хоть отбавляй; редкую ночь в его объятиях не засыпала белокурая красавица. Но все это оставалось весельем на одну ночь. А тех женщин, которые, как он подозревал, с радостью приняли бы от него предложение руки и сердца, он сам старательно избегал. Той единственной, о которой он мечтал, среди них не было.

Что ж, судьба, видно, не судила ему осесть где-нибудь этаким «городским солдатом», больше привыкшим к пивной кружке, чем к рукояти меча. Видал он таких. Выйдя в отставку, они все вечера напролет просиживали в тавернах, поглощая дешевое пойло. И ввали напропалую, хвастаясь вымышленными подвигами в сражениях. Такого конца Сальворас для себя совсем не хотел. Нет уж. Он выйдет в отставку, только если его искалечат в бою. А всего скорее, меч вынут из его мертвой руки. Смерть воина должна быть освящена целью. Он, Сальворас, будет

служить до конца, потому что только так он будет чувствовать себя живым...

Спускаясь в дворцовое подземелье с бесчувственным Хассимом на плече, капитан понял с окончательной ясностью: он совершил ошибку, приняв этот пост. И единственный способ исправить ее — это доказать, что он чего-то стоит как командир. Надо двигаться дальше и, может быть, заслужить звание полководца. Надо как следует заняться лентями и бездельниками, по ошибке зачисленными в городскую стражу. Он будет беспощадно гонять балбесов до тех пор, пока не сделает из них настоящих солдат...

Сальворас принял мысленно составлять план учений для своих молодцов и так увлекся, что не заметил, как Хассим постепенно пришел в себя. А хитрый замориец уже понял, что висел на могучем плече капитана, и тот крепко придерживал его за ноги, между тем как голова, руки и верхняя часть туловища вора свисала ему на спину. Хассим чувствовал дурнотную слабость: ток крови еще продолжал разносить яд по его телу. Неровное дыхание сипело в груди. Челюсть раскалывалась от боли, рот наполняла липкая кровь. Капля за каплей падала с разбитых губ, оставляя на каменном полу пятна. Хассим оцупал языком десны. От нескольких зубов остались только зазубренные пеньки. Отважившись осмотреться, он понял, что его несут в дворцовое подземелье. Когда-то, много лет назад, ему удалось совершить оттуда побег. Но в тот раз ему помогли. Хассим знал: даже если вырвешься из камеры, это еще не значит, что сумеешь выйти наружу. Подземелье представляло собой настоящий лабиринт хаотически перепутанных коридоров.

Спустя некоторое время вор хватился кинжалов, но тут же заметил их рукояти, заманчиво торчавшие из сумки на поясе Сальвораса. Если бы удалось дотянуться, он живо всадил бы клинок капитану между лопаток, а потом удрал тем же путем, что и когда-то. Да, пожалуй, так он и поступит. Надо только выбрать подходящий момент, а до тех пор продолжать притворяться бесчувственным...

Хассим сосредоточил внимание на одном из кинжалов: про себя замориец называл его «черным драконом». Лезвие кинжала было густо смазано пастой, приготовленной из смертельно ядовитых листьев черного лотоса. Даже

простой царапины, причиненной «черным драконом», было достаточно, чтобы самый крепкий мужчина свалился замертво, а через некоторое время и умер. «Не все зубы ты мне выбил, Вальтреско!.. — с мрачным торжеством подумал Хассим. — Скоро ты узнаешь, что я еще способен кусаться!..» Терпеливый замориец по-прежнему не шевелился, но, как свернувшаяся змея, был готов к немедленным действиям.

А Сальворас шел себе и шел нескончаемыми каменными переходами, пребывая в счастливом неведении относительно смертельной опасности, которой он подвергался. Путаница подземных коридоров освещалась редко расположенными, тусклыми масляными светильниками. Сальворас был одним из немногих, кто способен был разобраться в здешних лабиринтах. На самом деле секрет был очень прост, следовало только уметь читать путеводные знаки, остроумно спрятанные в узорах на каждом светильнике.

До тюремных камер оставалось уже недалеко. Даже если бы Сальворас не знал дороги, он безошибочно пришел бы туда по запаху. Вокруг все сильнее разлило испражнениями и гниением. В последний раз завернув за угол, капитан остановился. Пришли!

Узкие глубокие камеры располагались по обе стороны коридора. Каждая была предназначена для полудюжины «постояльцев». Коридор же, по которому до них добирались, был шириной всего около трех футов. Конан находился в самой первой камере. Сальворас взглянул на него сквозь прутья решетки и убедился, что варвар по-прежнему висел на цепях, вделанных в стену. Капитан потянулся к кольцу с ключами и выбрал из связки один — большой, ржавый. Он всунул его в замок... и, уже поворачивая ключ, ощутил резкий, глубокий укол в бок.

— Борода Эрлика!.. — изумленно выругался Сальворас, роняя Хассима на пол. Он потянулся к пробитому боку и нащупал засевший между ребрами тонкий кинжал. Стало быть, замориец очнулся!.. Капитан понял, что во второй раз за последние несколько дней недооценил противника, и это грозило обернуться бедой. Яростно взревев, он выдернул из хорошо смазанных ножен тяжелый меч и собрался зарубить вора, ибо тот, заново оглушенный

падением, беспомощно лежал на полу. Но занесенному клинку не суждено было опуститься на голову заморийца. Сальворас свалился, точно бык на бойне.

Хассим же, кое-как проморгавшись, поднялся на неверные ноги. Он с трудом их передвигал: удар кинжалом отнял у него последние силы. Вообще-то ему несусветно повезло с этим ударом. Кинжал попал совсем не туда, куда метил Хассим, но тонкое зазубренное лезвие каким-то чудом угодило в такое место, где на кольчуге капитана разошлось несколько звеньев. До Хассима, между прочим, только тут дошло, что его тюремщиком и жертвой стал не кто иной, как сам капитан Сальворас. Если бы не путаница в мозгах из-за побоев и яда, он узнал бы его сразу. А впрочем, Хассиму было все равно, кого убивать. Ему случалось без зазрения совести отправлять на тот свет людей, заслуживавших смерти куда менее, чем этот болван.

Искусство обращения с кинжалом сослужило мошеннику добрую службу. Нагнувшись, он самым немилосердным образом вырвал «черного дракона» из тела поверженного капитана. Зазубренное лезвие с треском разорвало еще несколько звеньев кольчуги. Сальворас неподвижно лежал на полу. Черный лотос постепенно погружал его в глубокий сон, от которого не было пробуждения.

Оставалось нанести завершающий штрих. Он поместит тело таким образом, чтобы Вальтреско решил, будто это Конан сцепился с Сальворасом и нанес ему смертельный удар. Тюремщик найдет в камере два трупа, каждый — с кинжалом в руке. Хассим повернул ключ в замке камеры и вошел. Шум, происходивший в коридоре, заставил Конана приподнять голову. Хассим с удовлетворением убедился, что варвар надежно прикован к стене толстыми цепями, приделанными к вмурованным кольцам, и в кандалах нигде не было слабину. Выглядел киммериец отвратительно: весь в грязи, а там, где грязь отвалилась корками, живого места не было от ссадин и синяков. Тем не менее Хассим приблизился со всей осторожностью, держа кинжал наготове.

— Какая встреча, ты, безмозглое животное! — насмешливо приветствовал его Хассим. Перенесенные испытания превратили низкий, звучный голос заморийца в какое-то утробное ворчание. — На сей раз я лично и с боль-

шим удовольствием препровожу тебя в преисподнюю, или куда там еще попадают души варваров вроде тебя! — продолжал он с наслаждением. — Ты мешаешь мне, дикарь, и поэтому ты умрешь. Вон тот легковверный болван... — Хассим кивнул на распростертое тело Сальвораса, — в самом деле поверил, будто принцесса погибла от твоей руки. Если бы это ничтожество знало, что девчонку сгубил его любимый начальник, его драгоценный полководец!..

Он засмеялся, с трудом переводя дух. Потом выплюнул в лицо Конану кровь и осколки зубов.

Киммериец изо всех сил старался разорвать цепи, но пока ничего не получалось. Он слишком ослаб: на то, чтобы справиться с прочными железными звеньями, ушли бы часы, а их-то у него и не было. Напрасно бугрились, вздуваясь, тугие мускулы на руках и ногах. Цепи не поддавались.

— Эрлик тебя заberi, помоечная крыса! — вырвалось у него. — Может, ты и отправишь меня в ад, но знай, что я буду там тебя ждать!

Выругавшись, он вновь попытался совладать с кандалами. Тщетно.

Хассим приблизился еще на шаг и встал в стойку, присущую мастерам поножовщины. Кинжал смотрел Конану в живот. Еще миг — и он вспорот беззащитное тело.

— Твоя смерть будет медленной и мучительной, — ликовал Хассим. — Готовься встретить ее, вар... оооаахх!..

И на глазах у изумленного Конана Хассим вдруг зашатался, а потом лицом вниз рухнул на каменный пол камеры. Между лопатками у вора торчал тяжелый метательный нож, всаженный по самую рукоятку. Падая, Хассим еще и напоролся на собственный кинжал; узкое лезвие прошло насквозь и вышло из спины рядом с ручкой ножа.

Сальворас стоял на коленях возле решетчатой двери, и его рука, метнувшая нож, еще тянулась вперед. Он медленно поднялся, опираясь на решетку. Он уже понимал, что кинжал заморийца был отравлен: пропоротый бок так и горел. Собственно лезвие особых повреждений не причинило, в боях на границе Сальворас выносил гораздо худшие раны. Но вот яд... Каково бы ни было зелье, сила в нем была лютая. Капитан пытался бороться, но чувствовал, что надолго его не хватит.

— Именем Крома и Митры!.. — воскликнул Конан, осознавший, что Сальворас спас ему жизнь. — Вот это, я понимаю, бросок!.. Не могу сказать, что с большим нетерпением ждал встречи с тобой, но теперь... спасибо, капитан!

Он видел, что Сальворас едва держится на ногах, и озабоченно посмотрел на дыру, пробитую в кольчуге кинжалом Хассима. Оттуда, марая камзол и собираясь лужицей на полу, медленно сочилась кровь.

— Конан... — заплетающимся языком проговорил капитан. — Теперь я знаю, что ты ни в чем не виновен... подлое предательство... измена в стенах дворца... Не могу поверить! Полководец Вальтреско... предатель... — Его голос срывался, как от жестокой боли. — Надо немедленно сообщить королю... рассказать про... — Сальворас говорил все с большим трудом и временами, казалось, забывал, о чем только что вел речь. — Я тебя выпущу... сейчас... погоди только... пойдешь со мной к королю... К королю Эльдрану и к Кейлашу...

Непослушными пальцами он вытащил ключ из замка, подошел к Конану и освободил ему одну ногу. Глаза ему, видно, застилал туман: он то и дело моргал и тряс головой. Он принялся было отпирать второй браслет, но смертоносный сок черного лотоса, порождение далекого Кхитая, подточил даже его громадную силу. Он был еще жив, но волны дурманного сна окончательно сомкнулись над ним.

Сообразив, что Хассим отравил храброго капитана, Конан проклял злую судьбу, столь усердно загонявшую его в угол. Единственный человек, способный засвидетельствовать его невиновность, лежал при смерти на полу каземата! Если бы хоть удалось достать ключи, выпавшие у Сальвораса из руки!.. Ну что ж, по крайней мере одна нога у него теперь свободна.

Он согнул колено, как следует уперся в стену и налег. Изможденное тело взмолилось о пощаде, но Конан был глух к его жалобам. Нельзя прекращать попыток вырваться, если так страстно любишь жизнь.

Через несколько минут, показавшихся ему несколькими часами, один из кирпичей зашевелился в стене. Известка не выдержала рывков. Конан продолжал тянуть, сосредоточив все усилия на расшатанном кирпиче. И на-

конец он поддался окончательно и со скрежетом вышел вон из стены. Конан едва не вывернул себе сустав, но все-таки справился. Теперь он мог хотя бы отчасти пользоваться рукой.

Размахнувшись цепью с висевшим на ней кирпичом, он что было силы шарахнул по цепи, державшей его вторую ногу. И упрямо продолжал бить, попадая большей частью по собственному телу. Было зверски больно, но Конан не сдавался и наконец расколошматил одно звено. Кирпич, а вернее, каменный блок растрескался и оббил, однако теперь оставалось только высвободить вторую руку, и путь к побегу будет открыт. Киммериец изо всех сил налег на последнюю оставшуюся цепь. Каменная кладка оказалась слишком прочной, и у него получилось не сразу. Но после нескольких ударов все тем же камнем, сидевшим на конце болтающейся цепи, металлическое кольцо лопнуло безо всякого предупреждения. Конан не удержался на ногах и полетел на пол.

Жадно схватив ключи, он разомкнул на себе кандалы, потом нагнулся проверить, жив ли Сальворас. Широкая грудь капитана вздымалась и опадала, хотя и слабо. Конан разорвал полотняную рубашку Хассима и затолкал ее под кольчугу раненого, чтобы унять кровь. Рана уже смердела, ее края успели приобрести зловещий багрово-синий цвет. Если оставить Сальвораса здесь, как бы он не умер, так и не успев во всеуслышание заявить о невиновности Конана. Вот бы сюда того целителя, Мадезуса!.. Что-то он такое говорил о своем особом даре врачевать отравления!..

Поколебавшись, Конан наконец решил, что дешевле будет искать лекаря без тяжелого неподвижного тела на руках. Да, следовало бежать разыскивать Мадезуса! Если кто-то и способен помочь капитану, так только этот странный жрец, выправивший варвару запястье. Конану очень не хотелось бросать Сальвораса, избавившего его от малоприятного знакомства с ножом Хассима. Если бы не капитан, киммериец, без сомнения, уже знакомился бы с достопримечательностями преисподней. Однако делать было нечего, оставалось только спешить и надеяться на удачу. Мысленно Конан поклялся выручить Сальвораса. Хотя тот, что греха таить, был косвенным виновником его последних злоключений.

Забрав ключи и вооружившись тяжелым мечом Сальвораса, Конан выбрался из камеры и опасливо оглядел коридор. Его приволокли сюда без сознания; он не имел ни малейшего понятия о том, в какой стороне выход. На всякий случай он направился туда, откуда пришел Сальворас с Хассимом на плече. Очень скоро, однако, выяснилось, что подземный лабиринт еще хуже заброшенной канализации — столько здесь оказалось развилок, поворотов и тупиков. Хорошо хоть, кое-где тускло коптели светильники. После давешних блужданий по сточным тоннелям у Конана не было ни малейшего желания путешествовать в темноте.

Как же все-таки прикажете выбираться отсюда?.. Время, которое можно было бы потратить на разгадывание головоломки, представляло собой недоступную роскошь. Варвару был нужен Мадезус — и как можно скорее. Собираясь, что же делать, он вдруг заметил на полу маленькое, влажно отсвечивавшее пятнышко. Конан коснулся его пальцем, потом поднял палец к свету масляной лампы. Кровь!.. И притом свежая!.. У Хассима, помнится, рашка была всямку и кровоточила вовсю. Ага! Вот она, путеводная нить!..

Следовало, пожалуй, поблагодарить заморийского мерзавца хотя бы за то, что он, сам того не желая, указал Конану дорогу к спасению.

Немного успокоившись, Конан покрепче перехватил меч и побежал по кровавому следу. Еще немного, и он выберется из затхлого подземелья. Туда, где ждет его свежий воздух!.. Ветер!.. Свобода!..

Глава седьмая

ЗЕРЦАЛО ЯСНОВИДЕНИЯ

Крохотная, бедно обставленная комнатка, в которой обитал Мадезус, изначально была предназначена для храмовых прислужников. Однако молодой жрец и за такую был благодарен Тароклу — костлявому лысеющему первосвященнику беднейшего в городе митраитского храма.

Мадезус положил браслет на грубо сколоченный угловой столик и опустился в неудобное деревянное кресло. Его била дрожь. Он потер кулаками глаза, красные от недосыпания. С тех самых пор, как третьего дня он впервые прикоснулся к браслету, его беспокоили весьма странные сны. После пробуждения они улетучивались бесследно: он ничего не мог вспомнить.

Вчера вечером он попытался поподробнее разузнать о браслете. Киммериец утверждал, будто ничего не ведаёт о его происхождении. Таким образом, у Мадезуса не оставалось иного выбора, кроме как прибегнуть к обряду Вопросания Истины и молить Митру приподнять завесу над тайной браслета, распространявшего столь сильную эманацию зла.

Всю минувшую ночь, с заката до рассвета, Мадезус воспевал молитвы и заклинания, а в курильнице тлели едкие листья Малджорны — священного Древа Познания. Хотя это и отдавало святотатством, молодой жрец порою не мог удержаться от мысли, что Митре было присуще чувство юмора. Зачем бы иначе Ему избирать Своим священным деревом растение, чьи листья воняли хуже горящего коровьяка?.. Мог ведь заповедать Своим почитателям самое возвышенное благовоние. А вот поди ж ты!..

У Мадезуса чесались глаза от целой ночи трудов и от пахучего дыма. В голове было легко и совершенно пусто. Все его молитвы пропали втуне: Митра не отзывался. Жрец устало опустился на убогий топчан, служивший ему ложем, и тихо произнес еще одну молитву, последнюю. Он просил Митру хотя бы послать ему более спокойный сон, нежели накануне. Опустив налитые свинцом веки, Мадезус постепенно задремал...

Его разбудил пронзительный скрип двери. В голове по-прежнему ощущалась странная легкость, но Мадезус чувствовал себя освеженным и отдохнувшим. Он приподнялся на постели, желая посмотреть, кто пожаловал к нему в гости. И каково же было его изумление, когда он узрел на пороге своего старого наставника — Калетоса!

Глаза у Мадезуса округлились, а во рту пересохло.

— Учитель!.. — воскликнул он. — Какими судьбами?.. Сколько лет мы с тобою не виделись! Я и то уже

подумывал вернуться в Коринфию — навестить тебя и посмотреть, как дела в нашем храме!..

— Здравствуй, Мадезус, — отозвался вошедший. Голос у него был глубокий и звучный, лишь чуточку огрубевший на старости лет.

— Ты прекрасно выглядишь, Учитель, — сказал Мадезус. — Поистине, годы пролетают мимо тебя.

В самом деле, у старца были молодые, яркие изумрудные глаза, плохо вязавшиеся с бледным морщинистым лицом. Калетос был совершенно лыс, если не считать последних клочков белоснежных волос, еще державшихся над ушами. Просторные белые одеяния мели каменный пол, а на груди у старца висел амулет вроде того, что носил сам Мадезус: серебряная звезда о семи лучах. В центре звезды переливался гранями большой аметист. Старый жрец опирался на березовый посох, опять же почти такой, как у Мадезуса, только согнутый десятилетиями службы.

— Учитель?.. — вопросительно подал голос Мадезус.

— Прости, Мадезус, за неожиданное вторжение. С тех пор как мы с тобою расстались, Дэркетто обновила Свою Луну вот уже трижды по двадцать раз. Извини мое стариковское любопытство, но я вижу на твоем лбу морщины, проложенные беспокойством. Что так взволновало тебя, мой мальчик?

Мадезусу понадобилось некоторое усилие, чтобы, во-первых, окончательно стряхнуть с себя сон, а во-вторых, оправиться от неожиданного появления своего наставника. Кое-как приведя мысли в порядок, он начал рассказывать:

— Вот уже несколько ночей мне не до сна, и есть отчего. Я чувствую, Учитель, — в этом городе пробудилось древнее зло! И сей предмет, — он указал на браслет, поблескивавший на столе, — каким-то образом с ним связан. Я просил Небесного Отца о вразумлении, но Митра не счел меня достойным Своей помощи. Как странно и как знаменательно, что ты появился в Пайрогии именно теперь, когда мне так необходим твой совет!.. То есть, Учитель, — тут же смутился Мадезус, — я не смею обременять тебя делом, которое судьба взвалила на мои плечи. Лучше поведай мне, как ты жил все эти годы? Как там наш храм в Коринфии?

— В храме все благопристойно, — ответил Калетос. — А вот меня начинает тяготить груз прожитых лет. Поэтому-то я и решил, прежде чем Митра упокоит мои старые кости и призовет к Себе мою душу, узнать, что поделявает мой ученик. Мой любимый ученик, на которого я возложил столь тяжкое бремя, когда отпускал в мир... О да, Мадезус, твой жребий нелегок. Я и сам много лет следовал тем же путем, пока Митра в Своей всеведущей премудрости не направил меня в наш храм. Там, в этом храме, я посвятил тебя в тайный, древний Орден Ксуоквелоса... Когда-нибудь и у тебя будут ученики, и тем продолжится цепь, тянущаяся сквозь многие столетия. Ибо ты — последний член Ордена, видевшего еще Лемурийскую империю.

Без сомнения, тебя *направили* в этот город, хотя цель этого еще не совсем ясна. Отбрось же сомнения, мальчик! Не смей больше называть себя недостойным!.. И что это там насчет того, что ты «не можешь обременять» одного такого старого дурня?.. Смелее! Давай сюда браслет, да и сорвем-ка завесу, за которой прячется от нас лик Зла! Пол этой комнаты с помощью Митры станет для нас Зерцалом Ясновидения. Приготовься, друг мой, к Обряду Зеркала!

Мадезус подошел к большому глиняному горшку, помещенному в углу комнаты, и стал деревянным черпаком лить на пол воду, пока не получилась овальная лужа нескольких футов в поперечнике. Положив на место черпак, молодой жрец осторожно взял браслет и передал его Калетосу. Старик не без опаски принял вещицу, покатав ее из руки в руку, потом закрыл глаза и нахмурился, достигая предельного сосредоточения. Очень скоро вокруг его головы появился серебристый нимб. Сияние стало расширяться, пока не обьяло его руку с браслетом. Оно мерцало и становилось все ярче, и вместе с ним начал светиться амулет. Он горел в полутьме комнаты, как семилучевая звезда на ночном небе. Потом из недр аметиста ударил конус белого света. Он коснулся воды, и от нее пошел пар.

— Смотри же в Зерцало! — воскликнул Калетос. — Только будь осторожен и не давай ввести себя в заблуждение!

Мадезус взгляделся в поверхность воды и сквозь пар рассмотрел очертания древнего каменного сооружения. Казалось, перед ним была картина художника, мастерски владевшего цветом и перспективой. Здание казалось объемным: сделай шаг — и войдешь. Изображение переменялось, — Мадезус в самом деле заглядывал внутрь постройки. Судя по убранству, это был храм, только очень древний, восходивший ко временам чуть ли не первобытным.

Зерцало на миг помутилось, чтобы в следующий миг отразить знакомую фигуру Конана. На сей раз картина даже двигалась. Варвар шел по улицам города — так хищный зверь пробирается в джунглях, выискивая добычу. Мадезус видел, как Конан приблизился к той самой постройке. Киммериец тщетно стучал в дверь, испрашивая позволения войти.

Глядя в Зерцало, Мадезус все пытался определить местоположение странного здания. В линиях каменных стен сквозило нечто знакомое... очень знакомое... но вот что? Мадезус никак не мог ухватить ускользающий образ. Однако у него было стойкое ощущение, что он уже проходил мимо старого храма, причем совсем недавно.

И вновь перед ним была внутренность таинственного дома. В полутемном чертоге стояла женщина в длинном черном плаще, и капюшон был отброшен. Мадезус сразу заметил, что она молода и прекрасна. Прямые, черные как вороново крыло волосы роскошным водопадом текли на плечи и спину. Точеное лицо, безупречно-белая кожа... Полные губы казались алыми розами, только что умытыми дождем.

А перед женщиной Мадезус увидел высокого, статного мужчину средних лет. Жрец даже вздрогнул, узнав в нем Эльдрана, короля Бритунии. Вот она подвела короля к массивному каменному алтарю... приглашающе улыбнулась, распахнула плащ, и плащ упал на пол. Никакой одежды под ним не оказалось. Женщина потянулась навстречу королю, прижалась к нему чувственно-прекрасным нагим телом, крепко обняла и страстно принялась целовать.

Эльдран с готовностью отвечал на ее поцелуи; его руки блуждали по телу красавицы, и было видно, как посте-

пенно разгоралась в нем страсть. Мадезус целомудренно покраснел, глядя, как извивались, сплетаясь в любовном танце, два тела. Ну и зрелище подсунуло ему Зерцало вкупе с амулетом Калетоса!.. Однако потом жрец просто ахнул от неожиданности и потрясения. Женщина постепенно менялась! Сперва он обратил внимание на глаза: они засветились красным огнем, точно угли в жаровне. Ногти зловеще вытянулись и превратились в кривые черные когти. А когда она открыла рот, в нем обнаружили ряды загнутых остроконечных черных зубов! В следующий миг она глубоко вонзила их в шею ничего не подозревавшего короля...

Только теперь Эльдран попытался высвободиться, но не смог. Охваченный ужасом Мадезус наблюдал за тем, как все слабее бился несчастный король, как иссякала в нем жизненная энергия, — чернозубая упыриха высасывала ее вместе с кровью. Вот она остановилась перевести дух, на мгновение оторвалась от беспомощно распростертого короля, и несколько капель крови упало на каменный пол. Внезапно женщина-монстр вскинула голову и посмотрела прямо на Мадезуса, как если бы он подсматривал за нею в окошко. По поверхности воды побежала рябь, изображение расплылось. Лужица на полу комнаты превратилась в шипящее облачко пара и пересохла.

Некоторое время Калетос не произносил ни слова, молча наблюдая за своим учеником. Тишина длилась несколько минут: молодой целитель пытался составить целостную картину из тех странных, страшных и непристойных сцен, что показало ему Зерцало.

— Мутари!.. — с отвращением и ужасом произнес он наконец. — Та, которую позволило мне увидеть Зерцало, точь-в-точь похожа на жрицу мутари. Такими изображениями они в книгах Склоса, закованных в железные переплеты... Учитель, я отказываюсь верить своим глазам! Жрецы мутари были последователями нечистого культа, потомками зурийских змеелюдей, истребленных много веков назад! Мыслимо ли, чтобы в наши дни?.. В этом городе?..

— Мутари в самом деле вымерли, а последние зурийцы погибли еще за несколько тысячелетий до них, — спокойно

и даже торжественно ответил Калетос. — Однако твои глаза не обманули тебя, друг мой. Ты в самом деле видел жрицу мутари... Как ты помнишь, мутари, при всем их могуществе, были всего лишь последышами своих зурийских учителей. Сколько мудрецов ошибочно полагало, будто черная премудрость зурийцев, заключенная в книжных томах, погибла вместе с их ужасной империей!.. Колдовские книги были погребены глубоко, но такие, как они, неизбежно выходят на поверхность, дай только время... Знай же: Митра направил твои стопы в этот город, дабы ты пресек последний побег древнего Зла и низвергнул его обратно в бездну, из которой он выполз. Теперь твой путь ясен, о юный друг мой. Перед тобою судьба, что уготовил тебе Митра!

Мадезус отрешенно опустил на свою лежанку...

— Значит, — проговорил он медленно, — вот она какова, та злая сила, чье присутствие в этом городе я ощутил... Жрица мутари! И все зацепки, что у меня есть, — это браслет, король Эльдран и Конан-киммериец... — Вдохнув, он умолк и некоторое время о чем-то напряженно раздумывал. Потом заговорил снова: — Учитель... Я пристально изучал книги Склоса, но о мутари там говорилось слишком скупно. Мне хорошо запомнились миниатюры, но вот текст... Тексты, посвященные этому культу из времен зурийского упадка, были крайне туманны. Не мог бы ты рассказать мне хоть немного о природе мутари?

Калетос прислонился к стене комнатки и задумчиво погладил белоснежную бороду.

— Мне самому известно немного, и притом с пятого на десятое, Мадезус. Это запретная тема. Даже самые храбрые знатоки старины едва решаются делать какие-то намеки, и то полусшепотом. А тому, что можно вычитать в книгах Склоса, до конца верить не стоит. Слишком многое в них подлежит различному истолкованию... Однако слушай: я поведаю тебе все, что известно мне самому.

Мутари были страшными, чудовищными существами... Они рождались людьми, но потом намеренно вытравляли в себе все человеческое кровавыми, иступленными ритуалами. Они не стремились ни к богатству, ни к удовле-

творению плотских желаний. Их вела ненависть ко всему дышащему, их целью был хаос. Волшебное могущество требовалось им для того, чтобы причинять боль и страдания смертным. Сами когда-то бывшие людьми, они презирали людей... но в то же время и завидовали им. Ибо у людей было то, что мутари теряли навсегда, — их души.

Мутари продавали свои души Силам Зла, получая взамен запретные знания демонической Зурии, а с ними и способность совершать подвиги волшебства, далеко превосходившие возможности магов и жрецов того времени. Могущество мутари затмевалось только их жестокостью. Они буквально питались горем и мучениями своих жертв. Целый век человечество изнывало под их властью, и каждый день уносил многие тысячи невинных жизней. Одних сводили в могилу моровые поветрия, других — голод... Третьих попросту убивали. Мутари искусно сеяли рознь между племенами людей и подогревали обиды, которые в ином случае скоро загладило бы время. А самым жестоким и гнусным среди этих нелюдей был некий Скаурол — самозванный правитель южной страны, известной ныне как Шем.

Дворец Скаурола был сущим рассадником грязи и мерзкого ужаса... Тысячи заостренных кольев окружали его, и почти на каждом корчился человек. Таковую казнь назначал он всякому, кто проявлял хоть малейшее непокорство. День и ночь наслаждался Скаурол стонами и воплями несчастных, подвергнутых чудовищной пытке... И это лишь один из бесчисленных рассказов о жестокостях, которые он учинял!..

Но, как и всякое зло, мутари в конце концов обратились друг против друга. Число их возрастало, а вот жертв для их злодейств оставалось все меньше. Мутари начали ссориться между собой из-за права причинять смерть и страдания, — так стервятники ссорятся над разлагающейся мертвечиной. Менее могущественные вскоре были истреблены в безжалостной борьбе, и от нескольких сотен осталась жалкая дюжина. Иные скрылись в потаенных местах, опасаясь ввязываться в дальнейшую схватку. Другие оказались повержены: восставшее человечество расправилось со своими черными властелинами. Среди этих

последних оказался и Скаурол, и вышло так, что беспощадному деспоту самому довелось изведать смерть на колу. Некто из нашего Ордена пронзил его пикой, выкованной из заговоренного серебра, и мутари не смог одолеть заклинаний святого.

А потом, мальчик мой, началось самое трудное. Отвоеванную землю нужно было еще очистить от скверны. В книгах мудрецов рассказывается о жрецах подвижнической жизни, посвятивших этому свой земной срок. Они выискивали и уничтожали каждую черную книгу, каждый фетиш мутари. И надо тебе сказать, что за великое очищение была заплачена дорогая цена. Многие святые подвижники отдали за него жизнь.

Вот почему, Мадезус, сохранились лишь разрозненные упоминания о темном культе мутари. Вот почему даже книги Скелоса говорят о них как бы мимоходом... О плотском облике мутари нам известно не много подробностей. Только то, что они предстают в виде обычных людей либо же человекообразных существ с глазами, в которых пылает адское пламя, с обсидианово-черными клыками и когтями и неестественным голосом, порождающим эхо. Кое-кто утверждает, будто Скаурол с годами нисколько не старился, ибо его темная сила противостояла даже неумолимому времени...

Мутари трудно было убить. Раны, от которых неизбежно умер бы обычный человек, не только не кровоточили, но даже не причиняли им боли. Гораздо опасней оружия были для них молитвы и амулеты служителей Добра.

Мадезус, мальчик мой!.. Если судьба сведет тебя лицом к лицу со жрицей мутари, готовься насколько возможно укрепить и сердце свое, и ум! Решимость, помноженная на силу священного амулета, да будет тебе опорой. И помни — чтобы амулет верно послужил тебе в схватке, ни в коем случае не выпускай его из руки...

Вот, пожалуй, и все, что я вправе тебе рассказать. Я стар, мои скрипучие кости нуждаются в отдыхе... Увы, преклонный возраст не позволяет мне самому участвовать в битве, но знай, что молитвы мои пребудут с тобою. И вот еще что... Не трать время на передышку, отправляйся немедленно. Ибо черная сила мутари растет с каждым

мгновением. Сейчас я вынужден с тобой попрощаться, но, надеюсь, скоро мы увидимся вновь. Удачи тебе, Мадезус!.. Властью, данной мне Митрой, благословляю тебя во имя Добра...

Старческая рука поднялась в благословляющем жесте и вновь опустилась. Кое-как выправившись, седобородый жрец повернулся и, прихрамывая, вышел из комнаты.

Проводив Учителя взглядом, Мадезус протер глаза и поплескал в лицо холодной водой. Преклонив колени, он сотворил короткую молитву, потом поднялся на ноги. Он принял решение. Во-первых, он посетит короля Эльдрана. Причем немедленно. Ибо теперь он был уверен, что король умирает от нечистого колдовства жрицы мутари. Сила, заключенная в амулете, снимет проклятие либо по крайней мере остановит болезнь, не даст ей развиваться. Мадезус снял с деревянного гвоздя плащ и торопливо накинул его на плечи. Привязал к поясу объемистый кошель — и отправился во дворец.

Храм стоял совсем недалеко от королевской резиденции, так что вскоре молодой жрец уже стоял перед воротами. Откуда ему было знать, что в это самое время в глубине дворцовых подземелий погибал от яда капитан Сальворас, а Конан-киммериец бежал извилистыми каменными коридорами!..

Мадезусу стоило немалого труда убедить скачущих караульщиков впустить его внутрь. Наконец один из них, высокий и долговязый (от него еще и немилосердно разило дешевым вином), провел его ко входу. Двойные двери, сработанные из железа и прочного дерева, казались при луне неподвижными монолитами. Стражник извлек из ножен меч и трижды гулко стукнул в двери плоской стороной лезвия. Вскоре на уровне глаз открылось небольшое отверстие.

— Джеваро, бездельник!.. — донесся оттуда ворчливый хриплый голос, говоривший с непроходимым зингарским акцентом. — До рассвета еще далеко, а посему, во имя черной бороды Эрлика, катись-ка ты, ленивый говнюк, прочь!.. Э-э, да ты тут не один! Что еще за посетители посреди ночи? Никак жрец из храма Митры? И что тебе ночью не спится, жрец?..

Мадезус слабо улыбнулся, слушая его болтовню. Форменный зингарский пират, оставшийся без корабля. Самого бы его расспросить, каким ветром его занесло так далеко от родных мест. И от моря.

— У меня срочное дело, касающееся короля, — кротко обратился он к «пирату». — Пожалуйста,пусти меня без промедления!

— Что?.. Да чтобы я ни свет ни заря впустил во дворец незнамо кого?! И к тому же еще без бумаг?.. Будь ты, парень, хоть трижды жрец, я и не подумаю откры...

— А теперь, зингарец, слушай меня внимательно, — медленно, с расстановкой проговорил Мадезус. Его рука лежала на амулете, брови сосредоточенно сошлись у переносицы. — Ты сейчас откроешь для меня эту дверь. После чего отправишь этого стражника обратно на его пост. А когда я уйду, ты забудешь, что мы с тобой вообще когда-то встречались. Исполняй!

Его голос звучал властно и непререкаемо. Незримые волны магической энергии легко проникли сквозь толстый череп упрямого привратника.

— С-сейчас... сейчас отворю, почтенный жрец... — засуетился зингарец и вдруг опять заорал: — Джеваро! Ты еще здесь, вонючий акулий корм? Живо на пост, пока я твои кишки по стене не размазал!

Мадезус слышал, как звенели ключи. Некоторое время спустя дверь действительно распахнулась. Жрец шагнул внутрь, гадая про себя, сколько еще препятствий встретится на его пути к королевской опочивальне. Может быть, проникновение внутрь дворца было еще не самым сложным, что ему предстояло?.. Продолжая поддерживать гипнотическое заклятие, он снова обратился к привратнику, выпрашивая, как пройти к королевским покоям. Почему-то он был уверен, что Эльдран обитал где-нибудь на верхних этажах дворца, но зингарец уверил его в обратном. По его словам, королю больше нравилось жить поближе к земле.

Мадезус прошел несколько длинных, узких коридоров, не встретив ни души. Он не знал расположения дворцовых покоев; оставалось надеяться, что зингарец дал ему верные ориентиры. Как бы то ни было, в залах и переходах не было видно ни стражи, ни слуг. Видимо, все

дворцовые обитатели еще мирно спали, — только рассвет наполнит помещения людьми и гомоном обычного дня. Безлюдье несколько удивило Мадезуса, но потом он решил, что это было ему как раз на руку. Чем меньше лишних глаз, тем и лучше.

Еще несколько поворотов — и он окажется перед наружной дверью апартаментов Эльдрана... Сердце Мадезуса невольно заколотилось. Ему предстояла первая схватка с мутари, и ставкой будет жизнь короля. Уж верно, демон, подсланный к Эльдрану, станет сопротивляться, и как знать наперед, чем кончится их поединок?.. Не превысит ли черная сила мутари его, Мадезуса, жреческую благодать?..

Что ж! Очень скоро он это доподлинно выяснит.

...Он сразу узнал этот короткий, широкий коридор: точно таким его описывал зингарский «пират». А вот и дверь направо — туда-то ему и нужно. Он увидел еще две двери по левую руку и отметил про себя, что одна из них была настежь распахнута и как-то косообо висела на едва державшихся петлях. Запор, находившийся со стороны коридора, был и вовсе выдран, что называется, с корнем. Какая-то жуткая силища разорвала толстые железные полосы, точно пергаментные обрезки! И кто это так похозяйничал в двух шагах от королевской опочивальни?.. Взломанная дверь пробудила невольное любопытство Мадезуса: весь остальной дворец, насколько он понял, был отменно ухожен.

На всякий случай он подошел поближе и заглянул внутрь... И едва не вскрикнул от неожиданности, когда его вдруг сцапали сзади. Но даже и вздумай он закричать, ничего бы не вышло. Широкая лапища зажала ему рот и так рванула назад, что жрец потерял равновесие.

— Ш-ш-ш! Тихо, Мадезус! — раздался над ухом знакомый хриплый голос. Он показался митраиту знакомым. И точно: — Это я, Конан!.. Пожалуйста, не шуми! Мне нужна твоя помощь!..

Мадезус послушно кивнул, втихомолку гадая, что позабыл во дворце гигант киммериец. Рука, зажимавшая рот, исчезла: варвар выпустил его. Ткнув пальцем в сторону выбитой двери, он жестом предложил жрецу следовать за собой. Только тут Мадезус заметил, что вторая

дверь, только что плотно затворенная, была теперь приоткрыта. Похоже, за ней-то и прятался киммериец. Жрец только подивился про себя бесшумной кошащей повадке, на которую, оказывается, способен был черноволосый великан. В самом деле, он не мог припомнить ни малейшего звука. Небось в обширном пустом коридоре любой шорох прозвучал бы, как гром!

Мадезус без особой охоты прошел следом за Конаном в комнату за взломанной дверью. Комната была чем-то вроде прихожей перед лестницей в подzemелье. Этим, кстати, объяснялось, почему и запер, и петли помещались снаружи. Жрец только вздохнул: теперь было ясно, кто учинил погром. А ведь всего несколько дней назад он лечил Конану сломанное запястье!.. Если хоть часть киммерийцев были таковы, как этот, — поистине, жизненная сила далекого народа заслуживала всяческого восхищения.

Еще Мадезус пришел к выводу, что Конан, по всей видимости, был заперт в тюремном подвале и совершил оттуда побег. Чем иначе объяснить разрушения, представшие его глазам? Внутри комнаты обнаружилась еще одна дверь — примерно в таком же состоянии, что и первая. Возле нее в лужах крови лежали двое невероятно изуверченных стражников, оба мертвые. За дверью начиналась узкая каменная лестница. Она вела вниз. Конан направился прямо туда и вновь пригласил жреца за собой. Нахмурившись при виде мертвецов, Мадезус шагнул на ступеньки, потом остановился.

Конан кое-как поправил дверь, но совсем поставить ее на место не удалось: слишком сильно она пострадала. Над лестницей висели сразу два светильника, и потому здесь было куда светлее, чем в комнате и даже в коридоре. Только тут Мадезус заметил, в каком плачевном состоянии был киммериец. Чудовищно грязный, он был еще и сплошь в синяках, порезах и кровоподтеках. Кое-где сочилась свежая кровь, но синеглазый исполин явно отказывался обращать внимание на страдания тела.

— Конан! — тихо обратился к нему жрец. — Нити наших с тобой жизнью снова переплелись на ткацком станке Судьбы. Насколько я помню, ты всячески старался избежать соприкосновения с городской стражей... Скажи, что привело тебя во дворец?

— Я разыскивал Хассима — подонка, повесившего на меня убийство принцессы, — проворчал киммериец. — Я искал справедливости, а сам чуть не попал смерти в брюхо! Эрлик бы уволок всех этих цивилизованных людей с их погаными выкрутасами!.. Не город, а сплошное гнездо подкупа и обмана! Во имя Крома, — у диких пиктов и то больше понятия о чести, чем у жителей Пайрогии, да провалилась бы она в тартарары! Эти говнюки загнали меня в ловушку, потом приковали к стене в вонючем подземном каземате. Там я должен был торчать до рассвета, пока палач не снесет мне банку топором. Вот так у них тут вершится справедливость!

И вот вижу я, значит, в цепях, и тут появляется Сальворас, капитан городской стражи, и притаскивает на плече Хассима, чтобы запереть его в клетушку рядом с моей. Мошенник должен был пойти на плаху вместе со мной, да Сальворас спровадил его в преисподнюю, не дожидаясь рассвета. Заморийский засранец как-то вывернулся у него из рук и пырнул его в спину отравленным кинжалом. Он и мне хотел выпустить кишки, точно связанному хряку на бойне. Да тут капитан — хватило же силы на время очухаться от яда! — метнул ему в спину кинжал. Кром!.. Ох и бросок был, любо-дорого вспомнить!..

Только пока мы тут с тобой, жрец, болтаем, Сальворас там внизу дух испускает от Хассимова яда. Спаси его, если умеешь! Понимаешь, Мадезус, Хассим, прежде чем околеть, всю правду мне вывалил, кто в чем виноват. Думал надо мной поглумиться, а сам того и не знал, что Сальворас все слышит. Ну и делишки у них тут во дворце!.. Замориец-то на самого Вальтреско работал!.. У Сальвораса, как он разобрался, что к чему, аж пена изо рта показалась. Полководец, стало быть, состроил заговор и уморил королевскую дочку, чтобы как-то там свою карьеру продвинуть. Идем скорее, жрец, посмотришь Сальвораса! За мной! Я знаю, куда идти!

Мадезус больше не мешкал. Как ни бессвязен был торопливый рассказ киммерийца, митраит поверил ему сразу и безоговорочно. Если Вальтреско в самом деле изменник, все они были в страшной опасности! Жрец никогда не встречался с полководцем, но был предостаточно наслышан о нем. Жесток, честолюбив, бессовестен...

весьма умен. Характеристики в основном нелестные, но в преданности Вальтреско трону никто никогда не сомневался. И вот вам пожалуйста!.. Мадезус подумал о том, что такой человек станет весьма опасным врагом. Какую роль он сыграл в нынешнем несчастье Эльдрана? Уж не связан ли он как-то со жрицей мутари?..

Новый оборот дела был совсем не по нраву Мадезусу. Он верил, что, оказавшись один на один со злодейкой, сумеет выстоять, а то и повергнуть ее. Но одолеть еще и Вальтреско... тут нужен был закаленный и опытный воин, каковым Мадезус отнюдь не являлся.

Вот если бы Конан...

Мадезус был далеко не в восторге от того способа, которым киммериец склонен был решать все вопросы. Его глубоко опечалило зрелище убитых стражников возле двери. Эти люди не совершили никаких злодеяний. Они только выполняли приказ и, естественно, попытались остановить беглого узника... за что и поплатились.

Однако для того, чтобы успешно противостоять Вальтреско, нужен был именно Конан. К тому же увиденное в Зерцале Ясновидения отчетливо указывало, что судьба киммерийца некоторым образом переплеталась с его, Мадезуса, судьбой. Не говоря уж о том, что долг милосердия велел митраиту в любом случае поспешить на помощь раненому капитану. И даже не потому, что от жрецов, вздумавших отказывать страждущим, в свою очередь отворачивался Митра.

Мадезус глубоко вздохнул и быстро заговорил:

— Я прогоню смерть от капитана, если он еще жив. Но за это, Конан, мне вновь потребуется плата во имя моего бога. Мы с тобой коснулись паутины заговора, готовой погубить город... Митра велел мне изгнать затаившееся здесь древнее Зло, и Вальтреско вполне может оказаться одним из звеньев в цепи Зла. Эту цепь я непременно должен разбить. Сам я мало на что способен против такого дьявола, как Вальтреско... Злобное создание, которое я должен изгнать, непременно использует его как оружие против меня. Он станет мечом в руках моей Врагини, — смертоносным мечом! Я спасу твоего капитана, но в отплату попрошу тебя, Конан, защитить меня от Вальтреско. Убить его, если потребуется... Нынче

ночью я должен буду лицом к лицу встретиться со своей Врагиней и низвергнуть ее в ту адову бездну, из которой она выползла. Пойдешь ли ты со мной, Конан?

Настал черед киммерийцу раздумывать и решать. По счастью, он всегда принимал решения быстро, а в данном случае и вовсе не испытывал колебаний. Кодекс чести, которого придерживался варвар, был ясен и прост.

— Если бы Сальворас не вступился за меня, я сам сейчас горел бы в аду, — буркнул он. — Спаси его, и, во имя Крома, я не отойду от тебя ни на шаг! Ладно, хватит трепотни — поспешим!

И, не добавив более ни слова, Конан помчался вниз по ступенькам. Он знал, что каждый миг промедления мог стоить Сальворасу жизни.

Мадезусу, изо всех сил старавшемуся не отстать от могучего варвара, пришлось нелегко. Однако осознание цели и долга разожгло в нем некий внутренний огонь, и каким-то образом он умудрялся не терять Конана из виду.

Странное это было зрелище — воин и жрец, вместе бегущие по извилистым каменным коридорам. Однако удивляться здесь было некому.

Бежать пришлось долго. Конан время от времени наклонялся, выискивая на полу знакомые следы крови, Мадезус же старался собраться с силами для предстоявшего ему исцеления. По дороге Конан рассказал, что Сальворас погибал от кинжала, смазанного соком черного лотоса. Услышав это, жрец рассудил, что сок, верно, не был достаточно чистым. Иначе капитан вмиг умер бы от простого прикосновения. Хассим, похоже, напоролся на жулика вроде себя: ему наверняка продали цветы, неправильно или несвоевременно срезанные и оттого несколько утратившие свою смертоносную силу. Мадезус знал, как пробудить человека от этого сна, переходящего в смерть. Когда-то он видел соответствующий обряд и из чистого любопытства освоил его сам. На всякий, так сказать, случай. Посмотрим теперь, не подкачает ли память...

И вот наконец они стояли над распластанным телом Сальвораса. Зрелище было плачевное, и Мадезус даже сморщился от жалости. Капитан, без сомнения, умирал, и умирал в муках. По воспаленному лицу ручьями катился пот, черные губы потрескались и распухли. Он то и дело

раскрывал глаза, но тотчас зажимивался. Сальворас вздрагивал и стонал, дыхание прямо-таки скрежетало в груди. Мадезус без промедления опустил под него на колени и извлек из поясного кошелька баночку с мазью. Вытащив тряпку, которую Конан засунул Сальворасу под кольчугу, жрец намазал снадобьем рану. Капитан отчаянно закричал и забился так, что Мадезуса отшвырнуло к стене.

— Держи его! Скорее! — крикнул он Конану.

Киммериец живо пригвоздил капитана к полу и держал, пока жрец трудился над ним.

Покончив с мазью, Мадезус завел ритмичное медленное песнопение, время от времени проводя ладонью перед своим амулетом. Почти сразу вокруг его головы замерцало пурпурное сияние. Продолжая петь, Мадезус возложил руку Сальворасу на грудь. Тут уже и амулет вспыхнул пурпурным огнем, и сияние растеклось с руки Мадезуса, охватив все тело капитана. Конан инстинктивно шарахнулся прочь: подобные фокусы доверия ему не внушали, как их ни называй — хоть магией, хоть проявлением воли богов. Он выпустил Сальвораса, однако его помощь больше была не нужна. Капитан перестал судорожно биться. Мучительные стоны сделались тише и наконец совсем смолкли.

И вот Мадезус прекратил песнопение, и аура постепенно погасла. Жрец посыпал лицо Сальвораса странным тускло-серебряным порошком; Конан успел уловить свежий, горько-сладкий аромат, впрочем быстро рассеявшийся. Порошок быстро впитался в кожу капитана, и Мадезус громко хлопнул в ладоши.

Веки Сальвораса затрепетали... Капитан медленно открыл глаза. Теперь он дышал ровно, и чернота с его лица уже пропадала. Кое-как он приподнялся и сел.

— Ох, Митра, у меня прямо огонь по жилам бежит!.. — простонал он. Должно быть, зрение у него прояснялось постепенно: он только теперь заметил рядом с собой киммерийца. — Конан, это ты? — удивился Сальворас. — Мы что, уже в преисподней?.. Когда тебя успели пристукнуть?.. Хотя, погоди... — Его блуждающий взор остановился на фигуре Мадезуса, и он, покачивая головой, уверенно заявил: — Нет, это все же не ад! Жрецов Митры в ад не берут!..

— Это в самом деле не ад, Сальворас! — радостно взревел Конан. — Клянусь Кромом, мы пока еще живы!.. — Варвар был вне себя от радости при виде чудесного оживления капитана. — Видишь лекаря? Это он выволок тебя с того света. Так что дьяволам преисподней придется еще подождать, прежде чем греть для тебя сковородку!

— Лекарь?.. Так я вправду живой?.. Я не знаю тебя, друг целитель, но прими мою искреннюю благодарность! Ты воистину великий жрец, парень! Стоило воскреснуть хотя бы затем, чтобы рассказать королю об измене негодяя Вальтреско!.. А может, и вот этой рукой кишки предателю размотать!..

С этими словами Сальворас поднялся на шаткие ноги и привалился к сырой холодной стене, чтобы не упасть. Способность ясно мыслить медленно возвращалась к нему. Мадезус не спускал внимательного взгляда со своего недавнего подопечного.

— Не спеши, капитан, — посоветовал он Сальворасу. — Опасности больше нет, но твое тело еще сражается с ядом черного лотоса. Теперь сила вернется к тебе. Мне тоже необходимо как можно скорее увидеться с королем, и все-таки прошу тебя: не спеши! Если ты сейчас надорвешься, выздоровление может оказаться лишь временным!

— Я не могу ждать, целитель, — ответил Сальворас. — Идем! Не бойся, я не свалюсь. У меня знаешь какая картинка перед глазами стоит? Шея Вальтреско на плахе! И сил она мне придает — во!..

...И тут, едва он успел договорить, из дальнего конца длинного коридора донесся издевательский смех.

— Любуйся игрой своего воображения, мой капитан, — насмешливо произнес удивительно знакомый голос. — Только я на твоём месте больше думал бы о собственной пшее, а не о чужой!

Трое мужчин потрясенно обернулись на этот голос. В конце коридора стоял и посмеивался полководец Вальтреско. Полированные латы и меч сверкали в бликах светильников. А позади него толпилось не менее полудюжины тяжеловооруженных дворцовых стражников. Те, что стояли впереди, держали наготове арбалеты, заряженные

зловещего вида стальными болтами. Несчастных два десятка футов — для арбалетчиков это была стрельба в упор.

Рука Сальвораса поползла к сумке с Хассимовыми ножами, по-прежнему висевшей на поясе.

— Обманщик!.. — прорычал он. — У тебя, видно, не осталось ни капли чести и совести! Вспомни, король Эльдран однажды спас тебе жизнь! Вы были близкими друзьями!.. Так-то ты ему платишь за дружбу! И нас, свидетелей, готов хладнокровно прирезать! Так не бывать этому! Ты за все заплатишь, исчадие ада! Умри!..

Стремительное, плавное движение могучей руки — и в грудь полководцу с силой полетел кинжал. Однако Вальтреско был начеку. Он инстинктивно подался назад, последовала поистине нечеловечески быстрая отмашка мечом... Кинжал задребезжал по полу.

— Убить! — приказал Вальтреско своему воинству. Арбалетчики разом нажали на спусковые крючки. Остальные ринулись по коридору вперед...

Глава восьмая КРЫСОЛОВКА

Когда полетели стрелы, Конан швырнул растерявшегося Мадезуса в открытую дверь каземата и сам нырнул следом. Его реакция спасла жизнь им обоим. Мадезус успел ощутить дуновение ветра: одна из стрел свистнула мимо его щеки. В следующий миг жрец и варвар рухнули на каменный пол камеры. Окоченевшее тело Хассима смягчило падение Конана. Быстро перекатившись, он сразу вскочил, держа меч наготове.

Мадезусу повезло меньше. Он сильно ударился затылком о край решетчатой двери, а потом еще и лбом об пол. Перед глазами побежали круги; он кое-как перевернулся лицом вверх — и потерял сознание. Конан этого не видел. Он уже мчался навстречу атакующим стражникам.

Сальворас избежал стрел, бросившись плашмя на пол. Меча у него не было, поэтому, вскакивая, он подхватил еще два кинжала из Хассимова арсенала. Хотелось же ему только одного: прорваться сквозь нападавших и до-

браться до Вальтреско. Вот бы еще и меч отобрать у кого-нибудь из изменников!..

— Конан!.. — окликнул он киммерийца. — По двое на брата, только учти, Вальтреско — мой!..

Варвар усмехнулся в ответ:

— Сперва займемся стрелками, пока они свои грабли перезаряжают...

— А что там с Мадезусом? Попало ему?..

— Попало, но не стрелой! Об пол стукнулся, когда падал...

В следующий момент им стало некогда переговариваться.

По коридору в этом месте могли одновременно пройти три человека, но лишь двое могли биться в нем плечом к плечу. Сальворас занялся одним стражником, а Конан набросился на другого. В узком проходе было не развернуться. Сальворас отбивался кинжалами, парируя неуклюжие выпады стражника, но его клинки были слишком короткими и не давали возможности атаковать самому. В воздухе стоял сплошной звон стали о сталь.

Что до Конана, он со своим противником разделался быстро. Для начала он чуть не свел его с ума беспрестанными ударами по незащищенным рукам, а когда тот потерял равновесие — сделал единственный выпад, проломив латы и вогнав меч стражнику в ребра. Тот ахнул от последней в своей жизни неожиданности — и свалился на пол, выронив оружие.

Конан с треском выдрал меч из его тела, потом ногой запустил меч мертвеца по полу к Сальворасу. На него уже наседали третий, но Конан, извернувшись, наотмашь полоснул того, с которым бился Сальворас, давая тем самым капитану время подобрать меч. Новый соперник киммерийца между тем широко размахнулся изогнутым кофитским мечом, целя Конану в голову. Варвар без труда отбил этот удар, потом вдруг нырнул, и вперед выстрелил его тяжелый, как кувалда, кулак. Однако удар пришелся не совсем туда, куда следовало: не в подбородок, а в латный воротник доспехов. Ворча, Конан отдернул ушибленную руку и вновь вскинул меч.

Стражник был опытным фехтовальщиком, но безоглядная ярость Конана поколебала его хладнокровие. Он

сделался осторожнее и если и отступил на несколько шагов, то только потому, что варвар был сильнее. Потом страх за собственную жизнь все же вынудил его к недуманным действиям. Когда он собрался наудачу рубануть сверху вниз, Конан вовремя вскинул навстречу свой тяжелый клинок. Кофитский меч оказался менее прочным. Он разлетелся на добрую дюжину осколков, тогда как Конанов клинок дочертил смертоносную дугу в воздухе и рассек предателя до грудной кости.

Издав звериный вопль, киммериец выдернул меч уже из второго трупа. Кровь врагов текла по его мечу и по телу, глаза застилал багровый туман. Теперь его направляли дикарские инстинкты, не разум. Отряхнув с лезвия алые капли, он взревел, точно тигр, окруженный стаей волков:

— Ну?! Кому еще не терпится в ад?..

Сальворас, сражавшийся с ним бок о бок, был попросту потрясен его деяниями. Он сам был закаленным ветераном множества войн и повидал на своем веку немало славных бойцов. Вряд ли, однако, даже лучшие из них могли бы сравниться с этим киммерийцем.

Вдохновленный мужеством Конана, Сальворас с удвоенной силой надел на своего стражника, вышиб у него оружие и полоснул по туловищу, обтянутому кольчугой. Клинок рассек броню и глубоко вошел во внутренности. Капитан высвободил меч, резко повернув рукоять: кольчуга стражника расползлась, кишки вывалились на пол... С мечом и кинжалом в руках Сальворас бросился на четвертого стражника, а Конан устремился к последним троим, окружавшим Вальтреско.

Арбалетчики отчаянно торопились, перезаряжая свое оружие. Кое-как прицелившись, они разом выстрелили в киммерийца, не зная, что именно на это он и рассчитывал. Он бросился на пол и прокатился вперед, ничуть не потеряв скорости. Один болт все-таки угодил ему в мясистую часть бедра. Древко сломалось об пол. Вздвогнув от боли, Конан выдернул расщепленную стрелу и отшвырнул ее прочь. На струйку крови, бежавшую по ноге, он никакого внимания не обратил.

— Желтобрюхий трус!.. — заорал он, обращаясь к Вальтреско. — Так и будешь хныкать, прячась за юбками

этих баб? Или все-таки решишь быть мужиком и сойдешься со мной один на один?..

— Твой визг забавляет меня, киммерийская свинья, — был ответ. — Еще не хватало запакастить мой меч твоей варварской кровью! К тому же я пообещал уступить эту сомнительную честь капитану Рогару — вот он здесь, со мной...

Из-за спин арбалетчиков появился квадратного сложения коротышка с плоским, точно из камня вырубленным лицом. Широченную грудь покрывал грубой работы нагрудник, волосатые ручки были защищены медными рукавицами. Из оружия при нем были щит и булава. Он напряг обнаженные, по-обезьяньи мускулистые руки и криво улыбнулся Конану, приглашая его на бой. Зубы у него были желтые, обломанные. Арбалетчики, до которых Конан так и не успел добраться, миготом отступили за спину коротышки.

Сальворас, довершавший расправу с последним стражником, улучил мгновение и посмотрел на капитана Рогара. Он сразу узнал его: это был наемник, один из тех, кого Вальтреско подбирал лично. (Если уж на то пошло, в коридоре вообще не было ни одного природного бритунийца.) Так называемый «капитан» Рогар на самом деле был никаким не капитаном, а просто наемным мясником-заморийцем. Представляя этого малого к воинскому званию, Вальтреско оправдывал свое решение количеством врагов, сраженных Рогаром в стычках на границе. Сальворас знал, как мастерски управлялся толстяк со своей булавой. И еще... Бросаясь на помощь Конану, Сальворас успел прокричать предупреждение:

— Берегись щита!.. Не бей в щит!..

Увы, предостережение запоздало. Конан уже размахнулся, надеясь одним ударом сокрушить щит и всадить меч Рогару в жирное брюхо... К его величайшему изумлению, щит... *притянул* к себе клинок! Да так, что Конан не смог его оторвать! Станный с виду щит на самом деле оказался сильнейшим магнитом! Выругавшись, Конан что было силы налег на непослушную рукоять, пытаясь в то же время увернуться от шипастой булавы Рогара. Между тем заморийец, как выяснилось, именно на то и рассчитывал. Он размахнулся, и на голову Конана обрушился

страшнейший удар. Оглушенный киммериец выпустил меч и привалился к стене...

Следующий удар неизбежно прикончил бы его, но в это время Сальворас метнул последний оставшийся у него кинжал. Метнул, мысленно моля Ханумана направить его полет. И на сей раз ему повезло: кинжал по рукоять вошел в мясистое плечо «капитана». Толстяк выронил щит, но, казалось, не замечал воткнувшегося кинжала. Ударившись об пол, меч Конана со звоном отлетел прочь от магнита. Маленькие черные глазки Рогара недобро сверкнули: он развернулся к Сальворасу и замахнулся булавой. Булава чуть-чуть не достигла цели. Сальворас отшатнулся, потом сделал выпад, но клинок только звякнул по толстому нагруднику. Бросив быстрый взгляд за спину стражнику, Сальворас с ужасом убедился, что арбалетчики вот-вот должны были выстрелить по третьему разу. Конан был еще не в состоянии увернуться; если он, Сальворас, сей момент не разделается с толстяком, они попросту изрешетят киммерийца!..

Капитан уронил меч на пол и бросился на Рогара со всей стремительностью, порожденной отчаянием. Не ожидавший этого толстяк-замориец попытался взмахнуть булавой, но в ближнем бою тяжелое оружие оказалось бесполезным. Сальворас сомкнул руки на его глотке и сдавил что было силы. Рогар схватил его запястья и попробовал их разомкнуть. Так они боролись несколько невыносимо долгих мгновений, пока Сальворас не заметил, что арбалетчики прицелились в Конана, — тот все еще стоял у стены, прижимая руки к ушибленному черепу. Вот тут-то Сальворас навалился на толстяка и мощным рывком вытолкнул его на линию огня.

Он рассчитал безукоризненно. Вновь полетели стрелы... но на сей раз сами стрелки испуганно закричали. Один болт глубоко вошел Рогару в спину, и наемник крикнул от боли. Другой скользнул над головой коротышки и ударил Сальвораса в плечо. Ему пришлось выпустить заморийца. Тот отшатнулся прочь. Воздух едва проходил в сдавленное горло, рука шарила по спине, сиюсь нащупать стрелу. Выдрав ее наконец вон, Рогар занес болт над головой, собираясь ткнуть им, как кинжалом, Сальвораса в шею...

Не получилось! Наконец-то проморгавшийся Конан пнул Рогара в колено и свалил его наземь. Задыхаясь от боли, которую причинял ему засевший в плече болт, Сальворас вырвал стрелу. Конан потянулся к выпавшему из рук мечу, Рогар пытался подобрать булаву... Они одновременно схватили оружие, но Рогар не сумел достаточно быстро вскочить и промедлил с ударом. Он успел только вскинуть глаза и увидеть острое как бритва окровавленное лезвие, летевшее ему прямо в лицо. Меч Конана рассек рукоять его булавы и глубоко погрузился в бычью шею наемника.

Какое-то мгновение выпученные глаза заморийца непонимающе смотрели на обрубок рукояти, торчавший из кулака. Потом глаза подернулись пленкой, голова запрокинулась... и упала на пол. Обезглавленное тело, корчась, рухнуло вперед, заливая все вокруг потоками густой крови. Конан пинком отбросил срубленную голову прочь и наконец-то бросился на арбалетчиков. Он яростно размахивал мечом, из груди рвался оглушительный боевой клич киммерийцев.

Вальтреско, несколько подрастерявший былую самоуверенность, отскочил на пару шагов и встал в боевую стойку.

— Живо, остолопы! — рявкнул он на арбалетчиков. — Беритесь-ка за мечи и прикончите этого мерзавца!

Воины послушно бросили арбалеты и схватились за мечи... но зрелище неописуемо страшного киммерийца, неотвратимо мчавшегося прямо на них, вконец лишило их мужества. Они разом повернулись и со скоростью зайцев умчались прочь по коридору, бросив полководца одного. Вальтреско побежал за ними, но доспехи сдерживали его прыть. Арбалетчики проскочили железную дверь и захлопнули ее прямо перед носом Вальтреско. Звук тяжелого засова, поспешно задвигаемого с той стороны, заставил полководца яростно выругаться. Он оказался в ловушке!..

— Труссы!.. — заорал он. — Ублюдки!.. Я велю содрать с вас никому не нужные шкуры и заживо скормлю вас крысам!.. Откройте дверь!.. Вернитесь и сражайтесь, это приказ!..

Он кричал еще многое другое, но в ответ из-за двери долетел только поспешный топот удирающих ног.

Делать нечего, Вальтреско повернулся к Конану лицом и вновь встал в боевую стойку. Он со всей решительностью выдвигал челюсть, но в глазах можно было заметить отблеск страха. Но только отблеск. Вальтреско смотрел весьма угрожающе, и замысловато украшенный меч не дрожал в его правой руке. Блики светильников переливались на полированных пластинках латной перчатки.

Вот левая рука полководца скользнула в поясной кошель... Конан приближался осторожно: он предполагал, что Вальтреско был не только горазд болтать языком, но и умел очень здорово драться. Еще он нимало не сомневался, что изменник не задумываясь пустит в ход какой угодно грязный прием.

За спиной у него Сальворас подобрал свой меч, — подобрал здоровой рукой, оберегая раненое плечо. Капитан спешил на помощь киммерийцу. Он-то слишком хорошо знал, что полководец и без личной охраны оставался смертельно опасным.

Конан подбирался все ближе к Вальтреско, имея в виду прижать того к запертой двери. Когда ему осталось шагов двенадцать, полководец устремился вперед. Его меч мелькнул в стремительном выпаде... Конан отбил нападение и сам нанес ответный удар. Его меч провел глубокую борозду по нагруднику Вальтреско, непоправимо испортив замечательную резьбу. Вальтреско отлетел назад, выхватил из кошель крохотную скляночку с какой-то жидкостью и метнул ее, целя Конану в голову.

Киммериец, однако, ждал чего-нибудь в этом духе и успел мгновенно присесть. Скляночка пролетела над его головой и со стеклянным звоном разбилась о кольчугу подоспевшего Сальвораса. Остановить разбег капитана она, конечно же, не смогла. Он только скривился от едкого запаха. Потом бросил взгляд на свою кольчугу... и с ужасом увидел, что она плавится и дымится. Шипя, точно вода на горячих углях, странная жидкость разбедала и кольчугу, и тело под ней. Боль была несусветная...

Бросок заставил Вальтреско на миг потерять равновесие, чем сейчас же и воспользовался Конан: конец его меча вспорол кольчужный подмышник и руку полководца. Вальтреско промедлил оборониться.

— Ах ты дерьмо!.. — зарычал вельможа. — Приготовься к встрече со своими звероподобными предками в преисподней!..

И он рубанул по гарде Конанова меча, слегка запутавшейся в разорванном рукаве кольчуги. Гарда не выдержала удара отточенной, отменно закаленной стали и разлетелась. Лезвие угодило Конану по руке, заставив его выронить меч.

Вальтреско сейчас же замахнулся снова, метя киммерийцу в незащищенную грудь. Конан шарахнулся в сторону, уходя от удара, но тут его подвели перемазанные кровью ноги: он поскользнулся. Обезоруженный, он растянулся на полу. Блестящий меч Вальтреско устремился к его горлу. Конан успел только вскинуть руки...

Неожиданно коридор огласился мучительным воплем. Меч Вальтреско еще продолжал свое движение к шее киммерийца, но рука, державшая рукоять, уже не направляла его, поскольку сама падала вместе с мечом. Это Сальворас, наконец-то добравшийся до места сражения, невзирая на полученную рану, сумел занести свой клинок и с медвежьей силой обрушить его на изменника-полководца. Страшный удар отсек вельможе руку почти по плечо. Сальворас замахнулся снова, желая прикончить Вальтреско... но даже и его сила имела предел. Раны заставили его рухнуть.

Какое-то мгновение Вальтреско стоял неподвижно, глядя Конану в глаза. Потом оба одновременно посмотрели на Конанов меч, валявшийся между ними. Ни один не двинулся с места, словно соображая, кто первым схватит оружие. Раненая рука киммерийца кровоточила, в побитой голове стучали кузнечные молоты, бедро жгло огнем. Кого угодно другого такие раны уложили бы за смертью, но только не Конана. Он, точно раненое животное, будет драться до последнего и не покажет признаков слабости, пока не умрет. Вальтреско, наследник изнеженных цивилизацией поколений, был гораздо менее вынослив. Особенные страдания причинял ему окровавленный обрубок руки, от которого в мозг шли нестерпимые огненные разряды.

Полководец сдвинулся первым. Он попытался поднять меч здоровой рукой, но схватил только воздух. Когда

Конан сграбастал клинок и, проломив нагрудник, по рукоятке вогнал его в тело Вальтреско, тот успел только подумать: «Значит, я все-таки проиграл». Три фута закаленной стали насквозь проткнули его грудь, и сознание ухнуло в черную пустоту. Из горла вырвался хрип, пронзенное тело затрепетало — и осело на холодный пол подземелья.

Конан чувствовал себя вычерпанным до предела. Не без труда он поднялся и, хромя, пошел туда, где остался Сальворас. Он хотел помочь ему встать, но рука киммерийца замерла на полпути.

Сальворас умирал. В его груди дымилась и булькала рана, в которую вполне вошел бы кулак. Едкая жидкость из склянки Вальтреско прожгла кольчугу и плоть и вот-вот должна была унести жизнь. Варвара пробрала дрожь при мысли, что было бы с ним самим, попади эта гадость ему в голову.

— Конан... — прошептал капитан. — Он... мертв?

— Он уже горит в аду, Сальворас! Держись, друг! Во имя Крома, держись!.. Я сейчас слетаю за лекарем! Сейчас...

Но Сальворас с трудом покачал головой:

— Не надо, Конан... Митра призывает меня. Мой... срок... истекает. — Он задыхался, на губах вскипала кровавая пена. — Ты... ничего мне не должен... но позволь тебя... попросить. Проводи жреца к королю. Помогите ему... уничтожить... то зло, о котором он говорил. Спаси короля!.. — Усилие, требовавшееся, чтобы говорить, совсем ослабило умирающего. Закрыв глаза, он несколько мгновений отдыхал, потом набрал полную грудь воздуха и обратился к заботливо склонившемуся над ним киммерийцу с последними словами: — Не верь... никому. Кроме горца... Кейлаша... Расскажи ему все... король должен знать... Обещай!

Больше Сальворас был не в состоянии говорить. Он закрыл затуманенные страданием глаза.

— Король узнает, — твердо пообещал Конан. — Либо я погибну, доставляя ему эту весть. Клянусь Кромом и Митрой — ты будешь отомщен!

В глазах Конана неукротимо горело синее пламя. Его кровь еще кипела от возбуждения битвы. Он не мог думать

ни о чем ином, только о новых схватках с врагом и о кровавой мести за храброго капитана, так дорого заплатившего за то, чтобы спасти ему жизнь.

Сальворас испустил последний вздох у Конана на руках, и душа его влилась в бестелесный сонм предков.

Киммериец закрыл ему глаза и положил меч капитана на его застывшую грудь. «Сегодня мне выпало сражаться бок о бок с настоящим мужчиной», — думалось киммерийцу. Сальворас умер, как подобало славному воину. Конан непременно выполнит клятву, данную павшему соратнику. Либо заплатит собственной кровью. Так велел киммерийский закон и совесть самого Конана.

...Однако этим он займется несколько позже. А теперь следовало посмотреть, как там Мадезус. Конан поднялся и пошел туда, где остался молодой жрец.

Мадезус только-только зашевелился на полу каменной клетушки. Его зрение еще не совсем прояснилось, но первым, кого он увидел, был Конан, входивший в камеру. Киммериец был с головы до ног залит потом и кровью. Мадезус заморгал, сился разогнать туман перед глазами, и опасно пощупал голову. Как ни странно, она не была разбита вдребезги, лишь за ухом наливалась крупная шишка. Коснувшись ее, он вздрогнул от боли. Постанывая, жрец сел.

— Конан!.. — вырвалось у него. — Благодарение Митре, ты жив!.. А что Сальворас? Он с тобой, или его схватили?

— Ни то ни другое, целитель. Вальтреско предательски сразил его, но я отправил изменника в преисподнюю. Огненные демоны уже гложут его поганые кости... Стражники же частью сбежали, частью мертвы.

— Сальворас!.. Я должен видеть его! Я спасу его, если только он еще жив!

Конан пожал плечами и с сомнением покачал головой:

— Я моложе тебя, но видел столько смертей, что... А впрочем, если бы не Сальворас, я бы тут не стоял. Посмотри на него, если хочешь, только не трать времени зря. Надо выбираться отсюда! Хреновы стражники заперли дверь в подвал, когда удирали!

Конан поставил Мадезуса на ноги, и вдвоем они поспешили в дальний конец коридора, мимо коченеющих

тел, туда, где Конан оставил Сальвораса. Жрецу хватило одного взгляда: он помрачнел и опустил голову.

— Я ничего не могу больше для него сделать, — проговорил он опечаленно. — Разве что помолиться за его душу! Жидкость, пожравшая его плоть, была кровью крылатого чешуйчатого драккена — чудовища из отдаленнейшей, безымянной эпохи... Как она попала к Вальтерско, я не знаю. Об этом можно только гадать! Уже во времена моего прадеда не было людей, когда-либо видевших живого драккена...

Преклонив колени, Мадезус вытащил из сумки пузырек и окропил из него тело Сальвораса, тихо творя молитву Митре.

Пока он молился, Конан подошел к трупу полководца и срезал с его пояса кошель. Распутав завязки, он заглянул внутрь и увидел еще одну скляночку вроде той, что сгубила Сальвораса. Она была тщательно завернута в тряпку. Гораздо больше Конана привлекло золото, блеснувшее в глубине. Он осторожно припрятал кошель в самый глубокий карман своей кожаной безрукавки.

Мадезус dokonчил молитву и поднялся, бросив прощальный взгляд на мертвого капитана.

— Конан! — окликнул он варвара. — Дай я перевяжу твои раны, и покинем скорее это злосчастное место!..

— Некогда, целитель, — покачал головой киммериец, подходя к железной двери. — Мне еще кое-какое обещание надо исполнить.

Дверь выглядела исключительно добротной и была в отменном состоянии. Конан налег плечом, но она и не шелохнулась. Отдышавшись, он вновь попытался ее высадить. Безрезультатно.

— Кром!.. — ругнулся он, переводя дух. — Заперто с той стороны!.. Тут без тарана не пройдешь! Мы заперты, точно крысы в крысоловке...

Мадезус нахмурился, напряженно раздумывая.

— Надо, — сказал он, — подождать, пока придет стража. Я думаю, они скоро явятся разбираться, что случилось с Вальтерско и его людьми.

— Ждать? — проворчал Конан. — Ну уж нет! Надо что-то придумать!..

И он начал ходить перед дверью, точно тигр, посаженный в клетку. Плодовитый ум варвара усердно трудился... Случайный взгляд, брошенный на тело Сальвораса, неожиданно подсказал ему выход. Запустив руку в кармашек, он вытащил трофейный кошель и извлек скляночку. Со всей осторожностью вытащив притертую пробку, он отступил от двери, прицелился и щедро плеснул на железо. Крепкая металлическая поверхность так и вскипела. Повалил ядовитый дым, от которого защипало нос и глаза.

Когда дым рассеялся, стало видно, что жидкость проела в железе сквозную дыру больше человеческой головы. Подойдя, Конан запустил руку в эту дыру, вытащил запирающий брус и с лязгом бросил на камень. Потом нашарил засов и отодвинул его. При этом его рука выше локтя все-таки коснулась края отверстия. В кожу словно вонзились жала сотни ос, но Конан не убирал руки, пока не вытащил засов совсем и не бросил его на пол. На обожженном месте вздулся багровый, неприятного вида рубец. Он медленно расширялся. Мадезус озабоченно посмотрел на ожог, но ничего не сказал.

Конан с силой пнул дверь. Она легко отошла и гулко грянула в стену.

— Скорее, Мадезус! Надо отыскать короля и этого, как там его, Кейлаша, пока стража до нас не добралась! За мной, жрец!

Мадезус кивнул и припустил следом за быстроногим варваром. Каким-то образом ему удалось не потерять из виду киммерийца, которого вело сквозь путаницу извилинных коридоров безошибочное чувство направления. Никто не встретился им на пути, пока они поднимались на нижний этаж дворца. Одолев последнюю лестницу, Конан огляделся, высматривая стражников. Мадезус прислонился к стене внизу пролета, силясь отдышаться. Он не привык к подобной беготне. Когда сердце перестало выпрыгивать из груди, он медленно поднялся вверх, не спуская глаз с поджидавшего его Конана.

Киммериец махнул ему рукой, приглашая следовать за собой, и бесшумно пересек стражничью. Здесь тоже не было ни души, и это заставило Конана насторожиться. Он напомнил себе, что солнце еще не взошло, а потому, может, так тому и следовало быть. Он крался вперед,

держа руку на рукояти меча и следуя указаниям Мадезуса, знавшего, как пройти к королевским покоям...

И вот наконец они добрались до высокой, обшитой медными листами двери: именно таков, по словам жреца, был вход во внешние покои Эльдрана. Дверь была закрыта, и Конан спросил себя, где же, наконец, стража? Почему и перед дверью никого нет?.. Он оглянулся проверить, следует ли за ним Мадезус.

Помимо собственной воли он зауважал жреца еще больше. Митраит усердно поспевал за ним и притом двигался тихо. Киммериец ни разу еще не встречал подобных жрецов. Как не похож был Мадезус на тех напыщенных храмовых чистоплюев, с которыми он сталкивался раньше! Его разбирало невольное любопытство, он не отказался бы разузнать, кем Мадезус был в прошлом. Однако до сих пор он не задавал ему вопросов. В любом случае лучше держаться подальше от жрецов, чародеев и им подобных!..

...Конан оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить, как из-за тканой шпалеры за спиной Мадезуса вынырнул человек. Он закричал, пытаясь предупредить жреца, но того сцапали прежде, чем Конан успел издать хотя бы звук. Тут же с треском растворились медные двери, и прямо на киммерийца вывалилась орава бритунийских горцев с оружием. Его рука непроизвольно метнулась к мечу, но замерла на полпути. В дверях появился здоровенный темноволосый кезанкиец и заорал во все горло:

— А ну всем стоять!.. Не трогать их, псы!

Низкий повелительный голос мигом заставил замереть горцев, уже взявших в кольцо синеглазого великана. Могучий кезанкиец ткнул пальцем в сторону Конана и невесело усмехнулся:

— Ты, верно, Конан?.. — И после некоторой паузы продолжал: — Жреца я первый раз вижу, но все равно мы безмерно благодарны вам обоим... За что? За то, что помогли разоблачить изменника, покусившегося на трон! — Горец указал на скорченный труп стражника, валявшийся почти у него под ногами. — Вот этот говнюк был в личной охране изменника! Мы схватили обоих, когда они удирали из подземелья! Я показал ему меч, и язык у ничтожества сейчас же развязался, а потом заполоскался, как флаг на

ветру! Ну, когда я выяснил, что и у него рыльце в пуху, я тут же и всадил меч в его поганые кишки! Тьфу!.. — И горец смачно плюнул на замазанную кровью рубаху бывшего стражника. Потом представился: — Я — Кейлаш, друг и телохранитель его величества короля Эльдрана. Где Сальворас? Он с вами?

— Нет, — сказал Конан и скорбно опустил глаза. — Он пал, сражаясь с Вальтреско.

У Кейлаша подозрительно заблестели глаза. Он так сжал кулаки, что побелели костяшки.

— Вот это горькие новости!.. Но не произноси больше имени негодяя! «Предатель» — только так его отныне следует называть! Да сгорит он в аду, и пусть тысяча демонов пожрет его черное сердце!.. А вот Сальворас был настоящий мужик! Право же, он заслуживал лучшего конца, чем смерть от руки негодяя и труса! Много дней будут петь о нем плакальщицы, и век не забудут его те, кто преданно служит королю!.. Эй, отпустить жреца! — обратился он к державшим Мадезуса. — Иди сюда, священник! Вы с Конаном должны мне рассказать обо всем!

Убрав меч и более не опасаясь нападения, Конан вместе с Мадезусом проследовал в королевские покои, куда ввел их Кейлаш...

Глава девятая

НАСЛЕДНИК КСУОКВЕЛОСА

Конан наскоро переговорил с Кейлашем, в общих чертах обрисовав ему отчаянную схватку в подземной тюрьме. Мадезус нетерпеливо вмешался в их разговор:

— Жизнь короля висит на волоске, и время уходит! Кейлаш, ты должен меня немедленно к нему проводить! Пока вы здесь болтаете, его жизнь истекает, как вода из треснувшего бокала. Древнее зло вырвалось в наш мир, и его черная сила готова истребить короля!

— А ты-то откуда знаешь?.. — изумленно спросил Кейлаш.

— Увы, у меня нет времени объяснять... Доверься мне, или король неминуемо погибнет!

Мадезус старался говорить спокойно, но его руки произвольно сжались в кулаки, а лицо осунулось от волнения.

Конан решил вмешаться:

— Я не знаю до конца, что именно им движет, — сказал он. — Но в душу жреца заглянуть труднее, чем в душу обычного человека. Я уверен только в одном: Мадезус не причинит зла твоему королю. До сих пор его деяния говорили об этом правдивее всяких слов!

Кейлаш некоторое время молчал. Голова у него, признаваясь, шла кругом. Про себя он действительно подозревал, что его друг погибал не от яда, как думали все, а от колдовства. Но мог ли он отдать судьбу любимого вождя в руки неведомого жреца?.. Однако надо было решать, и решать быстро. Король лежал пластом вот уже третий день, и не было заметно никаких признаков облегчения. Его по-прежнему не удавалось ни накормить, ни напоить... Сколько он еще протянет в таком состоянии? Эльдран был очень силен, а воля у него была и вовсе железная. Тем не менее Кейлаш отчетливо понимал, что его друг обречен.

— Я отведу тебя к нему, лекарь, — решил он наконец. — Но только ты знай: я все время буду стоять рядом!.. Я нипочем не оставлю тебя с ним наедине, так что... в общем, учти. Пошли, Конан, если хочешь!

Совершив таким образом весьма тягостный выбор, Кейлаш повел их во внутренние чертоги. Несчастный Эльдран выглядел так, что краше в гроб кладут. Три дня мучений тяжело дались бритунийскому королю. Бескровное лицо страшно осунулось, глаза провалились. Он спал, но глаза были открыты, и в них застыло выражение ужаса и отвращения. Казалось, временами он пытается что-то сказать, но изо рта вырывался лишь сухой хрип. Пальцы короля конвульсивно подергивались...

Даже Кейлаша, с самого начала наблюдавшего медленное угасание Эльдрана, заново охватил ужас. Что до Конана, то он явственно ощутил близкое присутствие смерти и весьма усомнился, что даже Мадезус сумеет тут чем-то помочь. Тишина в комнате сделалась воистину похоронной: каждый из троих на свой лад думал примерно об одном и том же...

Мадезус, в отличие от двоих воителей, не дрогнул и не смутился при виде больного. Крепко сжав в руке амулет, он прошептал молитву и коснулся другой рукой лба короля. Раздался резкий треск, и в воздухе между лбом Эльдрана и ладонью жреца проскочила темно-синяя искра. Кейлаш выругался и схватился за меч, но Конан удержал его руку. Мадезус же вскрикнул от боли и отдернул руку так, словно по нечаянности сунул ее в корзинку с ядовитыми змеями.

— Да оградит нас Митра!.. — вырвалось у него. — Я чувствую присутствие зла, готового унести душу этого человека из его тела!.. Мутари восстала из бездн, чтобы сеять среди живущих смерть и отчаяние!.. Крепка ее хватка, но, волею Митры, я вырву из ее когтей вашего короля!.. Оставь свой меч, горец, и ни о чем не беспокойся. Я служу Свету, а не Тьме. Смотри и внимай!..

Кейлаш и Конан благоговейно следили за тем, как он снял с шеи свой амулет и высоко поднял его над головой. Хлынул слепящий белый свет и наполнил всю комнату яростным, жизнеутверждающим сиянием. Два воина потрясенно подались назад: глаза и одеяния Мадезуса также начали источать свет! Вынести нечеловеческий блеск было невозможно. Кейлаш прикрыл лицо ладонью, а Конан сощурился.

— Я — член тайного древнего Ордена! — зазвучал голос жреца. — Я — один из наследников Ксуоквелоса, величайшего среди пророков Митры, когда-либо являвшихся этому миру! Ксуоквелос не был жрецом, и меня не называют жрецом. Мы — Орден Хранителей! Тысячи лет наш Орден несет бессонную вахту, не ожидая от людей ни славы, ни даже простой благодарности. Мы избавляем этот мир от Зла, с древних времен таящегося в забытых уголках и мерзостных норах! Наш Орден противостоит Злу, от одного вида которого душа человеческая обращается в лед, а сердце перестает биться навеки! Мой Учитель совершал волю Митры над этим Злом, и я следую по его стопам. Сам Небесный Отец избрал меня для этого поединка. И я не буду знать отдыха, пока жрица мутари не будет уничтожена навсегда!

Голос Мадезуса становился все мощнее и громче. Последние слова прозвучали с силой громового раската. Вот

он договорил, и напряжение покинуло его тело, плечи расслабились. Свет снова стал переносимым для глаз. Мадезус вновь поднес руку ко лбу распростертого короля... Ударил синий разряд, но на этот раз Мадезус руки не отдернул. Наоборот — он поймал искру ладонью и с силой стиснул кулак.

Его сжатый кулак скоро засветился багрянцем, как раскаленное железо в кузнечном горне. Что-то громко затрещало, из кулака Мадезуса повалил дым. Потом багровое свечение стало угасать. Целитель раскрыл ладонь, и сделалось видно, что искра исчезла. Белый жрец в третий раз протянул руку ко лбу больного... Сопротивления больше не было. Он закрыл глаза и медленно, напевным голосом стал читать молитву. Конан так и не смог узнать языка, — а ведь он немало путешествовал по разным краям и каких только наречий не нахватался. Он внимательно наблюдал за Мадезусом, и по спине у него гулял холодок. Конан ничего не мог с собой поделать — при встречах со сверхъестественным ему всегда становилось не по себе. И насколько он мог судить, молчаливо стоявший Кейлаш также испытывал нечто подобное.

Спустя несколько мгновений Мадезус повернулся к воинам.

— Сиюминутной угрозы больше нет, но до полного выздоровления и безопасности еще далеко, — проговорил он. — Я изгнал демона, терзавшего короля изнутри. Силы постепенно вернутся к нему, быть может, он даже очнется. Боюсь, однако, облегчение окажется временным, ибо вскоре другой демон явится довершить начатое. А я, к сожалению, мало на что гожусь после обряда изгнания, который только что совершил... я решусь повторить его, самое раннее, завтра.

— А что это еще за «мутари»? — поинтересовался Кейлаш. Его глаза мстительно сверкали: — Я против нее тысячу воинов брошу! Во имя Митры и Викканы, — я никому спуска не дам, пока мы на куски ее не изрубим! Скажи только, где ее отыскать, и мы...

— Тысяча воинов тут не поможет, — устало ответил Мадезус. — У мутари нет настоящей плоти, и я слышал, что они не кровоточат. Наша Врагиня — Врагиня вашего короля — жрица, и ее способности намного превосходят

обычные человеческие. Вот, пожалуй, и все, что я знаю о ней. Где она затаилась — в точности мне пока неизвестно. Покамест я гоняюсь за тенью, но, уверяю тебя, я ее отыщу...

В голосе митраита звучала железная решимость.

— Но ведь Вальтреско мертв, — заметил Конан. — С какой бы стати ей продолжать выполнять уговор?

— Таким, как она, не нужна особая причина для того, чтобы убить, — ответил Мадезус. — К тому же погубление короля и не потребует от нее дальнейших усилий. Соктаканное ею заклятие Смерти — очень древнее и очень могущественное. Я сумел почувствовать его присутствие здесь, ибо в нашем Ордене знают о подобных заклятиях. Мутари договорилась с одним из архидемонов, заплатив ему душой смертного — скорее всего, кровного родственника короля...

Глаза Кейлаша сузились, горец вдруг резко побледнел.

— Принцесса!.. — ахнул он. — Как раз перед тем, как королю заболеть, стража обнаружила ее тело!.. Изуродованное!..

— Вот этого-то я и боялся, — опустил голову жрец. — Значит, архидемон будет посылать бесплотных слуг Тьмы терзать дух короля. Кровь принцессы распахнула врата и проложила связь между силами Бездны и королем. Теперь закрыть эти врата можно, только уничтожив жрицу мутари. Только тогда распадется ее договор с архидемоном...

— Ну так как же убить эту тварь? — взорвался Кейлаш. — Говори толком! Она что, вовсе неуязвима? Если ей, как ты утверждаешь, и тысяча мечей нипочем?

— Не отчаивайся, горец. Жрица мутари противостоит Митре, Чье могущество столь же безбрежно, как и небеса над нашими головами. Его соизволением мой амулет совершит то, что не под силу и десяти тысячам воинов. Когда-то было много священных предметов, каждый из которых способен был принести гибель мутари. Увы, большинство из них затерялось, но некоторые наш Орден хранит по-прежнему бережно. Утром я разыщу нашу Врагиню, но один предстать перед нею я, увы, не смогу. Мне понадобятся ваши мечи и ваше мужество, друзья мои. Иначе мне не выиграть этой битвы. Пока при мне амулет, не в ее власти причинить мне какое-то зло. Но у нее наверняка

есть прислужники из плоти и крови, от которых амулет не сможет меня защитить. Одним из таких прислужников был изменник Вальтреско... Как знать, сколько их еще у нее? Я не смею надеяться, что искоренение черной жрицы обойдется без дальнейшего кровопролития... Я только молюсь, чтобы эта кровь не оказалась нашей собственной!

— Я с тобой, жрец, — мрачно проговорил Конан. — Меня обязывает к этому клятва, которую я дал Сальворасу. Пока королю грозит опасность, я буду с тобой. И горе тому неразумному, кто дерзнет встать у меня на пути!

— И я пойду, — торжественно сказал Кейлаш. — Сколько раз Эльдран спасал мою жизнь! Это мой друг! И мой властелин! Настал мой час отплатить ему за добро! Не пройдет и часа, как тысяча отборных воинов...

— Нет, Кейлаш, — покачал головой Мадезус. — Твои воины, бесспорно, искусны, но в таком количестве они нам лишь помешают. Ведь для того, чтобы одержать победу наверняка, всего лучше было бы застать жрицу врасплох, а приближение целого войска она тотчас же заметит. Мутари чувствуют тоньше и на большем расстоянии, нежели обычные люди... Лишь мы трое знаем о ее существовании, и мы должны сохранить эту тайну. Никому не говорите о жрице. Как бы ни были вы уверены в надежности собеседника — никому!

— Ну добро! Трое так трое! А как ты собираешься отыскивать логово этого посрамления женского рода?

Глаза Кейлаша так и горели жадной отщипки.

— До завтра, — сказал Мадезус, — мы все равно ничего сделать не сможем. Так что займись приготовлениями, которые считаешь необходимыми. Что же до тебя, Конан... Я должен употребить остаток энергии для лечения твоих ран, а потом схожу в храм за своими вещами. Нам всем необходим отдых, прежде чем мы возьмемся за дело. То, с чем нам предстоит бороться, таково, что от нас потребуется вся до капли выносливость тела, вся сила разума!..

Конан начал было возражать, но жрец попросту отказался идти за вещами, пока не посмотрит хотя бы самые серьезные из полученных им ранений. Варвар с недовольным видом присел на край возвышения, где стояло королевское ложе, и целитель приступил к своим обязанностям. В какой-то момент глаза киммерийца закрылись, он

стал клевать носом, и наконец голова его поникла на грудь. Он заснул.

— Не трогай его, пускай спит, — шепнул Мадезус Кейлашу. — Он сам проснется, когда его тело должным образом отдохнет. Я лишь чуть подтолкнул процесс исцеления, привел в действие удивительные силы самоврачевания, которыми он располагает. Есть ли вообще на его родине лекари?.. Думается мне, в Киммерии они не особенно-то и нужны...

Они вместе вышли из королевских покоев.

— Скоро я вернусь из храма и посплю здесь, во внешней комнате, — сказал жрец. — Впускай сюда только тех, кому полностью доверяешь, а во внутренние покои — вообще ни единой души! И будем надеяться, что, волею милосердного Митры, завтра к вечеру уже не о чем будет волноваться!

— Волею Митры, да будет так! — согласился Кейлаш. — Может, мне послать кого с тобой? Пускай бы проводили тебя в храм и назад, а?

— Спасибо, — отказался Мадезус. — Здесь рядом, да и вещей у меня совсем немного. Не пройдет и часа, как я возвращусь.

Он миновал обитые медью двери и вышел, не добавив более ни слова. Любопытные горцы проводили его взглядами, потом вопросительно посмотрели на своего предводителя. Кейлаш только молча покачал головой. Усевшись на деревянную скамеечку, он вытащил из ножен меч и принялся тщательнейшим образом осматривать лезвие. Потом вытащил из выдавшей виды дорожной кожаной сумки, лежавшей рядом с ним на скамейке, точило. И взялся за работу.

Кейлаш всегда садился ухаживать за мечом, когда ему требовалось над чем-нибудь крепко поразмыслить. Сейчас же пища для размышлений у него было более чем достаточно.

Значит, Вальтреско оказался изменником!.. А король так ему доверял!..

Хитросплетения бритунийской политики оставались для Кейлаша темным лесом. Он родился в северо-восточных горах и вырос среди горных племен. То есть в точности как и сам король. Кейлаш привык разрешать свои

затруднения без особенной зауми и уж подавно без интриг; политика сроду казалась ему развлечением для слабаков и обманщиков, не способных действовать по-мужски. Пример Эльдрана понемногу убеждал его в обратном. Ну да Эльдран всегда был умнее его, и Кейлаш охотно это признавал.

И все-таки в том, что касалось обманщиков и слабаков, могучий кезанкиец оказался не так уж и не прав. Что как не политические выверты некоторых вельмож привели несчастную девочку к гибели, а короля — на смертное ложе! Гнойный нарыв, порожденный завистью Вальтреско к королю, — сколько времени он зрел, пока Конан с Мадезусом не выпустили ядовитую гниль? А что, если здесь, по коридорам дворца, всюду шастают на свободе еще какие-то изменники, только ждущие шанса нанести смертельный удар?.. От этой мысли Кейлаш попросту похолодел. Но потом сказал себе, что вряд ли это возможно. Основной корпус дворцовой стражи был беззаветно предан Эльдрану, — такое влияние имел король на людей. Все, кроме некоторых вырожденков, любили его, и он, несомненно, это заслужил! Когда еще бывало, чтобы бритунийский король столь успешно примирял между собой раздираемые усобицами княжества да еще сдерживал жадных соседей вроде Немедии с Коринфией, готовых чуть что оттяпать себе кусок?..

То есть были, конечно, в Бритунии и такие, кому воцарение Эльдрана пришлось не по ноздре. Некоторые знатные фамилии с юга страны, сами когда-то порождавшие королей, отказывались признавать власть Эльдрана, но, правда, войной идти не пытались. Иные из них во всеуслышание объясняли свое неповиновение тем, что Эльдран-де происходил не из королевского рода. Наверное, у Вальтреско были сторонники из числа этих семейств... Кейлаш содрогнулся, осознав: умри сегодня король, и гнусный заговор полководца, пожалуй, навсегда остался бы нераскрытым. Вальтреско — король!.. А ведь если бы не Мадезус с Конаном, все так бы и случилось!

Кейлаш задумался о киммерийском богатыре и о его более чем странном приятеле — могущественном жреце Митры, заявлявшем при этом, что он, мол, вроде как и жрец-то ненастоящий!..

Кейлаш был предостаточно наслышан о киммерийцах, варварах с далекого морозного севера. Легендарный штурм аквилонской крепости Венариум, предпринятый киммерийцами, был худшим кошмаром для всех солдат любой цивилизованной страны. А ведь этот самый Конан запросто мог оказаться участником того штурма!.. Кейлаш всегда представлял себе киммерийцев бледнокожими, темноволосыми, мрачными звероподобными великанами. Конан, при всей его физической мощи, под такое описание, конечно же, не подходил. Хотя и здоров же был дратья, ох и здоров!.. То-то прибавилось за последние несколько дней на городском кладбище могил стражников, имевших глупость заступить ему путь!.. Кейлаш весьма сомневался, что даже среди его отборных бойцов найдется равный киммерийцу — хоть на мечях, хоть на ножах, хоть на копьях. А сам Кейлаш уже всюду предвкушал, как станет сражаться плечом к плечу со столь великим воителем!

Итак, Конан был человеком вполне понятным Кейлашу. И очень симпатичным ему. С Мадезусом все обстояло гораздо сложнее и туманнее. Любопытствующий себя горец знал тьму легенд о магах, жрецах, заколдованных амулетах и тому подобном. Кейлаш, как весь его народ, был весьма суеверен. Сколько вечеров, начиная с самого детства, провел он возле костров, слушая рассказы седобородых старцев о ворожбе, заклинаниях и чудесных превращениях! Поначалу он считал эти рассказы детскими страшилками, позже, с возрастом, убедился: зерно истины в них все-таки было. Но чтобы самому, своими глазами, увидеть, как пускают в ход подобную мощь!..

Волшебные и жреческие искусства всегда оставались за пределами его понимания, а его с младенчества приучали: чего не знаешь и не понимаешь, тому не верь! Он и не верил. Даже этот Мадезус, добрый вроде бы парень, вгонял его в дрожь.

Оставалось утешаться лишь тем, что королю после посещения молодого целителя и впрямь полегчало. Остальные, сколько их ни было, ничего не могли поделать. Этот смог. И все равно Кейлаш не мог заставить себя относиться к Мадезусу с полным доверием. Тот, кажется, больше рвался истребить свою жрицу мутари, чем спасти жизнь королю. Ну да ладно! В конце концов, и он, и

Кейлаш преследовали одну цель. Кейлаш станет помогать ему. И помогать усердно.

Еще он спрашивал себя, что, интересно, думали эти двое о нем самом. Кейлаш знал: для стороннего наблюдателя он был всего лишь туповатым воинственным горцем, не более. В былые времена такая оценка его способностей стоила жизни не одному врагу. Как говорил его батюшка — держи раскрытыми глаза и уши, а не рот, проживешь дольше...

...Его размышления прервал деликатный стук в дверь. Он положил точило назад в сумку и поднялся, а друзья-горцы подошли к двери. Неужели это Мадезус так скоро вернулся? Но нет. На пороге стоял главный евнух, Ламици. Как всегда, тихий и вежливый, как всегда, в шелковых одеяниях.

— Прости за неожиданное вторжение, Кейлаш, — сказал Ламици негромко. Голос у евнуха слегка дрожал, да и сам он выглядел несколько помятым, словно только-только с постели. — Что это такое рассказали мне стражники? — спросил он, волнуясь. — Они говорят, Вальтреско убит, но прежде был изобличен как изменник! Возможно ли, что это действительно так?..

— Это правда, — рассеянно ответил Кейлаш. — Его убил Конан, после того как сам этот негодяй предательски убил Сальвораса. Варвар и жрец Мадезус помогли раскрыть заговор.

— Ужас, ужас!.. Стариннейший друг короля!.. И пойти на измену короне!.. — Ламици изо всех сил изображал благородное негодование, а про себя гадал, не возникло ли каких подозрений относительно него самого. — Говорил ли кто с Вальтреско прежде, чем он был убит?

— Только варвар. А жрец утверждает, будто Вальтреско — всего лишь пешка в руках какого-то там могущественного и древнего зла. Он это знаешь сколько раз повторил? Все твердил про «жрицу мутари», — чтоб я знал, кто это такая! Мадезус говорит, ей для чего-то понадобилось на короля заклятие Смерти. Может, и не врет митраит... Если б не он, король бы, наверное, помер у же!

Слушая Кейлаша, Ламици с величайшим облегчением убедился, что о его роли в заговоре никто пока не

прознал. Но и то, что они каким-то образом пронюхали об Азоре, до крайности насторожило его. Простой жрец Митры!.. Как такое могло быть?.. Азора обещала ему, что, как только заклинание будет совершено, короля не спасет ни один жрец... Ну да ладно, не о том теперь волноваться! Вальтреско погиб, и надежды Ламици на восстановление славы бритунийского трона рухнули безвозвратно. О, они ему за это заплатят! Варвар, сующий нос не в свое дело, — и жрец! Азора раздавит их, как клопов!.. Он, Ламици, должен как можно скорее сообщить ей тревожные новости. Однако прежде следовало выяснить, много ли стало известно Кейлашу. Благо горский недоумок, по-видимому, все еще ему доверял.

— Мутари? — спросил евнух. — Она жива, эта злобная наложница Мрака? Или тоже погибла?

— Жива, к сожалению, — ответил Кейлаш. — Жрец говорит, он пока еще не знает, где искать колдунью, но надеется вскоре выследить и уничтожить ее. А он силен, Ламици! Куда могущественней всех, которых я когда-либо видел! У него на груди амулет, и с его помощью он такими силами повелевает, что только держись! Мы с Конаном скоро отправимся вместе с ним, чтобы отыскать жрицу и уничтожить ее. Как я понимаю, они с Мадезусом — старинные недруги...

— А раньше они встречались? Откуда он знает о ней? — начиная не на шутку волноваться, спросил евнух. Да, если вовремя не убрать жреца, его, Ламици, тесное сотрудничество с Азорой могло, чего доброго, в самом деле выплыть наружу!..

— Насчет прежних встреч он ничего не говорил, сказал только: чувствует, мол, она где-то неподалеку. Знаешь, Ламици, есть в нем что-то этакое... Непростое! Он как-то там чувствует ее присутствие, а как — объяснять не желает. Еще он говорит, мы с Конаном должны помочь ему в борьбе против этой потаскухи мутари. Не знаю уж, на что мы ему нужны, но лично я пойду с ним обязательно! Я ему во как обязан!..

— Как и все мы, впрочем, — улыбнулся Ламици. — С твоего позволения, м-м-м... тут стражники уже задаются вопросом, кто теперь заменит Вальтреско в качестве

полководца. Прошу прощения за смелость, но мне кажется — никто так не подходит на эту должность и не любим народом больше, как ты, Кейлаш!

Кейлаш призадумался: эта мысль ему в голову не приходила. Он никогда не пытался воображать себя полководцем. Однако теперь... в самом деле... Сальворас погиб, а другие капитаны пребывали далеко от дворца, так что... Прямых «наследников» Вальтреско и в самом деле не было. До сих пор Кейлаш был занят только заботами о жизни своего короля, а теперь злился на себя за несообразительность. Эльдран, между прочим, всегда внушал ему, что безопасность подданных короны была намного важнее безопасности самого короля.

— Король скоро поправится и сам назначит нового полководца, — сказал он, пораженный. — А я дал слово жрецу и должен сдержать его, прежде чем займусь чем-то другим!

— Конечно, конечно, — кивнул Ламици. — Ты прав. Я отдам необходимые распоряжения, чтобы прибрали тело Вальтреско и должным образом вычистили подвал. Когда вы отправляетесь?

— Через час, не позже, — ответил Кейлаш. — Как только жрец вернется из своего храма. Только вот что, Ламици! Смотри не болтай никому! А то сам знаешь, как это бывает! Не в те уши полсловечка влетит, и еще какой-нибудь изменник дознается...

— Пять поколений моего рода давали евнухов для службы королевскому Дому, — с достоинством ответил Ламици. — Твоя тайна в надежных руках. Да благословят вас боги, Кейлаш!

И, раскланявшись с горцем, он удалился, чтобы как можно быстрее вернуться в свои покои. Закрывшись у себя, он извлек из тайника кинжал с тонким, как игла, острием. Вдоль его лезвия, по всей длине, тянулась узкая прорезь. Евнух со всеми мыслимыми предосторожностями открыл небольшую баночку и взял кисть, лежавшую рядом с ней. Запах, исходивший из баночки, заставил его сморщиться и отвернуться. Обмакнув кисть, он провел ею по всей длине прорези, заполняя углубление липкой оранжевой жидкостью. Вновь плотно закупорил баночку и вместе с кистью спрятал ее в тайник.

Потом он закатал правый рукав: к предплечью, с нижней стороны, были пристегнуты ножны. Пока евнух осторожно вкладывал кинжал в эти ножны, на его лысой голове обильно высыпал пот. Ему приходилось своими глазами наблюдать, что делала с человеком сама малейшая капелька оранжевого снадобья — даже когда попадала она не в рану, а просто на кожу. Баночку он унаследовал от наемного убийцы родом из Вендии, схваченного при попытке покушения на короля. Тот человек, отрекомендовавшийся вендийским негодяном, был на самом деле нанят недовольной знатью Бритунии. Убийце удалось пронести с собой во дворец крохотную стрелку, намазанную этой самой отравой, и, улучив момент, метнуть ее в короля. Нечаянный порыв ветра, ворвавшийся в раскрытое окно, отклонил полет стрелки. Она не попала в Эльдрана, лишь чиркнула по руке одного из его горцев. Стрелка даже не порвала кожи, но воин схватился за руку и упал на пол, воя от боли и корчась в страшных конвульсиях. Скоро изо рта у него пошла пена, и он умер. А единственной отметиной на теле была тоненькая, почти незаметная царапина, оставленная стрелкой убийцы!

От этого воспоминания по губам Ламици зазмеилась улыбка. Именно такая смерть, по его мнению, более всего подходила настырному жрецу, посмевавшему разрушить его тщательно взлелеянный план. Мадезус умрет, как тот горец, — истекая пеной, подобно бешеному псу!..

До конца вдвинув кинжал в ножны, евнух опустил рукав и набросил на плечи широкий плащ с капюшоном. И вышел наружу, в редкий предутренний мрак...

Глава десятая

ТЕНЬ И КАМЕНЬ

К тому времени, когда Мадезус добрался до храма, успело взойти солнце. Теплые лучи позолотили матовые стены цвета слоновой кости, и Мадезус, поднимавшийся по ступенькам ко входу, остановился на полпути. Яркий свет Солнца Митры словно подстегнул его память. Он неожиданно вспомнил, где находилось то странное здание,

которое он видел во сне. То самое, которое с помощью волшебного Зеркала показывал ему Калетос!

В Пайрогии было полным-полно старинных построек, но наиболее древние располагались чуть западнее дворца. Сколько раз он проходил мимо них с тех пор, как пришел в этот город! Минувшие века превратили некоторые здания в бесформенные руины. Другие, напротив, успешно противостояли течению времени. Мадезус был уверен: *то* сооружение представляло собой храм. Вот только каким богам он был посвящен? Древние изображения на стенах не давали ответа. Мадезус их попросту не узнавал.

И во сне, и в Зеркале эти рельефы были показаны ему в мельчайших подробностях, причем выглядели только что изваянными. В реальности, конечно, время сравняло их со стенами — остались в лучшем случае сглаженные следы. Быть может, он видел храм таким, каким тот был много веков назад?.. Всякое случается, когда прибегаешь к магическому ясновидению. Как же вышло, что он сразу не ощутил Зла, исходящего от этих резных изображений, не заметил Зла, таившегося внутри запущенного здания?.. Что, если именно там пряталась жрица мутари, устроившая себе логово в полуразвалившемся храме?..

Мадезус заторопился вверх по ступенькам. Теперь он точно знал: лишнего времени у них нет ни мгновения. Сокрушительный удар следовало нанести именно сейчас. Днем, при солнечном свете, силы жрицы мутари были не так беспредельны. Даже под защитой толстых каменных стен.

Небо было ясным, и Мадезус истолковал это как знамение. Митра, справедливое Солнце, пребывает с ним.

С каждым шагом обретая все большую уверенность в победном исходе предстоявшего ему единоборства, молодой жрец вошел в храм и забрал свое имущество. Ему очень хотелось разыскать Калетоса и переговорить с ним еще раз, но даже и на это у него не было времени. Следовало немедленно вернуться во дворец, где ждали его Конан и Кейлаш. Он оставил в комнате несколько серебряных монет для храмовой сокровищницы и торопливо покинул убогое помещение.

Когда он шел назад, улицы Пайрогии уже кишели народом: горожане с утра пораньше спешили каждый по

своему делу. Новости об улучшении состояния короля успели распространиться; Мадезус с радостью замечал повсюду ликующие улыбки. Бритунцы любили своего короля и радовались его выздоровлению. На свое счастье, они знать не знали о чудовище, затаившемся совсем рядом с ними. А ведь мутари смело можно было сравнить со свирепой волчицей, забравшейся в овчарню и готовой растерзать беспомощных ягнят!..

Жрец энергично проталкивался сквозь толпу и вскоре оказался перед дворцовыми воротами.

Стражники немедленно узнали его и с поклонами пропустили внутрь. Еще несколько минут — и он вошел во внешние покои Эльдрана, где его ждал Кейлаш. Конан, как оказалось, только что проснулся. Он еще чувствовал свои синяки, но силы в полной мере вернулись к нему. Его одежда, однако, пришла в полную негодность, и он позаимствовал наряд у одного из кезанкийцев, который сложением напоминал его самого. Теперь он был одет в темно-зеленые штаны из крепкой материи и куртку с длинными рукавами, зашнурованную на груди кожаным ремешком. При нем вновь был его широкий прямой меч западного образца, и он, как прежде, без ножен подвесил его к кожаному ремню. Под курткой у него была надета все та же кожаная безрукавка, а на ногах красовались толстые сандалии. Вот такая странная смесь Запада и Востока. Только глаза и фигура позволяли безошибочно определить в нем варвара с далекого Запада.

Кейлаш радостно приветствовал Мадезуса и сейчас же взвалил на плечо свою черную кожаную дорожную сумку. Он был одет почти как Конан, только на бедре висел изогнутый меч, на ногах были тяжелые черные сапоги, а на голове — надежный железный шлем.

— Воистину, Митра с нами, — сказал жрец. Он совсем не спал ночью, и это внушало ему некоторые опасения за исход дела. С другой стороны, он странным образом совсем не чувствовал усталости. — Сегодня на рассвете, когда всходило солнце, я со всей ясностью понял, где находится логово мутари, — сообщил он своим спутникам. — Теперь я совершенно уверен: это в старой части города, в одном из заброшенных храмов!

— В руинах? — не поверил Кейлаш. — Да ведь там целый патруль постоянно торчит! И как раз за тем смотрит, чтобы никто не лазил по старым домам! Да туда особо никто и не суется, кроме совсем уж отчаянных сорвиголов. Народ у нас суеверный, а про развалины эти чего только не плетут! И проклятые они, и призраки, мол, по ним туда-сюда шастают! Сколько времени минуло, целый город вокруг вырос, а кто там жил — никто толком так и не знает. Говорят, раньше туда лазили какие-то смельчаки да нехорошей смертью всё умирали...

Мадезус только кивнул: слова Кейлаша нисколько не удивили его.

— Это идеальное место для мутари, — сказал он горцу. — А что касается стражи... Стража скорее заметит слабенький ветерок, чем мутари, идущую мимо. Никто не умеет прятаться и отводить глаза так, как они... Ты мог бы разминуться с черной жрицей на людной улице и ничего не заподозрить. Известно ли тебе, Кейлаш, еще что-нибудь об этих домах?

Могучий горец отрицательно помотал головой:

— Нет. Они — тайна за семью печатями даже для самых длиннородых наших книжников. Ох, чувствует мое сердце, доведется нам нынче узнать про них куда больше, чем мне бы хотелось...

— Ну так пошли, нечего языками чесать, — деловито перебил Конан. — Я хочу исполнить то, что обещал Сальворасу, не дожидаясь, пока у меня отрастет борода, как у тех твоих мудрецов!

Решительно прошагав к обитым медью дверям, он распахнул их без большого усилия. Кейлаш гулко расхохотался и направился следом, и с ним Мадезус.

Жрец повел их прямо к руинам, занимавшим почти самый центр города. Невысокая стена, окружавшая древнее здание, местами обрушилась. В том числе и со стороны боковой улицы, на которую они заглянули. Даже при ярком утреннем свете развалины представляли собой мрачное и зловещее зрелище. Улицу пересекали тени нескольких высоких построек, еще не тронутых временем. У их подножия прятались от лучей Митры здания пониже. Некоторых из них солнце за целый день не могло коснуться вообще. Архитектура же древних домов сведущего челове-

ка поставила бы в тупик. Ясно было только, что зодчество определенно не бритунийское!

И витало над всем этим местом нечто такое, от чего Конан невольно подобрался, готовясь к любым неожиданностям. Возможно, дело было в рассказе Кейлаша о призраках и проклятиях, якобы довлевших над развалинами. Врожденный инстинкт неизменно подсказывал варвару держаться подальше от сверхъестественного. Он сам не заметил, как вытащил меч. Кейлаш незамедлительно последовал его примеру. Только Мадезус оставался совершенно спокоен. По-видимому, его не беспокоили ни тени, ни отзвуки старинных проклятий.

Бдительный патруль вскоре обнаружил их и подошел спросить, что происходит, но Кейлаш отослал служивых прочь. Стих вдали топот солдатских сапог, и на улице стало совсем тихо. Неприятно тихо.

Извилистая улица огибала руины. Троице мужчинам понадобилось около четверти часа, чтобы пройти ее из конца в конец. Наконец Мадезус попросил своих спутников остановиться и присмотрелся к одному из строений.

Оно располагалось шагах в шестидесяти от стены, как раз напротив большой трещины в ней. Рядом высилась здоровенная башня с полуобрушенной верхушкой. Она почти полностью прикрывала старый храм от солнечного света. С улицы можно было рассмотреть только угол здания. Очертания вросшей в землю каменной кладки говорили о невероятной древности здания. О таких в самом деле не помнят и самые почтенные мудрецы. Побитые непогодами серые стены, казалось, не таили ни малейшей угрозы, а от рельефов и впрямь осталось немного. Вот и поди пойми, какому богу здесь поклонялись паломники.

Мадезус внимательно осмотрел здание сквозь щель, потом уверенно указал на него Конану с Кейлашем. Киммериец первым пролез в трещину. Низкая стена едва доходила ему до плеч. Он зорко обжег взглядом близлежащие дома, но ничего угрожающего не заметил. Конан помахал спутникам, и скоро те присоединились к нему.

Жрец едва слышно обратился к воителям:

— Друзья мои, если вам нужно будет что-то сказать, лучше шепчите. Когда мы войдем, я двинусь первым. Если мы найдем жрицу, заклинаю вас, не смотрите ей в

глаза. Ее взгляд таит в себе страшное искушение: податься ему — верная смерть. Она безжалостна, как ядовитая гадюка. Я постараюсь насколько возможно защитить вас с помощью амулета...

Конан кивнул и спросил:

— Как же ты собираешься ее прикончить?

— Все дело в амулете, — по-прежнему чуть слышно ответил Мадезус. — Помните его свет? Так вот, это был всего лишь слабенький отблеск. Настоящий же Свет рассеет мутари, как утреннее солнце рассеивает тлетворный туман. Ваши мечи могут рассеять ее плоть, но в ней нет ни истинной жизни, ни крови, способной пролиться. В книгах сказано, что сталь может поразить лишь мутари, в жилах которого течет настоящая кровь. Я не знаю, как это истолковать. Насколько мне известно, мутари по самой природе своей живой кровью не обладают... А вот от света у нее нет иного спасения, кроме как в бегстве. Если она попытается ускользнуть, остановите ее. Это возможно, хотя она способна ранить вас и даже убить. Меня она коснуться не сможет: амулет не подпустит ее. Вот почему я должен идти впереди. Если мы загоним ее в угол, ей конец. Мы не должны оставить ей ни малейшей лазейки!..

Кейлаш зло скрипнул зубами и выругался вполголоса:

— Да повылазило б им, тварям поганым!.. По мне, лучше уж с голыми руками на туранскую орду, чем вот так лезть в логово этой львицы, заранее зная, что все равно ничего с ней поделать не можешь...

Конан кивнул и пробурчал что-то, соглашаясь. Кто-то, а он хорошо понимал, как чувствовал себя горец.

Мадезус и двое воителей пошли по еле видимой дорожке и остановились перед массивной каменной дверью. Конан на всякий случай обошел храм кругом. И убедился, что у него было не четыре стены, как казалось с улицы, а пять, притом все разной длины. А вот вход — всего один, и к нему вело пять широких низких ступеней. При ближайшем рассмотрении выяснилось, почему храм так долго простоял относительно невредимым. И ступени, и стены были вытесаны из крепчайшего серого мрамора. Время и стихии лишь нарушили глянцевую полировку, но глубоких трещин и сколов в твердом камне виднелось совсем немного.

Конан указал на дверь, и Мадезус кивнул. Киммериец взошел по ступенькам и пригляделся к двери. Удивительное дело — никаких ручек не обнаружилось. Дверь была около десяти футов высотой — полтора его роста — и почти такой же ширины. Сам храм был невысок, крыша располагалась всего в нескольких футах над дверью. Может, оттуда удастся проникнуть внутрь?..

Кейлаш вместе с Конаном начал искать вход, а Мадезус остался оглядываться по сторонам. Даже здесь, на самом пороге храма, он не чувствовал присутствия Врагини, и это настораживало его. Он сосредоточился, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след Зла, но усилие не увенчалось успехом. Он уже задумался, не ошибся ли он в выборе здания. Или, как предупреждал мудрый Калетос, Зерцало и сны направили его по ложному следу?.. «Нет, — сказал он себе и отгнул все сомнения прочь. — Я правильно определил место. Я не мог ошибиться. Просто она воспользовалась каким-то позабытым искусством и сделала этот камень непроницаемым для моего духовного зрения».

Несколько минул прошло в усердных поисках входа, но воители так ничего и не обнаружили. Конан хотел уже предложить как следует навалиться на дверь и попробовать ее высадить... но в это время из-под верхней ступени, слева от двери, раздался звонкий щелчок. Потом послышался негромкий скрежет, и каменная дверь начала отползать вправо. Конан различил в полу узкое углубление, по которому она скользила. А с той стороны двери торчала массивная бронзовая рукоять.

Кейлаш мгновенно отскочил прочь, прижимаясь к стене и держа меч наготове. Конан поступил так же, только отпрыгнул в противоположную сторону. Мадезус сунул руку за пазуху, снял с шеи амулет и намотал на руку цепочку. Вот теперь он ощущал присутствие Врагини, отдаленное, но вполне явственное. Оно исходило из раскрытой двери, точно доносимый сквозняком запах трупного разложения.

Собрав в кулак всю свою волю, жрец взгляделся во тьму, царившую за порогом...

Солнечный свет, проникавший снаружи, позволял обозреть просторное внутреннее помещение. Напротив входа, там, где сходились две стены, виднелась странной формы

каменная глыба; Мадезус сразу предположил, что это какой-то алтарь. Оттуда до самой входной двери, один ряд над другим, стояли необычного вида каменные скамьи. Очень высокие бронзовые спинки, вделанные прямо в сиденья, украшал ничего не говоривший глазу узор. Больше в чертоге не было ничего, если не считать рельефов по стенам.

Итак, сомнений не оставалось: перед ними в самом деле был древний храм. Мадезус попытался разобраться в изображениях на стенах, но света не хватало что-либо рассмотреть.

Тогда он набрал побольше воздуха в грудь и шагнул через порог. Конан и Кейлаш последовали за ним.

Конан до последнего силился разобраться, что же приводило в движение дверь. Ступенька, из-под которой раздался щелчок, казалась чуть вдавленной, как если бы кто-то на нее наступил, но киммериец был уверен, что ни он сам, ни Кейлаш были тут ни при чем. Стоя за спиной жреца и озираясь вокруг, он все еще размышлял об этой загадке.

Высокий потолок был чернее кожи кушита, а приземистые скамьи в полумраке казались живыми тварями из камня и бронзы, готовыми прыгнуть на всякого, кто окажется в их досягаемости. Киммериец поглядел на Кейлаша и увидел, что у того от волнения уже выступил на лбу пот. Конана и самого предостерегал недреманный инстинкт: где-то здесь таилась опасность!

Пока трое мужчин оглядывали помещение, снаружи, из-под ступеньки донесся новый щелчок. Конан крутанулся к двери и с изумлением увидел, что она... начала закрываться. Варвар мгновенно вцепился в бронзовую спинку ближайшей скамьи и одним рывком отодрал ее от сиденья. Кейлаш тоже бросился к двери и свободной рукой схватился за рукоять. Он несколько опередил Конана и принялся тянуть изо всех сил, пытаясь остановить дверь, но это было не в человеческих силах. Тяжелая каменная плита лишь несколько замедлила свое продвижение.

Конан всунул бронзовую спинку между дверью и косяком. Древний металл застонал и начал гнуться, не выдерживая давления. Дверь еще замедлила ход, но просвет составлял всего несколько ладоней. Варвар уперся ногой

в косяк и обхватил ладонями рукоять, пытаясь помочь Кейлашу, тянувшему дверь назад. И такова оказалась объединенная мощь их мускулов, что старинная бронза не выдержала. Ручка с громким треском оторвалась и осталась в руках у Кейлаша. Горец держал ее в кулаке и люто ругался.

Конан схватился прямо за край и сделал еще одну отчаянную попытку остановить дверь. Мышцы страшными узлами вздулись у него на плечах и спине. Кейлаш бросился на помощь, но все было тщетно. Дверь громко бухнула о косяк. Мужчины прислонились к внутренней стене, тяжело переводя дух.

Мадезус только пожал плечами, глядя на смущенных богатырей. Казалось, его ничуть не волновало то обстоятельство, что они оказались запертыми в странном храме и никаких признаков выхода покамест не было видно.

— Приберегите лучше силы, — сурово и решительно посоветовал он воинам. — Может, мы и в ловушке, но и она попалась с нами вместе! Без сомнения, существует какая-то уловка, открывающая эту дверь. Мы отыщем ее, дай только время. Но сперва мы должны сделать то, зачем пришли. Я чувствую ее, значит, она где-то неподалеку. Здесь должен быть второй выход или какой-нибудь лаз. Ищите его!

— Я пойду вдоль этой стены, слышишь, Ке... — начал было Конан, но Мадезус перебил его на полуслове:

— Тихо! Не произносите наших имен! Стоит ей их услышать, и она обратит их против нас самих! Произнесенное имя устанавливает незримую связь и пробивает брешь в духовной броне, что защищает ваш разум от ее вероломных заклятий...

Кейлаш и Конан вопросительно уставились на жреца, но тому было некогда пояснять столь странное заявление. Вместо этого он произнес несколько слов на неведомом языке, и амулет в его руке вспыхнул ярким огнем, осветив зал. Конан двинулся вдоль одной стены, Кейлаш стал обшаривать вторую. Ни тот ни другой ничего не обнаружили, и наконец воители встретились у алтаря. Мадезус тоже подошел туда по проходу между рядами скамей.

Он узнал его, оказавшись вблизи. Это был алтарь Таргола — темного и странного бога, породившего еще

более странную секту. Насколько было известно Мадезусу, культ Таргола просуществовал всего около пятисот лет. Книги описывали Таргола как немилостивого и жестокого бога, многого требовавшего от почитателей и мало что дававшего им взамен. Однако, как это ни странно, тарголитское жречество одно время представляло собой весьма влиятельную силу, — впрочем, далекую от сиюминутных политических дрызг. Мадезус невольно припомнил одно старинное сказание, повествовавшее о том, как в древнем городе Замбуле жрецы Йога попытались было изгнать вон тарголитов. Эти жрецы попросту бесследно исчезли один за другим, все до единого. Позже их скелеты в полном облачении нашли сваленными в кучу на дне глубокой пещеры...

Воспоминания о прочитанном в книгах на миг отвлекли Мадезуса, но почти сразу он вновь склонился над алтарем и смахнул тонкий слой пыли, не дававший рассмотреть едва различимые руны, выбитые на камне... Он так и не сумел их прочесть. Тяжелая дрема навалилась на него, нарушив сосредоточение. Амулет начал гаснуть в его руке. Он поискал слипающимися глазами Конана и Кейлаша. Он хотел рассказать им про Таргола... Кейлаш стоял у алтаря, рядом с Мадезусом. Остекленевшие глаза смотрели в пустоту. Мадезус хотел подойти к горцу и встряхнуть его, но собственные ноги показались ему свинцовыми кирпичами. Жрец понял, что и его, и Кейлаша парализовало...

Конан только начал осматривать каменную глыбу, доходившую ему до пояса. Она была продолговатой и пятигранной, что вполне соответствовало устройству всего храма. Ему бросились в глаза дугообразные царапины на полу у подножия алтаря. Он собрался рассказать о них своим спутникам, но безмерная усталость волной накатила на него, погружая в сон. Киммериец зевнул и затряс головой, пытаясь отогнать дремоту. Не помогло. Он потер ладонями лицо и заметил, что в храме стало темней. Амулет Мадезуса угасал! Конан равнодушно отметил это про себя и подумал о том, как хорошо было бы привалиться к каменной глыбе и немного вздремнуть. Когда он в последний раз по-человечески спал?... Несколько дней назад. Или недель... Он оперся на алтарь, меч выскользнул из руки...

Бритвенно-острое лезвие лязгнуло о камень алтаря и, падая, уязвило киммерийца в икру. По ноге потекла кровь, и разум Конана чудесным образом вмиг прояснился. Сердце бешено заколотилось в груди, когда он увидел Мадезуса и Кейлаша, бессильно скорчившихся у алтаря. Оба спали с открытыми, ничего не выражающими глазами. Амулет еще висел у Мадезуса на запястье, но не светился, а еле заметно тлел. Конан поднял меч, подхватил митраита и крепко встряхнул. Жрец и не думал просыпаться. Его губы шевельнулись, но не издали ни звука.

Мгновенно приняв решение, Конан поднес кончик меча к обнаженной руке Мадезуса и порезал тело до крови. Как только показались багровые капли, жрец немедленно очнулся, и его амулет вновь разгорелся ярким огнем. Поняв, что действует правильно, киммериец подошел к Кейлашу, завернул ему рукав и до крови пронзил плечо. Кейлаш, так и не выпустивший из рук меча, дернулся и замахнулся им на Конана. Тот проворно увернулся, да и горец, окончательно очнувшись, удержал свою руку.

— Во имя Викканы, что... — зарычал он, потом вспомнил совет жреца не упоминать имен. — Что это с нами стряслось?..

У Мадезуса от гнева на лице обозначились скулы.

— Это она! — сказал он. — Она забавляется с нами! О, да она еще хитрее и опаснее, чем я ожидал... — И митраит со смешком указал им на тонкий слой пыли, видимый на алтаре. Кое-где пыль была потревожена руками его спутников да и его собственными. Продолжая посмеиваться, Мадезус повернул руки ладонями вверх: — Посмотрите-ка на свои ладони!..

Конан и Кейлаш так и сделали и с удивлением заметили у себя на руках лиловые пятна.

— Пыльца пурпурного лотоса, — негромко пояснил жрец. — Всего щепотка, так, чтобы мы не заметили. Но ее хватило, чтобы лишить нас сил и погрузить в дурманное забытие! Смотрите не прикасайтесь более к алтарю! Хотел бы я знать, какая судьба постигла бы нас, засни мы окончательно! Счастье, что мы не измазались как следует, не то не помогли бы и порезы мечом...

— Взгляните вот на это, — указал им Конан на царапины в полу.

Кейлаш пригляделся к отметинам:

— Алтарь, должно быть, поворачивается! Если толкнуть с другой стороны, он сдвинется туда, куда указывают царапины!

Мадезус наклонился поближе и посветил амулетом.

— А что ты не сделаешь его поярче, как тогда, в комнате у Эльдрана? — спросил Кейлаш.

— Я и так уже потратил сегодня достаточно энергии на исцеление, — ответил жрец. — Ты очень силен, но даже и ты не смог бы много часов подряд нести над головой мешок тяжелых камней. Вот и я не могу часами поддерживать свет амулета... Ага! Посмотри сюда, на нижний угол!

И Мадезус указал туда, где стоял Конан.

Киммериец пригляделся и заметил то же, что он. Нижний уголок алтаря был подозрительно чист, без каких-либо признаков пыли. Варвар уже собрался налечь, но Кейлаш остановил соратника.

— погоди! — сказал горец, засовывая меч за пояс и роясь в сумке. — Ага! Ну-ка, дай мне...

Он вытащил из сумки пару толстых кожаных перчаток и надел их на руки. Конан отступил в сторонку, а Кейлаш нагнулся и уперся в угол алтаря. Тяжеленная глыба отошла на удивление легко, лишь негромко заскрипел камень о камень. Под алтарем обнаружилась темная лестница. Крутые каменные ступени вели вниз.

Мадезус посветил амулетом. Кейлаш заглянул вниз, нагнув шею для лучшего обозрения.

— Насколько я вижу, — сказал он, — лестница ведет в... ух-х-х!

Снизу хлынула такая волна гнилостного смрада, что горец на какое-то время потерял способность дышать. Воняло с лестницы хуже, чем в летнюю жару на заваленном трупами побоище. Кейлаш шарахнулся прочь в поисках свежего воздуха.

Мадезус тоже ощутил мерзкую вонь, но, умея смотреть в глубь вещей, почувствовал не только запах, но и стоявшее за ним Зло. Его присутствие было настолько сильным, что, казалось, вот-вот должно было стать физически ощутимым!

— Она там, — сказал жрец. — Внизу.

Упрямый Кейлаш первым полез в дыру. Он был готов к любым неожиданностям и спускался медленно, ставя ноги на ступеньки плотно, всей ступней. Мадезус двинулся следом. Он держал амулет над головой, освещая проход. Вот кезанкиец спустился по колено, вот по пояс, вот над уровнем пола остались только плечи и голова... В этот момент Конан услышал откуда-то из-под пола около алтаря едва слышный щелчок. Прежде чем он успел закричать, предупреждая товарища, из стены прохода вылетело блестящее металлическое лезвие и устремилось прямо к шее кезанкийца, чтобы смахнуть ему голову с плеч.

Кейлаша спасли воинские рефлексy, отточенные годами сражений, и толстый железный шлем. Горец моментально пригнулся, уходя вниз. Лезвие впилося в крепкий кованый шлем и сбilo его с головы. Когда же механизм попытался вернуть лезвие в стену, застрявший шлем заклинил его, и оно со звоном сломалось. В шлеме так и остался торчать осколок длиной в фут. Кейлаш с ужасом посмотрел на него... В висках у горца стучало: он понял, что побывал на волосок от смерти. Он лупил шлемом о стену, пока не выбил обломок лезвия, потом снова надел шлем на голову.

— Митра разразил бы поганое место!.. — зарычал он. И это было еще далеко не самым цветистым проклятием из тех, которые он изрыгнул, прежде чем Мадезус и Конан уговорили его двигаться дальше.

У киммерийца не было никакого желания испытывать судьбу. Отодрав бронзовую спинку еще от одной скамьи, он как мог надежнее заклинил ею алтарь. Еще не хватало, чтобы тяжелая глыба вернулась на место у них над головами, перегораживая проход! Мадезус спустился в дыру следом за Кейлашем, чтобы держать источник света посредине. Конан замыкал шествие. Дыхание у него перехватывало от едкого смрада.

Мадезус вынул из поясного кошелька маленькую коробочку и вытряс из нее немного какого-то порошка. Воздух чудесным образом очистился, киммериец почувствовал, как возвращается к нему бодрость. Казалось, облачко свежего воздуха так и путешествовало вместе с ними вниз по тоннелю. Винтовая лестница вела почти вертикально

вглубь, чуть заметно загибаясь налево. Одно хорошо, потолок был высокий — даже Конану нагибаться не приходилось.

Но вот ступени кончились, и спутники оказались в очень странном на вид коридоре. Серый каменный пол был покрыт толстым кроваво-красным ковром, затканым невиданными узорами. По стенам висели черные железные факелы. Они не то чтобы горели — просто светились зеленоватым светом.

Когда Кейлаш достиг последней ступеньки, Мадезус велел остановиться.

— Факелы тарголитов, — пробормотал он, кивая на стены. — Многие пытались вывести тайну их изготовления, но секрет так и затерялся. Они не дают жара и не угасают столетиями. Не поразительно ли: сколько веков минуло, а они все еще горят!..

Кейлаш потыкал мечом ковер, ожидая очередной ловушки. На сей раз, однако, ничего не произошло. Горец облегченно вздохнул и ступил на ковер. Мадезус и Конан последовали за ним. Теперь первым пошел жрец, а воины — на расстоянии вытянутой руки сзади него. Пышный ковер скрадывал звук шагов. Они осторожно продвигались все дальше широким извилистым коридором...

Каменные стены были голыми, без каких-либо украшений, факелы горели по обе стороны, в двух-трех шагах один от другого. Мадезус все приглядывался к коврику, а потом наклонился и рассмотрел его вплотную. То, что он обнаружил, заставило его отшатнуться. Ковер был соткан из человеческих волос. Рыжих волос различных оттенков, — эти-то оттенки и образовывали узор.

Жрец не стал сообщать Конану и Кейлашу о своем малоприятном открытии. Незачем им лишний раз дергаться безо всякого толку.

Конан тем временем считал факелы на стене, пытаясь хоть так определить пройденное расстояние. Неестественный зеленоватый свет не нравился варвару, а путешествие по подземному коридору заставляло вспомнить сточные тоннели и недавнее сражение с их чудовищным обитателем. Киммериец все время озирался то вправо, то влево, то через плечо. Еще не хватало, чтобы какая-нибудь пакость подобралась к ним сзади! Тишина в коридоре каза-

лась ему зловещей. Он понимал: ковер, делавший беззвучными их шаги, точно так же скроет и вражеское приближение...

Кейлаш чувствовал себя еще хуже. В отличие от варвара, он к подобным переделкам отнюдь не привык. Он был лет на десять с лишком старше Конана, но видел меньше сражений, да и за пределами родной Бритунии почти не бывал. Теперь он почесывал шею и мысленно благодарил Митру за то, что тот ее уберег. Могучий кезанкиец завидовал внешней невозмутимости Конана. Решив взять с него пример, он напряг, как умел, волю, выпрямился и рукавом куртки утер с лица пот. В коридоре было вовсе не жарко. Тем не менее с кончика его носа почти сразу упала на ковер новая капля...

Конан досчитывал третий десяток факелов, когда Мадезус остановился безо всяких видимых причин и поднял руку, но не оглянувшись. Киммериец ничего подозрительного не видел ни впереди, ни по сторонам и не мог взять в толк, почему замер на месте жрец.

— Да оградит Митра наши души от того Зла, что ждет нас впереди... — прошептал Мадезус. — За тем поворотом... — Он указал вперед, туда, где коридор круто сворачивал вправо. — За тем поворотом ее присутствие так сильно, что мороз, порожденный злобой чудовища, уже теперь пронизывает меня до мозга костей... Скорее всего она ощутила наше вторжение и чувствует меня так же, как я — ее. Помните, друзья, мы не должны дать ей уйти!

Конан промолчал и только вздохнул поглубже, заставив себя расслабиться и быть готовым ко всему, что может произойти. Мадезус крепко сжал амулет, Кейлаш поднял меч...

Всем троицам показалось, будто последние несколько шагов они преодолевали целую вечность.

А в следующий миг события понеслись вскачь.

Во-первых, заглянув за поворот, они так и замерли в изумлении. Они ужасались, предполагая лицом к лицу столкнуться со жрицей. Вместо этого перед ними были двойные бронзовые двери. Они полностью перегораживали коридор и выглядели неприступнее иных крепостных ворот. Во-вторых, сзади неожиданно послышалось приглушенное «бух!».

Конан немедленно оглянулся через плечо, и сердце у него екнуло. Он увидел, что путь к отступлению был перекрыт решеткой, опустившейся откуда-то с потолка. Бронзовые прутья были толщиной в два его пальца, и время изъело их гораздо меньше, чем спинки скамей в чертоге наверху.

Пока он оглядывался, его ступни ощутили какую-то противную сырость, а в ноздри ударил очень знакомый запах. Он посмотрел вниз...

Просачиваясь сквозь ковер откуда-то снизу, коридор постепенно заполняла густая медно-красная жидкость. Это была кровь. Человеческая кровь.

Кейлаш взревел от ярости и ужаса, пытаясь стряхнуть с сапог багровые капли... Впрочем, достоинство скоро вернулось к нему. Конан сражался с приступом рвоты и отчаянно пытался придумать какой-то выход из положения. Кровавый прилив доходил уже до щиколоток, и жутко было ощущать его теплоту.

Если киммериец что-нибудь вообще понимал — очень скоро багряный поток зальет их с головой и вовсе утопит...

Глава одиннадцатая АЛЫЙ КОРИДОР

— Умрите, глупцы!.. — хрипло хохотала Азора. — Не спасут вас ни ваши жалкие мечи, ни паршивый божок!..

Глядя в Волшебное Око, она отлично видела, как заполняется кровью коридор под храмом Таргола. Око представляло собой шар размером с яблоко, однако обладало способностью показывать события, происходившие за тысячи лиг. Много лет назад Азора похитила этот магический инструмент у одного стигийского некроманта. Тот самоуверенный дурень воображал, будто лишь у него одного хватало способностей пробуждать силу Ока!

В настоящий момент она направила Око на происходившее за дверями ее прежнего алтарного покоя в Пайрогии. Красные глаза жрицы светились жестоким удовлетворением: она наблюдала за тем, как трое обреченных пытаются вырваться из ловушки. От них исходил страх

и отчаяние, и Азора впитывала эти эманации, как раскаленная солнцем пустыня — дождевую воду.

Еще прежде, чем три жертвы добрались до старого храма, ее навестил Ламици. Сперва она была вне себя, — как!.. ничтожный смертный посмел явиться без вызова!.. — но, выслушав рассказ евнуха о последних событиях, сменила гнев на милость. Другое дело, что она и без Ламици знала о появлении жреца. Его вмешательство в наложенное ею заклинание Смерти было для нее как костер в темной ночи.

Когда она поняла, что это за птица, в ней пробудилась застарелая ненависть. Он был совсем не таким, как большинство трусов и полудурков, из которых состояло митраитское, с позволения сказать, священство. Этот был гораздо сильнее. И гораздо опасней. До сих пор Азора не подозревала, что кто-то из его Ордена еще ходит по земле. Но если и ходит, что ж! Очень скоро на одного станет меньше!

Сначала она не знала его имени, лишь видела и чувствовала жреца: Око не передавало звуков, только изображение. По счастью, Ламици открыл ей и все имена, и тот до безобразия примитивный план, с помощью которого они намеревались загнать ее в угол. Нет, этот евнух ее положительно забавлял. Не каждый день среди смертных попадают такие восхитительно продажные души. Вначале она готовила ему очень медленный и очень мучительный конец и предвкушала, как упьется предсмертным ужасом и страданием его тела. Теперь, в благодарность за большие заслуги, она решила убить его быстро. Она сделает это, как только его полезность будет исчерпана.

Узнав о намерениях Мадезуса, Азора немедленно соорудила ловушку для опрометчивого жреца. И для тех двух дубин, сопровождавших его из дурацкой верности. Честь, преданность!.. Пустой звук, выдумки скудоумных и слабаков!..

Она испытывала истинное наслаждение, любуясь тем, что показывало ей Око. Архидемон по имени Балберот, которому она повелела исполнить свой приговор над троими несчастными, проявил отменную выдумку. Надо будет учесть это на будущее. Уж верно, он и в дальнейшем

позабавит ее разнообразными мучениями, изобретательно уготованными для тех, кому вздумается бросить ей вызов...

Между прочим, даже если бы эти ничтожества каким-то образом проникли сквозь бронзовые двери, они бы ничего там не нашли. Азора была уже далеко, очень далеко от старого храма. О нет, она вовсе не сбежала оттуда! Она ничуть не сомневалась в своей способности уничтожить Мадезуса, просто не желала терять время на то, чтобы расправиться с ним лично. Договорившись с архидемоном, она совершила обряд Перенесения. Ей давно наскучил и занюханный городишко, именуемый Пайрогией, и двуногие муравьи, ползавшие по его улицам. Да и дело, которому она там предавалась, было почти завершено.

Азоре оставалось вывести последний секрет. Секрет, который сделает ее непобедимой. Она и так была достаточно могущественна, но мысль о том, что плюгавый жрец и узколобый варвар помешали ей сгубить короля, попросту бесила ее. Стать не ведающей поражений!.. О, как она этого жаждала!..

Разгадав смысл туманного пассажа в одной пыльной книге, попавшей ей некогда на глаза, Азора постигла, что тайну эту ведало одно-единственное существо: Скаурол. Много столетий назад он был могущественнейшим из мутари. Собрав воедино разрозненные сведения, почерпнутые из множества запретных томов, Азора разгадала и местонахождение давным-давно заброшенной крепости Скаурола. Никто из ныне живущих не знал того, что знала теперь она. А она даже обзрела это место при помощи своего Волшебного Ока!

Когда Конан со спутниками стояли на внешних ступенях тарголитского храма, Азора как раз завершала обряд Перенесения и вступала на тропу, ведущую к Скауроловой крепости. Проникнув туда, она узнает и секрет Скаурола. И станет недосыгаемой для жалких поползновений Мадезуса и всего его Ордена простаков!

К сожалению, Перемещение было делом непростым, даже и для нее. Обряд отнял у мутари все силы, так что теперь потребуются несколько дней для отдыха и восстановления. Когда же она как следует отдохнет и добавит к своему могуществу познания Скаурола — о, тогда берегитесь! Она возвратится в Пайрогию. И город, где ей

пришлось испытать унижение, превратится в братскую могилу для всех его обитателей. Двуногим муравьям будет оказана честь: они станут первыми жертвами хаоса и разрушения, который она, Азора, произведет во всем мире...

Она стояла у внешних стен Скауроловой крепости. Ворота, некогда монументальные, сиротливо висели на сломанных петлях. Повсюду вокруг лежали выжженные барханы Шема. Эту безжизненную пустыню считали непроходимой. Азора шагнула сквозь пролом в разрушенных воротах.

Древняя твердыня возвышалась перед ней, точно обломанный пенёк давно умершего дерева, торчащий из пересохших песков. На зеленовато-черных стенах оставили свой след бесчисленные самумы пустыни. Однако, потрескавшиеся, изъязвленные, они стояли по-прежнему непоколебимо, глядя в желто-рыжую пустыню, точно безмолвные каменные часовые.

Крепость имела округлую форму, а стены ее, несколько сужавшиеся к вершине, были сложены всего из одиннадцати гигантских каменных плит. Окон в них не было, а единственная дверь, узкая и высокая, была выкована из черного железа.

К двери вели изъеденные временем каменные ступени, а по сторонам возвышались громадные статуи. Время и песок стерли их черты, но еще можно было различить головы, лапы и крылья. На ступенях лежал слой песка, достигавший колен, песчаные заносы прикрывали нижнюю часть входа. И нигде — ни малейших признаков жизни. Даже самые упрямые и выносливые пустынные обитатели давно оставили попытки населить это неприютное место.

Поднимаясь по ступеням к железной двери, Азора бросила еще один, последний, взгляд в глубины Волшебного Ока. То, что она там увидела, вызвало у нее улыбку жестокого удовлетворения. Спрятав Око во внутреннем кармашке плаща, она толкнула дверь. Та послушно отворилась, и Азора вошла внутрь...

В подземелье тарголитского храма Мадезус кое-как сохранял внешнее спокойствие, но разум жреца лихорадочно трудился, ища выход.

— Конан! — окликнул он, отбросив запрет на произнесение имен, наложенный им самим. — Ты можешь отогнуть эти прутья?

Не тратя слов попусту, могучий киммериец схватился за прутья решетки и для крепости уперся ногами в бронзовые двери. Пот залил его лицо, под кожей канатами вздулись напряженные мышцы... Увы! Даже его сила, далеко превосходящая возможности обычного человека, была здесь бесполезна. Он выпустил решетку, с трудом разомкнув окостеневшие пальцы. Кровавый поток продолжал вспухать, и быстро. Он уже захлестывал колени.

Кейлаш между тем попытался высадить двери. Раз за разом он бросался на них всем своим весом, но успех сопутствовал ему не больше, чем Конану. Двери, возможно, и поддались бы его усилиям, не удерживай их бронзовый замок-переросток, пропущенный во внешние ручки.

— Мадезус!.. — отдуваясь, прокричал горец. — Если ты можешь вытащить нас отсюда своим амулетом, давай, покуда не поздно! Еще немного, и нас зальет с головой!..

Жрец с подавленным видом покачал головой:

— Амулет наделен властью лечить, но в данном случае он бессилен...

Кейлаш замолотил в неподатливые двери кулаками.

— Значит, мы побеждены! — вырвалось у него. — Жрица выиграла!..

Багровый омут поглотил его уже до бедер.

Только Конан упрямо отказывался поддаваться отчаянию. Поскольку хуже быть уже не могло, он дотянулся и вытащил из стенной скобы черный факел тарголитской работы. Он рассудил, что увесистая железяка вполне может сойти за дубинку и, пожалуй, собьет подвесной замок. Он размахнулся что было силы и вмазал факелом по замку. Тот, однако, разваливаться не пожелал.

— погоди! — сказал Мадезус. — Так замок не собьешь, лучше сунь факел под дужку и попробуй ее отогнуть!

В его спокойный голос впервые просочилась тревога. Сохранять невозмутимость становилось все труднее с каждой минутой. Кровь уже замочила веревочный кушак, которым митраит был подпоясан.

Конан живо последовал совету жреца и просунул железную рукоять под запирающую пластину. Конец факела едва-едва прошел в узкую щель. Загнав его как можно надежней, Конан изо всех сил налег на образовавшийся рычаг.

Обычное железо согнулось или сломалось бы, но металл Таргола выдержал. Он оказался крепче бронзовой дужки. Запирающая пластина лопнула и разошлась, а факел, хотя и погнулся, по-прежнему горел ярким, бездымным зеленоватым огнем. Конан выронил его, и кровавый поток погасил удивительный свет.

Двери, более не удерживаемые замком, распахнулись под напором багряной волны. Трое мужчин, все вымокшие в крови, не сговариваясь бросились через порог. Ввалившись внутрь, Конан с Кейлашем попытались закрыть двери и удержать хлеставший поток.

Амулет Мадезуса ослепительно вспыхнул, озаряя чертог. Все трое подумали об одном и том же, и стон Кейлаша выразил общую мысль. Конан еще подтвердил ее серией зубодробительных ругательств.

— Клянусь Кромом, отсюда нет выхода! Мы опять в западне!..

Кейлаш удерживал спиной дверь и пытался как можно крепче упереться ногами в пол, чтобы окровавленные сапоги не скользили.

— Меня надолго не хватит!.. — пропыхтел он сквозь зубы. — Надо что-то делать, и желательно поскорей!..

Конан переглянулся с Мадезусом. Ни у того, ни у другого не было никаких блестящих идей. Они еще раз обвели глазами комнату в тщетных поисках выхода. Выхода не было. Только пять голых, совершенно одинаковых стен. Выделялась лишь та, в которой была дверь. На красном гранитном полу застыли в странной симметрии ряды погасших черных свечей.

Кейлаш с мрачным упорством удерживал дверь, но сколько-то крови успело первоначально проникнуть в чертог и растечься уродливой лужей. Мадезус про себя изумился тому, как плотно пригнаны были двери. Стоило закрыть их, и они останавливали течь.

Однако в гораздо большей степени его внимание привлек предмет, находившийся посередине помещения.

Когда-то давно на рисунке в одной из книг, хранившихся в библиотеке коринфийского храма, он уже видел нечто похожее...

— О, Митра!.. Да это же алтарь мутари!.. — вырвалось у него. Он смотрел с ужасом, но вместе с тем и заворуженно.

Алтарь был сплошь покрыт пятнами непонятного происхождения. Странные символы были врезаны в его основание, а с потолка над ним свисали заржавленные цепи. Мадезус пригляделся к расположению свечей и счел своим долгом предупредить спутников:

— Ходите осторожней! — И пообещал: — Сейчас при-
тушу амулет, что-то увидите.

Амулет в самом деле скоро погас, погрузив чертог в крошечную темноту. Когда глаза Конана освоились с ней, он заметил свечение тонкой алой линии, образовавшей пятиконечную звезду вокруг основания алтаря. Концы ее лучей соединяла окружность, и вдоль нее стояло ровно десять свечей. По одной у каждого луча и еще по одной — в середине каждого промежутка.

— Не пересекайте эти линии! — нагибаясь, чтобы приглядеться, предостерег Мадезус. Потом вновь осветил комнату амулетом.

Кейлаш все еще сражался с дверьми...

— Я долго не продержусь!.. — прохрипел он, и в голосе чувствовалось страшное напряжение. Конан поспешил на помощь. Давление на дверь в самом деле было чудовищным. Чтобы подпирать их так, как Кейлаш, требовалась немалая сила!

Расставив ноги крепче, молодой варвар уперся ладонями в створки. На двери с той стороны навалилась неимоверная тяжесть. Конан рассудил, что коридор, верно, залило уже до потолка...

Мадезус тем временем оторвался от магических линий, пропавших из виду, когда он вновь засветил амулет. Его все больше одолевало сомнение. Сперва, когда они шли по коридору, он чувствовал присутствие жрицы мутари с такой интенсивностью, как если бы она в самом деле была где-то совсем рядом с ним. Теперь это ощущение быстро слабело, — ни дать ни взять, они от нее удалялись... или она удалялась от них!

— Какой же я глупец!.. — вырвалось у него. — Мы пошли по ложному следу! О, до чего же она изворотлива, эта черная жрица!..

Конан и Кейлаш вскинули на него глаза.

— Что?.. — силло проворчал Конан. — Это ты о чем?..

— Она сбежала, заманив нас в ловушку! И я даже не знаю, каким образом она исчезла! И в каком направлении! Могу только догадываться, что она сейчас где-то очень, очень неблизко. Иначе ощущение ее присутствия не ослабело бы так быстро. Как я и опасался, она обнаружила наше приближение, расставила свой капкан — и исчезла!..

Итак, все оказалось еще и без толку. Кто угодно другой опустил бы в отчаянии руки, но только не Конан! Он тоже не видел никакого выхода из ловушки, но, пока жив, с надеждой он не расстанется. Киммериец сосредоточился на самой насущной задаче: не дать разойтись дверям. Отчаянная мысль родилась в его мозгу...

— Мадезус!.. — позвал он жреца, все еще казнившего себя за глупость. — Тот алтарь, по-моему, довольно тяжелый, им можно было бы подпереть двери. Тут всего-то дюжина шагов... Как думаешь, дотащу?

— погоди! — забеспокоился жрец. — Ты не можешь сдвинуть его, не пересекая магических линий. Но если ты нарушишь их, то можешь погибнуть!..

— А по-моему, нам все равно терять особо нечего, — философски заметил синеглазый гигант. — Так что не будем терять время попусту! Может, спихну поганую тумбу, а там будь что будет!..

Как бы подтверждая правоту киммерийца, двери чуть подались внутрь, и между ними просочилась кровавая струйка. Двое богатырей налегли из последних сил и вновь поставили створки на место.

Мадезус неохотно кивнул и крепче сжал амулет. Он-то знал: пентаграмму вычерчивали тогда, когда собирались вызвать из адовых бездн могущественное существо, от которого следовало держаться на безопасном расстоянии самому заклинателю. Переступив незримые линии, Конан проделает в магическом барьере дыру. Другое дело, если он проделает это достаточно быстро, то может успеть дотащить алтарь до дверей еще прежде,

чем неведомая тварь почувствует прореху и попытается выйти наружу...

Кейлаш передвинулся поудобнее, готовясь принять вес обеих створок, а Конан не без некоторого сомнения оглядел громадный алтарь. Сплошной камень! И весил, наверное, раза в три побольше него самого. Решившись, киммериец стремительно прошагал к алтарю, налег с силой разгневанного быка, и...

...И у Мадезуса с Кейлашем округлились от изумления глаза: Конан проскочил *прямо сквозь алтарь*. Не удержав равновесия, он гулко грохнулся на каменный пол.

— Во имя Девяти Преисподен Зандру, какого... у-ухх!! — вырвалось вместе с воздухом у него из груди. Он медленно поднялся и подозрительно оглядел казавшуюся такой твердой каменную глыбу. Потом попробовал коснуться ее рукой. Рука погрузилась прямо в камень. Конан поспешно отдернул ее и невольно потер.

Стоило ему это сделать, и с так называемым алтарем произошло невероятное превращение. Он поднялся над полом клубами маслянистого черного дыма и постепенно принял форму, отдаленно напоминавшую человеческое тело. Только цветом он был черней кхитайской смоляной ямы в безлунную ночь. Конусовидное тело расширялось кверху. Нижним концом оно касалось пола, а сверху выросли руки, увенчанные острыми, длинными когтями. Еще выше образовалась безликая клубящаяся голова. Можно было рассмотреть только рот, похожий на широкую щель, и раскосые глаза.

Вот зашевелились дымные губы, и демонический хохот породил под сводами чертога гулкое эхо. Конан невольно попятился прочь...

— Беги, смертный! — прогрохотал злобный голос. — Все равно не спасетесь! Ваши души уже принадлежат мне!.. Но прежде, чем забрать их, я хочу попробовать на вкус вашу плоть!..

Лапа твари метнулась с молниеносной быстротой и схватила киммерийца за шею.

Конан почувствовал, что его приподнимает над полом. Он забился, сился вырваться из чудовищной хватки, но его руки не встречали никакого сопротивления. Они рас-

секали лишь воздух. И это при том, что лишь благодаря крепким шейным мышцам демон еще не раздавил ему горло!

А тварь тем временем безо всякого видимого усилия швырнула здорового киммерийца, точно детскую куклу, о гранитную стену. Конан сполз на пол, оглушенный и, что греха таить, изрядно напуганный. Еще бы! Им противостоял житель адских бездн, наделенный неведомым могуществом. Как бороться с ним и возможно ли это вообще — неизвестно. Вот был бы перед Конаном простой и понятный враг из плоти и крови! Тогда, во имя Крома, он точно знал бы, что делать!

Может, хоть жрец что-то придумает?..

Мадезус между тем оправился от первоначального потрясения. И надо сказать, при виде дымного чудища в горле у него пересохло, а в животе пренеприятнейшим образом заурчало. Ибо перед ним было не что иное, как Демон-тень, ужас преисподней. Согласно легендам, с нечеловеческой мощью этих тварей сравнима была только их жадность к живой плоти. Один знаток старинных рукописей некогда говорил молодому жрецу, что Теней было всего девять, и все они повиновались одному властелину: архидемону Балбероту.

Времени на раздумья не оставалось. Мадезус высоко поднял амулет и довольно-таки торопливо произнес волшебную формулу, тихо надеясь, что не спутал выплывших из глубин памяти слов.

— *Маским ксул нар маррату, йа Балберот! Йа Балберот! Ксизул абсу маррату, нар маррату, йа Балберот!*

Голос жреца сделался низким и хриплым: непослушные, громоздкие слова через пень колоду сползали с его языка. Демон-тень зарычал и дернулся было к нему, но пентаграмма держала крепко. А жрец продолжал уже обычным своим голосом, ясным и звонким:

— Лишенный Облика, повелеваю тебе — изыди! Во имя Митры Всемогущего, вернись в бездну, из которой пришел!

И произошло чудо. Демон отвратительно завизжал и начал рассеиваться. Он становился все прозрачней, пока его голос не превратился в едва слышное стенание, да и

оно постепенно растаяло вдалеке. Наконец стало совсем тихо, и Мадезус облегченно вздохнул.

Конан поднялся на ноги, а Кейлаш поерзал, со стоном упираясь лопатками в дверь. Пот ручьями стекал по его лицу, но упрямый кезанкиец не сдавался, хотя каждая жилка в нем стонала и жаловалась.

— Ну и что... теперь? — выдохнул он кое-как.

Мадезус хотел ответить, но в чертоге вдруг стало совершенно темно. А потом навалился ледяной, до костей пронизывающий мороз. Амулет начал словно бы медленно расталкивать тьму и наконец вновь озарил помещение. Трое мужчин, онемев от изумления, уставились на то, что предстало им в центре пентаграммы.

Лицом к лицу с Мадезусом стоял некто похожий на человека, но с сапфирово-синей кожей и в одеянии с высоким воротником, сотканном из черных металлических нитей. Он был на голову выше Конана, но гораздо более хрупок. Губы и лишённые зрачков глаза были мертвенно-белыми. Голову покрывала короткая поросль серебристых волос; она сходилась острым мыском посреди лба и по сторонам шеи, образуя странный треугольник. Одна рука с длинными пепельными ногтями держала хрустальный жезл.

Пришелец переложил жезл из руки в руку, и его голос послал гулять эхо:

— Я приветствую тебя, о сын Ксуоквелоса. Тебя и твоих спутников из Киммера и Бритуна...

Он говорил со странным акцентом, но тон был определенно располагающим. Несмотря на более чем странную внешность «явления», и Конан и Кейлаш прониклись к нему симпатией с первого взгляда... чего никак нельзя было сказать о Мадезусе. Жрец сразу узнал синеконского.

— Балберот, — проговорил он. — Так я и знал, что твой щенок побежит к тебе жаловаться после того, как я его... отшлепал.

Жрец держался внешне дружелюбно, но внутренний голос велел ему не терять бдительности. Архидемоны были опаснейшими среди враждебных человеку существ тонкого мира. Еще Мадезус знал, что ему слабо совсем уничтожить Балберота. Но вот измотать его и выдворить назад в подземное царство — это можно попробовать.

— Забавно все это, Мадезус, — сказал Балберот и сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом. — О да, я знаю твоё имя. Равно как и Конана и Кейлаша... — Он произносил их с насмешкой, которую все, кроме Мадезуса, пропустили мимо ушей. — Так вот, теперь, когда мы познакомились, настала пора облегчить друг другу жизнь. Позволь, о горец, снять тяжкий груз с твоих плеч...

Архидемон взмахнул хрустальным жезлом, и Кейлаш с изумлением ощутил, что давящая тяжесть с той стороны дверей подевалась неизвестно куда. Кезанкиец очень осторожно отступил прочь, готовый вновь захлопнуть бронзовые створки, но они и не пытались раскрыться.

— Никакой опасности больше нет, — заверил его архидемон.

Он сделал знак рукой, и двери немного отошли внутрь, так что стал виден пустой коридор. Удивлению Кейлаша не было предела. И стены, и ковры оказались чистыми и сухими. Нигде никаких следов крови, только в нескольких футах перед дверью по-прежнему торчала опускная решётка.

Мадезус посмотрел на подол своего одеяния. Весь низ его только что был пропитан кровью — ткань очистилась в мгновение ока. Жрец насмешливо похлопал в ладоши:

— Отличный фокус, Балберот! Может, ты ещё для нас пожонглируешь? Или по канату пройдёшься?

Воители обеспокоенно переглянулись. Что такое произошло с их другом жрецом? Он говорил так грубо, так оскорбительно! А синеконский, наоборот, держался вежливо и дружелюбно, его слова навевали покой. Разве могло от него исходить какое-то зло?

— Ты ревнуешь, Мадезус. Это тебе не идет. И потом, разве твоё учение не велит любить и прощать? Я слышал, оно отрицает жестокость и грубость. Я прошу прощения за недружелюбное поведение моего малыша и, со своей стороны, не сержусь за то, что ты его наказал. Уверю тебя, я и знать не знал о его бессовестных шалостях. Видишь ли, он находился во власти создания, вероломно похитившего его у меня. Оно, это создание, и велело ему напасть на вас, когда вы появились.

— Тогда для чего ты здесь, Балберот? Ты пришел извиниться? Выразить нам сочувствие, в котором мы отнюдь не нуждаемся? Или все же затем, чтобы довершить то, на что у твоего прислужника не достало силенок?

— Твои обвинения безосновательны, жрец. Я пришел, ибо у нас с тобой одна цель: отыскать и уничтожить жрицу мутари. Ты удивлен? Но она силой забрала моего подданного и заставила его сразиться с тобой и твоими друзьями. Согласись, подобные поступки нельзя оставлять безнаказанными. Вместе мы легко отыщем ее и положим конец ее злодеяниям!

Конан и Кейлаш уже не сомневались, что Мадезус ошибался, считая Балберота врагом. Какой же это демон? Просто житель иных миров, присланный богами им в помощь. Он протягивал им руку дружбы — разве не здорово? Так неужели Мадезус лишился рассудка? Неужели не понял, что Балберот на самом деле хочет помочь?..

Мадезус тем временем отрицательно мотнул головой. Занятый разговором, он не заметил, какую игру вел его собеседник с обоими воителями.

— Хватит лгать, порождение ада! — сказал он Балбероту. — Ты только на словах предлагаешь нам помощь, но я-то знаю — все, чего ты хочешь, это перебить нас, как телят на бойне! Довольно! Волею Митры, Отца Света, Всемоущего и Всеблагого, повелеваю тебе отбросить жезл и вернуться в бездонные пропасти, где плодятся подобные тебе! *Маским Ксул йа маррату, йар Балберот! Балберот, абсу йар алаксул! Ксизул абсу маррату, нар маррату, йар Балберот!*

Жрец говорил, и амулет разгорался, направляя прямо на демона луч слепящего света.

Луч разрастался и креп, но, еще не коснувшись Балберота, он невероятным образом изогнулся и ударил по хрустальному жезлу. Ударил — и отразился, взорвавшись фонтаном радужных брызг. Отраженный луч прошел в каких-то дюймах от приросшего к месту Кейлаша и угодил в бронзовые двери. Тяжеленные створки затрепетали, по ним разбежались струи синева-белого пламени, и толстая бронза рассыпалась мириадами обломков.

А Балберот посмотрел прямо в глаза Конану и заговорил с ним умоляющим тоном:

— Конан, ты должен помочь мне! Выручай, друг! Ты видишь — Мадезус сошел с ума! Он чуть не убил Кейлаша!.. — Потом его глаза, подобные двум белым огням, обратились на горца: — Скорее, кезанкиец, порази его своим мечом, пока он всех нас не перебил!..

Белые, как кость, губы архидемона растянулись в жуткой улыбке. Он злобно подмигнул Мадезусу, и тот поневоле содрогнулся, встретив взгляд нечистого духа.

А в следующий миг молодой жрец не поверил своим глазам. Два воина пошли на него, размахивая мечами!

— Конан! Кейлаш!.. — окликнул он своих товарищей. — Это демон околдовал вас и заставил обратиться против меня! Конан!.. Вспомни свою клятву Сальворасу! Кейлаш!.. Подумай о короле, которого ты клялся защищать! Вспомните! Не слушайте уверений лживого порождения ночи!..

Но они точно оглохли. Мадезус успел заметить, что глаза у обоих помутнели: воители были не в себе. А Балберот, чувствуя близость победы, знай подгонял:

— Скорее! Ваши жизни в опасности! Скорее уничтожьте его, пока он не поразил вас насмерть!

Мадезус отступил прочь и вновь послал в демона луч амулета. И вновь промахнулся: хрустальный жезл перехватил и отразил его свет.

Конан подлетел к жрецу первым, отводя руку для ужасающего размаха. На какой-то миг его разум все же очистился... Он успел понять, что его руку вело колдовство, и попытался остановить удар, но мгновение миновало, и меч понесся вперед.

Мадезус шарахнулся в сторону: клинок киммерийца располосовал его одеяния, царапнув по телу. Жрец не удержал равновесия и покатился по полу — прямо под ноги Кейлашу. Великан-горец поднял меч, чтобы проткнуть беспомощного митраита. «Конец, — понял Мадезус. — Выхода нет». Он упирался спиной в стену и не мог даже перекашляться. Он закрыл глаза и стал ждать, чтобы острая сталь вошла в его тело. *Самое обидное, что жрица все-таки победила.* Последнему из Ордена Ксуоквелоса оставалось жить считанные мгновения...

Азора отмела в сторону многолетние полотнища паутины, которыми зарос входной чертог Скауроловой цитадели. Внешние двери, войдя, она заботливо притворила, отгораживаясь от несносных лучей утреннего солнца. Проклятое светило ярко и жарко горело над рыжими пустынями Шема. Оно ранило ее глаза и обжигало кожу. Азора ненавидела солнце. Оно высасывало ее силу, точно огненная пиявка.

Темный, затхлый чертог нравился ей куда больше. Здесь было когда-то седалище Зла, и Азора с наслаждением вдыхала еще сохранившийся аромат. Ее вторжение побеспокоило нескольких толстых, мохноногих пауков, притаившихся в углу комнаты. Азора с интересом присмотрелась к этим наследникам Зата, заморийского бога-паука, которого почитали в Йезуде. Иные из восьминогих созданий были вдвое больше ее головы, и чувствовалось, что пухлые, блестящие брюшки так и распирает яд.

Азора восторгалась ими: у них была всего одна цель, и они шли к ней, не зная сомнений. Дети Зата были вестниками смерти, хитроумными маленькими убийцами, способными лишить жизни жертву, во много раз превосходящую их по величине. Даже самые мелкие из них внушали людям ужас и отвращение. Вот у кого не грех поучиться!

Подумав так, она вынула Око из-под плаща и мимоходом заглянула в него. Просто так, чтобы поинтересоваться, как там жалкий маленький жрец и двое тупых громил, пришедших с ним вместе, — еще барахтаются или уже утонули? Она раздраженно нахмурилась: Око не желало показывать ей ничего. Азора попробовала сосредоточиться, но только ощутила возросшее сопротивление. Придя в ярость, мутари с проклятием швырнула Око на пол. Жрец не мог сам ослепить ее волшебный прибор. Он даже не подозревал, что она исподтишка наблюдала за ним!

Когда миновала первая вспышка гнева, Азора наклонилась и подняла Око. Совсем недавно, за стенами кре-

пости, оно действовало безукоризненно. Действуя по первому побуждению, она толкнула двери и вновь заглянула в хрустальный шар. Ее глазам сейчас же предстал алтарный покой под храмом Таргола, и раздражение немедленно улеглось. Двое недоумков наступали на Мадезуса, угрожая мечами!..

Конечно же, скудоумные груды мяса легко попали во власть Балберота, чей заволаживающий голос подавлял волю любого смертного, кроме некоторых, особо чистых и твердых духом. Из двоих безмозглых баранов получатся отличные палачи. Великолепно! Особенно же потому, что архидемон, как и сама она, не мог причинить жрецу непосредственного вреда. Мадезус носил древний талисман, на котором пребывало благословение самого Митры, ненавистного ей Повелителя Света. Зрелище близкой смерти настырного жреца утешило и развеселило Азору. Она спрятало Око и вновь затворила двери. Если бы не проклятое солнце, она бы еще подержала их открытыми и наслаждалась бы каждым мгновением агонии ничтожного прислужника Митры!

Итак, можно было считать, что жреца больше нет. Ничто не мешало Азоре заняться тем, для чего она сюда прибыла. Для начала она выведает секрет Скаурола, и больше можно будет ничего не бояться, хоть все митратское священство сюда соберись. Потом она вернется в город. И выморит двуногих насекомых по своему произволу, причинив им такие муки, какие найдет подходящими. Скоро, скоро, в первый день месяца Скорпиона, пропадет с небосвода луна. В ту ночь, самую черную из всех ночей, она, Азора, свершит Последний Ритуал Власти Мутари. Она произнесет Заклятие Бессмертия. И с этого мгновения быстротекущее время перестанет касаться ее. Для нее больше не будет ни старости, ни угасания. Если бы Скауролу удалось некогда совершить Ритуал, он бы теперь правил вселенной!

Она... О, когда она завершит Ритуал, она более не будет какой-то там жрицей. Она сама станет богиней! Беспощадной и гневной!.. Ее малейший каприз будет повергать во прах и отчаяние целые королевства. Жрецы и императоры приползут к ней на коленях. А она будет выдумывать для них все новые пытки и унижения. Все

новые, все худшие! Человечество ощутит поступь грядущего Мрака и содрогнется, не в силах что-либо изменить...

Ни один из мутари, живших прежде нее, таких вершин власти не достигал. Эти глупцы перессорились между собой и тем сделали свою погибель неминуемой. Даже великий Скаурол позволил так ослабить себя, что вшивый Орден Кеуоквелоса в конце концов его одолел. Азоре враждовать было попросту не с кем. Скаурол был последним мутари. А Мадезус — последним из Ордена.

Азора теперь и сама не могла бы сказать, когда она впервые услышала о мутари. Она не помнила ни родителей, ни даже детства. Про себя она полагала, что скорее всего родилась в Стигии. Во всяком случае, первым впечатлением, которое сохранила ее память, было одно местечко у реки Бахр, в южной Стигии, недалеко от болот Пурпурного Лотоса. Там она прошла церемонию Превращения; там она родилась как мутари. И всю жизнь потом, как одержимая, по крупице собирала известия о мутари.

Она много путешествовала по отдаленнейшим краям, заглядывая в самые темные и запретные закоулки, и постепенно обрела то, чего добивалась. Для этого она лгала, обманывала, похищала и убивала. Она не ведала преград и не признавала препятствий. Ее не обременяли такие человеческие предрассудки, как совесть и честь. И скоро она накопила достаточно знаний, чтобы претворить в жизнь кое-какие планы.

А скоро к ее познаниям добавится черная премудрость Скаурола...

Ее возня с паутиной потревожила паука величиной с ладонь. Он побежал было к ней... потом остановился. Азора покосилась на него с раздражением, но скоро раздражение сменилось любопытством. В отличие от его родственников, прятавшихся по углам, он не был мохнат, а блестяще-черное тельце было намного меньше и выглядело угловатым. Еще паука отличали более длинные лапки и самые настоящие клыки — острые, загнутые. Паук рассматривал Азору своими многочисленными зелеными, слегка светящимися глазами. В глазах чувствовался разум, не то что у тех здоровых мешков с ядом.

Занятое создание, но сейчас Азоре было не до паука. Оставив его, она подошла к ближайшей из трех внутренних дверей комнаты.

Двери были невелики, но выкованы из сплошного железа и украшены замысловатым рисунком, выполненным в металле. Над каждой дверью были изваяны плотоядно ухмыляющиеся гаргульи. Они застыли в угрожающих позах, словно готовясь свеситься вниз и схватить любого неосторожного. Рука умелого скульптора придала жуткий реализм разинутым пастьям с рядами неровных зубов. Из каждой пасти свешивался язык, длинный и заостренный, как жало. Короткие лапы, каждая о семи острых когтях, сжимали каменные шары, из узких плеч росли кожистые, как у летучих мышей, крылья. Под животами торчали похабно подчеркнутые гениталии. Короткие, мощные задние лапы покрывала чешуя.

Кое-где можно было разглядеть небольшие трещины, но в остальном изваяния выглядели просто на удивление хорошо сохранившимися...

В отличном состоянии была и дверь перед ней. Благодаря пустынному климату Шема на ее поверхности не появилось даже пятнышка ржавчины, но даже если бы здесь и шли дожди, в чертог сквозь толстенную каменную кровлю все равно не проникло бы ни капли влаги.

Азора уже протянула руку в черной перчатке к ручке двери... Едва слышный шепот, раздавшийся сзади, заставил ее остановиться.

В нескольких футах от нее стоял тот самый безволосый паучок и все так же смотрел снизу вверх многочисленными глазками. Пока Азора раздумывала о природе невнятного шепота, паучок взвился в невероятно быстром прыжке. Он летел ей прямо в лицо! Азора, уворачиваясь, попыталась отбить его рукой, но промахнулась на какой-то дюйм. Восьминогая тварь крепко вцепилась всеми лапками в ткань одежды на ее левом плече. Ругаясь на чем свет стоит, Азора хотела уже смахнуть паучка на пол и раздавить...

— Ссст... подожди! — прозвучал возле левого уха едва слышный, булькающий шепот. — Не враг! Не обижай!.. Ссст... Я помогай тебе.

Еще держа наготове занесенную руку, Азора повернула голову и посмотрела на паучка, сердито и недоверчиво хмурясь. Дети Зата утратили способность говорить много веков назад. Так, по крайней мере, гласили пыльные тома древних сказаний, которые она штудировала.

Как бы то ни было, паучишка при всем желании не смог бы причинить ей вреда. Не в пример ничтожным смертным, Азору не обременяла живая кровь, а значит, никакие яды были ей не страшны. Она всегда успеет раздавить маленького паскудника о каменный пол. Так почему бы сперва не послушать, что он ей расскажет?

— Да... Ссст... да... я помогай тебе, — словно чувствуя ее колебания, продолжал паучок. — Я твоя уже ссспас-ссай...

— От чего же ты, такой маленький, меня спас? — насмешливо поинтересовалась Азора.

— Не останови твоя Кзим, твоя открывай бы дверь! Вот поглотай бы старушки твоя косточки!

В голосе паучка забулькала страшноватая пародия на смешок. Кзим находил забавным то, о чем говорил.

— Старушки — это они? — Азора ткнула пальцем в сторону гаргулий. — Дурачок, это всего лишь каменные изваяния! Не мне, с моей силой, их опасаться! Я повелеваю демонами, которые растолкли бы твоих «старушек» в мелкую пыль!

Однако, говоря таким образом, она невольно спрашивала себя: а что, если Кзим говорит правду?..

Паучок переступил на плече мутари. Он поднимался и опускался на лапках, словно в величайшем волнении.

— Кзим помогай, и твоя не нужна демон! Никакой демон! Я знаю с-с-секреты... Да, да! Кзим твоя их говори! — Его глаза разгорелись, словно созвездия маяков в туманную ночь. — Только твоя помогай мы!

Азора подняла бровь:

— Так здесь есть и еще такие, как ты?

— Ссст... Нет, нет! Не как Кзим! Просто друзья Кзим, в паутинах живи! — Две передние лапки указали в верхние углы комнаты, где Азора заметила более крупных пауков. — Их желай кровь человек! Их надоедай ящерицы и жуки! Их хоти человек, как при старый хозяин! Твоя, да, твоя совсем как старый хозяин! Кзим твоя погляди,

Кзим сразу понимай! Твоя давай кровь человек, а то Кзим больше не помогай!

В глазах Азоры, обращенных на Кзима, появился змеиный блеск. Так смотрит кобра, готовая укусить.

— У старого хозяина было имя? — спросила она.

— Да, да... Только длинный имя, трудно его говори! Кзим зови его Скар!.. Так, так, ссст...

Скар? Скаурол! Теперь Азора была убеждена крепче прежнего: «старый хозяин» Кзима был не кто иной, как тот самый мутари, великий правитель этой крепости. Может, и в самом деле пока не убивать паучишку? Пусть сперва расскажет все, что знает о Скауроле!

— Ты хочешь крови, малыш? Что ж, угощайся!

Азора вынула из внутреннего кармана небольшую склянку и откупорила ее. Внутри плескалась густая красная жидкость. Жрица накапала немного себе на руку и подставила Кзиму ладонь.

Паук перебежал вперед и жадно присосался к угощению, отставив клыки. Азора же мысленно похвалила себя за то, что захватила с собой флягу. Вообще-то дело было в заклинаниях: для самых важных кровь была необходима. Надо будет расходовать ее с умом, чтобы не кончилась в самый неподходящий момент. Здесь, в пустыне, на много лиг вокруг не сыщешь человека, за чей счет можно было бы пополнить запас. Лучше солгать глупой твари и использовать этого Кзима, пока можно, а потом — прихлопнуть. И она солгала:

— Скоро ты и твои друзья будете пить живую человеческую кровь, как при старом хозяине. Клянусь!

Когда Кзим слизнул с ее руки последнюю частицу крови, Азора аккуратно заткнула склянку и убрала ее на место — в карман.

— Скажи-ка, малыш, была у старого хозяина библиотека?

Кзим щелкнул клыками.

— Кровь!.. Теплая, вкусная, да!.. — довольно пробулькал он. — Давно, давно Кзим не пил человеческую кровь!.. А биб... ли... Нет, Кзим не видал! Что такое биб-ли?..

Азора ощерила загнутые черные зубы, но все-таки сдержалась.

— Это зал, — сказала она. — Зал с книгами и свитками. Он непременно должен здесь быть. Отведи меня туда, и немедленно!

Ее голос повелительно раскатился в стенах чертога.

Кзим запрыгал у нее на плече, возбужденно пыхтя. На кончиках клыков вскипела красноватая пена.

— Ссст... ссст... Да, да! Кзим знай такой место! Кзим знай! Кзим показывай дорога! Далеко, далеко надо идти! Кзим знай тайные ходы!..

— Ну так показывай, — велела она. — Быстренько!

Кзим ловко перескочил с ее плеча на стену комнаты, где и повис, явно наплевав на закон всемирного тяготения. А потом быстро побежал по стене, прочь от двери, которую собиралась открыть Азора. Еще миг — и безо всякого предупреждения паучок просто исчез. Жрица крутанулась следом: уж не дурачить ли ее здесь вздумали?..

— Кзим! Куда ты делся, бесстыдный пре...

Булькающий шепот донесся прямо из стены. Он был слышен еще хуже прежнего, потому что камень поглощал звук.

— Твоя надо идти сквозь стену... Не надо открывай двери, буди старушек! Ссст... Никаких дверей, никаких старушек!

Азора ощупала стену в том месте, где столь неожиданно исчез Кзим, и ее рука провалилась сквозь камень! Потом целая часть стены заколебалась перед ее глазами и рассеялась в воздухе. За нею обнаружился узкий проход, уводивший вверх и в глубину цитадели. Кзим уже ждал, прицепившись к каменному блоку стены. Азора сердито шагнула вперед. Она была недовольна собой — как так получилось, что она с самого начала не распознала простейшей магической уловки? Простейшей и примитивной, предназначенной отводить глаза невеждам... Наверное, Перемещение исчерпало ее силы больше, чем ей самой казалось! Что ж, надо будет вести себя осторожнее. Все равно потраченную энергию восстановит лишь время.

Азора отличалась от презренных смертных еще и тем, что не нуждалась ни в пище, ни в сне, ни в питье. Ее пищей был страх, напитком — человеческое страдание. Если надолго лишит ее необходимого «корма», она по-

степенно зачахнет, и сила ее иссякнет, как утренняя роса под солнечными лучами.

Следуя за Кзимом, жрица двинулась по коридору. Слабый свет из входного чертога вскоре пропал за спиной, но глаза мутари тотчас приспособились к темноте. Более того, во мраке она видела даже лучше, чем на свету. Черноты для ее красных светящихся глаз просто не существовало.

В проходе царил давящая тишина... Ее лишь временами нарушало пыхтение Кзима, шарканье туфель Азоры по каменному полу да шорох ее тяжелого плаща.

Они миновали несколько дверей и боковых ответвлений, но Кзим держался главного коридора и свернул всего два или три. Странный паук явно хорошо знал дорогу. Он не задумываясь вел Азору в глубину крепости.

Жрица мутари тщательно запоминала все повороты, стараясь составить мысленный план внутреннего устройства цитадели. К несчастью, один отрезок коридора абсолютно походил на другой. И нигде никаких особых примет. Не менялся даже рисунок каменной кладки. Повсюду — только ровные ряды крупных прямоугольных каменных блоков. Ни факелов, ни шпалер на стенах, ни ковров на полу. Удивительно голое и мрачное место. Что же до дверей, мимо которых она проходила, — двери были почти сплошь железными, довольно странными на вид... и тоже похожими, как близнецы.

Каждый раз, минуя очередную дверь, жрица задавалась вопросом, что за тайны могли за нею храниться. Но ей некогда было задерживаться и удовлетворять свое любопытство. Тем более что крепость начинала определенно нравиться ей. Она чувствовала растворенное в воздухе зло, как если бы самые камни стен были наделены недобрым разумом. «Вот подходящее место, откуда я стану осуществлять свои планы!» — шагая вперед, думала Азора. Отсюда некогда распространилась власть Скаурола, достигшая весьма отдаленных краев. А ее сила вскоре превзойдет все, чем был когда-то знаменит ее древний предшественник. Еще немного, и она откроет для себя тайну могущества, запрятанную где-то здесь, в вековой пыли Скауроловой башни.

— С-с-скоро, с-с-скоро... — ни дать ни взять, подслушав ее мысли, ворковал Кзим. — Твоя почти, да, почти пришла! Кзим видел биб-ли... да, Кзим был там! — Суставчатые ноги проворно несли его по стене. — С-с-скоро вверх по длинной-длинной лестнице... надо будет лезть вверх-вверх-вверх!

Азора не удивилась: коридор и без того все время постепенно забирал вверх. Она чувствовала легкий уклон, но не взялась бы определить, насколько высоко они поднялись. Тем более что проход заворачивал и петлял раз десять, не меньше.

Чем выше они забирались, тем в лучшем состоянии пребывали и стены, и двери в них. Возрастало и ощущение зла; Азора всей кожей чувствовала его бодрящее прикосновение. Но не только. Было еще нечто... Сильное, но вместе с тем и враждебное. Пока ей оставалось только гадать, что это за сила.

Кзим, бежавший в нескольких футах впереди, внезапно остановился. Коридор кончился. Прямо перед жрицей была винтовая лестница из черного железа. Азора посмотрела вверх, но туда не мог проникнуть даже ее взгляд. Толстая железная колонна, покрытая мельчайшей резьбой, служила опорой массивным металлическим ступеням, ряд за рядом поднимавшимся вверх. Ступени были узкими. И без перил.

— Ссст... Длинная, длинная лестница! — ликовал Кзим. — Твоя иди вверх! Да, да, вверх-вверх-вверх! Там то, что твоя ищет! Биб-ли!..

Азора последовала за ним к основанию лестницы. Она еще не вполне доверяла странному пауку и была готова самым жестоким образом покарать любой намек на предательство. Возможно, немного погодя она так и поступит, а пока — следует за ним наверх. Она рискнет. Еще в Пайрогии, до Перемещения, она пыталась с помощью своего Волшебного Ока заглянуть внутрь цитадели и выведать, что за тайны хранятся в ее стенах. Но Око всякий раз отказывалось повиноваться. Надо полагать, ему мешало какое-то заклятие, еще в древности наложенное Скауролом на свою башню.

Ну да теперь это все равно не имело никакого значения. Отбросив сомнения в правдивости Кзима, Азора поставила

ногу на нижнюю ступеньку. Он отведет ее в сокровищницу премудрости Скаурола, и она разотрет восьминогое в зеленую жижу. И скормит эту жижу его «друзьям» из нижнего чертога.

Она живо представила себе, как мохнатые страшные лица пожирают размозженные останки Кзима, и это придало ей сил. Одолевая ступеньку за ступенькой, жрица мутари бодро двигалась вверх по лестнице, казавшейся бесконечной...

Глава тринадцатая ТАРГОЛ

Мадезус слышал, как свистел, рассекая воздух, меч Кейлаша... Острое лезвие вспороло одеяние жреца, но почему-то все же прошло на волосок мимо тела, угодив по кожаной сумке. Содержимое разбитых пузырьков и выпотрошенных мешочков оказалось на полу, а клинок кезанкийца застрял в металлической пряжке. Кейлаш принялся высвобождать его и на какое-то время загородил дорогу Конану.

Улучив мгновение, Мадезус откатился прочь и попытался броситься в дверь, но, конечно, опередить киммерийца не смог. Кейлаш с рычанием выдернул меч, а Конан прыгнул наперерез жрецу. И варвар, и горец действовали, как заводные куклы. Ни тот ни другой не произносили ни слова, и глаза у обоих были стеклянные. Завораживающий голос архидемона управлял ими, точно послушными марионетками. Мадезус вновь затаил дыхание, готовясь встретить удар меча, который уж точно окажется для него последним... Он только поднял амулет и запел молитву: может быть, еще не совсем поздно?

Но тут все трое замерли на месте: у порога начало происходить нечто такое, что приковало к себе их внимание. Даже Балберот и тот растерянно замолчал.

Ошметки бронзовых дверей сами собой поднимались с пола. А те, что еще висели на петлях, отделялись от них и вливались в общую массу. Металл сворачивался и таял, на глазах приобретая все более знакомые

очертания. И наконец перед изумленными людьми и архидемоном предстал бронзовый великан. Его тело было человеческим и мужским, вот только пропорции выглядели так, словно бронзовую статую наспех сработал пьяный ваятель.

Росту в нем было под десять футов. Желто-оранжевое пламя полыхало в глазницах. Вот он протянул громадную бронзовую руку в направлении троих людей, и пальцы медленно распрямились. Потом шевельнулись угловатые губы. Стали видны зубы, сотворенные из огня, и язык, состоявший из пламени. Изо рта, больше напоминавшего топку, изошло одно-единственное слово:

— **ОСТАНОВИТЕСЬ!**

Громадный голос наполнил чертог, словно жаркий, сжигающий ветер. Людей мгновенно бросило в пот, Балберот же сощурился и заморгал, но отвечать не посмел.

А бронзовый исполин шагнул внутрь комнаты, и громадные плоские ступни откалывали кусочки от твердых каменных плит пола. Вновь медленно двинулись губы, и Голос изрек:

— **АЗ ЕСМЬ ТАРГОЛ.**

Тут Балберот метнул быстрый взгляд на Мадезуса и, явно придя в отчаяние, обратился к Конану и Кейлашу:

— Вперед, глупцы! Это все штучки жреца, возжелавшего вас истребить! Зарубите его, и призрак рассеется!

Кейлаш встряхнулся и шагнул к Мадезусу, занося меч. Но тут левая рука исполина метнулась с ужасающей быстротой и схватила меч прямо за лезвие, легко выдернув его у горца. Бронзовые пальцы скрутили и смяли клинок, точно соломинку. Прекрасно выделанная, закаленная немедийская сталь не могла противиться силе Таргола. Изуродованный клинок громко лязгнул об пол...

Огненный взгляд обратился на Балберота:

— **ТЫ ОСКВЕРНИЛ ХРАМ ТАРГОЛА. ТЫ ПРЕКРАТИШЬ БЫТЬ.**

Медлительные слова вылетали словно сгустки пламени, комнату сотрясало эхо. И Балберот вдруг вспыхнул! Со страшным криком пропал в вихре бездымного красно-оранжевого огня!.. Крики и огонь угасли одновременно. От архидемона не осталось ничего — лишь синеватый жирный натек на полу.

Разум Конана прояснился мгновенно. Он тряхнул головой, словно пробудившись от очень скверного сна. Киммериец вытаращил глаза на бронзового исполина, черты которого ярко светились в сумраке подземелья.

— Вот это да, Мадезус! — сказал он, когда способность разговаривать вернулась к нему. — Молодец, лекарь! Я смотрю, твой амулет действительно на что-то годится. Только почему ты этого приятеля сразу не вызвал?

Мадезус долго не отвечал, лишь завороченно смотрел на бронзовую фигуру. Казалось, он вовсе не слышал слов киммерийца. Лишь спустя время он отважился прошептать:

— У моего амулета нет такого могущества... Конан, мы стоим перед Самим Тарголом!

Кейлаш упал на колени и отвернулся, чтобы не смотреть в бронзовое лицо бога. Конан содрогнулся от инстинктивного ужаса перед сверхъестественным. Очень плохо, что Таргол разделался с Балберотом. Но почему знать, вдруг он и их сейчас точно так же уделает?..

Мадезус, казалось, хотел что-то сказать, когда исполин заговорил снова:

— **ПОКИНЬТЕ С МИРОМ ЭТО МЕСТО. ТАРГОЛ НЕ ДЕРЖИТ НА ВАС ЗЛА.**

Мадезус взволнованно прокашлялся:

— Мои спутники и я... мы благодарим Тебя, могучий Таргол. Мы выполним Твое повеление. Позволь только спросить Тебя, кого Ты уничтожил: жрицу мутари или демона, которого она призвала?..

По сравнению с Голосом Таргола голос Мадезуса был жалок и слаб. Конан и Кейлаш смотрели на него как на безумца. Долгое время Таргол просто стоял, не двигаясь с места и приоткрыв огненный рот. Слышал ли он вопрошание жреца?.. Однако после долгой, томительной паузы Голос загрохотал вновь:

— **ОНА БЕЖАЛА В ШАН-И-СОРХ. ТАРГОЛУ НЕТ ДО НЕЕ ДЕЛА. ВЫ ПОКИНЕТЕ ЭТО МЕСТО И БОЛЕЕ СЮДА НЕ ВЕРНЕТЕСЬ.**

Конану и Кейлашу дальнейших понуканий не требовалось. Удирая из чертога, горец позволил себе лишь с тоской оглянуться на свой искореженный меч, валявшийся

на полу возле ноги исполина. Конан с силой хлопнул ладонью по спине замешкавшегося Мадезуса, направляя его в сторону двери. Исполин чуть посторонился, освобождая им путь, и жутковатый красный ковер коридора заглушил их поспешное бегство.

Мадезус все-таки оглянулся через плечо, чтобы еще раз взглянуть на Таргола, — не каждый все-таки день беседуешь с живыми богами! — но увидел лишь... бронзовые двери. Целые и невредимые. Никаких осколков, разбросанных по полу. Закрытые двери, точно такие, какими они увидели их по пути сюда.

Жрец только помотал головой и припустил следом за спутниками...

Не останавливаясь, они добежали до крутой лестницы, выведившей в зал наверху. Конан взлетел по ней первым, за ним последовали остальные. Они огляделись... Первое, что бросилось в глаза киммерийцу, — бронзовые спинки, которые он отломал от скамей, были поставлены на места. Как и рукоятки наружной двери. А сама дверь была распахнута настежь и как бы приглашала их выйти.

Что они и сделали без промедления.

Снаружи сияло послеполуденное солнце, правда прямые лучи его не касались храма и не проникали за порог. Когда спутники выскочили наружу, каменная дверь гулко бухнула за их спинами, наглухо перекрыв вход. Этот звук заставил подскочить всех троих.

У киммерийца вырвался вздох облегчения: какая же благодать вновь оказаться под открытым небом, покинув наконец недра странного храма!.. Кейлаш, напротив, сразу засыпал митраита вопросами. Ему не терпелось побольше разузнать про Таргола и Балберота.

— Почему Он грохнул демона, а нас пощадил? — недоумевал горец. Действия бронзового исполина сбивали его с толку. — Конан, может, больше порушил в Его храме, чем Балберот!

— Таргол давным-давно не в ладах с архидемонами, — несколько рассеянно отвечал жрец. — В старину худшим врагом Таргола был Йог — архидемон, почитавшийся жителями Дарфара. Этот Йог был одним из свирепых демонов Древней Ночи; некоторые называют его и самым могущественным. В Замбуле, где более всего процветал

его культ, йогитский Иерарх решил даже изгнать из страны все иные религии. Дело было несколько столетий назад... В одну кровавую ночь все жрецы Таргола были схвачены и торжественно отведены к священной яме Йога. Там приверженцы архидемона вырвали у них сердца и пожрали на ритуальной трапезе. Еще сохранились легенды о том страшном убийстве, о том, как играл лунный свет на крови, до краев заполнившей яму...

Но на другой же день исчезли все жрецы Йога с их остро подточенными зубами, знавшими вкус человечины! В том числе Иерарх! И до нового восхода луны не удавалось обнаружить ни малейшего следа!.. Но потом в той самой яме нашли их скелеты. Скелеты, лишенные плоти, но сохранившие облачения из перьев и увешанные харийскими драгоценностями... Страшна была месть Таргола, воистину страшна, но... бесплодна. Его замбулийский храм впал в запустение, а йогитское священство малопомалу вновь возродилось. Авторы исторических трудов сходятся на том, что Таргол до сих пор держит зуб на Йога и подобных ему, но обе стороны прежде уклонялись от прямых столкновений. Вот Балберот, по-видимому, и попался...

— Я слышал, никто не может заглянуть в лицо богу и сохранить жизнь... — торжественно заявил Кейлаш. — А с нами именно это и произошло!

— Может, и так, друг горец, а может, и нет, — загадочно отвечал митраит. — О Тарголе вообще известно немного, а что касается Его внешности — и подавно. Многие богословы, однако, упоминают о том, что Ему подвластны стихии Земли и Огня. Решусь предположить, что бронзовый исполин, которого мы видели, — всего лишь изображение, созданное и оживленное Тарголом нарочно для этой цели. Как я уже говорил, боги предпочитают избегать открытого вмешательства. Вот, например, Конан, твой Кром...

— Не время нас просвещать, жрец, — перебил Конан и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — И потом, все, что мне когда-либо хотелось знать о Кроне, я и так уже знаю. Пока мы тут стоим и чешем языками, наши шансы отыскать хренову жрицу убывают все больше! У нас дело есть, между прочим!..

И он метнул на Кейлаша смертоубийственный взгляд, предупреждая, чтобы тот не смел задавать жрецу дальнейших вопросов.

— Да, да... — согласился с киммерийцем Мадезус. — Ты прав, конечно. Наше дело не завершено... Напротив, оно только стало трудней. Необходимо последовать за жрицей в Шан-и-Сорх, где она теперь укрывается. Нам предстоит проехать множество лиг, и притом через пустыни восточного Шема. Это займет больше месяца, даже если верхом...

— Больше месяца!.. — с отчаянием повторил Кейлаш.

— Причем гораздо больше, — хмуро вставил Конан. — Потому что только головой ушибленный потащит туда с собой лошадь. В шемитской пустыне не выживет даже верблюд! Мы можем доехать до южных границ Хаурана, но дальше — только пешком! — И он тяжело покачал головой, припоминая: — Несколько лет назад я разговорился в таверне со старым немедийским рубакой... Он когда-то ездил аж в Сабатею, — это такой шемитский город у Тайанских гор, немного западнее Шан-и-Сорха. Много раз наполнял он свою кружку, рассказывая о том путешествии, и видели бы вы, как тряслись у него руки! Он был тогда охранником в купеческом караване, шедшем через пустыню. А там, как он выразился, воды ни капли, но зато разбойник на разбойнике...

Кейлаш возмущенно фыркнул:

— Еще не родился тот головорез, который скрестил бы мечи с сыном Кранароса — и остался в живых!

— У немедийца тряслись руки не от воспоминаний о разбойниках, но кое от чего другого, — возразил киммериец. — Пустыни Шема, говорил он, — это седалище смерти. Ничего живого там нет. Немедиец так и не рассказал мне, что же *такое* встретилось ему там. Но я вам вот что скажу: если уж что-то могло довести до такого состояния закаленного немедийского наемника, то и нам не грех бы держаться от *этого* подальше. А потому я предлагаю избрать иной путь, не тот, которым ехал он сам. Давайте пересечем Кезанкийские горы с запада на восток. Так мы не попадем ни в Коринфию, ни в Коф, ни в Замору. Если мы потом отправимся вдоль гор к югу, то выйдем на торговый путь, что ведет из

Хаурана в Замбулу. Мы сможем держать направление на Тайанский хребет... Меня только одно смущает, жрец. Шан-и-Сорх — пустыня обширная. Как мы в ней отыщем то, что нам надо?

— Отличный вопрос, Конан, — кивнул митраит. — У меня у самого назрело несколько, и ответить на них еще потруднее, чем на твой. Почему она вообще отправилась в Шан-и-Сорх? И каким образом в один миг попала туда?.. Следы ее присутствия, которые я ощущал, были совсем свежими. Если бы она оставила их несколько дней назад, я бы сразу это распознал. Ты говоришь, обычное путешествие займет не менее месяца?.. Значит, она освоила Перемещение... Это одна из отраслей магической науки, доступная лишь тем, кто уже накопил необъятную мощь. Я никак не ожидал, что даже у нее хватит на это силы... Но что касается того, где именно в Шан-и-Сорхе она притаилась, тут у меня одна зацепка все-таки есть. Мой Учитель, почтенный Калетос, рассказывал: Скаурол, величайший из поверженных мутари, жил в Шеме. Отчего бы нашей жрице не отправиться в развалины его дворца? Может, она хочет там что-нибудь отыскать? Или хочет восстановить крепость и сделать ее оплотом своей власти?..

Конан заметил:

— Даже если это и так, мы знаем, где они, эти развалины?

— Верно, друг мой, не знаем... Пока не знаем. Дело должно проясниться, когда мы подберемся поближе. Колдовство, укрывавшее от меня мутари в храме Таргола, не сработает в пустыне. Мы будем пробиваться к центру Шан-и-Сорха, и рано или поздно я почувствую жрицу. Тогда мы и выясним, какого направления придерживаться.

— Я велю приготовить припасы и лошадей, — пообещал Кейлаш. Он с тоской разглядывал свой опустевший ремень. — И еще мне понадобится новый меч. Вот заодно на тамошних разбойниках его и опробую...

Они спустились по ступеням храма и, минуя древние развалины, скоро вышли на улицу. На послеполуденное солнце набегали легкие облачка, между домами пошел гулять по-осеннему зябкий ветерок. Конан утешил себя тем, что во дворце уж точно будет тепло.

Киммериец переживал из-за предстоявшего путешествия гораздо меньше Кейлаша. Он в свое время проехал немало стран — от ледяных тундр севера до удушливых джунглей дальнего юга. И понял, что в любом краю было что-то хорошее и что-то плохое. И еще: ни в одной из стран, где довелось побывать, он не чувствовал себя *дома*. Даже Киммерия была для него родиной — но не Домом. Он редко возвращался туда и никогда не задерживался подолгу. Мрачно-серые горы, нескончаемая зима и монотонная жизнь скоро надоедали ему. Видно, беспокойная натура так и сделала Конана кочевником на всю жизнь!

Между прочим, его родная страна кишела опасностями ничуть не менее всех остальных, которые он повидал. Его соплеменники были воинственным и свирепым народом. Они не забывали обид, так что распри между кланами могли продолжаться столетия. И ни одна битва, в которой Конану доводилось участвовать в так называемых цивилизованных государствах, не могла равняться по первобытной свирепости с клановыми войнами Киммерии.

Видимо, и люди юга будут так же жестоки, как и их пустыня...

Шагая вперед, Конан рылся в памяти, припоминая подробности о тех краях, которые им предстояло вскоре проезжать. Да, для того чтобы не сбиться с пути, определенно стоило следовать на юг вдоль Кезанкийских гор, пока их утесистые хребты не уступят место вершинам Огненных гор. Этот могучий кряж отмечал северную границу Шема: природный бастион, преодолевать который отважились бы немногие. От этих зловещих гор надо будет убраться подальше, свернув к юго-востоку. Но зато потом начнется самая тягостная часть пути. Прожаренная солнцем шемитская пустыня, называемая многими Шан-и-Сорх...

Этих забытых богами мест побаивались даже самые закаленные, привыкшие к пустыням шемитские племена. Неизбывные лиги спекшейся от зноя земли и безводных песчаных дюн служили отличными декорациями для многих жутких рассказов, из уст в уста передававшихся у походных костров. Конан и сам слышал немало воинских побасенок о том, что кому довелось пережить в тех краях. Если верить всем этим рассказам, пустыня изобиловала

свирепыми и хищными тварями, еще более свирепыми и хищными кочевниками и, конечно, злыми духами, гнездившимися в занесенных песком развалинах древних замков. Как ни суверен был Конан, он все-таки списывал большую часть услышанного на обычную солдатскую потребность за кружкой вина.

Вот что самому ему хотелось бы найти в сердце пустыни, так это какой-нибудь забытый дворец с еще не разграбленной сокровищницей. Совсем неплохо было бы и клятву, данную Сальворасу, выполнить, и кошелек при этом пополнить! Он ведь всяко собирался в Замору. Добраться бы до Шадизара, и он бы всем показал, что по ночам способен не только в воровстве упражняться! Вот бы поскорей отгремела эта разборка со жрицей, — уж он бы славненько повеселился вечером-другой с девчонками и вином...

Он шел вместе с Мадезусом и Кейлашем, мысленно предвкушая лукавые радости Шадизара. Конан шел впереди: так уж получилось, что в предстоящем путешествии его негласно назначили старшим. Горец и жрец следовали за ним ко дворцу, чтобы отдохнуть и набраться сил перед многотрудной дорогой. У каждого из них была своя личная цель, но всех связывало одно.

Найти и уничтожить жрицу мутари.

...А следом за ними крался еще один человек, крался так тихо, что ему позавидовала бы и пантера. На нем был легкий плащ с темно-серым капюшоном, спущенным на лицо. Под плащом были дымчато-голубые шелковые одежды. Шелк временами шуршал, точно чешуя гадов в подземной норе. Прячась в тени капюшона, глаза холодной зимы Ванахейма следили за каждым шагом Конана и его друзей, чуткий слух напряженно ловил каждое их слово. Фанатичный разум Ламици был объят жаждой мести. Какая разница, что они отправлялись куда-то на юг? Если понадобится, евнух готов был последовать за ними хоть до реки Стикс, а то и далее. Он должен уничтожить Мадезуса. Для блага Бритунии, разумеется. Ибо мерзостный жрец вернул к жизни недостойного короля и растоптал мечту Ламици вернуть бритунийскому трону честь и могущество. Эти двое, Конан и Кейлаш, помогали жрецу. Поэтому они также заслуживали смерти. И она их постигнет. Но сначала — жреца.

Ему приятна была тяжесть отравленного кинжала, покоившегося в ножнах на руке. Скоро, очень скоро он по рукоятке погрузит его в сердце Мадезуса. Не вечно же он будет прятаться за своими громилами. Настанет момент, когда он останется беззащитен. Тут-то евнух и нанесет удар, который так долго и тщательно готовил.

Бледные губы Ламици растянулись в жестокой усмешке. Капюшон, скрывавший его лицо, был серым, как тучи, затянувшие над Пайрогией хмурое небо...

Глава четырнадцатая НА ЮГ!

Эльдран медленно приподнялся и сел. Даже такое простое движение превратилось для него в тяжкий подвиг. Он очнулся менее часа назад. И сразу понял, как ослабило его тело заклятие Смерти, наложенное мутари. А разум, некогда острый словно аквилонский клинок, казался тупее каменного топора.

Король сам догадывался, что выглядит ужасно. Об этом Эльдрану яснее всякого зеркала говорило выражение лиц его друзей, собравшихся в опочивальне.

Даже Кейлаш, стоявший перед ним, не мог скрыть жалости. Она чувствовалась и в голосе, и во взгляде. Король обозлился на себя за отвратительную слабость и мысленно воззвал к Виккане, прося своего бога послать ему по возможности быстрое выздоровление, пока соседние государи не пронюхали о неожиданном упадке его сил. Он отлично знал: если длинные языки разнесут весть о его пошатнувшемся здоровье, немедийцы и гиперборейцы налетят, точно стервятники, готовые терзать его народ и растаскивать страну по частям. И только клочки полетят от всего того, что он с таким трудом собирал.

Эльдран постарался отделаться от тягостных мыслей и сосредоточиться на другом. Что это сейчас говорил ему горец?.. Он поморщился, недовольный собой, и скрипучим, охрипшим голосом обратился к старому другу:

— Прости, старина... У меня мысли все еще путаются. Пожалуйста, растолкуй еще раз, что вам понадобилось на юге?

— Сейчас, — ответил Кейлаш и чуть не заскрипел зубами от горя. Жутко и оскорбительно было видеть Эльдрана доведенным до подобного состояния. Ох, дайте только добраться к логову жрицы!.. Ужо заплатит за все свои злодеяния!..

Кейлаш прокашлялся и заново стал объяснять Эльдрану положение дел.

Правду сказать, его повествование большой ясностью не отличалось. Сбивчивый и путанный рассказ смутил бы и вполне здорового человека. Тем не менее с помощью Конана и Мадезуса Эльдран вскорости охватил всю цепь событий, происшедших после его внезапной болезни.

С трудом приподняв слабую руку, он призвал Кейлаша к молчанию.

— Я очень обязан всем вам, — сказал он, и рука упала на колени. — А имя Сальвораса будет отныне прославлено во всех исторических хрониках... Но это ваше путешествие отнимает у меня возможность отдать долги. Если бы я был в состоянии отправиться туда вместо вас!..

Приступ кашля согнул его пополам. Кейлаш напрягся всем телом, мучительно переживая за друга. На лице Мадезуса отразилась озабоченность; митраит даже открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но передумал и промолчал.

Конан как раз в это время смотрел на Мадезуса, и его неожиданно осенила догадка. Жрец ничего больше не мог сделать для короля, и собственная беспомощность терзала его. Совсем не так выглядел Мадезус, когда оказывался один на один с магией своих врагов. Да и тогда его заклятия совершались словно бы не его волей, а по прихоти некоей невидимой Силы. Да что говорить, странны были жрецы Митры и непонятны обычному человеку. Конан вовсе не отказался бы поскорее распрощаться и с Мадезусом, и со всеми его жреческими причудами.

— Конан... — обратился к нему Эльдран. — Мне жаль, что тебя безо всякой вины вменяли в эту историю, —

неровным, хриплым голосом извинился король. — Я освобождаю тебя от слова, данного моему капитану. Тебе не зачем ехать на юг. Лучше подумай, не устроит ли тебя место капитана городской стражи?.. Ты сполна доказал, что достоин такого поста. Если же ты не захочешь служить, по крайней мере прими от меня кошелек с золотом и свободный пропуск за городские ворота в любую сторону, куда только ни пожелаешь. Это — самое меньшее, чем я могу расплатиться с тобой...

— Нет, государь, — ответил варвар. — Ты не можешь освободить меня от клятвы. Клятва киммерийца — не облачко в небе, которое уносит ветерок. Дух Сальвораса не обретет успокоения, пока жива жрица мутари. Твой капитан был настоящим воином и мужчиной, и подлое убийство такого человека не должно остаться неотомщенным! — Конан сдержанно зарычал. — Таковы мы, киммерийцы, и пусть люди сколько угодно называют нас варварами! Я либо выполню свою клятву, либо умру... Но вот золотишко, государь, я приму с благодарностью. На дорожные расходы в путешествии...

Голова Эльдрана устало поникла, но по губам пробежала тень улыбки.

— Прошлой ночью, — сказал он, — ты сидел в моем подземелье, ожидая плахи и топора палача. А сегодня готов пройти тысячу лиг, чтобы разделаться с моими врагами. Ты прав, киммериец... Мы, цивилизованные люди, могли бы многому у вас поучиться. Однако я благодарю богов, что моя страна не граничит с Киммерией!.. Что ж, отправляйся на юг, если видишь в этом свой долг. Запаситесь в оружейной всем, чем пожелаете, и выберете на конюшнях лучших, самых выносливых жеребцов. С вашей решимостью вы непременно победите злобную жрицу и возвратитесь с победой... А я буду ждать вашего возвращения и молиться за вас!

На этом силы оставили Эльдрана окончательно. Он вновь поник на постель, и жестокие спазмы кашля сотрясли его тело. Пот залил лицо, со щек сбежала краска... Он ничего больше не сказал, а закрыл глаза и погрузился в беспокойный сон.

Опустив глаза, спутники молча вышли из опочивальни... У выхода беспокойно переминались несколько гор-

цев — соплеменников Кейлаша. Их вождь принялся раздавать приказы, касавшиеся безопасности короля. Видно было, что он полностью доверяет каждому из мужей, собравшихся в комнате. Много лет он сражался плечом к плечу с этими воинами; годы и битвы сделали их братьями.

Еще ему нужно было подобрать себе подходящий клинок. И коня, способного выдержать дальнейшее путешествие. Он поймал себя на том, что в некотором роде *предвкушает* поездку. В самом деле, немало времени прошло с тех пор, как он в последний раз совершал вылазку в дикие дебри! Последние годы он неизменно торчал в столице, охраняя Эльдрана, самое большее — сопровождая его в однодневных поездках. А что касалось его спутников, то если он сперва относился к Конану и Мадезусу с некоторым подозрением, теперь оно уступило место уважению и даже восхищению. Еще бы! Всякое повидал Кейлаш, но бойца, равного Конану, припомнить не мог. А уж силы вроде тех, которыми повелевал митраит, — и подавно!

Конан, как и горец, раздумывал о путешествии, но, в отличие от кезанкийца, без нетерпения и тревоги. Что бы ни говорил он о клятвах, у него были и иные, гораздо более прозаические причины стремиться на юг. Рассказы Мадезуса о Скауроле и его крепости заставили его вспомнить не единожды слышанные у походных костров легенды о позабытых сокровищах, пылящихся в подземельях разрушенных замков...

Если, думал киммериец, этот самый Скаурол был вправду так могуществен, как расписывает жрец, он, уж верно, деньжонок-то за жизнь свою поднакопил. Не в бедности небось прозябал! Еще могло получиться так, что охотников за сокровищами долгое время отгоняли от его крепости суеверия. Пока о существовании замка и вовсе не позабыли. Если как следует порыться там, чего доброго, их странствия и труды получат вполне весомое вознаграждение!

Молодой варвар шел за Кейлашем и Мадезусом в дворцовую оружейную, а перед его мысленным взором уже громоздились пузатые сундуки, битком набитые золотыми монетами, и горшки, полные сверкающих самоцветов...

Оружейная, расположенная едва ли не в сотне шагов от покоев Эльдрана, являла собой собрание оружия со всей Хайбории. В былые времена немалая часть оружия, которым пользовались бритунийцы, была привозной. Что-то отбирали у побежденных захватчиков, что-то покупали, что-то бритунийские вельможи получали в качестве подарков.

В небольшой, плохо освещенной комнате не было никакого порядка. У двери стояли козлы с мечами, на нескольких верстаках было свалено оружие и доспехи, нуждавшиеся в починке. Груда кирас и щитов возле стены явно готова была от малейшего толчка со звоном обрушиться на пол...

Мадезус не пошел в глубь оружейной. Он остался на пороге и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, глядя, как его более воинственные сотоварищи выбирают себе снаряжение.

Плотный, мускулистый кезанкиец в конце концов облюбовал себе двуручный меч более трех футов длиной. Сила горца была такова, что он вполне способен был управляться с ним и одной рукой. Гарда меча была искусно выкована в форме распростертых крыльев ястреба. На гонце рукояти красовалась резная ястребиная головка с хищно раскрытым клювом. А лезвие было такой остроты, что Кейлаш, решив попробовать его пальцем, порезался. Подобные мечи неудобно носить у бедра, и горец подобрал себе ременную портупею, чтобы устроить клинок за спиной. Еще он подыскал себе новый шлем вместо того, который потерял в храме. Наручи, усиленные стальными пластинками, завершили его доспех.

Конан не стал связываться ни с латами, ни с кольчугой. Они стесняли движения, да и лишняя тяжесть была ему ни к чему. Его меч и крепкие руки уж как-нибудь защитят его от любой опасности, могущей встретиться на пути. Он долго осматривал груды разнообразнейшего оружия, пока наконец его внимание не привлёк кинжал с широким клинком, торчавший из-под кучи других кинжалов.

Вытащив его наружу, киммериец примерил к ладони черную железную рукоять. У кинжала, выкованного и для рукопашной и для метания, отсутствовала крестовина.

Широкое лезвие было длиной почти в локоть. Удовлетворенно кивнув, киммериец загнал клинок обратно в тяжелые кожаные ножны. Швы ножен были укреплены полосками кованой меди, потемневшими от времени. Конан заметил пристальный взгляд Кейлаша, устремленный на его находку, и, не понимая, в чем дело, на всякий случай спросил:

— Что-то не так? Мне следовало бы выбрать другой? Кезанкиец помолчал, прежде чем ответить.

— Нет, нет, ты волен взять любое, что здесь лежит, — сказал он наконец. — Просто этот кинжал очень стар. Эльдран как-то рассказал мне, что его много веков назад получил в подарок Мельсинис, тогдашний бритунийский король. Мельсинис не родил сыновей, ему некому было передать свое оружие... Может, это его дух подсовывает тебе кинжал? Пусть же он и в бою направляет твою вооруженную руку!

Конан посмотрел на кинжал с пробудившимся сомнением. Только духа древнего короля ему и не хватало! Нет уж, лучше пускай дух Мельсиниса держится от него подальше. И особенно в битве!

Поколебавшись, он все-таки решил взять кинжал с собой.

— Если нам повезет, оружие и доспехи вообще не понадобятся, — подал голос Мадезус. Чувствовалось, что, с точки зрения жреца, их возня в оружейной — пустая трата времени и немало раздражает его.

— Везение — надежда глупцов! — фыркнул Кейлаш. — Будешь слишком надеяться на авось, в конце концов накормишь стервятников. В драке надо полагаться на добрую сталь!

Конан неразборчиво проворчал нечто вроде согласия.

Мадезус вздохнул и потряхнул головой, но в голосе слышалась нотка веселья:

— Что ж, вам видней... Но не забавно ли, что два матерых воителя готовятся к битве дольше, чем невеста — к свадебной церемонии!

Кейлаш покраснел, а Конан напряженно замер: для него эти слова были настоящим оскорблением. Дома, в Киммерии, за подобные насмешки он кому угодно раскроил бы череп. Однако годы, проведенные вне дома,

уже научили его сдерживать подобные побуждения. Кейлаш, кажется, хотел резко ответить митраиту, но потом заметил черную злобу на лице киммерийца — и неожиданно расхохотался. Конан еще хмурился, Мадезус посмеивался, а Кейлаш попросту рыдал от смеха, любуясь выражением лица западного варвара.

Наконец, утирая с глаз слезы, он хлопнул широкой лапшей Конана по напряженному плечу и кивнул на дверь:

— Жрец прав! Давай поторопимся, не то... опоздаем на свадьбу!

Новое святотатство заставило Конана скрипнуть зубами. Чувство юмора, бытовавшее у цивилизованных людей, было вне его понимания. Надеясь по крайней мере прекратить дальнейшую пикировку, он ответил Кейлашу столь же сокрушительным шлепком по спине и следом за ним вышел из оружейной. Втроем они отправились в конюшню, где их уже ждали выносливые бритунийские кони караковой масти. Переметные сумы, наполненные припасами, приятно круглились. Темно-зеленые шерстяные попоны покрывали спины коней.

Кейлаш привычно отстегнул попоны своего скакуна, ловко свернул ее и надежно увязал в дорогу. Он вскочил в седло одним гибким движением и взял поводья в левую руку. Конан, менее привычный к верховой езде, провозился несколько дольше, но скоро и он забрался в седло. Ему досталась крупная кобылица, превосходившая ростом двух других лошадей. Она переступала с ноги на ногу, пока он устраивался в седле, но немалый вес седока ее, по-видимому, ничуть не пугал.

Мадезус внимательно наблюдал за тем, как садились в седла его спутники. Потом сделал несколько неуклюжих и вполне безуспешных попыток последовать их примеру. На третий раз он вовсе не устоял на ногах и тяжело свалился наземь. К его величайшему смущению, Конан и Кейлаш злословия митраита почему-то привели в буйный восторг.

— Я всего несколько раз ездил на лошади, да и то мальчишкой, — отряхиваясь и потирая отбитую часть тела пониже спины, сообщил им жрец. — Жрецы Митры потешествуют пешком, а не на спинах живых созданий!

В глазах Кейлаша замерцали плутовские огоньки:

— Ничего, мой друг, скоро ты заново всему научишься. Пока доберемся до бритунийской границы, твоя задница тебе все грехи припомнит...

Тщательно проверив, не забыто ли что-нибудь необходимое, путники рысью двинулись со двора. Сон подождет, дружно решили они. Кейлаш даже предложил ехать еще несколько часов после того, как зайдет солнце. Это позволит им достигнуть гостиницы в деревушке Иннасфалн, что у западных отрогов Карпашских гор. Конан не возражал, особенно если гостиница была по пути к твердыне Скаурола. Почему бы и не потратить Эльбраново золото на ночлег, горячую еду и кружку-другую хорошего пива?

Трудности начнутся дальше, когда они доберутся до границ Шан-и-Сорха. Он уже присматривался к его очертаниям на картах, нашедшихся во дворце, и страна пустынь показалась ему пугающе обширной. Уже двигаясь рысью на юго-восток, он еще раз спросил Мадезуса, как тот собирается разыскивать крепость. Ему вовсе не улыбалось день за днем тащиться по безводной пустыне в тщетных поисках неизвестно чего.

— Как я уже объяснял, я могу чувствовать присутствие мутари, — повторил жрец. — Если я не смогу ощутить ее присутствия, нам останется уповать на то, что Митра выведет нас к ней. Мы стоим за правое дело, и я верю, что в трудную минуту Он нас поддержит... Оставь это мне, друг мой, и ни о чем не беспокойся. Мне уже случилось раз недооценить могущество Врагини, и больше этой ошибки я не повторю. Она умна и изобретательна и, несомненно, заметит нас, когда мы подберемся поближе. Вот тогда-то вам с Кейлашем и придется сокрушать препятствия, которые она воздвигнет на нашем пути!

Конан попытался расспросить его поподробнее: столь неопределенный ответ варвара никак не удовлетворял. Но жрец то ли не мог, то ли не хотел посвящать его во все детали, и киммерийцу пришлось отступить. Кейлаш, ехавший на десяток шагов впереди, не отрывал глаз от дороги и в основном думал о Врагине. Они миновали городские ворота в частном порядке, не привлекая к себе лишнего внимания. Кейлаш был одет как простой горец, ну, может, лишь вооруженный лучше обычного, а горцев последнее

время у столичных ворот видели часто. Кое-кто из стражи узнал его и приветливо помахал ему, когда он проезжал мимо. Наверное, среди войска пойдет гулять слух о том, что Кейлаш убыл куда-то со срочным поручением от короля...

Конан привлек к себе куда больше внимания. Киммерийцы в Бритунии и так были редкостью, а уж вид синеглазого северного великана, едущего верхом в обществе кезанкийца и жреца-митраита, — это было событие, которое, несомненно, заставит заработать досужие языки. Оставалось надеяться, что умы жителей Пайрогии по-прежнему заняты болезнью короля Эльдрана, который, по счастью, победил смерть и теперь быстро выздоравливал. Нынче же вечером во всех кабаках и пивнушках будет рекой литься вино: народ будет пить за здоровье короля и за то, что тревожный период неопределенности и волнений наконец миновал. Так что троих путешественников, несомненно, скоро забудут.

А еще через несколько дней Эльдрану пришлют свои насквозь фальшивые поздравления короли и видные деятели сопредельных стран. Немедия и ее союзница Коринфия уже планировали вторжение; блестящие планы в одночасье пошли прахом. Король Илдиз Туранский, узнав с двухдневным опозданием о чудесном выздоровлении Эльдрана, весь остаток недели проведет в исключительно пакостном настроении. Илдиз давно собирался отодвинуть свою границу на запад и присоединить Бритунию к Туранской державе. Уже двигались войска, уже отсчитывалась плата наемникам — оставалось только дожидаться кончины Эльдрана. А он!.. Что за несчастье!..

Но был еще один человек, которого спасение короля расстроило больше, чем всех сопредельных монархов, вместе взятых. Этот человек исходил злобой и видел перед собой одну-единственную цель: МЕСТЬ!

Он тоже восседал на крепкой спине каракового бритунийского скакуна, и в переметных сумах у него были продовольственные припасы, а плечи покрывал темно-серый плащ, какие носят крестьяне.

Он ехал на юго-восток, неотступно преследуя троих человек, посмеявшихся разрушить последнюю надежду его страны на возрождение и славу. Дорога убегала назад, а

в голове Ламици уже зрел новый план. Он все-таки убьет жреца ненавистного Митры, да и тем двоим громилам, его вооруженным приспешникам, ада не избежать.

Глаза евнуха, затененные капюшоном, пристально смотрели вперед. Стеклянные, мертвые глаза сумасшедшего...

Глава пятнадцатая

ИННАСФАЛН

Первая часть пути промелькнула поистине незаметно. Кейлаш вел за собой спутников зелеными пастбищами Бритунии. Он так хорошо знал эти места, что ему не требовалось ни торной дороги, ни ориентиров. Вечернее солнце озаряло темно-зеленую кромку леса у северного горизонта. Чем южнее, тем больше редел могучий древостой, сменяясь неприютными, каменистыми подножиями Карпашских гор.

Путники еще не проехали ни одной деревушки: эта часть страны была весьма редко населена. Кейлаш рассказал им, что заморийский король предъявлял претензии на некоторую часть здешних земель. Правда, до сих пор не было заметно ни передвижения войск, ни устройства горных застав. Кезанкиец страшно этим гордился и объяснял военную сдержанность Заморы мудрой политикой своего короля. Конан помалкивал, но про себя полагал, что здесь особо не на что было претендовать и нечего отстаивать: каменистая земля была почти совершенно бесплодна.

Солнце только-только нырнуло за хмурые вершины Карпашей, когда кезанкиец объявил короткий привал. И оглядел скалистые предгорья, как будто что-то искал.

— Деревня совсем рядом, — сказал он, удовлетворенно кивая. — Еще два-три часа, и мы на месте. Скоро нам придется спешиться и вести коней в поводу! — Его вытянутая рука указывала на отдаленный подъем. — Заберемся во-он туда, а там и Иннасфалн!

Сгустившаяся темнота и неровности дороги замедлили продвижение. Каменистая тропа местами карабкалась круто вверх, и Мадезус едва справлялся с непослушным

конем. Тут требовался навык, а у жреца его не было. Наконец путешественники достигли травянистого холмика, на котором росли странные деревья: у каждого — всего по две ветки. Кейлаш спешился первым, и Конан со жрецом последовали его примеру. Дальше придется на своих двоих. Впереди виднелась тропинка, начинавшаяся у холма. Она шла вверх и терялась из виду, словно ныряя в каменную стену хребта.

Мадезус с трудом разминал одеревеневшие ноги, осторожно ведя лошадь вперед по тропе. Немного прибавив шагу, он поравнялся с жрецом и спросил его:

— Почему в таком безлюдном месте выстроили деревню?

— Через здешние горы ведет всего несколько перевалов, и Иннасфалн запирает узкий проход к одному из них, — пояснил Кейлаш. — Там мы разузнаем новости и выясним, чего можно ждать на дороге дальше к югу... — И он лукаво подмигнул Конану: — Но там нас ждут, конечно же, не одни только новости! Иннасфалнское пиво славится по всей Бритунии, а девушки, что наливают его, удивительно жизнерадостны и, как говорят, не слишком обременены добродетелью...

При этом он весело косился на жреца, ожидая, как-то примет подобные слова митраит.

— Понятно... — протянул тот с сомнением. — В таком случае вам двоим следует заночевать где-нибудь за окoliцей, а я схожу в деревню и разузнаю насчет дороги. У нас нет времени, чтобы тратить его на гулянку и пьянство. Нам даже и спать особо недосуг, ибо говорю вам: жрица не спит! Каждое мгновение, потраченное нами впустую, прибавляет ей силы и уменьшает наш шанс на победу. Если бы я только знал заранее...

— Да не беспокойся ты, жрец! — со смехом перебил Кейлаш. — Небось других поддеваешь, а самого и не тронь!.. Не бойся, мы с Конаном ребята взрослые и уж как-нибудь сами за собой присмотрим. Однако нам лучше заехать в гостиницу и выпить кружку-другую, а то люди, знаешь ли, не так поймут. Пойдут всякие разговоры... Я бы лично предпочел не вызывать излишнего любопытства! Да и хозяин гостиницы не знает, кто ты такой. Зато мы с ним когда-то вместе дрались на бритунийской границе!

Мадезус по достоинству оценил логику жреца, но все-таки в его голосе прозвучала нотка сомнения:

— Ну хорошо... Пара кружек, не больше, и сразу уходим. И знайте, что в любом случае я проснусь за несколько часов до рассвета и вас подниму. Невзирая на то, в каком вы будете состоянии!

Это последнее замечание вновь развеселило Кейлаша. Зато Конан, с интересом слушавший, как кезанкиец расписывает гостиницу, несколько приуныл. В холодную ночь вроде нынешней грех было бы пренебрегать жаркими объятиями полногрудой гостиничной девки. Со времени его последней встречи с Ивэнной минуло уже несколько дней, и он не видел, каким образом небольшое веселье может повлиять на скорость их продвижения к цели. Пускай Мадезус спит, если хочет, решил он наконец. А они с Кейлашем тем временем славно постучат кружками, а потом подцепят по красоте и...

Когда они добрались до деревни, единственным источником света во всей вселенной был холодно серебрившийся диск луны. Бледный лик ее хмуρο поглядывал на них сверху вниз. После заката существенно похолодало. Стылый воздух покусывал каждый клочок кожи, не прикрытый одеждой, у лошадей из ноздрей вырывались облачка пара.

На Конана этот холод не производил особого впечатления. Бритунийской осени было далеко до жгучих морозов его родной Киммерии. Кейлаш натянул на голову капюшон и надел шлем поверх него. Его толстая куртка, одежда жрецов, холода не пропускала, и потом, он был родом с северо-востока, где климат сродни киммерийскому. Мадезус страдал больше всех, несмотря на одеяния и плащ. Мысль о теплой, хорошо натопленной гостинице вводила его во все большее искушение. При таких обстоятельствах, думалось ему, Митра простит Своему жрецу посещение рассадника порока и скверны... По крайней мере, хотелось бы на это надеяться!

Иннасфалн был совсем невелик. Они проехали мимо нескольких низеньких мазанок; почти все они выглядели обитаемыми. Посередине деревни располагалось несколько более солидных построек, сложенных из дикого камня пополам с глиной и булыжниками. Кейлаш указал

спутникам на самый большой дом. Над его облезлой крышей виднелся бритунийский флаг, плохо вязавшийся с неказистой обстановкой вокруг. К деревянным перилам у входа было привязано несколько лошадей.

Окон в гостинице не сыскалось, а кособокий входной проем занавешивал кусок смоленой парусины, служивший вместо двери. Конану вообще-то приходилось бывать еще и в худших гадюшниках, но, если верить первому впечатлению, эту занюханную нору далеко превосходил даже вонючий, недоброй памяти «Эфес».

Трое путешественников спешили и подошли к коновязи. Конан и Кейлаш привязали лошадей и перегружали себе на плечи снятые с них переметные сумы. Мадезус разминал ноги, украдкой потирая намученный зад. Воины смачно расхохотались, посмотрев на жреца.

— Сейчас еще ничего, — подожди, то ли будет с тобой завтра! — весело пообещал ему горец. — Может, ты и проснешься прежде нас, но в седла мы точно сядем первыми!

Конан, посмеиваясь, прицепил кошелек с золотом к своему поясу. Вынув две монетки, он передал их Кейлашу:

— Это за... — и добавил, косясь на жреца: — ...проживание.

Кезанкиец ухмыльнулся, но покачал головой:

— Если старина Мальгореш еще здесь, он никаких денег с нас не возьмет!

Сняв шлем, он спрятал его в сумку и вновь натянул капюшон. Без дальнейших проволочек отпихнул парусину в сторону и вошел. Конан последовал за ним.

Киммериец сразу увидел, что его предположения насчет «гадюшника» не подтверждались. Комната была приличных размеров и ярко освещена, вот только народу в ней было многовато. На каждой скамейке кто-то сидел, иные посетители кучковались стоя либо подпирали неровные каменистые стены. Когда Конан и Кейлаш перешагнули порог, в их сторону повернулось несколько голов, и кое-кто прекратил разговор, чтобы, впрочем, почти сразу его возобновить. Чувствовалось, что постоянным клиентам не было особого дела до немногочисленных проезжих.

— Посмотри вон туда! — Кейлаш указал киммерийцу на длинный высокий стол в глубине помещения. По ту

сторону стола стоял пузатый, сивобородый мужчина. Он наливал пиво из большой дубовой бочки, стоявшей у задней стены. Бочки, надо сказать, выстроились вдоль стены внушительным рядом. — Мальгореш, чтоб я сдох!.. — в восторге воскликнул Кейлаш и напролом устремился сквозь массу плотно стиснутых тел. Конан, не отставая, двигался за ним. Те из посетителей, кто был еще относительно трезв, замечали двоих внушительного сложения воинов и поспешно отодвигались в сторону.

Киммериец наметанным взглядом выделил в толпе гостиничных шлюх и нашел, что они мало соответствовали тому блистательному описанию, которое дал им Кейлаш. Для большинства из них цветущий возраст давно уже миновал, но некоторые определенно заслуживали внимания. Его даже удивило — откуда бы здесь, в богами забытой деревушке, в дерьмовой, не стоящей доброго слова развалюхе-гостинице, взяться хоть каким-то красоткам?..

— Погоди, — сказал Конан горцу, озабоченно поглядывая через плечо. — Мадезус что-то застрял. Не надо бы его оставлять...

— А, брось! — беспечно отозвался Кейлаш. — Вести в пивнушку священника — все равно что воду в костер лить. Может, он сюда и не хочет, а сразу комнату искать пошел? И потом, я же в основном дразнил его, пока мы сюда добирались. Девки здешние, правду сказать, последнее время весь свой лоск растеряли. Лично я погреюсь немножко, опрокину кружку-другую и в самом деле спать завалюсь... — Потом в глазах Кейлаша вновь заиграл озорной блеск: — А если наш праведник все-таки явится, надо будет немножко его разыграть. Давай сядем вон за тот столик и начнем глазки строить официанткам. Воображаешь, какую рожу скроит Мадезус? Ей-ей, зрелище будет стоять той выволочки, которую он потом нам задаст!

Конану выдумка понравилась, и он, на его вкус, воплотил бы ее в жизнь даже в большем объеме, — жрец там или не жрец. Хихикающий пьянчужка загораживал ему дорогу, и киммериец отпихнул его прочь. Долговязый крестьянин откачнулся в сторону, умудрившись не пролить ни капли пива из кружки, — подвиг равновесия,

которому позавидовал бы искусный жонглер. Впрочем, бросив на Конана один-единственный взгляд, выпивоха счел за лучшее покинуть облюбованное местечко за столом.

Кейлаш тем временем добрался до стойки. Лысеющий хозяин, стоявший позади нее, со стуком поставил несколько пузатых кружек и вытер руки о засаленный фартук, неплотно охватывавший дородное чрево. Вот он повернулся к новоприбывшим... и бородатая физиономия отразила узнавание и радостное изумление.

— Клянусь волосатыми яйцами Ханумана!.. — вскричал трактирщик. — Если это не старина Кейлаш, то я — пикт! — Его луженая глотка охрипла от многолетнего крика. Он раскатиисто захохотал: — Добро пожаловать, дружище, в лучшую таверну на сто лиг вокруг!..

Кейлаш ответил столь же громогласным хохотом:

— Тем более что она же и единственная на сто лиг вокруг, ты, старый боевой конь!.. — Он ткнул пальцем в направлении внушительной талии Мальгореша: — Я смотрю, ты уж слишком собственное пиво зауважал! Что, сегодня все уже вылакал или найдется по кружечке двоим усталым путешественникам промочить глотки?

Мальгореш окинул Конана подозрительным взглядом:

— Двоим?.. Он что, с тобой или...

— Не говори о нем худого слова, Мальгореш! Его зовут Конан, и родился он в Киммерии, — это такая страна на севере, там все время мороз. И всякий, кто занесет на него меч, будет сперва иметь дело со мной!

— Киммериец!.. Во имя мохнатой елды Ханумана, удивительные дела творятся нынче на свете! — изумился трактирщик. — Воистину странным ветром его сюда занесло, но еще более странно, что вы с ним подружились!.. — Мальгореш поскреб подбородок, его лицо сделалось хмурым. — А что нынче происходит в Пай-рогии?

— Здоровье возвращается к королю, — сказал Кейлаш и наклонился вперед. Бросив быстрый взгляд по сторонам, он добавил вполголоса: — Знай, Вальтреско погиб. И Сальворас. Причем полководца изобличили как государственного изменника!.. Конан и Сальворас убили его в бою, в подземельях дворца...

У Мальгореша отвисла челюсть, пиво расплескалось из наполненных кружек и пенистым потоком растеклось по стойке, проливаясь на пол.

— Изменник!.. — прошипел он и, не обращая внимания на разлитое пиво, тоже наклонился вперед, дабы его зычный голос не коснулся лишних ушей. — Что за скверные новости ты принес, старый друг!.. Хорошо хоть, наш Эльдран выжил...

— Выжить-то выжил, но нельзя сказать, что он совсем в безопасности, — мрачно проговорил горец. — Я бы подробно тебе обо всем рассказал, но, прости, нынче вовсе времени нет. Если будет на то воля Митры, я скоро снова заеду в Иннасфалн и тогда уже всю историю тебе выложу. Странная это история, и если бы не Конан... И один Митра знает, чем еще она кончится... Завтра мы уезжаем на юг, и хорошо бы ты мне рассказал, что нас там ждет! — Конечно, конечно! Все расскажу, что только может тебе пригодиться. Но как же все-таки вышло, что Вальтреско...

— Довольно, Гор! Больше никаких вопросов, пока я не ублажу свое нутро хоть несколькими глотками твоего славного пива! Никак ты забыл, что мы с Конаном помираем от жажды? У тебя, верно, башка размягчилась, как и пузо?..

Мальгореш хохотнул и хлопнул себя ладонью по затылку. Подобрал опрокинувшиеся кружки, он наскоро обтер их своим передником. Зачерпнул из бочонка — и поставил перед воителями.

Мадезус стоял снаружи и с сомнением поглядывал на парусиновую занавеску. Ему очень не хотелось идти за Конаном и Кейлашем в сомнительное заведение. Однако за такими жизнелюбами, как эти двое, определенно требовался присмотр. В конце концов митраит подавил свои сомнения и шагнул внутрь, как раз когда его спутники только присосались к своим кружкам.

Внутри таверна оказалась куда просторнее, чем предполагал жрец. Но во всех остальных отношениях она была как раз такова, как он и предвидел. Резкая вонь давно не мытых тел и прокисшего пива мешалась еще с иными, не столь понятными запахами. Похоже было, что деревня

набилась в заведение в полном составе. Мужчины всех возрастов и самого разного происхождения плотно обсели не менее чем дюжину грубо сколоченных столов. Мадезус насчитал шестерых официанток и чуть не восемьдесят посетителей. Многие хохотали, то и дело принимались фальшиво петь, другие тянулись друг к другу через столы, пытаясь о чем-то разговаривать, несмотря на всеобщий гам.

Мадезус возблагодарил судьбу за просторный дорожный плащ, скрывавший его жреческое облачение. Не будь плаща, он мигом приковал бы к себе все взгляды: священник в пивнушке!.. Он нисколько не удивился, заметив, что Конан и Кейлаш уже уткнулись в кружки, точно кони в поилку. При его приближении они сдвинули их, произнося тост, и вновь принялись лить в себя густой темный эль.

Вот к двоим мужчинам у стойки развязной походкой приблизилась пышнотелая светловолосая девица. Ее обширные прелести зазывно колыхались под мало что скрывавшими клочками ярко-красной хлопчатой ткани. Кто-то из местных опустил руку на ее крепкий кругленький зад; она со смехом оттолкнула руку мужчины. Ее интересовали лишь двое приезжих.

Мадезус, возмущенный безобразием, поспешил к своим спутникам, желая пресечь их вполне возможные развратные поползновения в отношении блудницы. При этом он совсем не смотрел по сторонам и в результате налетел прямо на какого-то плотного коротышку.

Смрадное дыхание этого типа заставило Мадезуса поперхнуться. Оно, пожалуй, остановило бы и разогнавшегося быка. Жрец слегка отвернулся, тщетно пытаясь избежать зловония, которое, точно липкая туча, окружало рябую небритую рожу и сальные спутанные волосы паскудника.

— Извини, пожалуйста, — вежливо сказал он пузатому вонючке.

— Ха!.. Пд нги смтрть нада!.. Тррпишься, смтрю!..

Невнятная речь пьяного идиота была такова, что жрец с трудом ее разбирал. Завершилась же она гулкой отрыжкой и новым залпом зловония, выдохнутого митраиту в лицо. Легче было понять, что именно этот малый сегодня ел и пил, а не что он пытался произнести. Решив не

вызывать упившееся ничтожество на дальнейшую ссору, Мадезус чуть отступил назад и слегка поклонился. Неряха шагнул мимо, копаясь в ухе грязным пальцем и беспрерывно рыгая.

К тому времени Конан и Кейлаш уже присмотрели себе каждый по соблазнительной девке. Киммериец могучей рукой обнимал изящную талию бледнокожей красотишки, а та пальцами с длинными накрашенными ногтями расчесывала его спутанную вороную гриву. Кейлаш обменивался игривыми шуточками с темноглазой прелестницей, облаченной в какие-то узенькие полоски, едва прикрывавшие некоторые участки ее тела.

Заметив Мадезуса, воители замахали ему руками, приглашая присоединиться, и окликнули его, но всеобщий гомон заглушил их голоса.

Мадезус запустил руку в кошель и вытащил две увесистые монеты — два золотых немедийских дракона. Каждая стояла пять золотых аквилонских ноблей. Он сжал монеты в ладони и подошел, моля Митру, чтобы задуманное осуществилось.

— Государыни мои... — обратился он к девушкам и даже вымучил улыбку, ибо к ним весьма мало подходило подобное обращение. — Я попросил бы вас обеих ненадолго подойти ко мне сюда.

Девицы озадаченно оглянулись на своих кавалеров. Конан и Кейлаш пожали плечами и кивнули, отпуская подружек. Мадезус повернул руки так, чтобы его спутники не могли их видеть, и зашептал:

— Хочу вас предупредить: мои друзья нынче на мели. Они проиграли все свои деньги в кости, пока мы добирались сюда. Ну а мне кажется несправедливым, чтобы такие красавицы, как вы, тратили целый вечер ради нескольких мелких серебряных монет. К тому же эти двое достойнейших молодых людей скоро так напьются, что им станет не до ваших чар... Мне последнее время везло несколько больше, чем им, и я попросил бы вас разделить мою удачу со мной... — И он вложил каждой в руку по золотому дракону. — Пожалуйста, возьмите это, разделите с остальными девушками — и уходите отсюда. Вам и вашим подругам незачем проводить нынешний вечер со здешними негодаями. Ну что, договорились?

Сперва они онемело таращились на богатство, которое при иных обстоятельствах им удалось бы заработать, может, за месяц ежевечерних трудов. Потом две прелестные головки согласно кивнули, хотя видно было, что девушки по-прежнему ничего не понимали. Одна из них откинула волосы и прижалась к Мадезусу, заигрывая:

— А сам ты не хотел бы с нами повеселиться? Попоже, а?

Звук соблазнительного голоса, зрелище тугой, высокой груди, готовой разорвать стесняющую ее ткань, даже и мертвеца подняло бы из могилы. Смущенный Мадезус вежливо отстранился. Подобное бесстыдство приводило его в ужас, но где-то в уголке души таилось и сожаление: эх, не был бы я жрецом Митры, я бы...

— О нет, милые красавицы, — ответил он, потрясенный нечестивыми мыслями, пусть на краткий миг, но все-таки его посетившими. — Путь наш был долог, и я ни на что, кроме как на сон, уже не гожусь...

Девушки посмотрели одна на другую, целомудренно улыбнулись, проскользнули сквозь толпу и направились к двери.

Мадезус покачал головой, мысленно моля Митру о прощении за дерзновенные мысли. Эти воители его, похоже, совершенно растлили. Только подумать: он, жрец Митры, приучился лгать и раздавать золото шлюхам, хотя бы и во имя добра!.. Вот так и поймешь, почему столь многие из числа священства укрываются в тиши храмов, избегая непотребств грешного мира...

Конан и Кейлаш наблюдали за жрецом сперва не веря своим глазам, потом со все возрастающим изумлением: распутницы одна за другой исчезли из комнаты, точно песок, иссякший в песочных часах. Мадезус подошел к стойке, и в уголках его губ играла улыбка.

— Ну что?.. — спросил жрец. Глаза его поблескивали.

Конан разочарованно покрутил головой и спросил:

— Кром!.. Чего хоть ты им напел?

— Да! — эхом отозвался Кейлаш. — Куда они вдруг все подевались?

— Я сказал им, что вам нечем заплатить за их внимание, — отвечал митраит. — Друзья мои, у нас и впредь не будет времени на подобные развлечения. Вот раздела-

емя со жрицей, тогда можете сколько угодно следовать любезному вам пороку. А пока — умоляю, не теряйте последних крупниц рассудка! Ведь вы, полагаю, еще не собрались расспросить, что там делается на дорогах...

Конан досадливо нахмурился, а Кейлаш виновато уставился в пол. Потом оба неожиданно захохотали. Мадезус смотрел на них как на умалишенных. Это развеселило воинов еще больше: они попросту покатывались, глядя на недоумевающего жреца.

Несмотря на все веселье, вызванное реакцией Мадезуса, Конан был отчасти разочарован. Про себя он был уверен, что Даринэйс, приглянувшаяся ему золотоволосая бритунийка, охотно провела бы с ним ночь и за жалкую медяшку. Мадезус и Кейлаш даже не подозревали, как много неостребованных жизненных сил переполняло его. Ночь любви с Даринэйс только улучшила бы его настроение. И что этому Мадезусу понадобилось в пивной?..

Кейлаш опустошил кружку и с треском опустил ее на стойку. Он оглянулся в поисках трактирщика, но того что-то нигде не было видно.

— Мальгореш!.. — мощный голос горца на мгновение перекрыл шум. — Еще пива!..

За стойкой виднелся черный ход. В отличие от завершенного парусиной главного входа, его перекрывала толстая, обитая железными полосами деревянная дверь. Грубо, но несокрушимо выкованные петли соединялись с вертикальным столбом, вмурованным в стену. Дверь с грохотом отворилась, и на пороге появился Мальгореш. Он был красен и дышал так, словно только что удирал от кровожадных пиктов, вышедших на тропу войны. Толстопузый туранец тащил на могучих плечах сразу два бочонка пива, придерживая их руками.

— Сейчас!.. — рявкнул он в ответ, с тяжким стуком опуская бочонки на пол. С кончика загнутого носа капал пот. — В которую из Девяти Преисподен Зандру провалялись официантки?.. Только я отвернулся, а их и след простыл! И хоть бы разрешения попросили уйти!..

Продолжая браниться, он принялся с лихорадочной быстротой зачерпывать кружками пиво и выставлять их на стойку одну за другой. Посетители цапали кружки с той же скоростью, с какой он их наполнял. На стойку

шлепались монеты. Ворчливый туранец подхватывал их, не пересчитывая и не заботясь о сдаче, и безошибочно отправлял медь и серебро в поясной кошелок. И все это время он неумолчно ругался — изобретательно и цветисто. Совладав наконец с положением дел, он промокнул фартуком взмыленный лоб и вернулся к Кейлашу.

Горец отпил из кружки, страхнул пену с усов и сказал:

— Хлопотливый выдался вечерок!

— Да уж, куда хлопотливей... Вот что, я тут подумываю, а не закрыться ли мне сегодня пораньше? Сколько лет прошло с тех пор, как мы последний раз вместе сидели с тобой над бочонком, а? Что скажешь? Не хочешь ли... то есть не хотите ли вы оба со мной посидеть?

— Только не сегодня, старина, — усмехнулся Кейлаш. — Действительно, много лет прошло, и годы кое-чему научили меня. В частности, тому, что пол таверны — не самое лучшее место, где можно провести ночь. Мне и моим спутникам не помешали бы комнаты для ночлега...

— Спутникам?.. — Мальгореш уставился на Мадезуса. Плащ скрывал религиозное облачение, но опытный глаз трактирщика выделил примечательные детали: отсутствие оружия — подумать только, ни даже кинжала! — и простое, выдавшее виды убранство. При этом парень не выглядел ни купцом, ни вельможей. Туранец нутром почувствовал, что перед ним колдун либо жрец. Мальгореш тряхнул головой и с сомнением посмотрел на старого друга. Кезанкиец взял кружку и отпил еще.

— Это Мадезус, он... — тут горец прикусил язык, спохватившись, и неуклюже продолжил: — ...он из Коринфии. Он мой друг.

Мадезус протянул руку трактирщику, тот принял ее и энергично потряс. Мадезус почувствовал, как все косточки его кисти трутся одна о другую и скрипят в лапе туранца. Он еле удержался от попытки выдернуть разом онемевшие пальцы, но тут трактирщик выпустил их сам.

— Приятно познакомиться, Мальгореш, — кое-как выдавил митраит. — Мы очень благодарны тебе за гостеприимство...

— Пустяки! — Лысеющий трактирщик передернул плечами и отвернулся наполнить пивом еще одну кружку. Он поставил ее перед Мадезусом, и тот покосился на

добрый сосуд так, словно в нем плавали мерзкие гады. Мальгореш притворился, будто ничего не заметил, но про себя укрепился в убеждении, что странный парень не был простым путешественником. — Мы с Кейлашем знаешь сколько раз плечом к плечу дрались на границе? — сказал он ему. — А последний раз так и вовсе будто вчера! Нас было не более двух десятков, и ехали мы себе по южному берегу Желтой реки, никого, понимаешь, не трогая, и тут на нас вдруг налетает из засады тот немедийский ублюдок Некатор, охотник за рабами. У него было народу раза в три больше, чем у нас, и половину наших парней перерезали еще прежде, чем кто-нибудь понял, что происходит. Клянусь мохнатым хреном Ханумана, во драчка была!.. Аж вода в реке покраснела, и...

Рассказ Мальгореша был самым неучтивым образом прерван появлением какого-то неотесанного типа, от которого разило, как от бойни в жаркий летний день. Покачиваясь на нетвердых ногах, он протиснулся к стойке между Конаном и Мадезусом. Потянул сопливым носом и заорал, перекрыв даже раскатистый голос Мальгореша:

— Пива!.. Разрази тебя гром, пива мне!..

И шарахнул по столу кружкой, угодив ею Конану прямо по пальцам левой руки. Конан отдернул руку и, раздраженно ворча, двинул пьяницу локтем в живот. Мадезус преисполнился отчаяния, заметив, что это был тот же хмырь, что приставал к нему некоторое время назад.

— Оуммммф!.. — вырвалось у вонючки, когда локоть киммерийца врезался ему под ребра. Его шатнуло назад, но каким-то невероятным движением он устоял на ногах. Пьяно заревев, он размахнулся кружкой, целя Конану в лоб. Тот легко остановил удар, вскинув руку наперерез, а другой, сжатой в железный кулак, расплющил изрытую оспой паскудную рожу. Мужик невнятно взвыл, отлетая назад с раздробленной челюстью, но, уже падая на пол, успел запустить в Конана кружкой.

Судьба направила неловко брошенный сосуд киммерийцу прямо в физиономию. Конан уклонился и отбил кружку ладонью, но пиво все-таки плеснуло ему в глаза, и оттого-то тяжелая кружка, соприкоснувшись с его рукой, отлетела аккуратно в лоб Кейлашу. Кружка была железная (иначе давно разбилась бы при очередном падении

на пол таверны), да и удар оказался что надо. Горец еще какой-то миг оставался в сознании и даже успел пожалеть, что так опрометчиво снял шлем. Потом в глазах почернело, он тяжело навалился на стойку и сполз на пол.

Мальгореш попытался предотвратить намечавшееся сражение. Нехорошо, конечно, что его друг получил по голове, но и потасовка в пивной была ему совсем ни к чему.

— Тихо!.. — заорал он во все горло. — Стойте, кому говорю! Если уж так охота почесать кулаки, деритесь на улице!

Увы! Те, к кому он обращался, были порядком под мухой и остались глухи к его призывам. Конан сжал кулаки и всадил их своему полуоглушенному противнику в бока. Характерный звук ломающихся костей смешался с потоками умопомрачительных ругательств. Вонючка выплюнул кровавые осколки зубов и стал звать на помощь (насколько ему позволяла изуродованная челюсть):

— Кулг!.. Винак!.. Брата Ванзу бьют!.. — провыл он, оседая на пол и прижимая руки к помятой грудной клетке. Его начало шумно рвать.

Двое, сидевшие за ближайшим столом, оглянулись. Разговоры в таверне постепенно начали затихать, воцарилась нехорошая тишина. Кулг, громаднейший звероподобный детина, поднял голову от кружки. Он очень походил на нечесаного Ванзу, корчившегося на полу у ног киммерийца, только был раза в два выше брата и, если это вообще возможно, еще уродливее его. Он был до того волосат, что люди не уставали строить шуточные предположения насчет его возможных предков, — заглазно, естественно. Косматая борода Кулга начиналась от самых глаз. Отлогий лоб, кустистые брови — и черная шерсть, лезущая из засаленного ворота куртки. Кулг не блистал великим умом, даже если сравнивать с балбесом Ванзой, но, как часто бывает с такими людьми, легко приходил в ярость. И в особенности когда его родственник валялся на полу и плакал от боли!

Винак, сидевший рядом с Кулгом, извлек откуда-то небольшой, остро отточенный нож и спрятал в ладони. Он ничуть не походил на старшего брата. Он был плюгав, подл и труслив. Не сводя с Конана глаз, он готовил

метательный нож и только ждал, чтобы киммериец повернулся спиной.

Кулг действовал прямолинейно. Издав утробное рычание, он оторвал необъятный зад от жалобно заскрипевшей скамьи. Растопырил волосатые, с отросшими ногтями пальцы — и ринулся прямо на Конана.

Варвар действовал инстинктивно, — по части кабацких драк опыт у него был богатейший. Он отскочил с пути волосатого гиганта, а когда тот тяжело пролетал мимо — подставил ему ногу. Кулг с размаху ухнул вперед, соприкоснулся со стойкой... та явно не была рассчитана на то, чтобы ее крушили тараном. Или подобной башкой. Она опрокинулась, сшибив с ног Мальгореша. Полетели кружки, пиво всплеснулось фонтаном. Туранец только взмахнул руками: его опрокинуло на пол и прижало столешницей. Мадезус, удрученный развитием событий, понял, что все равно не сможет их остановить, и нагнулся осмотреть ушибленную голову Кейлаша.

Тем временем Конан, обернувшись, поймал руку Кулга, смахивавшую на древесный ствол, и завернул ее дугиную за спину. Одновременно он пнул пьяницу под колено; оба приземлились на перевернутую стойку, то есть опять же на Мальгореша, охнувшего на полу. Винак, наконец-то увидев прямо перед собой беззащитную спину Конана, привычным движением отвел назад руку...

Мадезус заметил отблеск стали.

— Конан!.. — крикнул он. — Сзади!..

И отчаянно бросился к Винаку, надеясь испортить ему бросок.

Трусливый метатель ножей на миг призадумался: может, лучше проткнуть странного незнакомца в зеленом плаще?.. Потом все-таки торопливо бросил нож в Конана и юркнул прочь. Кажется, пора было уносить ноги.

Киммериец услышал крик митраита, но откатываться, уходя от ножа, было попросту некуда. По счастью, жрец все-таки испортил Винаку бросок. Нож прошел в нескольких футах выше цели и глубоко воткнулся в один из пустых пивных бочонков. Придя в ярость, Конан сгреб Кулга за нечесанные патлы на затылке и несколько раз подряд вмазал его рожей в исподнюю сторону столешницы.

Кто-то из посетителей подставил удиравшему Винаку подножку. Тот полетел кувыркком, врезался в стол и проворно забрался под него. У сидевших за столом расплескалось пиво из кружек, и они не задумываясь выместили обиду на ближайших соседях. Драка начала распространяться по таверне со скоростью степного пожара...

Глава шестнадцатая

ПРОЩАНИЕ

Ламици добрался в Иннасфалн примерно на час позже Конана, Мадезуса и Кейлаша. Крадучись, вошел он в деревню и провел коня к гостинице, стоявшей посредине селения. Вот уже много лет ему не приходилось забираться так далеко от столицы. И ни разу еще он не путешествовал на сколько-нибудь значительные расстояния в одиночестве. Ему было холодно, в непривычном теле ныла каждая косточка, но решимость Ламици ни разу не была поколеблена. Более чем когда-либо евнух был сосредоточен на мести.

Внешне за последние несколько дней он изменился так, что люди, встречавшие его во дворце, были бы потрясены, увидев его теперь. Он страшно осунулся и, казалось, разом постарел лет на двадцать. Глаза, обычно спокойные и безмятежные, налились кровью и лихорадочно горели. А под глазами набрякли темные мешки, как если бы Ламици не спал несколько суток подряд. Однако одержимость, доведшая евнуха до такого состояния, одновременно придавала ему необыкновенную энергию и силы двигаться дальше. О собственном своем будущем он давно не задумывался. Будущее?.. Он убьет тех, кто разрушил мечту всей его жизни. И какая разница, что будет потом!

Они были здесь. Он увидел их лошадей, привязанных к перилам таверны. Потом его слуха достиг невероятный тарарам, происходивший внутри. Встревоженный Ламици на всякий случай обошел здание и привязал коня к дереву. Потом прислушался, надеясь различить голоса тех, за кем гнался. Безрезультатно. Изнутри доносились толь-

ко вопли дерущихся и треск сокрушаемой мебели. Ламици как можно ниже натянул на лицо капюшон и осторожно приблизился ко входу в таверну.

Он очень боялся быть узнанным, но, едва войдя внутрь, понял всю необоснованность своих страхов. Здесь и самого короля не узнали бы. От стены до стены таверны бушевал водоворот брыкающихся, орущих, машущих кулачищами человеческих тел. Ламици увернулся от двоих вдрызг пьяных болванов, весело превращавших в фарш лица друг друга, и пробрался в относительно тихий уголок, куда еще не докатилось сражение. Может быть, оттуда ему удастся рассмотреть свои жертвы?

Евнух почти сразу заметил Конана, орудовавшего кулаками на другом конце помещения, футах в тридцати от него. Варвар ожесточенно дрался с какой-то волосатой гориллой, превосходившей ростом даже его. Ни Мадезуса, ни Кейлаша не было видно. Ламици решил положить на капюшон, вроде бы надежно прикрывавший его черты, и дюйм за дюймом заскользил вдоль стены, подбираясь поближе к Конану. Вот прямо перед ним в стену врезалась железная кружка, потом пришлось переступить через несколько тел, уже отключившихся от мирских забот. Дерущихся было не менее сорока человек, и всеобщая неразбериха служила крадущемуся убийце самым лучшим прикрытием, какое можно придумать. Никто не обращал внимания на человека в плаще, тихонько пробиравшегося в глубину комнаты, где все еще выясняли отношения Конан и Кулг.

К изумлению киммерийца, Кулг упорно отказывался терять сознание. Конан размазывал его по опрокинутой стойке, влепливал в каменную стену и, кажется, сломал гиганту одну волосатую руку. И что же?.. Кулг знай вставал и устремлялся на Конана. Когда он понесся на варвара в очередной раз, Конан решил не уступать дороги и, если потребуется, переломать ему остальные кости. А не поможет — вытащить наконец меч и принять еще более суровые меры.

Вот Кулг подскочил к нему, и Конан, извернувшись, приготовился отправить человекообразную обезьяну в полет. Но в этот момент кто-то дернул его за ногу, мешая совершить нужное движение. Это проблевавшийся Ванза

на какое-то время перестал нянчиться с поломанными ребрами и решил отплатить обидчику. Конан рывком высвободил ногу, и тут в него врезался Кулг. Делать нечего, пришлось падать на спину и принимать на себя сваливающую сверху тушу. Недовольно рыча, Конан потянулся к мечу...

В нескольких шагах от него Мадезус без большого успеха пытался привести в чувство Кейлаша. Железная кружка оставила на лбу горца уродливый след, расшибив череп и содрав лоскут кожи, болтавшийся и кровоточивший. Жрецу оставалось только клясть себя за то, что не сумел удержать своих товарищей от посещения столь малопочтенного места. А ведь он с самого начала был против!

Вздохнув, он сунул руку в кошель и вытащил небольшую баночку мази. Щедро обмазав рану, чтобы прекратить кровотечение, Мадезус многоопытными пальцами ощупал лоб горца и обнаружил в кости звездообразную трещину. Совладать с такой раной было непросто. Чтобы спасти Кейлаша, придется использовать амулет.

— Мальгореш!.. — окликнул он туранца, только еще вылезавшего из-под стойки.

— Что с ним? — подползая и тяжело отдуваясь, осведомился тот. — Плохо?.. Клянусь волосатыми...

— Он жив, но нужно скорее перенести его в спокойное место, где я смогу заняться его черепом, — сказал жрец.

Вместе они кое-как оттащили обмякшее тело к задней стене. Мадезус вытащил амулет и устроился так, чтобы никто во всей комнате, кроме Мальгореша, не заметил серебряной семиконечной звезды. У туранца округлились глаза, и митраит поспешно предупредил:

— Никому не говори о том, что ты здесь видел.

Мальгореш облизал губы и поднялся:

— Что ты, никому ни полслова, клянусь шерстью на Ханумановых...

Он не мог оторвать глаз от амулета.

— Лучше постарайся прекратить драку, пока твою таверну по камешку не разнесли, — посоветовал Мадезус. Отвернулся и положил руку на окровавленный лоб Кейлаша. В другой руке он держал амулет. Закрыв глаза, жрец негромко запел исцеляющую молитву.

Мальгореш прохромал туда, где катались по полу Конан и Кулг. В ногах трактирщика, там, куда пришелся удар столешницы, тяжело пульсировала кровь. Выбрав среди развалин какого-то стола доску поувесистее, он шахрахнул ею Кулга по голове.

Дубовая доска гулко обрушилась на затылок громилы, но череп у того был, по-видимому, из гранита: Кулг даже не вздрогнул. Не веря собственным глазам, Мальгореш размахнулся снова, уже изо всей силы. На сей раз Кулг басовито заворчал и перестал душить Конана, чтобы потереть ушибленное место ладонью.

Получив возможность дышать, киммериец не стал тратить времени даром и тут же вывернулся из смертоносных объятий. Его колено врезалось в лоб упрямого Кулга, а Мальгореш импровизированной палицей огрел гиганта по спине. Тот зашатался и медленно поник на колени. Мальгореш хотел приложить ему снова, но исполин здоровой рукой перехватил конец доски и попытался выдернуть ее у туранца. Тот не захотел выпускать, но только заработал полные ладони заноз.

Размахивая новоприобретенным оружием, Кулг показывался на месте, туго соображая, кого из нападающих сплющить вначале, кого потом. Конан без дальнейшего промедления выхватил меч и с беспощадной яростью занес его над головой. Мальгореш попятился, протягивая руку к Винакову ножу, торчавшему в пустом бочонке.

Ламици, скукожившийся в десятке футов от них, понял, что заветное мгновение наступило. Все спины, в том числе и Мадезуса, были обращены к нему. И на жреце не было даже кожного камзола, способного смягчить удар. Евнух подбирался все ближе к ничего не подозревавшему митраиту, возносившему над Кейлашем спасительную молитву в уголке помещения. Стол, поваленный набок, надежно укрывал его от посторонних глаз... Ламици скользил вдоль стены, отворачивая рукав и нащупывая ножны стилета. Он уже слышал негромкое пение митраита. Он вытащил кинжал из ножен... и замер на месте, потому что жрец неожиданно замолчал.

Мадезус завершил исцеляющую молитву и открыл глаза. Кейлаш закашлялся и слабо зашевелился рядом с ним на полу. В это время жрец услышал у себя за спиной

отрывистое шипение и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть тонкую полоску стального лезвия, нацеленного прямо в него. Он поспешно вскочил, но совсем увернуться не успел. Стиллет полоснул его по левой руке и впился в плечо. Мадезус все-таки дотянулся и ухватил Ламици за рукав. Рана показалась ему неопасной, — чуть погодя он легко залечит ее.

Но Ламици засмеялся сквозь стиснутые зубы:

— Умри, глупец!.. Заплати за свои преступления против моей страны!..

И Мадезуса накрыла волна чудовищной боли, хлынувшей изнутри. Яд!.. Жрец повалился на пол и выронил амулет. Ламици схватил его, но амулет неожиданно вспыхнул. Он обжег евноху ладонь и на миг ослепил. С амулетом в одной руке и отравленным кинжалом в другой Ламици крутанулся на месте и бросился прочь. Амулет постепенно остывал, свет его меркнул. Евнох спрятал его во внутреннем кармашке плаща, ощупью добрался до двери и выскочил вон.

А Мадезус еще пытался найти и открыть лекарскую сумку, отчаянно призывая своего бога и чувствуя, что раздражающая боль вот-вот дойдет до сердца. Он попытался позвать на помощь, но воздух не достигал легких. Понимая, что это конец, Мадезус закрыл глаза, поручил свою душу Митре и безмолвно ушел из мира живых...

Когда по глазам ударила вспышка света, Конан мгновенно обернулся, выдирая из простертого тела Кулга окровавленный меч. В десяти футах от него, сжимая тонкий кинжал, вдоль стены быстро пробирался некто в сером плаще. Варвар бросил быстрый взгляд в дальний угол комнаты — и потрясенно ахнул! Опрокинутый стол не давал возможности рассмотреть всей картины, но он увидел обмякшую, безвольно вытянутую руку жреца. А вокруг быстро растекалась большая лужа крови...

Не размышляя, Конан бросился следом за незнакомцем в сером плаще. Точно взбесившийся бык, проложил он себе дорогу сквозь всеобщую свалку. Он быстро настигал убежавшего, тем более что тот двигался неуверенно, наполовину вслепую, и не подозревал о своем грозном преследователе. А Конан мчался за ним, как буря, и, наступая, испустил жуткий боевой клич своей родной Кимме-

рии. Он уже видел влажный блеск крови на клинке убежавшего и не сомневался, что это кровь жреца.

Варвар изготовился для выпада: еще миг, и он насадил бы убийцу на меч, точно свинью на вертел. Ему помешал ничтожный Винак, скрючившийся под столом. Запнувшись о его выставленную ногу, Конан выронил меч, а потом, потеряв равновесие, упал сам. Меч лязгнул об пол в нескольких футах от расprostертого киммерийца, а Ламици выскользнул за дверь и растворился в ночи.

Упустив убийцу, Конан от ярости потерял человеческий облик. Его глаза застлал багровый туман. Он схватил Винака за лодыжку и выволок его из-под стола, Винак пронзительно завизжал, извиваясь в железных тисках, в которые угодил.

— Мерзкий сучонок! — взревел киммериец. — Ступай в ад следом за братом!..

Голова Винака врезалась в стену с тошнотворным хрустом, какой производит раздавленная гнилушка. По камню размазалась отвратительная серо-красная жижа...

Кровь Конана клокотала по жилам, в висках стучало. Он подхватил меч и отшвырнул с дороги мешавший ему стол. Разыскать убийцу жреца!.. Содрать с него живьем шкуру!..

За его спиной не в меру разошедшийся деревенский житель схватил здоровенный кусок доски и без разбору крушил им всякого, кто оказывался в пределах досягаемости. Подняв в очередной раз свое громоздкое, но весьма убедительное оружие, верзила опустил его сзади на шею киммерийца. Удар был таков, что доска разлетелась в щепы. Конан сделал еще несколько неверных шагов в сторону двери и, по-прежнему сжимая меч, свалился на пол таверны. Прополз еще сколько-то футов... Потом его глаза закрылись, а голова стукнула о порог.

Когда Конан очнулся, утреннее солнце уже плыло к зениту. Оно светило сквозь окна жилой комнаты в гостинице Мальгореша. Не вполне понимая, что происходит, киммериец кое-как поднялся на ноги и первым делом нашарил меч. Потом в его памяти всплыли более чем скверные события вчерашнего вечера. Он поник на жесткую лежанку, на которой провел ночь, и принялся

растирать затылок. Он вздрогнул от боли, наткнувшись на шишку размером с финик, набухшую в основании черепа.

Голова киммерийца гудела, точно боевой барабан. Его мутило: он слишком быстро поднялся на ноги. Все же он выпрямился и прошаркал ногами в угол комнаты, где стояла большая миска с водой. Судя по всему, он находился в одной из каменных построек деревни. Наверное, в той, что стояла рядом с таверной.

Он жадно отпил несколько глотков воды, а остальное вылил себе на голову, чтобы хоть как-то отделаться от боли. Он понятия не имел, кто и чем нанес ему удар, и только надеялся про себя, что его обидчику пришлось еще хуже. Найдя свой меч благополучно прислоненным к стене, он забрал его и стал оглядываться дальше. Каким-то чудом кошелек с золотом ухитрился не покинуть его ремня. Конан мысленно возблагодарил Крома за то, что тот дал ему силы быстро очнуться после вчерашних событий. Жизнь, в конце концов, не так уж плоха, если в руке меч, а на поясе — кошелек с деньгами!

Выбравшись наружу, он увидел, что не ошибся в своих догадках: он в самом деле отлеживался в одном из домиков, принадлежавших гостинице. До пивнушки было не более тридцати шагов. Он увидел небольшую кучку деревенских, торчавших у входа, и стал гадать про себя, как там Мальгореш и Кейлаш.

Мадезус... Тягостно было думать об этом, но Конан чувствовал почти наверняка: Мадезуса нет в живых. Воспоминание о безвольно вытянутой руке жреца, о бледной кисти, торчавшей из пропитанного кровью рукава, наполнило его яростью и отчаянием. Месть! Месть!!! — кричало все его существо.

Но сперва он выяснит, что же случилось с Кейлашем.

Наружная дверь таверны была загромождена. Несколько деревенских жителей нехорошо покосились на Конана. Притихнув, они разошлись при его приближении. Осталось только двое стариков, смотревших на подходившего киммерийца. Он не помнил, чтобы эти седобородые были вчера в заведении.

— Где Мальгореш? — сипло спросил Конан. Ему было не до любезностей.

Один из старцев только хмыкнул, возмущенный его тоном, и решил не отвечать. Второй, чье лицо было изборозжено морщинами и обветрено, точно сами Карпашские горы, долго молчал, прежде чем заговорить. Потом беззубый старец оперся на посох, наклонился вперед и все-таки ответил.

— Внутри. Заперся. Все утро там просидел, — сообщил он Конану.

Он говорил безразличным тоном, очень невнятно.

Конан шагнул мимо и замолотил кулаком в деревянную баррикаду, окликая Мальгореша по имени голосом, от которого из стен чуть не начали вываливаться камни. Потом, потеряв терпение, попросту отпихнул завал и вошел внутрь.

Мальгореш стоял посреди комнаты. Его бледное лицо и поникшие плечи многое объяснили киммерийцу яснее всяких слов. Судя по всему, трактирщик предпринимал вялую попытку прибрататься у себя в заведении.

— Я все это нагромоздил вчера вечером, чтобы никто не лез, — объяснил он Конану. — Там вообще-то есть задняя дверь, так что если бы ты подождал...

— Ладно, — перебил молодой варвар. — Где Кейлаш и Мадезус?

— Вас с Кейлашем, — был ответ, — я вчера оттащил в комнаты, чтобы вы могли оправиться от ран. Так что Кейлаш, полагаю, все еще спит. Вчера он получил так, что кому похлипче хватило бы помереть. А уж удар, который достался тебе, взбешенного кабана уложил бы на месте. А ты стоишь себе целехонек...

— Мадезус... — выдавил из себя Конан, заранее ужасаясь ответу.

Мальгореш молча указал на один из столов у стены. На нем очень тихо и неподвижно лежал жрец. Конан подбежал и откинул угол плаща, натянутого на лицо. Вид мертвого спутника наполнил его душу горем. И новой жаждой отмщения.

— На нем всего одна рана, — тихо сказал Мальгореш. — Порез на плече.

Конан осмотрел эту рану, и его брови сошлись к переносице. По его мнению, от таких ран люди не умирали. Порез был совсем невелик и жизненно важных органов

ну никак не затрагивал. Оставалось предположить, что убийца жреца намазал свой стилет какой-то смертоубийственной дрянью. Так, значит, Мадезус погиб не от несчастного случая в драке. Это было убийство, расчетливое и хладнокровное.

Сдерживая ярость, Конан внимательно осмотрел тело, ища другие повреждения. Но ничего не нашел. Мальгореш тем временем принес кожаную сумку целителя и положил ее на стол.

— Драка кончилась вскоре после того, как тебя свалили, — сообщил он Конану. — И те, кто затеял ее, получили по заслугам. Ты убил Кулга и Винака, а их брат умер к утру. Кроме них, пострадал только твой друг... Такое у нас и прежде случалось, и в таверне и снаружи. Кулг и его братья были родом гирканцы, сущие отбросы. Они ехали в Замору через наши места... Скверный ветер дул вчера в вашу сторону, парены!

— Я заметил убийцу, когда он удирал, — сказал Конан. — Когда я поймаю его, он узнает, что это такое — перебегать дорожку киммерийцу!..

Холодная решимость и угроза, звучавшая в этих словах, заставили Мальгореша вздрогнуть. Спасибо богам, что ему ни разу не доводилось поссориться ни с одним киммерийцем! Он спросил:

— Как ты собираешься его разыскивать? Его уже небось и след простыл. Он несколько часов назад убежал!

Конан ответил вопросом на вопрос:

— Сколько троп ведет из вашей деревни?

— На лошади можно проехать только по двум — на запад и на восток. А пешком — куда душе угодно...

— Узнай, не видел ли кто чужака в сером плаще, удиравшего по какой-либо тропинке. Не у всех же мозги вчера были пропитаны твоим пивом! Я заплачу золотом тому, кто наведет меня на его след!

И Конан как можно подробнее и точнее описал Мальгорешу убийцу. Он не упомянул только о нескольких деталях, с тем чтобы изобличить возможный обман. Прежде чем уйти, Мальгореш вынес ему кувшин воды, черствый хлебец и кусок холодной говядины. Есть киммерийцу совсем не хотелось, но все-таки он принял за мясо и хлеб, продолжая раздумывать про себя о странной смерти жреца.

Осмотр тела дал ему две зацепки, и обе ему весьма не понравились. Одной зацепкой был обрывок голубого шелка, найденный в сжатом кулаке жреца. Другой была не то чтобы находка, вернее — ее отсутствие. Он нигде не обнаружил амулета Мадезуса. Видно, кто-то стащил его, скорее всего — сам убийца. Да, именно это казалось Конану наиболее вероятным.

Он все еще ломал больную голову над этой загадкой, когда в дверях возникла знакомая физиономия.

— Конан! — окликнул Кейлаш, не вполне уверенно вваливаясь в комнату. — Мадезуса не видал?..

Конан молча отодвинулся в сторону, чтобы Мадезус мог видеть лежавшее на столе тело.

— О, Митра!.. — задохнулся горец. Потрясение и ужас согнали с его лица последнюю краску. — Кто его так?.. За что?.. — Он сжал кулаки и грохнул ими о стену, потом отвернулся. — Это работа жрицы или кого-то из ее злобных приспешников!.. Другого объяснения быть не может!.. Первый же вечер нашего путешествия — и мы остались с носом!..

Конан молчал.

У Кейлаша горло перехватывало от отчаяния и горя.

— Теперь все!.. — убивался он. — Как мы уничтожим эту дрянь без его силы? Он сам говорил, все наше оружие против нее — тьфу! Жрица выиграла, и теперь Эльдран снова... Нам всем конец!

— Если мы еще не протянули ноги, как Мадезус, значит, нас рановато оплакивать, — мрачно перебил Конан. — Что бы ни ждало впереди нас или Эльдрана, мы должны отдать Мадезусу последний долг. И долг этот в том, чтобы по квитаться за него и сделать то, чего сам он не успел. Я видел убийцу, но получил по башке и не смог до него добраться. Но ничего, доберусь. Мальгореш обещал расспросить народ и выяснить, не видел ли кто, как он удирал из деревни.

— Во имя Митры, ты прав! — приободрился кезанкиец. — Мы выследим негодя, изрубим его на мелкие части и бросим стервятникам. Я не знаю смерти позорней!.. Покончим с ним — и решим, что делать с мутари!

Скверные предчувствия насчет всеобщего конца по-прежнему одолевали Кейлаша, но он нашел в себе силы хотя бы на время отрешиться от них.

— А заодно, — ровным голосом добавил Конан, — вернем и похищенный амулет. Может, другой митраит с его помощью сумеет одолеть черную жрицу.

— Его амулет!.. — снова ахнул Кейлаш. — Украден!.. — Потом спросил: — Какой смертью умер Мадезус?

Конан показал горцу небольшую рану в плече мертвого.

— Яд, скорее всего, — пояснил он. — Да, и вот что еще я нашел... Он держал это в кулаке.

Мог ли он предвидеть, что «это» вызовет такую бурю чувств!.. При виде кусочка шелка, вынутого из кулака у Мадезуса, у Кейлаша попросту отвисла челюсть. Могучего горца шатнуло, он схватился за стол, чтобы не упасть. Вид голубого клочка потряс его сердце и на миг помрачил рассудок. Ему показалось, будто худший кошмар его жизни обернулся явью, и все страхи разом обрели плоть. Ибо кусочек шелка мог означать только одно. Кейлаш отчетливо понял, от чьей одежды его оторвал умирающий жрец. Ошибки быть не могло. Мадезуса пырнул отравленным ножом Ламици, главный евнух Правящего Дома Бритунии...

— Какой же я болван!.. — простонал кезанкиец. — Трижды проклятый болван!.. Зачем, зачем я ему доверял...

— Кому? — рявкнул Конан нетерпеливо. — Да говори толком, парень!..

Кейлаш принялся торопливо рассказывать ему о Ламици и о той роли, которую главный евнух играл в каждойдневной жизни дворца. Рассказывая, он не уставал себя костерить. Киммериец слушал его и не мог взять в толк, почему он так казнится. Каким образом он мог распознать в Ламици изменника?.. И вообще, что делать приличному воину вроде Кейлаша в столице с ее беспрестанными изменами, лживой политикой и мелким подсиживанием?.. Сам Конан от всех этих дворцовых интриг через день-другой точно сошел бы с ума.

— Нужно выследить его! — багровея от ярости, бешеновался Кейлаш. — Не знать мне ни сна, ни отдыха, пока

не вырву из груди его черное сердце и не отправлю пакостную душонку гнить на самом дне преисподней!..

Конан был вполне с ним согласен. По его убеждению, предатели вроде Ламици были хуже личинок, копошащихся в выгребной яме.

— Мадезус будет отомщен, — сказал он. — Но я не стал бы недооценивать этот кусок дворцового говна. Он либо очень хитер, либо невероятно везуч, а скорее всего то и другое сразу. Я-то думал, только мы двое да Эльдран знали, куда мы отправились!

— Верно, — чутьчку остывая, согласился Кейлаш. — Мы ведь не знаем, что известно негодяю, а что нет. Состоял ли он в союзе с Вальтреско, или со жрицей, или с обоими?

— Не важно! — сказал Конан. — Хотя с самим Сэтом!.. Все равно я пойду за этим шлюхиным сыном хоть в Бездну и не успокоюсь, пока не проткну его насквозь! Пошли послушаем, что там разузнал Мальгореш, да проведем наших коней! Куда бы ни скрылась гадюка, от нас ей не уползти!..

Глава семнадцатая

ПУТЬ ЗМЕЯ

Как оказалось, Мальгореш не вытянул из деревенских почти ничего интересного. Те, кого в тот вечер не было в его заведении, в большинстве своем мирно спали дома. Когда Конан и Кейлаш разыскали кабатчика, раздосадованный туранец передал им те жалкие крохи, что ему удалось собрать.

— Одну старушку ночью разбудил цокот копыт, — сообщил он хмуро. — Ее зовут Сирниция... Она жрица Виканы и живет одна-одинешенька в домике на восточной окраине деревни.

— Надо переговорить с ней, — решительно сказал Конан, хотя упоминание еще об одной жрице заставило его внутренне содрогнуться.

— Сирниция слепа, да и с головой у нее... — усомнился Мальгореш. — Вряд ли вы от нее чего-то узнаете.

— Все равно отведи нас к ней, — упрямо проговорил киммериец.

Мальгореш еще немного поспорил, но потом все-таки проводил их к жилищу старухи. Домик оказался невелик, но вполне крепок, хотя и выглядел старше тех, что они видели в западной части Иннасфална.

— Она жила здесь еще до того, как было основано поселение, — как бы подслушав их мысли, пояснил Мальгореш. — Кое-кто говорит, будто она встречала наступление Года Льва не менее двенадцати раз. Не знаю, правда ли это, но вот то, что, когда рождались старейшие из здешних стариков, она была повитухой, — это истинная правда!

И он указал им на сутулую старую женщину, как раз вышедшую из дома.

Конан сразу поверил в то, что старухе давно перевалило за сотню. Ее распущенные седые волосы почти достигали колен, а лицо было сморщено, точно яблоко, высушенное на солнцепеке. Услышав голоса, она повернулась туда, где стояли мужчины. Любой с первого взгляда признал бы в ней слепую. Глаза Сирницеи были плотно закрыты веками, словно окна ставнями в непогожий день. Сама она была маленькая, худенькая и сгорбленная. Она напоминала Конану узловатое дерево, согнутое годами и бурями. Согнутое, но не сломанное.

Они приблизились к Сирнице и вежливо поздоровались.

— Я — Конан, северянин, — представился варвар. — А это Кейлаш, кезанкиец из...

— Имена, имена... — пробормотала старуха. — Я слишком стара, чтобы запоминать имена. Да и что мне в них толку?.. Подойдите, чтобы я могла прикоснуться к вашим чертам. Лицо человека — вот истинное окно в его душу...

Конан и Кейлаш скептически переглянулись. Мальгореш скрестил на груди руки и устремил взор в небеса. Решив погрозить старухе, два воителя подошли к ней вплотную. До лица киммерийца Сирницея при всем желании не смогла бы дотянуться, и он встал перед ней на колени. И держал в узде свое нетерпение, пока ее узловатые пальцы блуждали по его скуластому, покрытому

шрамами лицу. Покончив с ним, Сирницея точно так же «осмотрела» Кейлаша, потратив на него заметно меньше времени.

— Суровые лица воинов, — опуская руки, сказала она наконец. — Суровые и печальные. Нехорошо, когда у молодых ребят вроде вас такие лица... Что привело столь могучих воителей в нашу бедную деревушку?

— Мы ищем одного человека и надеемся, бабушка, что ты нам поможешь его отыскать, — сказал Конан. — Говорят, вчера вечером ты слышала, как мимо твоего дома на восток проскакала лошадь?

— Да, и это обеспокоило меня и показалось весьма странным, — задумчиво отвечала старуха. — Не звук разбудил меня, но ощущение зла... Тот, кто скакал в ночи, был вестником смерти. И присутствие этой смерти точно ледяными пальцами стиснуло мое старое сердце...

— Так ты уверена, что он скакал на восток?.. — нетерпеливо вмешался Кейлаш.

— Ты можешь сам удовлетворить свое любопытство, — загадочно ответила бабка, но тут же пояснила: — Лошадь пронеслась всего в нескольких шагах от этого места и потоптала мой огород.

Мужчины разом оглянулись в сторону недавно вскопанного огорода. Там в самом деле виднелось несколько совсем свежих отпечатков копыт. Они указывали на восток.

— Спасибо, бабушка Сирницея! — искренне поблагодарил Кейлаш. — Стало быть, на восток, Конан!..

Киммериец извлек из кошелька золотой и вложил его в руку старухе.

— Богатая награда всего за несколько слов!.. — Сирницея была явно удивлена щедростью Конана. — Странным показался мне проезд злого всадника... чувствую, сынок, твое горе как-то связано с этим человеком. Когда он скакал мимо меня, я ощутила еще кое-что... некую искорку тепла и добра, разгонявшую зло. Я уже встречалась с ней раньше, но не могу припомнить, где и когда. Старость — это вор. Он подкрадывается в ночи и крадет мои воспоминания, когда я сплю. Будь готов встретить этого вора, когда он пожалует и к тебе... — Она помолчала немного, потом отвернулась и продолжала: — А он

придет непременно, будь ты крестьянином, воином... или королем.

Они вновь поблагодарили ее, но про себя были согласны с Мальгорешем в том, что касалось бабкиного рассудка. Однако, так или иначе, теперь у них была четкая цель. Они знали, в какую сторону скакать и что делать. Они распрощались с Мальгорешем и пустились вперед — по следу Ламици.

Туранец набил их сумки продовольствием на дорогу так, что те чуть не трещали по швам. Кейлаш предложил ему несколько золотых за труды и на ремонт разгромленной таверны. Мальгореш отказался наотрез, зато пообещал отправить тело Мадезуса домой в Коринфию в сопровождении нескольких надежных парней. Они отвезут его в храм и с рук на руки передадут Калетосу для надлежащего погребения.

Что же касалось успокоения отлетевшей души, то об этом все трое молча помолились каждый своему богу.

Воины молча выехали из Иннасфална... Говорить им было особо не о чем, а вот следы, возможно оставленные Ламици, следовало высматривать со всей тщательностью.

Вслеживать евнуха оказалось неожиданно трудно. Оба преследователя были опытными следопытами, но их объединенных усилий только-только хватало. Во многих местах на каменистой тропе не удавалось разглядеть вообще ничего. Оставалось надеяться на инстинкт. И не уходить далеко от дороги. Так они и поступали, и в конце концов отыскивали все новые подтверждения: Ламици здесь побывал.

Между тем — хотя они об этом и не подозревали — тропа, по которой они продвигались, не была безымянной. Путешественники называли ее Путем Змея. Узкая, извилистая, она петляла между неприступными скалистыми кряжами, образовывавшими естественную границу Бритунии с юго-востока. Кое-где тропа суживалась так, что приходилось ехать гуськом. В этих местах двое странников особенно усердно оглядывались по сторонам, — не напороться бы на разбойничью засаду!

Полуденное солнце стояло над головами. Оно обогрело тела, но отнюдь не сердца. Конан первым нарушил молчание, длившееся уже несколько часов:

— Как ты думаешь, почему он поехал не в город, а на юго-восток?

Кейлаш ответил тотчас, ибо сам размышлял о том же:

— Он знает, где прячется жрица. Не знаю, каким образом и откуда, — но знает. Наверное, он хочет предупредить ее о нас... или получить награду за убийство Мадезуса. Все равно! Мы должны остановить его прежде, чем он к ней доберется. Незачем ей знать, что Мадезус погиб. Мало ли что она примется делать, узнав, что жрец ей более не противостоит!

— Поймаем, — уверенно проговорил Конан. — Обязательно поймаем подонка. Еще не бывало такого, чтобы пожилой евнух, выросший в городе, сумел удрать от киммерийца, взявшего его след! А я не успокоюсь, пока не окуну свой меч в его вонючую кровь и не отправлю черную душонку пчесья в аду!

Они почти не делали привалов, проезжая Путем Змея, и останавливались только затем, чтобы напоить лошадей и дать им отдых. По счастью, недалеко от дороги было множество небольших озер, питаемых горными ручейками. Конан беспрестанно ворчал — ему все казалось, что привалы были слишком частыми, — но Кейлаш настаивал. Лошадей следовало поберечь для изнурительного путешествия, которое им еще предстояло. Кезанкиец надеялся, что Ламици скоро загонит своего коня и будет вынужден продолжать путь пешком. Конан подумал и нехотя с ним согласился.

Погода благоприятствовала им почти весь день. К вечеру, однако, в небе начали собираться тучи. Солнце скрылось, и сразу повеяло холодом. Дорога между тем все время вела вверх, так что и без того было не жарко. По сторонам еще попадались деревья, но голого камня становилось все больше. И уже несколько часов минуло с тех пор, как они в последний раз видели след Ламици.

Каменистая почва и сумерки еще больше затруднили их поиски. Конан проклинал злую судьбу, загнавшую их в эти горы. Он начинал понимать, почему бритунийцы не опасались нашествия из Заморы. Только воинство верхом на горных козлах сумело бы легко и быстро преодолеть скалистые громады Карпашей. Лошадям приходилось туго даже на тропе: кое-где двоим спутникам

приходилось спешиваться и вести их в поводу. Хорошо хоть, лошадки были выносливые и неприхотливые. Они проходили скальные теснины, карабкались на уступы и уверенно одолевали осыпи.

Двигались путешественники медленно. К вечеру, по оценкам Кейлаша, они прошли не более тридцати лиг. Точнее сказать было трудно: горы окружали их со всех сторон, не давая как следует определить расстояние.

— Придется заночевать здесь... — сказал наконец Кейлаш, устало сползая наземь с седла.

— Давай проедем еще! — возразил Конан. — Тучи разорвало, скоро выйдет луна. Небось как-нибудь не сойдемся с тропы!

— Это верно, — сказал горец. — Но что, если он свернет куда-нибудь с дороги?

— Вряд ли, — нахмурился Конан. — Лошади все равно не пройти иначе как по тропе. Да и сам он... Эти утесы не препятствие для горцев Кезанкии или Киммерии, но дворцовому еврею на них нипочем не взобраться. Давай поднажмем, пока окончательно не упустили его!

Кейлаш вздохнул, поглядывая на закат.

— Ладно, веди, — сказал он наконец, снова забираясь в седло...

Они перекусили прямо на ходу, не произведя заметного опустошения в сумках с провизией, которой предусмотрительно снабдил их Мальгореш. В одном углу сумки, висевшей у него при седле, Конан обнаружил наполненный мех; он вытащил затычку и поднес горлышко к губам. Пиво было не вполне свежим, но он рад был и такому. Напившись, он передал мех Кейлашу.

Отведав, горец шумно чмокнул губами.

— Когда отгремит эта история, — сказал он, — надо будет непременно заехать в Иннасфалн еще разок и заплатить Мальгорешу по счету, — а он, право слово, все возрастает! И пиво у него хорошее, и сам мужик что надо... а уж до чего складно рассказывает!

Конан согласно кивнул:

— Я что-то не слышал, чтобы туранцы служили в бритунийском войске. Он туранец или все-таки бритуниец?

— И то и другое, — ответил Кейлаш, вновь прикладываясь к пиву. — В основном он туранец. Его бабушка

была бритунийкой, рабыней. Немедийцы взяли ее в плен, а будущий дедушка Мальгореша — вызволил. Самого его родители вырастили в Султанапуре, у моря Вилайет. Он был еще мальчишкой, когда они уехали из Турана и переехали на запад, в Замору. Там до сих пор живет большая часть его семьи... в деревне севернее Йезуда. Может, нам еще доведется проезжать теми местами.

— В Замору, говоришь? — с интересом спросил Конан. — А сам ты там раньше бывал?

— Много лет назад, — ответил кезанкиец. — Мы с Мальгорешем тогда пересекли горы и посетили его родню. Только ехали мы через другой перевал, южнее. Ну и в сам Йезуд не стали соваться. Это город ненормальных, сдвинувшихся на своем божье-пауке, Зате. Человеку в здравом уме с тамошними фанатиками каши не сварить!

— Я вообще-то в вашей Пайрогии оказался проездом, — поделился с товарищем Конан. — Я в Замору путь держал. Я много разного слышал о Шадизаре и Арэнджуне и о том, сколько там всяких сокровищ. А вот про Йезуд — только слухи и сплетни.

— Самые скверные из которых, уверяю тебя, совершенно правдивы, — содрогнулся Кейлаш. — Многим людям укоротило жизнь не в добрый час случившееся посещение этого города. Я надеюсь, боги проведут нас мимо Йезуда!

— Пока они ведут нас почти прямо на восток, почти не отклоняя к югу, — заметил Конан. — Скоро в Кезанкийских горах окажемся, если только прямо к югу скоро не повернем.

— Да, — отозвался Кейлаш, — моя родина отсюда недалеко. Но должен тебе сказать, Кезанкийские горы почти так же непроходимы, как здешние. Много лет я там не бывал... — Он задумался и примолк, потом неожиданно спросил: — А что ты собираешься делать в Заморе? Ты воин, а не воришка.

Конан ответил, ничуть не стыдась:

— Воровством я за вечер могу добыть столько, сколько солдат — за целый год тяжелых походов. Ты сам видел, в какую историю я влип у вас в городе. А все потому, что законы и обычаи вашей цивилизованной жизни для меня — бред сивой кобылы. То ли дело в Заморе! О

законе там и не слыхивали, и жителям тамошним плевать, откуда пришел человек и что у него в прошлом. Человек на жизнь там зарабатывает мечом, а значит, безбедная жизнь мне обеспечена.

Кейлаш покачал головой:

— Даже лев погибнет, свалившись в яму со змеями. Попадешь в Замору — почаще оглядывайся через плечо, а то и моргнуть не успеешь, как всадят в спину кинжал. Ворья там хоть отбавляй, и многие норовят стащить больше чем кошелек!

— Ну, только не у киммерийца, — самоуверенно заявил Конан.

— А может, потом вернемся в Пайрогию? — предложил кезанкиец. — Нам до зарезу нужен новый капитан, и плата больше, чем тебе кажется! — Он указал на мешочек с деньгами, висевший у Конана на ремне. — Ты уже видел, как великодушен Эльдран. А что касается женщин...

— Нет, дружище, — Конан помотал головой. — В Заморе тоже, верно, бабы водятся. В вашем городе я буду себя чувствовать как в клетке. Что мне там делать? Лупить по лбу пьянчужек да орать на бестолковых стражников?.. С ними, между прочим, любой десятилетний мальчишка из наших кланов справился бы...

Кейлаш собрался горячо возразить, но потом передумал и промолчал. На самом деле его оценка городской стражи не намного превышала данную Конаном. Оставив разговор, он опустил глаза к тропе... и едва не свалился с лошади от удивления.

— Смотри!..

Конан, ехавший впереди, остановил коня и вернулся немного назад. Кейлаш указал ему на совсем свежую кучку конских яблок.

— Лошадь Ламици?.. — предположил кезанкиец.

— Или другого какого-нибудь путешественника, — проговорил Конан, но неуверенно.

Не сговариваясь, оба подтолкнули своих коней пятками, вынуждая пойти рысцой. Они были почти уверены, что снова взяли след евнуха. Они напрягали зрение, высматривая возможные следы на тропе, — насколько это было возможно в неверном свете луны.

Когда небо полностью прояснилось, с него глянули первые звезды...

Так они ехали еще несколько часов со всей скоростью, которую могли себе позволить. Больше им не попадалось никаких признаков того, что здесь когда-либо побывал Ламици, но они упорно стремились вперед. Наконец они все-таки решили расположиться на ночлег и немного поспать, а заодно дать отдохнуть коням. Разложив одеяла, они завернулись в них и тотчас заснули...

Между тем Ламици таился гораздо ближе, чем они отваживались предполагать.

После своего бегства из Иннасфална евнух отчаянно гнал коня. Полуослепленный вспышкой амулета Мадезуса, Ламици попросту запаниковал. Теперь еще Конан, чего доброго, пустится за ним в погоню!.. Если бы не глаза, он спрятался бы у самого входа, и глупый варвар, выскочив из таверны, как раз и напоролся бы на ядовитое жало его стилета. Но зрение слишком медленно возвращалось к нему. По-прежнему наполовину ошупью он пробрался вдоль стены, едва найдя в потемках дерево, к которому привязал свою лошадь...

К тому времени, когда он наконец отыскал коня, он чувствовал только СТРАХ — такой, какого не испытывал еще никогда! Он потерял слишком много времени; киммериец вот-вот бросится на него из темноты и разорвет, точно бешеный пес. Кое-как евнух вскарабкался в седло и, колотя пятками, с места пустил лошадь бешеным галопом. И скакал несколько часов, прежде чем осознал, что едет на восток. Зрение наконец вернулось к нему, но не смелость. К тому же он знал: если повернуть назад, он столкнется носом к носу с киммерийцем. И с друзьями, которые вполне могли киммерийца сопровождать...

Значит, следовало держать путь на восток. И надеяться, что удастся отыскать какое-нибудь укрытие и отсидеться. Если Конан вправду погнался за ним, Ламици будет просто тихо сидеть и ждать, пока тот не удалится на приличное расстояние. Решив так, евнух продолжал двигаться на восток. Скоро, впрочем, он понял, что спрятаться будет не так-то легко. Никаких укрытий вблизи тропы не было видно. С обеих сторон вздымались скалы

или стояли плотные группки деревьев, сквозь которые он все равно не смог бы продаться. Делать нечего, он ехал дальше, надеясь, что укромное местечко все же отыщется...

Евнух двигался, конечно, медленнее, чем Конан с Кейлашем. Не с его убогими навыками было состязаться с ними в скорости на горной тропе. Однако у него была порядочная фора, да и останавливаться для поиска следов ему не приходилось. Про себя он радовался тому, что дорога была сплошь каменистой. Когда попадалась грязь, могущая сохранить отпечаток копыта, он ее тщательно обезжал.

И вот теперь он спал едва ли не в трех лигах от своих преследователей. И если те двое спали богатырским сном здоровых и чистых сердцем людей, то Ламици без конца одолевали тревожные сновидения.

Ему снилось, что он — маленькая серая мышка посреди нескончаемого открытого поля. Поле простиралось во все стороны: некуда убежать, негде спрятаться...

За ним гнались. Стояла ночь, и евнух-мышка не знал, что именно за ним гналось, но *что-то* кружило над головой. И искало его. Он слышал шорох кожих крыльев и пока еще далекий, пронзительный крик. Он замирал в ужасе и все смотрел вверх, стараясь постичь природу преследователя. Он видел только одинокий глаз, быстро приближавшийся к нему. Темно-багровый глаз с непроглядной щелью зрачка... Силы оставили его, и Ламици, не двигаясь, ждал смертного часа. И вот острые когти и кривые зубы впились в его плоть, раздирая тело на части...

Ламици с воплем проснулся и принялся оглядываться по сторонам, точно так же как делал это во сне. Жуткого глаза не было видно — только белое, как кость, ко всему безразличное око луны. Дрожа всем телом, евнух облегченно вздохнул. Неподалеку стоял его конь, привязанный к дереву. Ламици уже собирался снова лечь и попытаться заснуть, когда заметил краем глаза странное, бирюзовое свечение у самой земли.

Оно исходило из кожаной сумки, которую евнух бросил рядом с собой. Ламици распутал завязки и заглянул внутрь. Амулет жреца едва заметно светился. Это не понравилось убийце, он принялся рыться в поисках какой-

нибудь тряпки, способной заглушить ненавистный свет. Найдя наконец клочок черной ткани, он как можно плотнее замотал амулет. Вот так-то лучше! Ламици уже вновь затягивал ремешки, когда за спиной, совсем рядом, прозвучал знакомый голос:

— Доброй ночи, Ламици!

Это был женский голос, порождавший странное эхо. Евнух судорожно крутанулся на месте.

— Азора!.. — ахнул он потрясенно. — Ты здесь!.. Каким образом...

— Это не важно, — отвечала жрица мутари. — Слушай внимательно. Ты должен будешь сделать так, как я тебе говорю.

Мутари стояла перед ним, закутанная в черный плащ, почти невидимая в ночной темноте. В лунном свете смутно белело только лицо, да и его наполовину скрывал низко надвинутый капюшон. Губы поблескивали алым, словно только что смоченные кровью. Длинные рукава одеяния прятали кисти рук, а нижний край плаща касался земли.

— Слушаю и повинуюсь, о жрица... Я твой раб, как всегда. Молю тебя, ответь мне только... Почему Эльдран до сих пор жив?

— Его хранят могучие Силы, — ответила Азора. — Жрец Митры, Мадезус, носит талисман, который мешает моей магии.

— Он больше не носит его, жрица! Я убил митраита! Прошлой ночью, в деревне! Я заколол его отравленным кинжалом. Я видел, как он умирал!

— В самом деле?.. — Ее глаза впились в самую душу евнуха, словно вытряхивая наизнанку его память и проверяя, не пытается ли он солгать. Потом ее губы дрогнули в улыбке мрачного торжества, она рассмеялась так, что у него пробежал по коже мороз. — Неплохо сработано, евнух!.. Тогда тебе остается сделать только одно дело. Ты должен принести мне талисман... Амулет, который он носил. Он наделен великой силой, древней и смертоносной. Без него ни один человек — и даже жрец проклятого Митры! — не сможет мне противостоять!..

Ламици улыбнулся:

— Этот амулет здесь, со мной, моя госпожа. Я вынул его из мертвой руки митраита!

Он подхватил свою сумку и с торжеством извлек из нее замотанный в тряпицу амулет.

Азора попятилась на несколько шагов прочь:

— Погоди! Я еще не готова его лицезреть. Говорю тебе, в нем заключена Сила, способная бороться со мной и без участия жреца. Ты должен ехать вперед по тропе до конца, а когда доберешься до восточных предгорий Кезанкиев — поверни к югу. Храни талисман! Принеси его в Шан-и-Сорх, в мою крепость! Там я буду в силах уничтожить его.

На лице Ламици отразилось непонимание.

— Я здесь не во плоти, болван! — раздраженно пояснила мутари. Она протянула к евноху руку, и палец, увенчанный черным ногтем, неосознанно прошел сквозь его тело. — Ты видишь всего лишь мое отражение. Мое могущество так возросло, что я по своему произволу могу посылать его издалека!

Ламици попытался что-то понять, потом спросил:

— Как же я разыщу твою крепость, высокочтимая жрица? Я никогда не путешествовал так далеко на юг и...

— Когда ты повернешь к югу, я вновь пошлю тебе мое отражение. Принеси талисман, и как можно быстрее! Я уничтожу его, и с Эльдраном будет покончено. Уже ничто не сможет отвратить его гибель!

— Есть одна трудность, моя госпожа, — сказал Ламици. — Конан и Кейлаш еще живы. Не знаю как, но они избежали ловушки, подстроенной им в храме, и теперь гонятся за мной!

По лицу Азоры прошла тень беспокойства. Будь здесь побольше света, евнох, возможно, заметил бы в глазах жрицы нечто подозрительно напоминавшее сомнение.

— Ты не должен дать им себя поймать, — сказала мутари. — На таком расстоянии от моей крепости я мало чем могу тебя защитить. Скачи быстрее! Нас еще разделяют сотни лиг, но ты должен их преодолеть. И держи талисман надежно спрятанным!

Образ Азоры рассеялся, а луну затянули тонкие облачка. Ламици протер глаза, зевнул и стал собирать вещи. Он доберется к Азоре и отдаст ей амулет. И может, с ее помощью все-таки возродит былые надежды. Чего бы ему

это ни стоило, он не дастся в руки преследователям: пусть гонятся за ним — навстречу гибели. Посмеиваясь, погнал он коня на восток, и вскоре между ним и двумя спящими воинами пролегло множество лиг...

Глава восемнадцатая

СПЯЩИЙ В ПЕСКАХ

Азора висела в воздухе в нескольких футах над полом библиотеки в крепости Скаурола. Потом лениво опустилась на пышный ковер, сквозь который тем не менее чувствовался холод каменного пола. Жрица сидела неподвижно, больше похожая на картину, чем на реальное существо.

Несколько часов она вот так левитировала над полом, обшаривая тонкие миры в поисках эманаций амулета Мадезуса. Ее тело, оставшееся в материальном мире, не дышало, красные глаза не моргнули ни единого раза. Предоставленная самой себе, плотская оболочка Азоры всего лишь бездумно парила, оставаясь якорем для невидимой нити, привязывавшей дух. Отыскав наконец в астральных сферах то, что искала, Азора вернулась в себя самое.

Способы путешествий в эфире она почерпнула из толстых томов, хранившихся в библиотеке Скаурола. Таких томов здесь были многие сотни. И в каждом таились давно позабытые секреты черной магии. Когда Азора впервые вошла в библиотеку, ее охватило невольное благоговение. Таких необозримых хранилищ тайных знаний она еще не видала. Она знала со слов Кзима, что в твердыне Скаурола было запрятано немало сокровищ. Но они ее не интересовали. Библиотека была для нее важнее любого золота и драгоценностей.

Кзим отказался последовать за нею в книгохранилище. Она оставила его в прихожей и забыла о нем, углубившись в изучение премудростей. Пусть себе бежит по своим паучьим делам. Ее ждали бесчисленные полки, заставленные древними фолиантами, и кипы аккуратно разложенных свитков. Библиотека была громадна: потолок отстоял от пола на добрых двадцать футов, и буквально каждый дюйм стен занимали полки и стойки для свитков. Сложи вместе

дюжину самых потаенных стигийских хранилищ — не наберешь и полстолько!

И самой первой книгой, которую она отобрала для пристального изучения, стал, конечно же, колдовской том, собственноручно составленный Скауролом.

Книга была громадна. Он покоилась на особом столе, составленном, как мозаика, из человеческих костей. Переплет был из кованой меди, изрядно потемневшей от времени. Толстые, с золотым обрезом страницы пожелтели, но рассыпаться еще не собирались. Первые две трети книги были убористо исписаны рукой Скаурола. Тысячи слов теснились на каждой обширной, как простыня, странице. В отличие от сходных по содержанию книг, которые прежде читала Азора, здесь совсем не было ни рисунков, ни чертежей. Зато страницы светились сами собой — это позволяло читать их, даже если комната была погружена в крошечную темноту.

Последняя треть книги не была заполнена. Странно...

Добравшись до пустых страниц, Азора попыталась прочесть несколько предшествовавших. Язык оказался ей непонятен. Досадуя, она начала листать книгу задом наперед, пока не добралась до читабельного раздела. И с головой погрузилась в его изучение. Много часов спустя, несколько утолив свою духовную жажду, она решила опробовать на практике кое-что из постигнутого.

Самым интересным ей показалось искусство эфирных путешествий. Для тонких миров расстояния не имели никакого значения; по утверждению книги, дух мог быть в мгновение ока послан за тысячи лиг. Азора стала очень тщательно произносить заклинания, долженствовавшие отделить ее дух от тела. Сначала ничего не получилось, но она не оставляла попыток, пока в самом деле не отправилась странствовать сквозь неосозаемые дебри астрала.

Из Скауроловых записей следовало, что странствующий дух мог наблюдать за событиями физического мира, сам оставаясь невидимым. Азора решила это проверить, а заодно посмотреть, что стало с недоумком Мадезусом и его двоими громилами там, в храме, где для них была приготовлена столь замечательная ловушка. Она ожидала найти их растерзанные, изуродованные тела, но не обнаружила ничего. Забеспокоившись, она отправилась на по-

иски Балберота: неужели архидемон не смог уничтожить троицу смертных?.. Она отдала мысленный приказ своему духу... и ее понесло сквозь жуткий хаос Нижних Миров, в самую глубину.

Дух Балберота, лишенный всяческих оболочек, обнаружился в одной из бездн преисподней: там пребывали демоны, вовсе изгнанные из физического мира. Она когда-то читала о том, что такие бездны существовали, но никакие описания не могли тягаться с реальностью. Перед ее духовным оком предстал невообразимый хаос, населенный бесплотными призраками, вечно корчившимися в неистовых муках. Их терзала бессильная ярость, которой до скончания веков не суждено было найти выхода. Сдрогнувшись, Азора поспешно вернулась в библиотеку, в свое тело...

Как же так вышло, что у Балберота не получилось?.. Мадезус, жалкий жрец, при всем желании не мог справиться с демоном Древней Ночи, чье могущество приближалось к могуществу младших богов. Потрясенная Азора вновь и вновь задавалась этим вопросом, но ответа по-прежнему не было. Наверное, думалось ей, вмешался Сам Митра: изгнать демона Древней Ночи под силу разве что богу. Но если с Мадезусом в самом деле пребывала воля Митры, это значило, что жрец намного опаснее, чем ей казалось поначалу. Необходимо было срочно его разыскать!..

Азора вернулась в тонкие миры и отправилась на поиски.

Почему-то вместо Мадезуса ее дух набрел на Ламици. Старый осел спал на обочине дороги, петлявшей между скалами в Карпашских горах. Азора не поняла, почему ее вынесло к евнуху, но решила воспользоваться случаем и попробовать еще одно замечательное искусство, детально описанное Скауролом. Она внедрилась в его сновидение и разбудила его.

Когда Ламици с воплем вскочил, она стала его расспрашивать. То, что она от него узнала, и порадовало, и озадачило ее. Итак, жрец мертв!.. Евнух остановил его сердце неодолимым ядом. Она сама когда-то пользовалась подобной отравой и знала, что спасения от нее не было; оживить Мадезуса теперь не сможет никто. К тому же — чистое везение! — Ламици завладел его амулетом.

Азора не знала в точности, какую роль играл этот амулет во всех последних событиях. Ей было только известно, что для нее он смертельно опасен. Ибо это последняя реликвия Ксуоквелоса, одного из худших врагов мутари. Азора не сомневалась, что амулет участвовал в разрушении заклятия Смерти, наложенного ею на Эльдрана. А может, он и от Балберота своего обладателя уберег...

Ламици принесет его ей. Она не осмелилась ни прикасаться к амулету, ни даже смотреть на него, но со всей определенностью знала, как истребить его силу. Погрузить его в кровь человека, утратившего душу, — и амулету конец. Это будет последняя служба, которую сослужит ей Ламици. Азора начала отнимать у евнуха душу с тех самых пор, как они повстречались. Теперь оставалось совсем немного, но мутари оттягивала удовольствие. Человек, лишенный души, как известно, ничего не боится, жрица же собиралась сполна насладиться пыткой, когда он станет ей уже вовсе не нужен. И потому Ламици еще сохранял последний клочок души.

Страх приведет его к ней и не позволит даже думать о бегстве. Азору беспокоили только те двое, гнавшиеся за Ламици. Если они поймают евнуха, то отберут у него амулет и попробуют обратить его против нее. А не получится — разыщут кого-нибудь, кто умеет пробуждать его силу.

Пока Ламици отделяло от преследователей расстояние, Азора была в безопасности. Они были еще слишком далеко, и сама она ничего не могла с ними поделать. Но и это не страшно. Скоро они приблизятся, и тогда она сумеет до них дотянуться...

Оставшись без жреца и без амулета, они мало что смогут ей противопоставить. Убить ее?... Обыкновенная сталь не сможет причинить ей вреда. Она будет пытаться их сколько захочет. А потом скормит паукам, живущим в нижнем чертоге. Пусть полакомятся! Азора решила сделать детей Зата своими домашними питомцами. Всех, кроме Кзима. Она не доверяла ему: слишком умен. Она прихлопнет его, но несколько позже. Сейчас ей было не до него.

Время работало на нее, и она это знала. Даже если Ламици и его преследователи будут мчаться круглые сутки галопом, не делая передышек, они доберутся до Шан-и-

Сорха самое раннее через неделю. В действительности, конечно, они придут гораздо позже. И все это время она будет упорно трудиться, впитывая магические познания Скаурола. И особенно пристально будет она разыскивать главнейшую из тайн великого мутари: бессмертие. Множество магов, живших в разные времена, пытались раскрыть секрет жизни и смерти, но удалось это лишь Скауролу. Исторические хроники сходились в одном: он был низвергнут прежде, чем успел совершить все ритуалы и обрести бессмертие. Ей, Азоре, не следовало опасаться столь печальной судьбы. Потому что не было больше смертного, способного встать у нее на пути.

Жрица вернулась к костяному столу с возложенной на него книгой-страшилищем. И принялась читать — страстно, запоем. Где-то здесь, внутри этого медного переплета, таился ключ к вечной жизни. Азора начала читать с самой первой страницы. Она не даст себе отдыха, пока не найдет этот ключ.

Кзим в ожидании таился за дверью библиотеки... Его прежний хозяин, Скар, когда-то говорил ему: настанет день, и придет женщина.

«У нее будут такие же глаза, как у меня, — наставлял Скар. — Покажи ей тайный проход и предупреди о старушках. Поднимись с нею на самый верх, но в Тайный Чертог не входи! Спрячься в нише над дверью и ожидай моего возвращения. Засим наделяю тебя даром речи, дабы, когда придет женщина, ты мог стать ей проводником...»

Сказав это, Скар прикоснулся к телу Кзима длинным пальцем с черным загнутым ногтем. От этого прикосновения тело и разум паучка волшебным образом изменились, и он обрел дар речи.

А потом настал день, когда к воротам крепости приблизился странный седовласый муж и окликнул хозяина по имени. У человека была с собой длинная серебристая пика. Кзим помнил слова, которые произнес Скар, когда открывал двери и выходил навстречу незнакомцу.

«Этот глупец думает, будто меня можно убить, — пробормотал хозяин. — Откуда ему знать, в какую глубину ушли мои корни! Даже если ему удастся задуманное,

полностью он меня не уничтожит. Через несколько коротких столетий, когда его тело обратится в прах, а гробница будет забыта, я вернусь в мир живых. И не дам покоя этому миру...»

Скар поручил Кзиму оставаться в нижнем чертоге, пока не придет женщина. Больше он не сказал ему ничего. Просто вышел за ворота и отправился в пустыню на поединок с седоволосым.

Кзим не испытывал никаких чувств, следя сквозь распахнутые ворота за их короткой, но страшной борьбой. Кончилась схватка тем, что седоволосый пронзил Скара своим серебряным копьем. Когда это произошло, тело хозяина крепости попросту обратилось в пыль, и никогда не утихающий ветер пустыни унес ее вдаль. Подхватив пыль, ветер начал усиливаться, пока не превратился в настоящую бурю. Летящий песок заставил незнакомца отступить от стен крепости. Буря захлопнула тяжелую дверь, в щель которой подглядывал Кзим. И еще много месяцев бушевал над цитаделью самум, отгоняя искателей сокровищ и любопытных исследователей. Когда же ветер наконец улегся, башня была полностью засыпана. На поверхности пустыни не осталось ни малейшего следа.

Потянулись века... Нестареющий Кзим прилежно нес бессонную стражу, ожидая предсказанного хозяином появления женщины. Медленно перемещались желтоватые дюны, и наконец крепость сбросила песчаный саван, так долго укрывавший ее от мира. К тому времени уже никто не памятовал о ее существовании. Отрывочные упоминания сохранились лишь в нескольких пыльных свитках да в книгах, которые годами не открывала ни одна живая душа...

Но вот настал час, predeterminedный много столетий назад.

И пока Азора лихорадочно углублялась в рукопись Скаурола, а Кзим ждал неизвестно чего, притаившись в нише над дверью, пески за стенами крепости пришли в движение. Только на сей раз не ветер гонял их туда и сюда. Мириады песчинок перетекали и шевелились сами собой, точно рой крохотных насекомых. Причем не все, а лишь некоторые. Избранные. Остальные если на какое-то время и поднимались над землей — тут же падали обратно.

Так проходили часы. Солнце пересекло безоблачное небо над Шан-и-Сорхом и ушло за западный горизонт. С течением времени шевелящегося песка становилось все больше, пока наконец перед воротами крепости не завертелся небольшой пыльный вихрь. Он разрастался крупнее за крупницей и становился плотнее. К наступлению темноты он достигал уже семи футов в высоту. Покачиваясь и вращаясь, вихрь двинулся к каменной двери, словно ведомый неким невидимым разумом...

Возле самой двери он остановился и начал изменять облик. В нем постепенно возникало мужское обнаженное тело. Оно проявлялось начиная со ступней ног, как если бы некто вливал плоть в незримую форму. Песчинка за песчинкой присоединялись к нему, и крутящийся вихрь мало-помалу иссяк. Вместо него перед дверью стоял могущественнейший мутари земной истории. Стоял возрожденным.

Низкий, раскатистый смех Скаурола разнесся над бесплодной равниной... Протянув руку, он толкнул тяжелую дверь, и она отошла легко, точно невесомая шелковая занавеска.

Босые ноги бесшумно ступали по каменным плитам. Скаурол пересек входной покой несколькими широкими, размашистыми шагами. Гладкое светложее тело играло завидными мускулами, идеальные пропорции казались слишком совершенными. Нигде не было ни малейшего изъяна; лишь очень внимательный взгляд заметил бы на груди и посередине спины тонкие округлые шрамы — след серебряного копья, пронзившего его много лет назад. Зубы и ногти Скаурола были черными, как и у Азоры, а губы — белыми. На голове и теле не росли волосы, не было даже ресниц и бровей. Глаза, черные, непроницаемые, казались двумя полированными угольными шарами.

Он направился к иллюзорной стене, скрывавшей лестницу наверх, и завесы паутины раздвинулись перед ним. Скаурол с удовольствием отметил про себя, что «старушки» по-прежнему стерегли ложные двери, сидя все так же, как он их посадил. Он миновал стену и вступил в коридор.

Высоко над ним, в башне, Азора откинулась в кресле, глядя на лежавший перед нею том. Она была совершенно без сил. Несколько дней усердных занятий вымотали ее

похуже, чем даже Перемещение. Она летела по страницам, как в трансе, не замечая усталости. А теперь готова была свалиться от изнеможения. Зато какая власть ей отныне принадлежала! Какие страшные тайны!..

Большая часть книги была посвящена описанию всевозможнейших пыток. Каких только не было здесь способов исторгнуть у беспомощной жертвы ужас и боль!.. Азора горела нетерпением скорее испытать эти замечательные способы в деле. Где там, наконец, Ламици?.. Надо будет отправить свой дух в астральное путешествие и посмотреть, что поделявает внук. Но не теперь. Сперва нужно восстановить магическую энергию, почти исчерпанную за чтением книги...

Азора вынула из кармана плаща небольшую чашку из тонкого металла со странными символами, выбитыми на стенках. Следом появилась коробочка размером с ладонь, вырезанная из древесины плотоядного дерева «калмту». Сдвинув крышечку, Азора вынула спрессованный комочек сушеных цветков черного лотоса. Положив комок в чашку, она произнесла одно-единственное слово:

— *Атмак.*

На ее ноге возник тонкий язычок синего пламени, и она подожгла ссохшиеся лепестки.

Лотос горел очень медленно, наполняя воздух едким темным дымом. Поставив чашку перед собой на пол, жрица полной грудью вдохнула этот дым. И через несколько мгновений уже наслаждалась сновидениями черного лотоса.

Далеко внизу у подножия лестницы стоял Скаурол. Он успел облачиться в штаны и черную безрукавку с боковыми шнуровками. Шнурки были сплетены из черных человеческих волос, а безрукавка и облегающие штаны — сработаны из толстой шкуры гигантской черной ящерицы. Никакой обуви и никаких украшений Скаурол надевать не стал, лишь на левом мизинце появилось черное каменное кольцо.

Неторопливо начал он подниматься по длинной лестнице... Тишину нарушало лишь редкое звяканье толстых черных ногтей о ступени. Все выглядело точно так же, как когда-то. За те столетия, что он спал в песках, великую крепость не осквернили ни искатели сокровищ, ни любо-

пытные. Ничем и никем не тревожимая, она спала под барханами, ожидая его возвращения.

День своего поражения Скаурол предвидел с самого начала, еще прежде чем вознестся к вершинам власти. Предчувствие смерти грызло его, угрожая свести с ума. Каждую ночь он видел во сне седовласого мужа, пронзающего его копьем. Сколько сил положил он на то, чтобы отыскать и истребить всех, кто хоть как-то напоминал того человека!..

...Постепенно все люди начали казаться ему похожими на человека из сна. Многие тысячи умерли на кольях под стенами его дворца; песок пустыни стал красен от их крови. А страшное видение и не думало исчезать. Казалось, сами боги вознамерились его истребить. Наверное, они ревновали и боялись, как бы он не превзошел их своим могуществом!

И тогда он сказал себе, что все-таки утрет им нос. Что бы ни случилось, он выживет. И со временем вновь восстанет из праха, а сила его лишь возрастет.

Бесчисленные убийства продолжались своим чередом, а он тем временем изучал запретный Зурийский Кодекс и наконец понял, как победить смерть. Однако ему потребуется помощь. Заклинание, способное возродить его к жизни, должен был произнести другой мутари, причем искушенный в тайных науках. И ему не следовало ничего знать о планах Скаурола.

Ради достижения своей цели Скаурол заключил сделку с Сэтом, древнейшим и почтеннейшим богом-Змеем. Десять тысяч пленников умерли жуткой смертью на кольях во славу этого бога. Взамен Сэт даровал Скауролу желаемое.

Несколько столетий спустя в южной Стигии, у края болот Пурпурного Лотоса, на южных берегах реки Бахр, Сэт явился во сне одному из своих жрецов и сообщил об особенной девочке, которая вскоре должна была появиться на свет в ближней деревне. И еще много чего рассказал своему жрецу Сэт. Он нашептал ему о таких тайных, чудовищных ритуалах, что даже у пресыщенного жестокостями жреца заворотило с души.

Не смея ослушаться, служитель бога-Змея похитил девочку из деревни и вырастил ее у себя на болоте. Она

мало чем походила на своих смертных ровесниц, в том числе и физически, но еще больше это касалось ее поведения и увлечений. Жрец скоро начал бояться ее. Но Сэта он боялся гораздо больше. Потому-то через четырнадцать лет, накануне дня рождения девочки, в год Паука, в месяц Скорпиона, он исполнил над нею предписанный Сэтом обряд.

А потом по собственной воле проглотил смертельную дозу сока, выжатого из цветков Пурпурного Лотоса.

Скауrol не знал, где была и что делала женщина-мутари, пока не прибыла в его крепость. Да это и не волновало его. Сэт исполнил обещанное. Жрица, сама о том не подозревая, привела в действие заклинание, столетия назад вписанное Скауролом в его книгу.

Быть может, она при этом погибла. Если же нет — он знал, как использовать ее в дальнейшем. Он полностью управлял ею, хотя она о том и не догадывалась. Она родит ему множество детей-мутари. Его магия после зачатия придаст плоду в ее чреве ускоренный рост. Роды станут происходить каждое полнолуние. А он, Скаурол, будет отправлять подросших детей во все страны мира. Вестниками смерти и хаоса явятся они униженному, корчащемуся у его ног человечеству... И то, что вынашивание этих детей отнимет у жрицы часть магической энергии, было даже на руку ее повелителю. Небось поостережется вступать с ним в борьбу.

Скауrol шел вверх по ступеням, шел предъявлять права на свою невесту, и бездонные глаза его мерцали предвкушением...

Глава девятнадцатая

ГОНКА

Раскаленное солнце висело в безоблачной небесной лазури над пустыней восточного Шема. Прикрыв глаза бронзовой от загара рукой, Конан внимательно осматривал южный горизонт. Заметив там нечто, он сморгнул несколько раз, желая убедиться, что перед ним не мираж и не порождение его собственной фантазии, разыграв-

шейся от жары. Нет, увиденное было вполне реально. Крохотная серая точка, колебавшаяся на пределе его зрения...

— Я вижу его! — прохрипел киммериец, обращаясь к Кейлашу. — Еще пол-лиги — и он наш!

— Он, наверное, сделал большой привал вчера ночью, — пробормотал в ответ кезанкиец. Голос его звучал так, словно Кейлаш говорил с полным ртом песка. Да он примерно так себя и чувствовал.

— Клянусь Кромом, сегодня мы поймем его! — устало сказал Конан. — Сегодня седьмой день, а этот ублюдок все еще впереди!..

— Восьмой, — поправил Кейлаш. Он считал дни, начиная с отъезда из Иннасфална. Вначале ничего запоминающегося не происходило, но на пятый день на них налетела небольшая шайка зуагирских разбойников. Дело было у юго-восточных отрогов Кезанкийских гор, чуть южнее Дороги Королей. Двое воителей только-только устроились передохнуть; разбуженный недреманным инстинктом, Конан проснулся как раз вовремя, чтобы заметить несколько теней с блестящими ножами в руках, подбиравшихся к ним под покровом ночной темноты. Киммериец закричал во все горло, чтобы разбудить Кейлаша, и первым ринулся на разбойников.

Битва была короткой, но беспощадной. Несколько кочевников друзья уложили на месте, однако остальные сбежали и, что хуже, увели с собой их лошадей. Вместе с конем Конана уехала и его сумка с провизией. Хорошо хоть Кейлаш додумался положить свою наземь, когда устраивался на ночлег.

Подобное происшествие хоть кого могло обескуражить и заставить бросить погоню. Двое воителей все-таки решили идти дальше пешком, выслеживая Ламици, и их упорство скоро было вознаграждено. На другой же день они обнаружили мертвую лошадь, в которой Кейлаш признал скакуна из королевской конюшни. Евнух попросту загнал его в своем поспешном бегстве и был принужден идти дальше пешком. Исполнившись новых надежд, друзья поспешили по следу его сандалий вдоль южных предгорий Кезанкиев. След, увы, был не особенно свежим. Ламици успел как следует оторваться от них.

Так они и двигались за ним до северной оконечности Огненных гор. Потом эти горы постепенно исчезли из виду: преследуемый и погоня все более углублялись в выжженные пространства шемитской пустыни. Отыскивать пеший след Ламици оказалось проще, чем след его лошади. Они были уверены, что евнух был где-то совсем близко. Тем не менее он со сводящим с ума упорством сохранял свой отрыв...

И вот только сегодня, спустя еще несколько дней, Конан наконец-то заметил его. Усталость делала болезненным каждое движение, но варвар и горец с удвоенной энергией устремились вперед.

— Недоносок, оказывается, вынослив, точно пустынный скорпион, — проворчал Конан. — И гораздо удачливее, чем мы.

— Скоро кончится его удача, — мрачно буркнул Кейлаш и многозначительно погладил черенок меча.

Конан на это заметил:

— Если он доберется до крепости раньше нас, как бы наша удача первой не иссякла.

Кейлаш погрузился в угрюмое молчание, не желая тратить силы на пустой разговор. Ни он, ни Конан покамест не затрагивали одну животрепещущую тему: быстро иссякавшие припасы. Они как могли экономили воду, но изнурительно быстрый марш подтачивал силы. Они не делали остановок в самые жаркие дневные часы, как собирались вначале. Они заставляли себя тащиться вперед, даже когда солнце жгло им макушки, повисая прямо над головами.

Глядя на товарища, Кейлаш сильно подозревал, что железного киммерийца не свалили бы и несколько дней совсем без воды. Ему бы такое здоровье!.. Не то чтобы Кейлаш боялся за свою жизнь, нет. Он опасался, что начнет отставать и задержит своего спутника. Ноги то и дело сводила судорога, легкие, обожженные раскаленным воздухом пустыни, так и горели. В тех местах, где тело не прикрывала одежда, кожа багровела и слезала клочьями. Может, евнуха они и поймают, но Кейлаш весьма сомневался, что выдержит дорогу назад.

Он заставил себя отрешиться от столь печальных перспектив. Лучше думать о чем-нибудь ласкающем душу.

Например, о полных кружках прохладного пива и о сладостных ласках прекрасных шлюх из таверны...

Вот в таком полубредовом состоянии Кейлаш кое-как заставлял себя двигаться следом за киммерийцем, мало что замечая вокруг...

Когда безжалостное солнце наконец склонилось к закату, Конан еще раз присмотрелся к горизонту. И скупой улыбнулся воспаленными, потрескавшимися губами. Они все-таки настигали Ламици, которого, судя по следу, мотало из стороны в сторону, точно кабацкого пьяницу. Еще несколько часов назад они миновали выброшенный им пустой мех из-под воды. Похоже, полубезумного евнуха скоро должны были оставить последние силы...

Мягкий шлепок, раздавшийся позади, заставил Конана поспешно обернуться. Это Кейлаш лицом вниз рухнул в песок. Киммериец немедленно бросился к нему, но тот зашевелился и поднялся сам.

— Заснул, — пробурчал он, смахивая с лица песок. Покачулся — и свалился опять.

Конан посмотрел на друга со все возраставшей тревогой. Он приподнял ему голову и поднес к запекшимся губам горлышко бурдюка. Кейлаш отпил, потом кое-как приподнялся на локтях.

— Передохнуть... надо, — пробормотал он, почти не раскрывая глаз. — Ты... иди давай.

Конан посмотрел на далекую фигурку Ламици... Она была едва видна в быстро сгущавшейся темноте. Как бы он хотел поспать хоть несколько часов!.. Кейлаша нельзя было бросить здесь одного, а тащить его на себе киммериец был уже не в состоянии. И на двоих у них оставался всего один бурдючок. Конан еще раз попытался растормошить горца, но измотанный кезанкиец лежал пластом. Делать нечего, варвар улегся на песок рядом с ним, прикрыл лицо капюшоном, взял в руки обнаженный меч — и некрепко заснул.

Проснувшись он странно освеженным. Вокруг по-прежнему были грязно-желтые дюны. Ветер местами выглаживал тонкий песок, местами собирал его волнами. Кожа киммерийца была сухой, как пергамент, губы жестоко обожгло солнце, но горло почему-то больше не сводила

жажда. И наконец он с ужасом осознал: уже наступало утро!.. Он проспал целую ночь!..

Прикрывая глаза от яростного пустынного солнца, варвар тяжело поднялся и хотел разбудить Кейлаша, но того... нигде не было видно. Потрясенный киммериец начал оглядываться, однако не нашел даже следов, могущих подсказать, куда подевался его спутник. В отчаянии он снова и снова обозревал горизонт... Никого! И ничего!

А солнце палило как будто с удвоенным бешенством, палило так, что невозможно было отнять руку от глаз...

Потом он заметил, что оно висело удвительно низко, заполняя все небо своим невыносимым сиянием. Он судорожно зажмурился, прикрываясь руками... Солнце уменьшилось и отступило так же неожиданно, как и приблизилось. Только из привычного желтого стало голубоватым. И висело оно не в небесах, а на конце серебряной цепочки. Цепочку держал седоволосый старик. В другой руке он сжимал серебряное копье. Из одежды на нем была лишь пыльная коричневая набедренная повязка, да на ногах болтались поношенные сандалии. Шаркая ногами, он шел через пески навстречу потрясенному киммерийцу.

— Убей его, как я когда-то убил!.. — прокаркал он пронзительным голосом, размахивая копьем.

Конан мигом встал в боевую стойку, держа меч наготове. Мало ли какой фокус выкинет старый безумец!

— Когда он увидит это, он должен стоять лицом к лицу с тобой! — продолжал бушевать старик. Он высоко держал пылающий амулет. — Не дай ему уйти!..

И Конан узнал его амулет. Точно такой же, как тот, что носил Мадезус!

— Кто ты? — спросил он озадаченно, не опуская, впрочем, оружия.

— Дераннасиб из Пелиштии, — ответил старик. — Пронзи его сердце! Убей его, как я когда-то убил!..

— Кого убить? И как? — недоумевал Конан. — У меня нет ни амулета, ни серебряного копья. А где Кейлаш? Воин, который был здесь со мной?..

На сей раз старик ничего не ответил. Он указал копьем на юг, повернулся к киммерийцу спиной и зашагал прочь, продолжая бормотать на ходу. Он шел, и плоть все больше облезала с его костей, пока не остался лишь обнаженный,

побелевший скелет. Вот он рассыпался и исчез в песке, пропав с глаз... Изумленный варвар даже не попытался последовать за стариком. И вновь в глаза ему ударило огромное солнце. Оно заполонило все небо, грозя раздавить и сжечь его в невыносимом сиянии...

...Конан с криком вскочил, сжимая в руках меч. Небо все еще было совершенно темно. Так, значит, ему приснился сон!.. Ругаясь, он пнул песок и стал ждать, пока успокоится зашедшее сердце. Кейлаш пошевелился с ним рядом, потом зевнул и поднялся.

— Ты что-то сказал?.. — выговорил он голосом, невнятным спросонья.

— Да нет, ничего, — буркнул Конан, решив, что вряд ли стоило пересказывать товарищу такой странный и не слишком приятный сон. — Пошли! Вряд ли Ламици завалялись дрыхнуть, как мы!

— Надо было тебе оставить меня, — пристыженно опустил голову горец. — Я вел себя как последний слабак, и это может дорогого нам стоить. Клянусь, сегодня я наверстаю все то время, что мы потеряли из-за меня. Вперед!..

И, не тратя больше времени и сил на разговоры, он быстрым шагом устремился по следу. След был отчетливо виден, — на их счастье, погода стояла безветренная и песок лежал неподвижно. Друзья неумоимо шагали при свете луны. Конан легко поспевал за своим другом. Когда взошло солнце, они вновь увидели вдалеке бредущего евнуха.

Ламици приближался к полуразвалившимся стенам какого-то древнего сооружения... Стены росли прямо из песка, а за ними высилась огромная мрачная башня. Заметив евнуха, который, спотыкаясь, стремился к воротам сооружения, Кейлаш испустил цветистую гирлянду таких чудовищных непристойностей, что отшатнулся бы и аргоССкий матрос.

— Бежим!.. — хрипло заорал он, обращаясь к Конану. — Надо схватить его, пока он не пролез внутрь!..

Собрав последние силы, друзья сломя голову понеслись через пески. Летя вперед, Конан гадал про себя, чья гибель была ближе — Ламици или их собственная... К черту сомнения! Он мчался со всей скоростью, на какую был способен. Он далеко обогнал Кейлаша и приближался к хрому, шатавшемуся евнуху. Он понятия не имел

о том, что с вершины башни за ним холодно наблюдали черные, точно сажа, глаза.

Ламици оглянулся через плечо и хотел завизжать от ужаса, разглядев жуткого варвара всего в нескольких сотнях шагов. Из пересохшего горла не вырвалось ни звука, лишь безмолвно шевельнулись покрытые волдырями, уродливо вспухшие губы. С изможденного лица, похожего на череп покойника, лохмотьями свисала опаленная плоть. Само тело выглядело едва ли лучше. Пропыленные, изодранные шелковые одеяния, когда-то бывшие голубыми, болтались на истощенных, костлявых плечах.

Но страшнее всего были глаза. Безумца завораживал солнечный блеск, и он днями напролет смотрел прямо на яростное светило. От этого глаза его приобрели цвет прокисшего молока, он почти ослеп. Несмотря на то что практически лишился зрения, он шел прямо к цели, безошибочно ведомый неким загадочным чувством. Он более не помнил ни цели, ни причины странствия, ни даже своего имени. Его мир состоял всего из трех слов. Солнце. Крепость. Амулет. Больше ничто не имело значения.

Он ввалился внутрь через трещину во внешней стене, споткнулся, но устоял на ногах и продолжал двигаться к башне. Позади него киммериец во весь опор неся к воротам, до которых ему оставалась какая-то дюжина шагов. Он держал перед собой меч: еще несколько прыжков, и он всадит клинок евноху в спину. Но от темных глаз, смотревших на него сверху, не мог укрыться ни один его шаг. Когда Ламици оказался внутри стен, смотревший заговорил впервые за много столетий молчания.

— *Капатмак-кутук!* — сказал он.

Звуки, вырвавшиеся из горла Скаурола, породили эхо и привели в действие могущественные силы.

— Уф-ф!.. — изумленно выдохнул Конан. Там, где мгновение назад был всего лишь воздух, возникло кованое железо ворот. В которое он со всего маху и врезался. Меч вылетел у него из руки, а самого его отбросило на несколько шагов назад. Голова от удара пошла кругом; киммериец подобрал меч и кое-как поднялся.

— Что еще за херня?.. — возмутился Кейлаш, подбегая и останавливаясь перед воротами. — Смотри!.. — И он концом меча указал на стену по обе стороны ворот.

Куда подевались крошащиеся каменные обломки, обглоданными ребрами торчавшие из песка? Стены стояли во всей красе, нетронутые и неприступные.

— Надо лезть!.. — проворчал Конан. — Его еще не поздно схватить!

И он, и горец были опытными скалолазами. Они взобрались по воротам — там нашлось больше зацепок для рук и ног, чем на гладких стенах. Подтянувшись, Конан перевалился через верх и сразу увидел Ламици. Евнух был уже на полпути к ступенькам, что вели ко входу в башню. Спускаясь, киммериец долез примерно до середины, потом спрыгнул вниз. Кейлаш последовал за ним, упав и перекатившись по мягкому песку. Еще несколько сот футов — и евнух у них в руках!.. Он только-только достиг лестницы...

— *Дельмек-кескин!* — вновь гулко отдался в башне голос Скаурола.

Мчась за еле плетущимся евнухом, Конан выдернул из ножен кинжал. Кейлаш, следовавший за ним, вдруг взвыл от боли и изумления. Конан оглянулся — и кинжал чуть не выпал у него из руки.

Из песка вдруг выскочил длинный, премерзко зазубренный кол. Толщиной он был примерно как рука киммерийца возле запястья. Этот кол чуть не угодил в кезанкийца: он оцарапал ему левый бок и оторвал кусок потрепанного плаща. Тут Конан ощутил какое-то шевеление в песке возле своей правой ноги и инстинктивно шарахнулся в сторону. Мгновенная реакция спасла ему жизнь: еще одно железное острие пронзило воздух там, где он только что стоял. Когда оно замерло, его вершина оказалась на фут выше головы киммерийца.

Участок песка между воротами и лестницей оказался кошмарной западней. Конан и Кейлаш отчаянно уворачивались от все новых и новых кольев, выраставших кругом них из песка, точно смертоносные железные стебли. Иногда выскочивший кол вновь прятался в землю. Песок сразу же заполнял отверстие — и не заподозришь, что здесь было мгновение назад!..

Конан и Кейлаш продолжали игру со смертью, дюйм за дюймом продвигаясь вперед, к башне. У обоих повсюду текла кровь из множества неглубоких ран, плащи висели

ключьями. Киммериец, и так вымотанный бешеным бегом по солнцепеку, понимал: если хоть чуть ослабить внимание, его тотчас же насадят на вертел. А, была не была! Решив положиться на счастье, он закрыл глаза и, перестав уворачиваться, просто понесся к двери крепости так, что только пятки засверкали.

Когда он снова открыл глаза, то уже стоял на нижней ступеньке каменной лестницы, вне досягаемости зазубренных кольев. Правая нога была испорчена прикосновением одного из лезвий, но в остальном ему повезло.

Кейлаш решил последовать его примеру и так же, как Конан, во весь дух помчался вперед. Он был уже почти в безопасности, когда очередной кол взметнулся у него прямо из-под ноги, пропорол ступню и пошел дальше вверх. Кейлаш свалился, воя от нечеловеческой боли.

Его надо было спасать! Дотянувшись, Конан изо всей мочи вцепился в кол и рванул его на себя. Железный штырь сначала согнулся, а после и переломился. Зазубрины изранили киммерийцу ладони, но он не обращал внимания на боль. Кейлаш содрал ногу с обломков кола. Как ни обезвожено было его тело, на глазах воина о боли выступили слезы. Скрипя зубами, он оторвал от плаща полоску ткани, замотал пробитую ногу, поднялся и заковылял вперед. Густая кровь сразу пропитала повязку.

Конан же перехватил огломанный кол, точно копье, и с силой размахнулся:

— Умри, адский выползок...

И смертоносный снаряд полетел прямо в Ламици, под бивавшегося к башенной двери. Как ни ловок был Конан, докинуть копье до изможденного евнуха было нелегко даже ему. Но он справился. Кол ударил Ламици в правое плечо и с такой силой швырнул его вперед, что тяжелая дверь растворилась. Беглец свалился уже внутрь...

Конан подхватил оброненный кинжал и помчался вверх по ступенькам. Кейлаш, содрогаясь от боли, упорно тащился следом. Добравшись до двери, друзья ворвались в чертог.

Их встретило редкое по мерзости зрелище. Несколько жирных, мохнатых пауков окружило распростертого евнуха и всю его пожирало его плоть. Конана едва не вырвало

от звуков их пиршества. Взмах меча — и мохнатые ноги полетели в разные стороны...

Кейлаш разогнал остальных пауков, спустившихся с потолка, и Конан выдернул из тощего кулака мертвого евнуха небольшой кожаный кошель. Внутри был лишь один предмет — маленький, но довольно тяжелый, замоченный в плотную тряпку. Конан отшвырнул тряпку прочь и торжествующе поднял над головой похищенный амулет.

Кезанкиец мрачно посмотрел на свою пробитую ногу.

— Беги, Конан! — сказал он. — Забирай амулет — и скорее беги! Отдашь его какому-нибудь праведному жрецу, глядишь, сумеет с ним справиться. Беги, говорю!

И он протянул варвару сумку с остатками продовольствия.

Чужая воля избавила Конана от нелегкого выбора...

— *Капатмак-капу!* — в третий раз подал голос Скаурол. Двуногие насекомые все-таки пробрались в его башню! Ну они пожалеют об этом. Железные двери пришли в движение и накрепко захлопнулись. Конан выдернул кол из тела Ламици и хотел всунуть его между смыкавшимися створками, но не успел.

Они были заперты.

Скаурол покинул чертог наверху, из которого наблюдал за вторжением, и начал неторопливо спускаться по нескончаемой винтовой лестнице...

Глава двадцатая

...И НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО

Конан и Кейлаш молча смотрели на запертую дверь. Кейлаш налег плечом, но она и не подумала открываться. Когда глаза попривыкли к потемкам (во входной покой почти не проникало света), могучий горец сказал:

— Тут еще три двери. Попробуем?

Конан с большим подозрением оглядел двери. Очень уж нехорошо щерились над ними каменные гаргульи... не ловушки ли поджидают внутри?

— Лучше четвертую, — сказал он и тоже примерился к той, через которую они вошли. Увы, толстые створки

не поддались бы и дюжине воинов, вооруженных тараном. Кейлаш и Конан налегли вместе, усилие было поистине сверхчеловеческим... Железо и камень словно издевались над их усилиями. Они наконец сдались и, тяжело дыша, прислонились к стене.

— Почему она вдруг закрылась? — вслух задумался Кейлаш. — Во имя Митры! Ловушки в этой поганой башне срабатывают с дьявольской точностью! А может, здешние двери приказов ведьмы слушаются?

Конан ответил несколькими неразборчивыми ругательствами. Озираясь в поисках выхода, он обнаружил, что в комнате вроде как прибавилось света. Он заново обшарил глазами стены и потолок, но свет шел не оттуда. Светился амулет погибшего жреца. Голубое сияние стало новилось все ярче. Конан поднял амулет повыше, освещая им комнату.

— Ага!.. Смотри-ка, следы в пыли!.. — крикнул он Кейлашу, указывая на следы туфель перед одной из дверей.

Горец вопросительно посмотрел на амулет, но Конан только передернул плечами. Кейлаш обследовал закрытую дверь.

— Спорю на что угодно, что заперто или заложено с той стороны... — проворчал он. На всякий случай взялся за ручку... и не мог сдержать изумленного восклицания, когда дверь легко отворилась.

Конан предостерегающе взял его за плечо.

— погоди, — сказал он коротко. — Я пойду первым и буду светить. — И указал мечом на промоченную кровью повязку на ноге товарища: — Ступай осторожней... Мало ли какие ловушки нам здесь еще приготовлены!

Кейлаш кивнул и поудобнее перехватил свой клинок. Конан толкнул носком ноги дверь и распахнул ее полностью. Амулет осветил большую полукруглую комнату. Она была пуста, если не считать примерно полдюжины статуй. Посредине виднелась железная винтовая лестница, поднимавшаяся к высокому, футов двадцать-тридцать, потолку. Конан осторожно шагнул внутрь и жестом позвал за собою Кейлаша. Кезанкиец обвязал большую ногу еще одной полоской материи и, хромя, двинулся следом.

Семь статуй стояли как раз напротив двери, лицом к ней, на равном расстоянии друг от друга. Они были вполне похожи на отвратительных гаргулий, помещенных снаружи, только превосходили их размерами и никаких шариков в лапах не сжимали. Конану почему-то очень не хотелось подходить к ним вплотную. Он крался, как кот, прямо к лестнице посредине покоя.

Кейлаш принес кол, все еще влажно блестящий от крови Ламици. Уперев его в косяк, он надежно заклинил дверь острием. Еще не хватало, чтобы она, как та первая, захлопнулась у них за спиной!

Когда Конан поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы, из входного покоя донесся громкий треск. Конан одним прыжком слетел с лестницы и оказался подле Кейлаша. Следом за треском долетел глухой удар камня о камень, и в дверь вплыло облако серой пыли. Конан выставил вперед амулет, надеясь с его помощью разглядеть, что происходит снаружи.

Вот рассеялась пыль, и друзья, выругавшись, попятись прочь... В дверях стояла гаргулья. Серый камень сменила змеиная зелень живой чешуи, глаза кроваво светились. Люди еще не пришли в себя от изумления, когда гаргулья метнула в них свой шар.

Меч Конана взметнулся навстречу и столкнулся в воздухе с молочно-белой сферой, выбив сноп синеватых искр. Не попав в цель, шар свалился на пол в нескольких футах от киммерийца. Он чуть слышно шипел, от него поднимались завитки тошнотворного дыма. Сразу стало нечем дышать. Конан двинулся вперед, замахиваясь на гаргулью мечом.

Чешуйчатая тварь проявила отменное проворство. Она схватила кол, которым Кейлаш заклинил дверь, и угрожающе ткнула им в Конана. Варвар, однако, тоже был проворен. Он увернулся, а потом с жутким боевым криком полоснул гаргулью по незащищенному боку. Клинок глубоко впился в тело и отсек кусок плоти, мокро шмякнувшись на каменный пол.

Гаргулья отскочила, схватила дверь за ручку и захлопнула ее, заслоняясь от нового выпада Конана. Из бока раненой твари вовсю хлестал серовато-желтый икор, но она успела просунуть кол в ручку двери и тем самым

запереть ее. А потом, еще держась лапами за кол, вновь обратилась в камень.

Конан бросился на дверь изнутри, но она лишь содрогнулась. Кейлаш закричал, о чем-то предупреждая, и Конан обернулся. Кезанкиец, с пепельным от ужаса лицом, взирал на статуи, расставленные вдоль стены. Конан тоже посмотрел в ту сторону... и увидел, что все семь медленно к ним приближались! Их тела ожили и покрылись зеленой чешуей. Киммерийцу эти новые монстры показались еще страшнее их родственницы с шариком в лапе.

Шарик, между прочим, по-прежнему исходил едким дымом, от которого резало в горле и слезы текли из глаз. При каждом вздохе в легкие словно вонзались ножи, грудь сводило мучительной судорогой.

Одна из бывших статуй, та, что стояла посредине, взмахнула кожистыми крыльями и взвилась к потолку. Две ближайшие к Конану неумолимо подступали. Кейлаш оказался отрезан от друга. Он кое-как прохромал к лестнице; сразу четыре зубастые, когтистые твари последовали за ним.

Конан встал спиной к двери и приготовился отбивать нападение крылана. Тот спикировал прямо на него — сплошные зубы, когти и хлопающие крылья. Варвар не двигался с места, пока грозные когти не оказались в каких-то дюймах от его лица. Только тогда он с криком отпрянул в сторону, перекатился через голову и вскочил на ноги. Его меч просвистел в воздухе — силы удара хватило бы срубить дерево. Гаргулья врезалась в дверь со всего разлету. По комнате разнесся треск ломающихся костей...

Конец Конанова меча попал как раз по крыльям, под корень смахнув их со спины твари. Они остались лежать на полу, по-прежнему слабо шевелясь. Гаргулья сползла на пол, корчась в агонии и марая дверь кровью. Еще несколько мгновений, и изуродованные останки обратились в камень. Однако на двух других это не произвело ни малейшего впечатления. Они все так же неуклонно приближались и готовы были вот-вот нанести удар.

Кейлашу, загнанному в центр комнаты, приходилось несладко. Покалеченная нога не давала как следует развернуться и вынудила ограничиться обороной. На шкаурах

гаргулий зияли кровавые следы, оставленные мечом кезанкийца, но и самому ему пришлось уже познакомиться с их когтями. Одна из гаргулий сумела подобраться так близко, что в кровь разодрала ему челюсть. Шаг за шагом теснили они взмыленного горца и заставляли его отступать вверх по ступеням. Он и так находился уже в дюжине футов над полом. Беда только, оттуда, где он теперь находился, Конана больше нельзя было рассмотреть.

Кейлаш медленно пятился вверх, заботясь только о том, чтобы не позволить сбить себя с ног. Постепенно поднявшись до самого верха ступеней, он смог заглянуть, что делалось этажом выше. Он увидел небольшую, но прочную с виду деревянную дверь, служившую единственным выходом из комнаты. Он хотел занять оборону возле этой двери, но две гаргульи опередили его и отрезали от выхода. Еще несколько подкрадывалось снизу, не давая спуститься обратно. Горец обернулся к тем, что были ближе всего. Если он сумеет их зарубить, то все-таки прорвется к двери... Острые когти, словно ножи, прошли по его правой руке, кровь потекла из дюжины ран.

Сохранив самообладание, горец применил против своих сверхъестественных противников неожиданный маневр: кинулся прямо на них, а потом... свалился на пол. Ему удалось прокатиться как раз между ошеломленными тварями. Не теряя времени даром, он рванул к двери. Растерзанная ступня слепила сознание казнящими вспышками боли, но все-таки он добрался до двери и схватился за ручку, мысленно умоляя Митру, чтобы дверь открылась. И Митра услышал. Незапертая дверь легко поддавалась его усилию, и он вывалился в соседнюю комнату, еле увернувшись от тянувшихся к нему жадных когтей.

Там, куда он попал, было совершенно темно. Амулет остался у киммерийца, и чем дальше уходил от него Кейлаш, тем слабее делался свет.

Нашарив ручку двери, горец захлопнул ее за собой, а в следующий миг она затряслась под ударом тяжелого тела. Кейлаш ощутно отыскал засов, вогнал его на место и испытал величайшее облегчение, когда тот уверенно лягнул. Дверь выглядела достаточно прочной, чтобы задержат гаргулий по крайней мере на некоторое время. Привалившись для верности к ней спиной, кезанкиец попробовал

отдышаться, а заодно оценить свое положение. Его глаза успели несколько освоиться с темнотой, но рассмотреть комнату по-прежнему не удавалось.

Наклонившись поправить на ноге повязку, Кейлаш вдруг услышал из глубины комнаты какой-то странный звук. Мгновенно замерев, он напряженно прислушался, но шум гаргулий, продолжавших штурмовать дверь, заглушал все остальное. Решив довериться безошибочному инстинкту, горец приготовил меч и ощупью двинулся вдоль стены, решив отыскать уголок, удобный для последнего боя. Когда шум за дверью на некоторое время стих, настороживший его звук послышался снова, и на сей раз громче. Это был шорох кожи по камню. Левая рука Кейлаша наконец коснулась угла, и он выпрямился, вставая в боевую стойку. Сколько еще сможет выдержать дверь?.. Он подозревал, что гаргулии неплохо видят в темноте. Если они сумеют ворваться внутрь, его мгновения будут сочтены.

Но тут с его ногой произошло нечто такое, отчего остальные мысли разом разлетелись прочь. Что-то... едва заметно *ощупывало* его раненую ступню! У него мурашки побежали по телу от этого прикосновения. А потом что-то маленькое и зубастое впилося прямо в рану и гнусно зачмокало!..

Содрогаясь от отвращения, Кейлаш отдернул ногу, пытаясь стряхнуть неведомого вампира. Существо шлепнулось на пол и рассерженно зашипело. Судя по звуку, его тело было мягким, кожистым и округлым. Что еще за ужас, явившийся из мрака пить его кровь?.. Горец вслепую махнул мечом. Сталь чиркнула по камню, полетели искры. Он понял, что промахнулся. Да и искры не дали ему возможности что-либо разглядеть.

На всякий случай он изготовился для нового удара, но в это время комнату заполнило тусклое оранжевое свечение, а ноздрей коснулся запах дыма. Кейлаш увидел, что комната совсем невелика. И по другую сторону ее виднелась открытая дверь, а за ней — лестница, уводившая наверх, в башню. Ни мебели, ни окон — только та дверь, в которую он вкатился несколько минут назад.

И он был в комнате не один. По полу к нему подбирался здоровенный паук. В бледных зенках твари горела

ярость. И разум. Еще Кейлаш увидел, что его первый удар не пропал даром: на полу валялось несколько отсеченных лап. Не иначе сам Митра направил его отчаянный замах в темноте! А на клыках паука багрово блестела его, Кейлаша, кровь, только что высосанная из раны. Горца едва не вырвало, он отвел взгляд...

И в который раз ахнул от изумления. Он увидел источник дымного света. Вниз по узкой лестнице спускалась женщина, державшая в одной руке чашу из темного камня. Из этой-то чаши растекался дым и исходило тусклое оранжевое сияние. Дым не давал рассмотреть черты лица, но горец ни на мгновение не усомнился: перед ним была жрица мутари собственной персоной. Она выглядела безоружной, но Кейлаш сразу вспомнил рассказы Мадезуса. Против нее, говорил митраит, бессильны мечи...

Вот она достигла нижней ступеньки, вошла в комнату и поставила свою чашу на пол. Дым расступился, и оказалось, что жрица совершенно обнажена. Свет зловеще играл на ее гладкой коже и переливался в блестяще-черных волосах, достигавших плеч. Она лениво расправила пальцами волосы, погладила шею, потом провела ладонями по своему безупречному телу. Вот ладони коснулись роскошной груди, скользнули вниз, к животу... Живот был, между прочим, не плоским. Он явственно выпирал наружу, как если бы она была беременна. Кожа над пупком пульсировала — ни дать ни взять, там билось сердце. Кейлаш отвернулся. Зрелище было не для его глаз.

Она засмеялась, и от этого звука у кого угодно кровь застыла бы в жилах.

— Приветствую тебя, горец! — сказала она и заметила его опущенные глаза. — Что, кишка тонка лицезреть истинную красоту?

Кейлаш почувствовал, как его взгляд против воли устремляется выше. Невидимые руки схватили его голову и заставили повернуться к ней. Он плотно зажмурился, вовремя вспомнив, что ни в коем случае не должен смотреть ей в глаза.

Она вновь засмеялась, еще с большей жестокостью:

— А впрочем, все это неважно. Ты видишь? Во мне плод. Он только что зачат, но до чего быстро растет! Еще не успеет смениться луна, как родится первенец новой

расы мутари! Знай же, несчастный, что твое убогое тело и твоя горячая кровь станут пищей для него и для меня. Я могла бы остановить твое сердце одним движением руки. Но нет! Я пожру твою живую плоть и упыюсь твоими криками! Ведь ты силен — для смертного, конечно. Ты будешь жить еще долго, пока я не вырву из твоей груди будущее сердце и не выпью его соки... Смотри же на меня! Смотри на прекрасный лик своей смерти!..

Все те же незримые руки заставили Кейлаша открыть глаза и посмотреть на Азору — горец только сдавленно ахнул. Ее глаза были двумя багрово-черными безднами, втягивавшими его в себя. Он не мог оторвать от них взгляда. Его разорванная, кровоточащая челюсть безвольно отвисла, а все тело налилось свинцом, выходя из повиновения воле. Он тяжело свалился на пол. Он был еще в сознании и пытался сопротивляться, но что он мог? Кейлаш так стиснул меч, что тот словно врос в его парализованный кулак. И он по-прежнему не мог оторвать круглых от ужаса глаз от лица жрицы мутари...

Ее ярко-алые губы растянулись в улыбке, обнажая хищные ряды загнутых черных зубов, смертоносных словно кинжалы. Она склонилась над поверженным горцем и с нечеловеческой силой рванула его кольчугу, располозовав ее, словно тонкую ткань. Злобные глаза все так же впивались в его зрачки. Когтистая рука коснулась его обнаженной груди... *оторвала кусок плоти и отправила в рот!..*

Несчастный Кейлаш не мог даже закричать: губы и горло не повиновались ему.

Азора вновь потянулась к нему, но тут из-за ее спины послышалось громкое рассерженное шипение. Жрица стремительно обернулась, и Кейлаш освободился от ее сковывающего взгляда. Оказывается, это пораненный им паук ухватил ее за лодыжку клыками.

— Твоя обещала Кзим человеческой крови!.. — пыхтел он, не отпуская ее ноги. — А сама забирать от Кзим! Кровь — это для Кзим!..

Яростно взвизгнув, жрица вперила в паука свой страшный взгляд и коротко взмахнула рукой. Кзима мгновенно расплющило, словно невидимым молотом. Азора брезгливо отшвырнула разможенные останки прочь.

Когда она отвернулась, Кейлаш почувствовал, что снова может управлять собственным телом. И как ни был он потрясен и истерзан, его самые первые движения были продиктованы воинским инстинктом, тем самым, что вырвал его в бесчисленных стычках на бритунийской границе. Поудобнее перехватив тяжелый меч, горец вогнал его в ближайшую мишень — во вспухшее, пульсирующее чрево Азоры. Удар был направлен со всей силой и яростью: отточенная сталь прошла насквозь, так что кончик меча высунулся из спины. Жестокая судорога сотрясла ее тело...

Сердце Кейлаша застучало, как сумасшедшее. Неужели убил?.. Неужели это вправду возможно?.. Но безумной надежде не суждена была долгая жизнь. Жрица зашевелилась и неторопливо стала вытаскивать трехфутовый клинок из своего пропоротого живота. Кейлаш рванул меч на себя, только тут заметив, что ее тело не кровоточило. Из раны тек вонючий икор, но она как будто и не замечала этого. С трудом поднявшись на ноги, Кейлаш отступил в угол, приготовил меч и стал ждать...

Азора ощупала свое чрево, и у нее вырвался яростный вопль.

— Плод погиб!.. — Она повернулась к горцу, красные глаза горели адским огнем. — Двуногий слизняк!.. Твой жалкий меч для меня — как комариный укус!.. Но за этот удар ты познаешь страдания, каких не ведал еще ни один смертный! Каждая капля твоей подлой крови будет исходить из тела с мучениями, большими, чем может выдержать человек!..

Кейлаш почувствовал, как вновь одеревенели все его члены. Азора шевельнула рукой, и меч выскочил у него из кулака. Новое движение кисти жрицы — и замаранный темной жидкостью клинок перевернулся в воздухе и пронзил горцу бок. Невидимая рука всаживала его все глубже и наконец с чудовищной силой вогнула в каменный пол. Боль пламенем охватила мозг. Парализованные мышцы не давали Кейлашу ни увернуться от удара, ни даже беспомощно скорчиться. Пот ручьями тек по его телу, из страшной раны хлестала кровь...

— А ведь никакие жизненно важные органы не затронуты, — издеваясь, сообщила ему жрица. — Ты будешь

умирать несколько долгих дней, точно кролик, попавший в силос...

Ее рука вновь указала на рукоять меча, и тот начал раскачиваться туда-сюда, еще больше раздирая рану. Мутари наклонилась и приложила к окровавленной плоти ладонь. Из ее ладони вырвался огонь и обжег рану вокруг клинка, останавливая кровь. Жуткий запах горелого мяса и крови поплыл под сводами комнаты. Кейлаш ощутил, как душа отделяется от тела, словно пытаясь покинуть этот чертог, превращенный в камеру пыток...

...Он едва заметил, как рухнула дверь, наконец-то сокрушенная дружными усилиями ломившихся гаргулий. Почти все чувства, заглушенные нечеловеческой болью, отказали ему. Это было как сон. Он видел происходившее, но не слышал, не чуял и не осязал. Три гаргульи, ворвавшиеся в пролом, сразу бросились в угол и окружили жрицу и распростертого горца. Кейлаш вяло удивился тому, что они накнулись не на него, а на Азору.

Откуда ему было знать о происхождении гаргулий и о том, что направляло их действия! Между тем это были древние твари, родившиеся еще до эпохи мутари. Змее-люди, жившие в Валузии, вывели их и использовали как стражей. Скаурол повелевал гаргульями с помощью некоторых тайных познаний, силой вырванных им у одного стигийского колдуна. Азора понятия не имела об этой науке. Не знала она и о том, что ее волшебство против гаргулий бессильно. Их сознание было слишком примитивно и просто не содержало не то что человеческих, даже и животных эмоций, на которых зиждилась вся ее магия.

Сверкая красными глазами, она повернулась к нападающим тварям, лихорадочно размахивая руками... Заклинания не срабатывали! Жрица разразилась бранью, видя, что гаргульи подбираются все ближе. Монстры знали только, что перед ними стоит ЧУЖАЯ. Много столетий назад Скаурол велел им ловить и уничтожать всех ЧУЖИХ.

И они выполнили приказ. Бездумно и неумолимо.

Азора не успела ничего предпринять. На полу комнаты за клубился вихрь из лязгающих клыков и смертоносных когтей. Гаргульи сцапали ЧУЖУЮ и разорвали на мелкие

части. Крови в ней не было, но плоть оставалась уязвимой. И Азора перестала существовать.

Кейлаш, вновь получивший свое тело обратно, отвернулся от невообразимо мерзкого зрелища...

Он вполне понимал, что его положение безнадежно. Азора пригвоздила его к полу, как насекомое, приколотое булавкой... Но когда он отважился посмотреть на свой меч, то увидел, что меч лежит рядом с ним на каменных плитах. Так ужасно... погодите-ка... ужасно пытка была иллюзорной?.. Горец торопливо оглядел и ощупал себя. Раны на груди были вполне реальны. Кровь еще сочилась там, куда впились ее руки, но на боку не осталось ни следа. Однако радоваться было особенно нечему. Покончив с Азорой, гаргульи займутся следующей жертвой...

Он очень ослаб и к тому же потерял порядочно крови. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Он совсем не чувствовал боли в раненой ноге. Нога попросту онемела ниже колена. Кто другой на его месте, быть может, смирился бы с мыслью о смерти, лег, закрыл глаза и стал ждать конца. Но Кейлаш был кезанкийцем. А кезанкийцы славились невероятным упрямством. Пусть эта комната станет его могилой, но прежде хотя бы несколько поганых чешуйчатых тварей отправятся из нее прямиком домой — в преисподнюю!.. Кейлаш мысленно вознес молитву, мрачно поручив себя Митре. Кое-как поднялся на ноги и приготовился к последнему бою...

Этажом ниже Конан вел неравную битву с точно такими же монстрами. Вскочив на окаменевшие останки гаргульи, разбившейся о дверь, он полоснул мечом ту, что была справа. Тварь с необыкновенной ловкостью увернулась и бросилась на киммерийца. Промашнувшись с ударом, он на миг потерял равновесие и не смог вскинуть меч. Он уже готовился к рукопашной, когда слева подскочила вторая гаргулья и попыталась вырвать у него из руки амулет. Кинжальные когти коснулись пылающего серебра... и чешуйчатый ужас мгновенно окаменел. Зато правая гаргулья со всего маху врезалась в Конана. Они вместе обрушились на дверь, и у варвара едва не затрещали все ребра.

Дверь, получившая уже немало тяжких ударов, на сей раз не выдержала. Она распахнулась, и сцепившиеся противники выкатились во входной чертог. Конан оказался внизу, и амулет отлетел по полу прочь. Массивное тело монстра придавило его правую руку, но каким-то образом он ухитрился удержать меч.

Началась борьба не на жизнь, а на смерть. При всей мощи славного киммерийца тварь была гораздо сильнее. Ее мускулистые руки были вдвое толще, чем у него. Быстрота и искусство Конана могли только оттянуть неизбежный конец: рано или поздно чудовище задушит его. В ближнем бою меч только мешал, и он выпустил рукоять. А до кинжала, висевшего на поясе, дотянуться не удавалось. Он стал озираться, ища взглядом хоть что-нибудь... хоть какое-нибудь подходящее оружие...

Глаза уже застила багровый туман, когда он заметил зазубренный кончик кола, сломавшегося, когда распахивалась дверь. Кол торчал острием вверх, зажатый между косяком и кучей каменного мусора. Кое-как выдернув прижатую руку, Конан стал искать, за что бы уцепиться на гладком чешуйчатом теле гаргульи. Одна лапа чудовища уже сжимала его горло, и загнутые когти вонзались все глубже, полосую кожу и впиваясь в шейные мышцы. Вторая лапа мертвой хваткой держала Конана за левое предплечье...

Но тут киммериец наконец нашел точку опоры, и мускулы на правой руке отчаянно вздулись. Рванув на себя, он умудрился бросить тварь прямо на торчавший конец кола. Зазубренное острие глубоко вошло в короткую, толстую шею страшилища. Пронзенная гаргулья дернулась раз, другой... и застыла каменным изваянием.

Конан с трудом поднялся на ноги. Он никак не мог отдышаться, его трясло от изнеможения. На его изодранную шею было страшно смотреть. Перед глазами плавал кровавый туман, в голове звенело: гаргулья едва не задушила его. В сознании билась только одна мысль: подобрать меч и амулет... и скорее выручать Кейлаша... если горец еще жив. Что-то подозрительно тихо было во второй комнате...

Он поднял меч, убедился, что клинок безнадежно погнут, и бросил его, а взамен вытащил из ножен ши-

рокий кинжал. И вот тут-то у него вдруг зашевелились волосы на затылке, и, несмотря на то что в башню проникал жар пустыни, киммерийца окатила волна ледяного холода.

Перед ним стоял человек в черном. Безоружный и босой. Его правую руку окутывало облачко огня, освещавшего лишенное возраста лицо и темные глаза как два камня. Конан не без усилия подавил в себе врожденный ужас перед колдовством и крепче перехватил рукоять кинжала. Перед ним явно был демон. Или колдун. Шут его разберет.

По позвоночнику растекался отвратительный холодок страха, но Конан был не из тех, кого легко обратить в бегство.

— Я бы приветствовал тебя, гость, будь я любезным хозяином, — чуть заметно улыбаясь, проговорил человек. — Но я таковым не являюсь. Что же касается моей жены, ради встречи с которой вы проделали столь долгое путешествие, она... несколько нездорова.

Конан прикинул расстояние, отделявшее его от чародея, и приготовился бросить кинжал. Он не сомневался, что попадет. Оставалось надеяться, что демону, или кто он еще там, мало не покажется угодившего в сердце кинжала. Он уже начал отводить руку назад... когда магия Скаурола вдруг оторвала его от пола.

— *Юзек*, — прошептал колдун и указал вверх. — *Акмак*.

Железные внешние двери с грохотом растворились, и Конана понесло вон из комнаты. Вылетая в двери, он попытался дотянуться до косяка, но его только закрутило в воздухе. Скаурол поднял его высоко над каменной лестницей, сдвинул в сторону и подвесил над чашей кольев, угрожающе торчавших из песка.

— *Азальмак-дельмек*.

И Конан ринулся вниз, прямо на подставленное острие!..

Он видел, как неся на него блестящий наконечник кола. Зазубренное лезвие пронзило бедро и процарапало по кости. Рыча от невыносимой боли, Конан схватился за древко, чтобы не дать колу совсем разворотить ногу. Железная воля и могучая жизненная сила уберегли его

от потери сознания. Он даже сумел повернуться лицом к магу, который наслаждался его мучениями, стоя в дверях.

— Жалкий муравей!.. — выкрикивал Скаурол. — Сто таких, как ты, бессильны против меня! Изведай же судьбу глупцов, у которых не хватало ума бояться мутари! Ты, пожалуй, доживешь до заката. Если раньше до тебя не доберутся стервятники...

С этими словами Скаурол отвернулся, и его холодный смех донесся до слуха Конана уже из входного покоя...

В минувшие тысячелетия, когда империя ужаса, основанная Скауролом, переживала свой расцвет, никто в цивилизованном мире и слыхом не слыхивал ни о каких киммерийцах. Великий мутари никогда не сталкивался с варварами из Киммерии.

Иначе он ни за что не оставил бы — пусть даже и временно! — в живых такого врага.

Издав вопль звериной ярости, Конан устремил всю свою силу в руку, еще державшую кинжал. Несмотря на расстояние, глазомер его не подвел. Скаурол даже не увидел серебристого клинка, мчавшегося к нему подобно стреле, выпущенной из доброго лука. Широкое лезвие длиной в фут ударило чародея мутари в бок и рассекло несколько ребер. Кинжал был лишен крестовины, и невероятная сила удара вогнала его по самый эфес.

...Обычный клинок не мог серьезно ранить мутари. Бросок пригвожденного киммерийца стал бы последним бесполезным усилием обреченного... если бы не вмешалась рука Судьбы, определенно направившая внимание варвара. Древний кинжал, который облюбовал себе Конан, был перекован из наконечника особенной серебряной пики. Эта пика была священной реликвией из Пелишти: король Назук велел сделать из нее кинжал и в таком виде послал в подарок Мельсинису, бритунийскому самодержцу. Назук же взял пику из гробницы Дераннасиба, того самого святого, что некогда сразил Скаурола. Этот-то Дераннасиб и предстал Конану во сне. И завещал повторить свой подвиг.

Скаурол схватился за бок и согнулся пополам, судорожно вбирая воздух. А потом завертелся на одном месте и завыл. Нечеловеческий крик разнесся над пустыней, и эхо еще гуляло между барханами, когда тело мутари рас-

сыпалось мельчайшими песчинками. Клинок же горел огнем, на пороге. Лезвие было оранжево-красным, словно только что из кузнечного горна. Порыв ветра дохнул над ступенями лестницы. Он рассыпал кучку песка и замел ее в комнату...

Сжав зубы так, что свело челюсти, Конан подался вперед всем своим весом и переломил кол, пронзивший бедро. А потом стал вытягивать его сквозь рану. Каждый дюйм давался пыточной ценой. Но вот кол вышел полностью, и Конан с отвращением его отшвырнул, спеша сделать жгут из перевязи для меча: кровь из раны хлестала вовсю.

Потом он поднялся и, хромая, проковылял по лестнице обратно в башню.

Разорвав плащ Ламици, он перевязал рану в бедре. Хотел было подобрать кинжал, но тот, вместо того чтобы остывать, как будто раскалялся все больше и из красного уже сделался желтым. Конан хотел идти искать Кейлаша, но жар, исходивший от клинка, заставил его остановиться. Того гляди, испечешься, как хлеб в печи. Бронзовая кожа киммерийца, опаленная солнцем пустыни, покраснела, и он принужден был отступить. Он сказал себе, что Кейлаш наверняка мертв. Он не мог уцелеть в схватке с четырьмя гаргульями сразу. Да и последним криком горца, который успел услышать Конан, был ужасный вопль умирающего в муках...

Что ж! Он отомстил за гибель друга. И выполнил свое обещание.

Конан выбрался из дымившейся башни, прихватив с собой последний оставшийся бурдюк. Когда под ноги ему попало что-то маленькое, металлическое, он не думая подобрал этот предмет. Он выскочил бегом (насколько он вообще был способен бежать). И только потом с удивлением обнаружил у себя в кулаке амулет Мадезуса. Он не помнил, когда это он его подхватил.

А кинжал на полу раскалился уже добела, и чертог стал содрогаться. Когда Конан выбрался за торчавшие колья, стены башни угрожающе зашатались.

Неожиданный взрыв потряс крепость до основания. Гигантские каменные плиты растрескались и рухнули с грохотом, от которого заложило уши. Казалось, некий

бог сокрушил своим молотом твердыню мутари. Обрушившись, Скауролова башня начала рассыпаться, как и сам ее создатель несколькими минутами ранее.

Конан ковылял ко внешней стене со всей скоростью, какую мог из себя выжать. Когда он добрался до разломанных ворот, на том месте, где совсем недавно гордо высилась цитадель, осталось лишь каменное кольцо да куча битых булыжников.

Киммериец тяжело вздохнул... Прощайте, сокровища, которые он надеялся отыскать! И на том спасибо, что живым уйти удалось. Опустив голову, чтобы солнце не так било в глаза, он с мучительным трудом потащился на север...

Глава двадцать первая

СЧАСТЛИВО, ДРУГ!..

...Конан плохо помнил свой переход через пустыню. Он просто шагал вперед и вперед, пока бесплодные барханы не остались далеко позади. Его мех для воды был пуст вот уже сутки. Варварская выносливость каким-то образом заставляла его переставлять ноги, пока он не вышел к южной оконечности Пути Змея.

Там, у тропы, он нашел воду и прибежище для ночлега, и сон освежил его истерзанный разум. Его тело еще болело после жестоких испытаний, перенесенных в крепости. Он сильно хромал, и рана в ноге никак не хотела заживать. Однако все это было не смертельно, и потом, Конан знал, что худшая часть пути осталась позади. Теперь он до Бритунии уж как-нибудь доползет.

Он вернется в Пайрогию и расскажет Эльдрану все как оно было. Король наверняка даст ему коня и припасов. А может, и золотишка отсыплет. Тогда он попрощается с Ивэнной и... Эта мысль заставила его улыбнуться — впервые за много дней. Да. А потом он отправится в Замору.

От мыслей об Ивэнне и особенно о Заморе на душе посветлело, и вроде даже стало легче идти. Конан не напоролся больше ни на каких врагов и еще через несколько дней достиг Иннасфална.

Он решил заночевать в гостинице Мальгореша, хотя воспоминания о прежнем посещении были не из приятных. Несколько кружек пива — и, во имя Крома, он еще больше повеселеет!.. А если есть счастье на свете, трактирщик ему, чего доброго, даже коня подберет...

Он толкнул дверь пивнушки (новую надежную дверь из смоленого дерева, сменившую парусину) и вошел. Час был не ранний — солнце уже садилось. Несколько местных пропойц подняло рожки от кружек при его появлении. Посмотрев на киммерийца, они разом отвели взгляды.

У задней стены, за стойкой, виднелась знакомая физиономия трактирщика. Мальгореш стоял на своем привычном месте, подавшись вперед, и беседовал с двумя посетителями, сидевшими к двери спиной.

— Пива! Именем Крома, пива! — подходя к стойке, сказал Конан.

Мальгореш поднял глаза... и обомлел.

— Клянусь мохнатыми шульнями Ханумана!.. Да это же Конан!..

И он широко улыбнулся.

Один из тех, с кем он только что разговаривал, подавился пивом; кое-как прокашлялся и с силой шархнул по столу кружкой. А потом повернулся лицом к Конану. И уже киммериец на некоторое время онемел от радостного изумления.

— Кейлаш!.. Кром и все души моих праотцев!.. Я был уверен, что ты погиб!..

И он протянул кезанкийцу исполосованную шрамами руку, которую тот немедленно схватил. Потом горец поднялся и гулко огрел Конана по спине свободной рукой. Только тут киммериец заметил, что у Кейлаша отсутствовала левая нога ниже колена. Вместо нее красовалась свежесвежий деревяшка.

— Я тысячу раз зывал к Митре, надеясь, что ты все-таки выбрался! — восторженно басил горец. — Что с тобой приключилось?

— Нет уж, давай ты рассказывай первым! — засмеялся Конан. — Последнее, что я от тебя слышал, был жуткий вопль вздернутого на дыбу!..

И Конан тяжело опустился рядом с ним на скамью.

Ухмыляющийся Мальгореш тут же поставил перед ними новые кружки, и Кейлаш стал рассказывать о своей схватке с Азорой и Кзимом.

— Гаргульи разорвали ее на тысячу кусочков и раскидали по комнате. Бр-р-р, ну и видок был!.. Потом эти твари кинулись на меня, а что я мог? У меня меч-то поднять сил не хватало. Одну я все же убил — повезло, иначе и не скажешь. Зато вторая оттяпала мне ногу, точно мухе крылышко!.. — И Кейлаш постучал пальцем по деревяшке. — Пока она ее жрала, я вогнал меч ей в глотку. Она, как и первая, окаменела, а меч застрял. Ну, думаю, сейчас третья меня... А она вдруг поворачивается, как будто ее кто позвал, и удирает вниз по ступенькам! Делать нечего, дополз я кое-как до чаши с огнем, что принесла с собой жрица, и прижег обрубок ноги, чтобы кровью не истечь... Ох, вспоминать неохота! От боли я, конечно, тут же и вырубился. А когда очухался, глядь, стены вокруг ходунном ходят. И все трескается, а я сижу запертый в хреновой башне. Никак, думаю, конец наступает! Потом, вижу, открылась во внешней стене трещина. Я — скорее туда... на руках да на одной ноге... вылез наружу — и покатился вниз по стене. Стены-то как раз крениться начали, ну я и катился боги знают сколько, пока не упал на песок. Клянусь Митрой, и как только косточка от косточки не отскочила!..

— Кезанкийцы, они из крепкого теста, — улыбаясь, глубокомысленно заметил Мальгореш.

— Киммерийцы еще круче, — ответил Кейлаш. — Если бы не Калетос, я точно сдох бы в пустыне.

И Кейлаш указал на человека, сидевшего подле него. Конан, взволнованный неожиданной встречей и увлеченный рассказом Кейлаша, совсем забыл про его спутника. Калетос?.. Имя показалось ему знакомым. Погодите-ка... Ну да, конечно! Наставник Мадезуса!.. Конан с любопытством уставился на старика. Тот был очень похож на Мадезуса, каким тот мог бы стать через много-много лет. На голове у него оставалось всего несколько совершенно седых клочков, но ярко-зеленые глаза казались удивительно молодыми.

Потом взглянув киммерийца упал на амулет, висевший на шее Калетоса, и он вспомнил об унесенном из крепости.

Конан развернул амулет и протянул его старому жрецу. Тот принял его, и в зеленых глазах появилась грусть.

— Как ты разыскал Кейлаша? — недоуменно спросил Конан. — Неужели следовал за нами через пустыню?..

— Нет конечно, — отвечал жрец с присущим ему странноватым коринфийским акцентом. — Мой юный друг Мадезус попросил меня помочь тебе. Когда он пал под ножом убийцы, я сразу ощутил его гибель... — И Калетос поднял амулет, только что врученный ему Конаном: — Я следовал вот за ним.

— А лошади у вас есть? — спросил Конан. — Не пешком же вы меня обогнали!

— Твой друг расскажет тебе обо всем, — с улыбкой ответил жрец...

...И на глазах у изумленного Конана белые одеяния Калетоса начали сиять. Мало-помалу сияние стало нестерпимо ярким. Конан заслонился руками и плотно прищурился, пытаясь рассмотреть, что же происходит со старым священником.

До конца дней своих он никому не рассказывал о том, что предстало его глазам в следующий миг. Он увидел сквозь слепящий белый свет, как начало изменяться лицо древнего старика. Исчезли морщины, возникла величественная борода и длинные волнистые волосы. Только глаза, зеленые, широко расставленные, остались прежними.

Это был лик Митры, Повелителя Света. Конан узнал его. И склонил голову в присутствии бога.

Но прежде он успел заметить кое-что еще. Рядом с лучезарным Существом возникло еще одно. Оно прижимало к груди спасенный амулет и с улыбкой смотрело на Конана. Потом в его сознании прозвучал шепот Мадезуса:

— Мы благодарим тебя, Конан. Не горюй обо мне: мой дух упокоен. Я совершил в этом мире то, что должен был совершить... Счастливо, друг!

И оба исчезли в мгновение ока.

Конан, Кейлаш и Мальгореш не сразу обрели дар речи... Потом, очнувшись от потрясения, заговорили. Как оказалось, никто, кроме них, не видел ни сияния, ни всего остального.

Кейлаш тряхнул головой, пытаясь что-то понять:

— Я смутно помню, как Калетос отыскал меня в пустыне... Я бредил и был близок к смерти... Там были кони, или мне так показалось. Он отвез меня в храм, и жрецы занялись моей ногой. А когда я немного поправился и смог ехать верхом, мы сразу отправились сюда, в Инна-сфалн...

— Точно! Только нынче утром приехали! — подтвердил Мальгореш.

Конан спросил:

— Верхом?

— Ну... то есть да... — смущенно протянул Кейлаш. Чувствовалось, что собственные воспоминания вызывали у него все большее сомнение. — Мы снаружи их привязали...

— Когда я подошел, — сказал Конан очень серьезно, — там не было никаких лошадей.

Кезанкиец слегка побледнел. И некоторое время размышлял о случившемся, прежде чем заговорить.

— Разумному человеку, — сказал он наконец, — не зачем впутываться в дела жрецов и волшебников!

Широко улыбаясь, он потянулся за кружкой.

Конан поднял свою — и согласно кивнул.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКЛЯТЫЕ ШАМАНА

(Перевод Т. Акбергенова)

Глава первая. КРАСНЫЙ ТУМАН	7
Глава вторая. УТРО ПОСЛЕ БОЯ	11
Глава третья. НА БОРТУ «МИСТРИСС»	18
Глава четвертая. УЖАС МОРЯ	30
Глава пятая. ПЕТЛЯ НЕБЕКИ	45
Глава шестая. МЕСТЬ	54
Глава седьмая. БЕРЕГ СКЕЛЕТОВ	64
Глава восьмая. В ДЖУНГЛЯХ	74
Глава девятая. ИЗГНАННИК	81
Глава десятая. НА ТРОПЕ	92
Глава одиннадцатая. ИЗМЕНА	100
Глава двенадцатая. ДЕРЕВНЯ	113
Глава тринадцатая. ПЕСНЬ РАКУШЕК	121
Глава четырнадцатая. ВУГУНДА	133
Глава пятнадцатая. ОБИТЕЛЬ ЗЛА	153
Глава шестнадцатая. КОРИДОР В АД	164
Глава семнадцатая. РАНИОБА	190
Глава восемнадцатая. ДУЭЛЬ	199
Глава девятнадцатая. ЧЕТВЕРО ПРОТИВ СОТЕН.	206
Глава двадцатая. КОРОЛЕВА КЕЗАТТИ.	214
Глава двадцать первая. ОСВОБОЖДЕННЫЙ	220

КОНАН ИДЕТ ПО СЛЕДУ

(Перевод Г. Трубицыной)

Пролог	225
Глава первая. ПРОИСШЕСТВИЕ В «ЭФЕСЕ»	228
Глава вторая. ПАУТИНА ЗАГОВОРА	243

Глава третья. ЦЕЛИТЕЛЬ И ВОИН	256
Глава четвертая. КОРОЛЬ ЭЛЬДРАН	269
Глава пятая. КРОМЕШНЫЙ УЖАС	281
Глава шестая. ЯД И ПРЕДАТЕЛЬСТВО	290
Глава седьмая. ЗЕРЦАЛО ЯСНОВИДЕНИЯ	302
Глава восьмая. КРЫСОЛОВКА	320
Глава девятая. НАСЛЕДНИК КСУОКВЕЛОСА	333
Глава десятая. ТЕНЬ И КАМЕНЬ	345
Глава одиннадцатая. АЛЫЙ КОРИДОР	360
Глава двенадцатая. ШАН-И-СОРХ	374
Глава тринадцатая. ТАРГОЛ	383
Глава четырнадцатая. НА ЮГ!	392
Глава пятнадцатая. ИННАСФАЛН	401
Глава шестнадцатая. ПРОЩАНИЕ	416
Глава семнадцатая. ПУТЬ ЗМЕЯ	427
Глава восемнадцатая. СПЯЩИЙ В ПЕСКАХ	439
Глава девятнадцатая. ГОНКА	448
Глава двадцатая. ...И НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО	457
Глава двадцать первая. СЧАСТЛИВО, ДРУГ!..	472

*Литературно-художественное
издание*

**Шон Мур
ДОРОГА ВО МГЛЕ**

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Илья Кучма

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
*Алла Борисенкова
Маргарита Ахметова*

Верстка
Алексея Положенцева

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 4.10.96.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 25,2.

Изд. № 144. Заказ № 106.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука»
представляет новый проект

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысл жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и конечно же повести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»

Том 1. «Черный ястреб»

Том 2. «Царство Теней»

Майкл Резник. «Торири Рыжебородый»

Готовится к выпуску сериал

— КОРМАК —

Его создатель — замечательный американский писатель, ученик Роберта Говарда, автор романов о Конане-кimmerийце ЭНДРЮ ОФФУТТ.

Цикл романов о свирепом воине Кормаке МакАрте – прямое продолжение уже знакомых читателям повестей Говарда «Тигры морей» и «Ночной волк».

КТО НЕ С НАМИ – ТОТ ПРОТИВ НАС!

38/3-6

CONAN

Дорогие читатели!

У вас в руках очередной том самого популярного в мире
фэнтези-сериала, имя которому

САГА О БЕССМЕРТНОМ ВОИТЕЛЕ

Один из двенадцати учеников Роберта Ирвина Говарда,
американский фантаст ШОН МУР, открывает для вас еще
одну страницу грандиозной летописи о подвигах Конана из
Киммерии. Летопись рассказывает о молодости отважного
северянина, когда он еще служил простым наемником
в отрядах восточных владык. Лишь беспримерная отвага,
воинское мастерство, изворотливый ум помогают Конану
выйти победителем из самых опасных переделок.

Что случится с ним за поворотом горной тропы?

Какие чудовища поджидают его в глубинах заповедных озер?

Остается только гадать,

потому что впереди у доблестного варвара

ДОРОГА ВО МГЛЕ

4 600202 000417